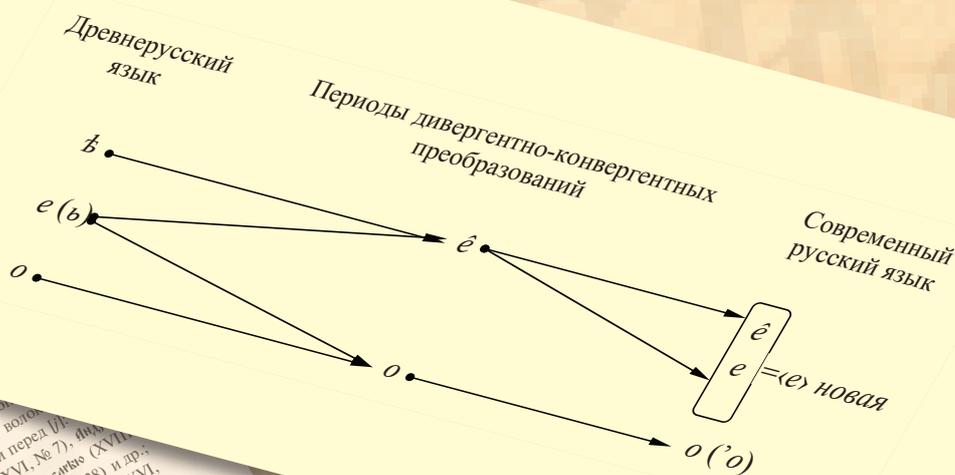
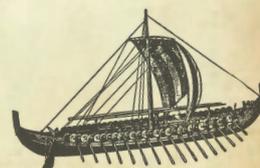

Министерство образования и науки Российской Федерации
Тольяттинский государственный университет
Гуманитарно-педагогический институт
Кафедра «Русский язык и литература»

И.А. Измestьева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

Электронное учебное пособие

© ФГБОУ ВПО «Тольяттинский
государственный университет», 2015
ISBN 978-5-8259-0792-5

УДК 378.147 (075.8)
ББК 78.5 Я 73

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики
Литературного института им. А.М. Горького *А.М. Камчатнов*;
д-р филол. наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания
Московского государственного областного университета *Л.Ф. Копосов*.

Научный редактор

д-р пед. наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Тольяттинского государственного университета *Л.А. Сомова*.

Измestьева, И.А. Актуальные вопросы русской исторической фонетики: электронное учеб. пособие / И.А. Измestьева. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. – 1 оптический диск.

Учебное пособие посвящено изложению некоторых звуковых изменений системы гласных и согласных русского языка, которые вызывают научные споры и имеют неоднозначное решение. При рассмотрении актуальных вопросов русской исторической фонетики подробно излагается история изучения того или иного звукового явления и предлагается решение проблемы с опорой на новейшие научные достижения в области исторической и современной русской и диалектной фонетики и фонологии.

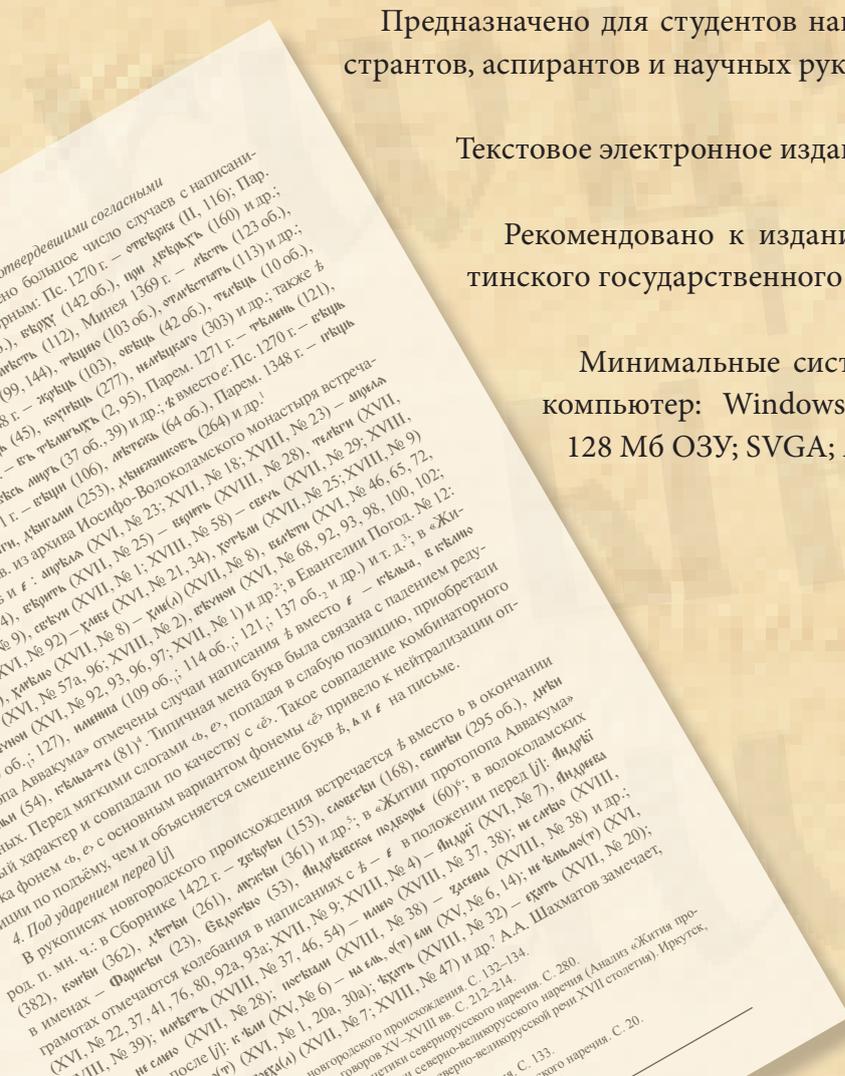
Предназначено для студентов направления подготовки «Филология», магистрантов, аспирантов и научных руководителей.

Текстовое электронное издание

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом Тольяттинского государственного университета.

Минимальные системные требования: IBM PC-совместимый компьютер; Windows XP/Vista/7/8; 500 МГц или эквивалент; 128 Мб ОЗУ; SVGA; Adobe Reader.

© ФГБОУ ВПО «Тольяттинский
государственный университет», 2015

Редактор *Е.Ю. Жданова*
Технический редактор *З.М. Малявина*
Компьютерная вёрстка: *Л.В. Сызганцева*
Художественное оформление,
компьютерное проектирование: *И.И. Шишкина*

Дата подписания к использованию 21.04.2015.

Объем издания 22 Мб.

Комплектация издания: компакт-диск, первичная упаковка.

Заказ № 1-25-13.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
Тел. 8(8482) 53-91-47, www.tltsu.ru

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. РАЗВИТИЕ ФОНЕМЫ <Е> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	8
Некоторые актуальные вопросы русской исторической фонетики.....	8
Проблема межслоговой ассимиляции гласных.....	13
Традиционные взгляды на проблему перехода <e>o>.....	19
Хронология изменения <e>o>.....	27
Изменение <e> с позиций межслогового сингармонизма	29
Преобразование <e>o> в русских говорах	42
Глава 2. РАЗВИТИЕ ФОНЕМЫ <Ё> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	46
Традиционные взгляды на историю Ё	46
Позиционные изменения Ё перед мягкими и твёрдыми слогами	51
Результаты вариационного преобразования <ё>	58
Проблема выбора буквы е или Ё	60
Изменение <ё> в русских говорах	65
Глава 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗМЕНЕНИЙ УДАРНЫХ <Е> И <Ё> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	76
Отступления от закономерностей перехода <e>o>	76
Морфологический этап развития <ё, e>o>	85
Переход <ё>o>	89
Вопрос о нормализации иноязычной лексики с [e~o]	92
Глава 4. РОЛЬ ГОРТАННОГО СМЫЧНОГО СОГЛАСНОГО В ИСТОРИИ ПЕРЕХОДОВ НАЧАЛЬНЫХ [I>Y] И [E>O]	98
Из истории функционирования звука [ʔ] в русском языке.....	98
Согласный [ʔ] как результат праславянского наследия	102
Реализация гортанного смычного согласного в русской диалектной речи	107
Вопрос о статусе русских гласных [i] и [y]	113
Гипотеза кнаклаутного изменения начального [i>y]	116
Предложно-приставочные формы с [i – y]	120
Значение [ʔ] для перехода [e>o] в начале слова	121
Хронологические рамки перехода начального [e] в [o]	123
Глава 5. ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРТАННОГО СМЫЧНОГО СОГЛАСНОГО	127
Из истории изучения редуцированных гласных	127
Условия позиционного распределения <ь> и <ѣ>	129
Изменение <ь> и <ѣ> с позиций дивергентно-конвергентных преобразований	132
Вокализация [ʙ] и [ʒ] в группе согласных	136
Вокализация редуцированных в абсолютном конце слова	142

Оглушение звонких согласных	148
Упрощение групп согласных	150
Развитие гласных вставок	152
Изменения редуцированных в пределах фонетического слова. Ритмико-интонационное оформление энклитики	156
Ритмико-интонационное оформление проклитики	159
Гортанный смычный согласный в вокалических сочетаниях	166
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 173
 Условные сокращения	 177
 Указатели	 1*"

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплина «Актуальные вопросы русской исторической фонетики» изучается студентами направления подготовки «Филология». Цель курса состоит в том, чтобы изучить историю русской фонетики от древнерусского состояния до современного, получить представление о вокалических процессах в разных диалектных системах с точки зрения новейших достижений в области современной и исторической фонетики и фонологии.

Изложение материала ведётся с опорой на имеющиеся знания студентов по дисциплинам «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», «Русская диалектология», «История лингвистических учений». В учебном пособии рассматривается эволюция лингвистических взглядов по спорным вопросам истории звуковой системы русского языка, предлагается новое решение, казалось бы, уже хорошо изученных проблем. Такой подход к изложению материала обусловил включение в учебное пособие большого количества ссылок на привлекаемые источники. В результате освоения дисциплины студенты получают представление о развитии вокалической системы русского языка как процессе взаимосвязанных противоречивых явлений на основе знания актуальных проблем русской фонетики, традиционных и современных методов исследования фонетики и фонологии, понимания перспектив развития звуковой стороны языка; также студенты овладеют категориально-терминологическим аппаратом в области фонетики и фонологии, расширят знания о научных школах, познакомятся с развитием отечественной научной мысли в области исторической фонетики и диалектологии русского языка (от М.В. Ломоносова до И.Г. Добродомова, Л.Э. Калнынь, Л.Л. Касаткина, Л.Ф. Копосова и других учёных).

Знакомство с традиционными и современными научными взглядами отечественных историков русского языка позволит студентам самостоятельно формулировать исследовательские проблемы на основе анализа научной литературы; применять теоретические и практические знания для собственных научных исследований и практической деятельности; самостоятельно выдвигать гипотезы; анализировать, обобщать и систематизировать научную информацию, ставить цели исследования, выбирать оптимальные пути и методы их достижения.

Предполагается, что в процессе изучения дисциплины студенты овладеют навыками самостоятельного исследования в области истории русской фонетики, наблюдения за языковыми фактами, комментирования, реферирования и обобщения резуль-

татов научных исследований, а также будут способны с историко-лингвистической точки зрения анализировать разнообразные фонетические явления русского языка в его диалектном разнообразии.

В результате освоения дисциплины студенты должны знать специфику источников исторической фонетики русского языка, соотношение данных памятников письменности разных типов и современных говоров; предысторию древнерусской фонетической системы; основные изменения в истории фонетики русского языка. Студенты должны уметь интерпретировать представленные в текстах звуковые явления, давать исторический комментарий к фонетическим фактам современного русского литературного языка. Студенты должны владеть понятийным и терминологическим аппаратом современной науки об истории звукового строя русского языка; методикой реконструкции языковых фактов, интерпретации данных памятников древней письменности и современных говоров.

Глава 1

РАЗВИТИЕ ФОНЕМЫ «Е» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Некоторые актуальные вопросы русской исторической фонетики

§ 1. Становление и развитие фонетико-фонологической системы русского языка — тема важная и в настоящее время не вызывает острых дискуссий, однако подлежит дальнейшему углублённому изучению. В результате усилий многих поколений учёных картина развития звуковой системы русского языка в общих и многих частных своих чертах стала более или менее ясной. Реконструированы фонетическая (фонологическая) и морфологическая структуры восточнославянских языков в их закономерном длительном развитии, установлена относительная хронология существенных фонетико-морфологических изменений, хотя остаются спорные вопросы и, вероятно, ещё не открытые явления. Это связано с тем, что замеченные ранее факты и высказанные идеи по поводу некоторых проблем остались без внимания у последующих поколений учёных и ждут своего изучения и внедрения в науку.

Анализ различных взглядов исследователей XIX — начала XX вв. и современных учёных о звуковой системе русского языка обозначил некоторые нерешённые проблемы. Например, в течение длительного времени переход «*e*>*o*» перед твёрдым согласным был объектом самого пристального внимания со стороны таких языковедов, как В.Н. Сидоров и Р.И. Аванесов.

Р.И. Аванесовым была задумана «трилогия» о гласных «*i*» и «*y*», о переходе «*e*>*o*», о редуцированных «*ь*» и «*ѣ*». Причём переход «*e*>*o*» предполагалось рассмотреть как во многом параллельный изменению «*y*>*i*». В 1942 году Р.И. Аванесов написал статью, посвящённую проблеме изменения «*e*>*o*», дважды читал её в виде доклада московским лингвистам, но материал не был опубликован. Лишь позднее Р.И. Аванесов рассказал о своих планах в связи с воспоминаниями о Л.В. Щербе, который также интересовался этой проблемой. В 1947 году была опубликована только статья «Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*»¹.

Несмотря на достаточную изученность проблемы «*e*>*o*» и описание перехода в качестве примера общих положений диахронической фонологии (в вопросах типологии, причин и механизма звуковых изменений), преобразование «*e*>*o*» получило освещение только с точки зрения роли согласных в этом процессе и его результатов в современных восточнославянских диалектах. Динамика перехода, её фонологиче-

¹ Аванесов Р.И. О встречах с Львом Владимировичем Щербой // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981. С. 3–27.

ское обоснование были осмыслены в рамках сложившейся традиции, которая восходит к работе А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Петроград, 1915). В.Н. Сидоров высказал мысль о том, что первоначально переход имел место только в закрытых слогах, затем изменение распространилось и на открытые слоги. Причина этого явления объяснялась лабиализованным качеством согласного, закрывающего слог¹.

И.Г. Добродомов, рассуждая о восточнославянском переходе <e>o>, предложил рассмотреть его как явление, связанное с судьбой редуцированных гласных и историей ъ. Такой подход позволяет объяснить многие фонетические процессы, вызванные одним комплексом причин. Эти причины обусловлены перестройкой древней акцентологической системы в восточнославянском языке².

Исчезновение из русского языка редуцированных гласных, вероятно, можно объяснить сменой характера ударения. Древние славянские языки имели так называемое музыкальное ударение, которое в несколько преобразованном виде сохранили словенский и сербскохорватский языки. В русском языке музыкальный характер ударения не сохранился. Современное русское ударение в основе своей силовое: ударный слог выделяется среди прочих слогов большей силой, большей интенсивностью его произношения сравнительно с другими слогами. Кроме того, русский ударный слог характеризуется большей длительностью, чем соответствующий безударный слог. Неслучайно поэтому длительное произношение первого слога в команде «*круу́гом!*» создаёт впечатление дополнительного ударения на первом слоге, кроме основного ударения на втором. Движение тона в русском литературном языке имеет место лишь на ударном слоге – это остаток глубокой старины, остаток старого музыкального ударения. Есть основания думать, что сначала музыкальное ударение сменилось долготным (квантитативным), при котором ударный слог отличался от безударного большей длительностью. Эта большая длительность ударного слога сохранилась до сих пор в русском языке, хотя долготное ударение в нём и сменилось силовым. При долготном ударении не может существовать противопоставление гласных по долготе в безударном положении. Долгим в таком случае может быть только гласный под ударением, в безударном положении все гласные подвергались сокращению. Редуцированные гласные происходили в общеславянском языке из древних кратких гласных *i, *u, как известно, такие краткие гласные отличались неустойчивостью и легко утрачивались в истории самых различных языков.

Редуцированные гласные под ударением не подвергались сокращению, и поэтому в этих условиях они не выпадали. Кроме того, редуцированные гласные не выпадали и в таких безударных слогах, где за ними непосредственно следовал слог с выпавшим редуцированным звуком. Выпавший редуцированный гласный обычно создавал продолжение предыдущего слога, например, в слове *рѣпѣть* редуцированный в начальном ударном слоге переходил в гласный [o], а в следующем слоге безударный [o] развился за счёт заместительного продления утраченного редуцированного.

Выпадение редуцированных гласных в большинстве безударных слогов привело к уменьшению их удельного веса в языке. Уцелевшие редуцированные в ударном по-

¹ Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

² Добродомов И.Г. О переходах e в o в русском языке // Проблемы общего и русского языкознания. М., 1972. С. 172–181.

ложении не смогли сохранить своё исконное звучание и совпали с другими близкими к ним звуками [o: *сѣнь* > *сон*], [é: *дѣнь* > *д'ѣн'*]. Падение редуцированных гласных обнаруживает непосредственную связь с переходом <e>o> и судьбой ѣ.

А.А. Шахматов обратил внимание на тот факт, что так называемый новый ѣ в древнерусских памятниках юго-западного происхождения (галицко-волынских) имел место в тех слогах, которые закрывались мягкими согласными, то есть лишь в слогах перед исчезнувшим редуцированным переднего ряда, который смягчил согласный. Новый ѣ явился результатом заместительного удлинения гласного [e] после падения редуцированных. Подобное развитие имел в истории украинского языка гласный [o], который испытал удлинение и дифтонгизацию перед исчезнувшим слогом с выпавшим редуцированным. По мнению И.Г. Добродомова, заместительное удлинение гласного [e] после падения редуцированных не получило отражение в памятниках письменности в виде нового ѣ, так как оно сопровождалось заместительной лабиализацией [л'едѣ > л'өд].

Возникшее в результате заместительной лабиализации изменение <e>o> в период падения редуцированных ограничивалось только новым закрытым слогом [м'өд], в дальнейшем была обобщена позиция перед твёрдым согласным [м'өда]¹.

Гипотеза умлаутного преобразования <e>o> позволяет объяснить некоторые спорные моменты в этом изменении. Развивая идею межслогового взаимодействия, в трактовке перехода <e>o> можно сделать акцент на положение А.А. Шахматова о внутрислоговой диссимиляции палатальных (в широком смысле этого слова) звуков слога (согласного и гласного), которая выразилась в передвижении переднего гласного в задний ряд с параллельным огублением этого гласного. Следует заметить, что диссимиляция (диссимиляции представляют довольно редкое явление в исторической фонетике) фактически сопровождается ассимиляцией гласного [e] с гласным заднего ряда последующего слога. В таком изменении можно видеть проявление велярного умлаута. Умлаут в области развития русского вокализма, как правило, не усматривают совсем или отводят ему незначительную роль. Хотя наличие велярного и палатально-го умлаутов самым ярким образом свидетельствует о тенденции развития словесного (межслогового) сингармонизма.

Обращение к идее умлаутного перехода <e>o> позволяет отнести изучаемое фонетическое явление к гораздо более раннему времени, чем это принято в современной лингвистике, то есть отодвинуть его к эпохе до падения редуцированных гласных, которое лишь закрепило результаты преобразований фонемы <e> и послужило причиной перерыва предшествующих тенденций.

Решение проблемы <e> могло быть окончательным только при условии рассмотрения всех позиций реализации фонемы, особое внимание следует обратить на положение под ударением перед твёрдыми и мягкими слогами. Такой подход позволяет увидеть связь между переходами <e>o>, e>ě и судьбой ѣ, также пролить свет на причины и пути изменения <e> и <ě> ѣ, которые до сих пор освещались изолированно, и в силу этого каждая фонема получала свою трактовку в хронологически разобщённые эпохи.

В настоящем пособии сделана попытка представить изменение фонем <e> и <ě> в качестве отдельных звеньев общего процесса преобразования русской вокалической

¹ Добродомов И.Г. О переходах e в o в русском языке. С. 172–181. Впоследствии учёным эта точка зрения была частично пересмотрена.

системы, обусловленного действием единого фактора — межслового сингармонизма как дальнейшей эволюции хорошо описанного в исторической фонетике (фонологии) слогового сингармонизма. Вопреки прочно утвердившемуся положению об утрате фонемы <ѣ>, которая по традиции считается совпавшей с фонемой <е>, следует говорить о сохранении в русском языке *ѣ* и о дивергентно-конвергентном устранении из фонетической системы общерусского языка старой фонемы <е>, так как в положении перед твёрдым слогом отмечается переход <е>*о* [*с'óла*], а в положении перед мягким слогом — совпадение <е>*ѣ* [*с'ѣл'скои*]. Место дивергировавшей фонемы <е> впоследствии заняла открытая вариация фонемы <ѣ>*ѣ* [*е>ѣ>е*], укрепив свои позиции за счёт случаев, в которых согласные отвердели сравнительно недавно: [*н'ер*]вый < [*н'ѣр*]вый, [*жен*]ский < [*ж'ѣн*]ский и др., слов книжного происхождения: *нёбо*, *крест*, *житиѣ*, *бытиѣ* и др., а также форм морфологического происхождения и заимствованной лексики: *брезѣнт*, *момѣнт*, *субъѣкт*, *портрѣт* и др.¹

Некоторые незаслуженно забытые идеи Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Л.Л. Васильева, новые взгляды И.Г. Добродомова, Л.Л. Касаткина и других учёных в области гласных и согласных звуков древнерусского языка, современного русского языка и диалектов помогут представить историю фонем <ь>, <е>, <ѣ> и <о> как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Идеи И.Г. Добродомова о сохранении в фонетической системе русского языка фонемы, которая раньше передавалась буквой *ѣ*, указание на одновременные позиционные изменения <е, ь>*о* и <е, ь>*ѣ* перед твёрдыми и мягкими слогами стали основополагающими. Многие ценные наблюдения Л.Л. Касаткина и других учёных над диалектными чертами русского языка, в частности, в отношении развития противопоставления согласных по твёрдости-мягкости и глухости-звонкости, служат нам отправной точкой для нового понимания достаточно известных языковых фактов.

При рассмотрении проблем развития переднего вокализма возникает необходимость обращаться к анализу диалектных систем, которые также нуждаются в переосмыслении в свете новых идей. Сделать это нелегко, так как в старых собраниях материала, на которых базируются прежние сообщения, отсутствуют параметры, необходимые для нового освещения. Вероятно, в плане достижения полноты исследования анализ диалектных систем в новом ключе можно понимать как указание на перспективность исследования.

Решение проблемы изменения <у>*i*, начатое Р.И. Аванесовым, получило дальнейшее развитие. В работах И.Г. Добродомова² и Л.А. Щербаковой³, посвящённых глухому гортанному смычному согласному в русском языке, было выдвинуто положение о том, что гласный переднего ряда [*i>у*] может сдвигаться назад под влиянием гортанного смычного согласного. Такой взгляд на переход [*i>у*] позволил внести уточнение в осмысление этого «драматического эпизода» исторической фонетики русского языка (по словам Р.И. Аванесова): проблемы функционального объединения двух первоначально резко противопоставленных друг другу фонем <у> и <i>, превращения их в самостоятельные фонемы или сохранения тенденции к объединению.

¹ Измestьева И.А. Межслоговой сингармонизм в истории русского языка. М., 1995.

² Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке // Проблемы фонетики IV : сб. М., 2002. С. 36–52; Добродомов И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке // Вопросы филологии. 2003. № 1 (13). С. 15–24.

³ Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Исходя из предложенного описания механизма перехода [i>y] в начале слова, можно дать объяснение не решённому до сих пор вопросу о причинах перехода <e>o> в начале слова, который рассматривался как явление диссимилятивного¹ или сандхического характера².

В «трилогию» Р.И. Аванесова была включена проблема изменения редуцированных гласных. Эволюция редуцированных ставит перед наукой немало вопросов по причине противоречий, которые появились в результате их развития и дальнейшего функционирования в русском языке. Освещение в трудах А.Х. Востокова, Г.П. Павского, А.С. Будиловича, Е.Ф. Будде и других учёных качества звуков [ъ–ь], причин и времени их утраты в древнерусском языке, отмеченные Р.Ф. Пауфошимой, Л.Л. Касаткиным, Г.М. Богомазовым и другими исследователями нефонематические элементы звуковой цепи в говорах русского языка, – всё это заставляет вновь обратиться к истории редуцированных гласных. Некоторые результаты изменений еров указали на связь с гортанным смычным согласным [ʔ], поэтому такие последствия падения редуцированных гласных получили в работе дополнительное осмысление, однако судьбу еров нельзя считать окончательно решённой.

Изменения ударных гласных переднего ряда рассмотрены в пособии в разных аспектах: аллофонном, синтагматическом и морфонологическом. Настоящая работа носит обобщающий характер и представляет собой фонологическую интерпретацию значительного материала, накопленного в исторической фонетике и фонологии русского языка, с опорой на теорию дивергентно-конвергентных преобразований, разработанную в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Д. Поливанова, Р.О. Якобсона, В.К. Журавлёва и др. Во главу современного подхода к историческим явлениям языка поставлен принцип системности как проявление принципа всеобщей связи, а тем самым и принципа причинности, принципа развития, историзма. Опираясь на положения Е.Д. Поливанова о взаимосвязи дивергенции и конвергенции, идя от реконструируемой дивергенции к конвергенции, а от неё к последующим дивергенциям, можно представить весьма значительные фрагменты фонологической системы в её динамике. При этом необходимо выяснить причины и механизм появления, функционирования и отмены фонетических законов³.

Актуальность настоящего учебного пособия заключается в той новой интерпретации, которую получил материал, достаточно хорошо описанный. Спорные выводы о результатах изменения редуцированных, <e> и <ѣ> в истории русского языка заставляют рассмотреть вопросы их преобразований не только в связи с развитием противопоставления согласных по твёрдости-мягкости, но и как отношения между гласными, также обратить внимание на акцентно-ритмическую организацию слова на разных этапах истории языка в соответствии с общими закономерностями праславянских и древнерусских фонетических изменений, в частности, с действием тенденции к межслоговому сингармонизму и развитием динамического ударения.

Решение проблемы изменения начального <e>o> и некоторых последствий падения редуцированных гласных привело к привлечению пока в науке мало исследован-

¹ Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.

² Гуйер О. Введение в историю чешского языка. М., 1953.

³ Поливанов Е.Д. Фонетические конвергенции // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 77–83.

ного и недостаточно освещённого вопроса об исторической значимости гортанного смычного согласного для эволюции русского вокализма и консонантизма.

Таким образом, в настоящем пособии не только критически изложены различные точки зрения на эволюцию преимущественно передних гласных, но по-новому интерпретированы сложные и противоречивые пути изменения редуцированных, <е>, <ё>, <о> в звуковой системе русского языка от его формирования до позднего состояния, с которым связано развитие древнерусских диалектов.

Проблема межслоговой ассимиляции гласных

§ 2. Вопросы межслоговых ассимиляций, имевших место в русском языке в разное время, затрагиваются в работах Л.А. Булаховского, С.С. Высотского, Н.С. Трубецкого, В.Г. Демьянова, И.Г. Добродомова, Л.Л. Касаткина, В.В. Колесова и др. Обращается внимание на то, что фонетическая эволюция праславянского языка позднего периода и отдельных славянских языков, в частности система древнерусского языка в конце X—XI вв. до падения редуцированных гласных, определяется такими закономерностями в построении слога, как тенденция к восходящей звучности и тенденция к соединению в пределах слога звуков однородной артикуляции — переднего или непереднего образования. Если в пределы одного слога попадают звуки разнородной артикуляции, то происходит приспособление артикуляции гласного и согласного звуков. Законом слогового сингармонизма объясняются различные процессы палатализации: *ranka — ст.-сл. рѣка ~ рѣчѣка, русск. ручка; *drougъ — ст.-сл. друѣгъ ~ друѣже (звательная форма), русск. дружить, дружеский и др. Однако ни принцип слогового сингармонизма, ни тенденция к открытости слогов не могут объяснить всех сложных общеславянских звуковых процессов, так как наряду с внутрислоговыми изменениями известны и межслоговые преобразования, например, прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных и гласных соседних слогов: otyca < *otyka, stydza < *stygga, vьse < *vьcho и др.; изменение ъ, ь перед j в ѣ, ї: *bělъ-jь > *bělŷ-jь, *pь-jь > *pŷ-jь и др.

Позиционные изменения согласных фонем перед гласными переднего ряда и гласных фонем после j вызвали в праславянском языке нейтрализацию противопоставления гласных переднего и заднего ряда и привели вначале к образованию так называемых группфонем¹. Иначе говоря, сочетания согласных и гласных фонем, которые были объединены общим для них просодическим признаком дизности или бемольности, переросли в общую тенденцию к усилению взаимодействия между компонентами слога, в частности к возрастающей волне сонорности. Перед вторичным смягчением согласных гласные [ɔ] и [ɔ], развившиеся из *u и *i, фонологически краткие гласные, но фонетически среди кратких оказываются наиболее краткими, занимают место верхнесреднего подъёма и имеют несколько закрытый характер (ср. краткие [e] и [o] среднего подъёма). Вторичное смягчение согласных приводит к тому, что из слогового сингармонизма развивается межслоговое уподобление гласных по ряду.

Межслоговая ассимиляция гласных в условиях фонологизации слога в целом осуществлялась в связи с постепенным переходом основной суммы дифференциальных признаков на консонантный элемент силлабемы. В результате фонетической асси-

¹ Журавлёв В.К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 43.

миляции (под воздействием гласного следующего слога) в памятниках письменности отмечаются формы *дѣва – дѣвѣ, зѣлова – зѣлѣ, вѣнѣ – вѣнѣ, вѣдовица*, а позже появляются написания гласных полного образования на месте слабых еров. Такие факты были отмечены многими исследователями, например: ц.-сл. *вьпль* (Супр. рук.), ср.-болг. *вепль* (Болонск. Пс., Ефрем Сирий XIV в., Хронограф Манасии XIV в. и др.) – др.-р. *вѣпль* (Остр. Ев., Супр. рук. и др.), *вѣпити, вѣзѣпити*, совр. *вопити*; ц.-сл. и др.-р. *дѣбрь*, откуда *дѣбрь* (Ассеман. Ев., 154), совр. р. *дебрь*, др.-р. *дѣбрь* (Златоструй XII в., 80 об., Ев. 1317 г., 50 и др.); ц.-сл. *вѣз-дѣныѣ* (Святославов Сб. 1073 г., 111 об.), откуда *вѣзденіе* (Син. Треб. 7, Син. Пс. 73, Супр. рук. 57), др.-р. *ѹдѣннѣ, ѹдѣнѣ* (Новг. лет. по Синод. сп., 205), совр. великорус. *бездѣнный* (Барсов. Причитания. II. Словарь); ц.-сл. *дѣно*, совр. великорус. *донцо, донышко*, др.-р. *дѣно, бездѣна*, род. п. множ. *вѣзденѣ* (Син. Пс. 148), совр. великорус. *дѣнышко*; др.-р. *мѣдльнѣ, мѣдлити* (Остр. Ев., Святосл. Сб. 1073 г. и др.), откуда *медленѣ, медлитѣ*; др.-р. *рѣдѣрь* (Святосл. Сб. 1073 г. – *рѣдрѣ*; Пролог XIV в. – *(рѣ)дѣрѣ*, Лавровский, Описание семи рукописей, 15), откуда старо-русс. *редрѣ* (Акты Юрид. XVII в., 459), совр. северновеликорус. *рѣдрѣ*; ц.-сл. *рѣпытати, рѣпытѣ*, откуда *рѣпытаніе* (Син. Тр. 168), др.-р. *скѣрьѣ, скѣрьѣѣ, скѣрьѣнѣ*, откуда *скѣрьѣ, скѣрьѣнѣ*, рядом др.-р. *скѣрьѣ*, совр. *скорѣѣ*; др.-р. *сѣсъць* (Арх. Ев. 1092 г., Путят. Минейя XI в., Стихирарь 1157 г. и др.), откуда *сѣсець* (Добрил. Ев.), рядом ц.-сл. и др.-р. *сѣсъць*, откуда *сосець* (Ассем. Ев. 130), совр. р. *сосець, соска*, ц.-сл. и др.-р. *сѣсати* (*сосьца сѣсоуѣтъ* Усп. Сб. XII в., *сѣсоуѣта сѣсъца* Паремейник XII–XIII вв. в Типогр. Б.), совр.-р. *сосать*; ц.-сл. и др.-р. *трѣстьѣ, трѣстьѣѣ*, откуда *трѣстьѣ, трѣстьѣѣ* (Син. Тр. 91, 100, Юрьевск. Ев. XII в. и др.), рядом др.-р. *трѣстьѣ* (Архангельск. Ев. 1092 г.), откуда *трѣстьѣ*¹.

Широко представлена замена слабых редуцированных гласными полного образования: в Изборнике 1073 г. – *газивина* (53), *скръвинѣи* (182), *прѣлиштажѣтъсѣ* (263), *различинѣ* (20 об.), *неразличинѣ* (21), *питицани* (94 об.), *на кристѣ* (157), *кото* (238), *ѹрѣвѣнѣ* (121 об.), *на стегнѣ* (242), *золѣвѣ* (94) и др.; в Минее 1097 г. – *вѣзѣыва* (аорист) (94 об.), *зѣмѣнѣхѣ* (154 об.), *сѣмѣнѣнѣ* (68), тв. мн. *дѣбрѣдѣтелини* (44), *страстини* (63), *вѣзѣожинѣхѣ* (39 об.), *волѣзѣнѣнѣ* (108), *нѣсенани* (39), *ѹтемѣ* (49), *застѣупинѣнѣ* (23) и др.; в Типогр. 110 – *бѣжѣвини* (28 об.), *дѣстоѹдѣннѣ* (29), *вѣсиѣстага* (12) и др.² Ассимиляция гласному следующего слога, появление *ѣ, ѹ, и* на месте только безударных *ѣ, ѣ*, вероятно, указывает на то, что в таком положении еры не имели различительной силы и определяли качество консонантного элемента.

Интересно, что в так называемой сильной позиции еры в ранних памятниках ассимилятивным процессам не подчинялись и даже заменяли гласные полного образования: в Минее 1097 г. – *тѣльсѣнаго* (107), *вѣсьнѣскѣга* (82), *вользѣнѣнѣ* (64) и пр.; в новгородских минеях конца XI в. Типогр. 103 – *равѣноѹсьльною* (1), *пастѣрѣ* (30 об.) и др.; Типогр. 110 – *рѣжѣши* (100 об.) из *рожѣши*, *непорѣѹнѣ* (24 об.) из *непорѣчьнѣ*, *разлѣѹнѣ* (82), *разлѣѹнѣнѣ* (46), также *вѣвѣ* (72 об.), *вѣшьшоѹнѣ* (96), *жѣзѣкѣ* (107), *вѣстьѣ* (10 об., 24 об.), *вѣсоко* (21, 26 об.) и мн. др. Аналогичные примеры отмечены в рукописи XIII слов Григория Богослова XI в. (ГПБ, Q. п. I, 16), в Житии Кондрата XI в. (ГПБ, Погод. 64) и др.³

¹ Соболевский А.И. Одно из редких явлений славянской фонетики // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХС, ноябрь. СПб., 1893. С. 48–51.

² Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI века // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 82.

³ Там же. С. 82–83.

Межслоговая ассимиляция еров обнаруживается в случаях со вторым полногласием: *верѣх < вѣрѣхъ; верха, верху < вѣрѣху; гороб < гѣрѣбѣ; горбат < гѣрѣбатѣ; столоб < стѣльбѣ; столба, столбу < стѣльбу*. А.И. Соболевский отметил в Остромировом Евангелии такие примеры, как *мѣльва* (155), *скѣръвь* (49), *вѣръху* (141), *испѣрѣва* (49), *пѣрси* (53), *дѣльгы* (275) и др.; в Стихирари 1157 г. — *обѣльценѣ* (7), *пѣреть* (184) и др.; в Триоди XII в. — *мѣльнига* (8 об.), *вѣльною* (10 об.), *по дѣльгоу* (32), *чѣръньци* (26) и др.; в Поликарповом Евангелии 1307 г. — *оумеретвита* (37); в псковском Ирмоное 1344 г. — *в чѣрениѣль мори* (14 об.), в Евангелии 1357 г. — *молоньга* (124), *молонии* (154 об., 164); в киевской Псалтыри 1397 г. — *молоньга* (20 об., 105); в Новгородской летописи по Синодальному списку — *сѣ Торожкоу* (168), *кѣ Торожкоу* (167), *Поволожью* (168), *в Чѣреничухъ* (216)¹. В новгородских грамотах с XIII—XIV вв. постоянно: № 4 — *новоторъжкѣвъ* (6); № 10 — *новоторъжца* (48); № 4 и 5 — *тѣръжкѣкоу* (10, 6); № 10 — *тѣръжкѣкоу* (14); № 9 — *тѣръжкѣкоу* (10); № 4 и 5 — *долъжникты* (7, 8); № 13 — *торъшкоу* (10)².

Известна гармония не только редуцированных, но практически всех гласных русского языка. Например, А.И. Соболевский в третьем и последующем изданиях «Лекций по истории русского языка» указывает на случаи ассимиляции гласных в двух соседних слогах в именах, заимствованных русским языком. Такая ассимиляция была отмечена им в среднерусских и западнорусских памятниках XIV—XVII вв., в московских грамотах XVI—XVII вв.: *Гарасимѣ, Ганадей, Маланья, Савастьянѣ*³. Древнерусские синодики сохранили много примеров постепенного приспособления заимствованных слов, в которых отражается тенденция к межслоговому уподоблению: *Артемонѣ > Артамонѣ, Доментий > Дементий, Меланья > Маланья, Патрикѣи > Патраки, Досифе > Дософеи, Капитолина > Капителина, Фотинья > Фетинья, Потапии > Патапий, Доместикѣ > Деместикѣ, Онисофорѣ > Онисифорѣ*⁴. Сюда же относятся случаи с изменением <о>е, ѣ>и: *ребенок < робенѣкъ, теперь < топѣрѣво, вития < вѣтия, дивица < дѣвица, мизинец < мѣзинець, свидѣтель < свѣдѣтель, сидит < сѣдитъ, снигирь < снѣгирь*⁵.

В древнерусских текстах некоторые написания похожи на описки, но описки весьма характерные: «гласная одного слога повторяется на месте гласной другого слога»⁶. В двинских грамотах XV в. в некоторых словах отражено влияние предшествующего слога на гласную последующего слога: № 13 — *соуѣкою* (6); № 68 — *(Є)ванцава жена* (4); № 72 — *карасава ѡзерко* (4); № 84 — *Иванавѣ* (8); № 103 — *продовати* (26); сюда же относятся примеры с заменой *и* через *ѣ*, вызванные близостью этих звуков: № 7, 81, 82 — *перѣвѣѣѣца* (12, 3, 4); № 7, 11 — *рѣвѣѣѣѣ* (18, 22); № 11 — *володѣѣѣѣ* (7); № 11 — *вѣѣѣѣ* (1); № 11 — *дѣѣѣѣ* (35); № 23 — *врѣѣѣѣѣ* (2) и др.; примеры влияния на гласную предшествующего слога: № 68 — *вратономѣ* (6); № 93 — *стоуѣѣѣ* (т. е. святому) (1); № 109 — *новѣѣѣѣ* (2); № 18 — *мѣѣѣѣѣ* (16); № 19, 20 — *мѣѣѣѣѣѣ* (10, 2); № 24 — *ѡнѣѣѣѣѣ* (27)⁷. Если А.А. Шахматов отмеченные случаи осторожно называет описками, то В.В. Колесов рассуждает о регрессивной ассимиляции гласных, результаты которой встре-

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888. С. 26–28.

² Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886. С. 244–250, 268–270.

³ Соболевский А.И. Указ. соч. 1888. С. 90–91.

⁴ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980. С. 103–104.

⁵ Соболевский А.И. Указ. соч. 1888. С. 90–91; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958. С. 95–97.

⁶ Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903. С. 68.

⁷ Там же. С. 30–35, 40–41, 68, 84, 137–138.

чаются в новгородских рукописях уже с конца XI в.: *дрѣвѣнѣша* (91 об.), *вѣсѣлѣцѣса* (109), *неполѣвѣши огньмѣ* (165), *окавастѣ* (117), *повѣлѣвающа* (69), *прообразава* (88), *радѣти* (136), *ширата* (86 об.), *проеде* (93 об.), *разерение* (52), *порѣвѣнававшѣ* (146) и др. (Миняя 1095 г.); *неразарилю* (5 об.), *даравати* (12 об.) (Миняя Типогр. 103); *вселюноую* (93 об.), *обажаемѣ* (54), *огнь полѣщаго* (36 об.), *приложаниемѣ* (61) и др. (Миняя Типогр. 110)¹.

Н.С. Трубецкой отмечает, что своеобразный сингармонизм в русских многосложных корневых морфемах (*колокол*, *золотой*, *соболь*, *горностай* и др.) не носит случайного характера. В собственно русских словах, то есть таких, которые носителями языка не воспринимаются как заимствованные, трёхсложные морфемы встречаются не столь уж редко: ср. *p'ér'ip'íl* (*непенел*), *kólákāl* (*колокол*), *kārāndáš* (*карандаш*), *kārāpús* (*карануз*), *gārñástáj* (*горностай*), *skāvāróikā* (*сковородка*) и т. д. Обращается внимание на то, что «во втором слоге такой трёхсложной морфемы после палатализованного согласного всегда следует *ĭ*, после непалатализованного — *ǎ* (единственное исключение — слово *gāsūdár'* (*государь*))»².

В.Г. Демьянов, описывая общие процессы фонетико-морфологической адаптации иноязычной лексики в русском языке XVII в., выделяет вокальные ассимиляции, в частности явление дистактных (межслоговых, поскольку они протекают в соседних слогах) ассимиляций: *a—e > e←e* (в левой части — пара звуков языка-источника, в правой — русская) — греч. *κανκελλ'αριος > кенкеларий*; *á-e > a→a* — *káτερρον > катарга*, нем. *Magdeburg > Магдабѣ*; *a-ø > a→a* — фр. *Harcourt > Гаракурсту*; *a-e > e←e* — фр. *maréchal > мерешала*, польск. *szlachectwo > шлехетство*; *a-ó > o←o* — польск. *tatarowie > таторовя*; *a-ы > e-e* — ст.-польск. *oracula > з арещю* и др.³

После преобразования еров тенденция к межслоговой ассимиляции проявляет себя в изменениях безударных гласных. Л.Э. Калнынь обращает внимание на «принцип межслоговой вокальной гармонии», который свойственен «русской фонетике в большей мере, чем это принято считать»⁴. В работах Л.Л. Касаткина⁵, В.В. Колесова⁶ подчёркивается, что на основе межслоговых связей компонентов сложилось противопоставление «окающей» зоны и «акающей». Р.Ф. Касаткина рассматривает специфику межслоговой ассимиляции гласных в разных диалектах русского языка (среднерусских окающих, среднерусских акающих, южнорусских и севернорусских) и отмечает формы типа *бисиком*, *кипиратив*, *висилёк* (нами отмечен случай *карасин*), а также искажённые личные имена *Кипитоліна*, *Кинстинтін* (и *Кискинтін*), *Висиліса*, *Серафіма* (и *Сарафіна*), в которых межслоговая ассимиляция гласных имеет общерусское распространение (как региональное, так и социальное)⁷.

¹ Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI века. С. 84; Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 103.

² Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 78.

³ Демьянов В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. М., 1990. С. 60–65.

⁴ Калнынь Л.Э. Фонетическая программа слова как основная произносительная единица. Tallinn, 1987. Р. 231; Калнынь Л.Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001. С. 25–30.

⁵ Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. М., 1984.

⁶ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка // Теория и история языкознания. Вып. 3. Проблемы фонологии и морфонологии: Рефераты. Обзоры. М., 1974. С. 76–90.

⁷ Пауфошима Р.Ф. О произношении гласных второго предупредительного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 25–30; Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983; Касаткина Р.Ф. Межслоговая ассимиляция гласных в русских говорах // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 207–221.

Почему в X–XI вв. в условиях построения слога по возрастающей звучности и действия тенденции к открытому слогу оказались возможны не только внутрислоговые, но и межслововые позиционные изменения? Это связано с тем, что «эпоха смягчения полумягких согласных была эпохой переходной от вокалической к консонантной системе в истории русского языка, переходной в том смысле, что система согласных уже завоевала основные позиции в борьбе консонантизма и вокализма, но ещё не подчинила себе систему гласных, с другой стороны, система гласных уже потеряла в значительной степени ту самостоятельность по отношению к консонантизму, которой она обладала до смягчения полумягких, но ещё сковывала силы системы согласных, не давая возможности самостоятельно, без сопровождения гласных, функционировать в языке»¹.

Основные положения Р.И. Аванесова о силлабеме, как новой фонологической единице, которая характеризовала фонологическую систему русского языка после вторичного смягчения согласных до падения еров, развивает К.В. Горшкова. Обращается внимание на то, что слог отличался бóльшим сближением тембра согласных и гласных, когда нельзя выделить ни согласных фонем с признаком твёрдости-мягкости, ни гласных фонем с признаком переднего-непереднего ряда, так как нельзя определить позиции, в которых согласные или гласные по этим признакам противопоставлялись бы как самостоятельные фонемы. Эти признаки, которые реализуются в зоне образования звуков (или, иначе, в высоте тона), охватывают весь слог, характеризуя сочетающиеся в нём звуки². В.В. Колесов обратил внимание на систему гласных и согласных архаического пинежского говора, в котором гласные не имеют сильной позиции, то есть не противопоставлены как самостоятельные фонемы, а согласные не знают противопоставления по твёрдости-мягкости. Самой типичной формой реализации гласных в говоре является сочетание твёрдого согласного и гласного непереднего ряда, палатализованного согласного с передним гласным. «Другими словами, в архангельском поморском говоре архаического типа функционально важным является слог в целом, а не согласный или гласный его элементы в отдельности»³.

Однако, как подчёркивает К.В. Горшкова в позднейших работах, в таком строго аванесовском понимании силлабемы заложено противоречие: «Гипотеза о силлабеме как особой фонологической единице не согласуется с представлениями о морфемной структуре древнерусских словоформ и о чередованиях гласных и согласных как одном из грамматических средств создания парадигмы»⁴. К.В. Горшкова предложила относить силлабемы не к фонологическому уровню и его единицам, а к уровню фонетическому и такой его важной единице как слог, считая, что фонологическая система древнерусского языка после вторичного смягчения согласных ещё должна получить необходимую характеристику.

Тезис о неразложимости слога в позднем праславянском не является бесспорным. Л.Э. Калнынь и Л.И. Масленникова уточняют, что термин «силлабема» введён для того, чтобы подчеркнуть отличие фонетической ситуации праславянского языка позднего периода от той, которая сложилась в славянских языках после падения реду-

¹ Иванов В.В. Историческая фонология русского языка (Развитие фонологической системы древнерусского языка в X–XII вв.). М., 1968. С. 228.

² Горшкова К.В. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма // Вопросы языкознания. М., 1964. № 5. С. 87.

³ Колесов В.В. Функциональная система вокализма в традиционных северновеликорусских говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 19.

⁴ Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 55.

цированных, когда функции фонем стали выполнять гласные и согласные отдельно. По мнению авторов, «термин «силлабема» синонимичен термину «фонема» — в обоих случаях речь идёт о кратчайшей звуковой единице, служащей для смыслоразличения, с той лишь разницей, что в праславянском этой единице всегда соответствует сочетание звуков, а в более поздний период в том же качестве выступает отдельный звук»¹.

С одной стороны, в поздний праславянский период фонологическая система языка обогащается новыми фонемами, новыми признаками, новыми правилами позиционного варьирования и т. д., с другой — обеспечивается единство слога по большинству входящих в его состав фонем. Значит, перед падением еров фонологическая система древнерусского языка была внутренне противоречивой, так как характеризовалась переходным состоянием, когда существовали силлабемы как неразложимые единицы уровня фонем и самостоятельные фонемы — гласные и согласные. В.К. Журавлёв подчёркивает, что этот «период в развитии праславянского языка можно охарактеризовать, как переходный от языков «группофонемного», «силлабемного» строя к языкам «фонемного строя», в этот период сосуществуют прежняя система группофонем и зарождающаяся, новая система фонем. Процесс распада группофонем и формирование автономных согласных и гласных фонем не мог происходить успешно без того, чтобы где-нибудь не освободить согласный от обязательного следования гласной, предсказывающей признак дизности. Выбор на «редуцированные» мог пасть потому, что в фонологической системе «эпохи падения редуцированных» *ѣ* и *ь* имели лишь признаки вокальности и дизности (-Дили +Д), признак вокальности хотя бы в некоторых позициях подлежал элиминации, а признак дизности мог быть сохранён предшествующим согласным; признак дизности *ь* и *ѣ*, очевидно, мог оказаться избыточным, он предсказывался положением после дизного-недизного согласного. В случае опущения редуцированных вместо оппозиции (Сѣ):(С'ь) встанет оппозиция С:С', при этом полезное противопоставление сохранится, а С и С' из неавтономных консонантных группофонем могут стать автономными согласными фонемами. Здесь, таким образом, прекращается действие так называемого закона открытых слогов, зарождается и действует так называемый закон падения редуцированных»². В.Н. Чекман указывает на то, что состояние открытых слогов редко встречается в языках мира и поэтому его нельзя считать устойчивым. Разрушение состояния открытых слогов позднего праславянского периода осуществляется за счёт устранения кратких гласных в ряде безударных позиций³.

У славян возможность распространить групповой сингармонизм на всё слово, как это имеет место в тюркских языках (например, киргиз. *ата* «отец», *тулку* «лисица», *эки* «два»)⁴, не реализовалась. Русский сингармонизм действует только в двух смежных слогах и носит регрессивный характер. Типологически взаимодействие двух смежных слогов, при котором ассимилирующее воздействие исходило от неударного слога, напоминает германский умлаут. В древний период германские языки переходили

¹ Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985. С. 9.

² Журавлёв В.К. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1965. С. 27.

³ Чекман В.Н. Типологические аспекты фонетических изменений в праславянском // VIII Международный съезд славистов. Минск, 1978. С. 40.

⁴ Богородицкий В.А. Законы сингармонизма в тюркских языках. Казань, 1927; Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М., 1965. С. 90–118; Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. М., 1966. С. 185–189, 198.

от выражения грамматических значений с помощью флексий или суффиксов к экспликации этих значений через вокализм корня: в.-нем. *gast* — *geste* (др.-в.-нем. *gesti*) «гость — гости», *slāfe* — *slāfest* (др.-в.-нем. *slāfis*) «я сплю — ты спишь», *hōch* — *hoeher* (др.-в.-нем. *hohiro*) «высоко — выше»¹.

Наиболее распространён палатальный *i* (*j*) умлаут, то есть сдвиг вперёд гласных заднего ряда *a*, *o*, *u* под влиянием последующего *i* (*j*). Возникла регрессивная ассимиляция типа нёбного сингармонизма, в результате чего задние гласные корня изменились в соответствующие передние: *a* > *ä*, *o* > *ö*, *u* > *ü* и слово в целом получило «переднюю гармонию»: ср. др.-фриз. *bed* «постель» (~гот. *badi*; *a* > *e*), др.-исл. *kyn* «род» (~гот. *kuni*; *u* > *ü*), в.-нем. *möhte* «мог бы» (<др.-в.-нем. *mohti*; *o* > *ö*, при *i*–*e*). «Велярный» умлаут состоит в лабиализации или дифтонгизации корневых гласных под влиянием последующего *u* (*w*), ср. др.-англ. *Beadu* — *badu* «битва», *wudu* < *widu* «лес»; др.-исл. *tryggr* «верный» ~ гот. *triggws*. Явления, охватываемые понятием умлаута, проявляются в языках либо в виде живых чередований (ср.: нем. *Nutz* «польза» — *nützlich* «полезный»), либо в виде диахронических изменений, которые обнаруживаются только сравнительно-историческим методом (например, англ. *send* «посылать», где *e* из *a* в результате палатального умлаута, ср. др.-англ. *sendan* — гот. *sandjan*)².

К отмеченным случаям межслогового сингармонизма в древнерусском языке (а также в русском языке в последующие эпохи его развития) И.Г. Добродомов отнёс и переход <*e* > *o*>, связав механизм изменения с гипотезой умлаутного преобразования <*e* > *o*>³. Вероятно, можно провести аналогию между некоторыми явлениями, обусловленными межслововым уподоблением, в древнерусском языке и явлениями германского умлаута, хотя такая параллель и ограничивается определёнными свойствами всей фонологической системы того или иного языка.

Традиционные взгляды на проблему перехода <*e* > *o*>

§ 3. Коренное изменение характера древнерусской языковой системы происходило путём медленного накопления элементов нового качества и исчезновения старых элементов. Историческая фонетика русского языка стремилась охватить всю совокупность изменений, раскрыть сущность и причины звуковых процессов. Основное внимание при этом обращалось на артикуляционно-акустическую сторону: ставился вопрос о причинах, вызвавших изменение артикуляции, о путях и темпах распространения изменённой артикуляции. Исследования традиционного языкознания дали значительные результаты, которые имеют большую ценность в познавательном отношении.

Истоки гипотезы умлаутного преобразования <*e* > *o*> восходят к началу XIX в. А.Х. Востоков ещё в 1808 году в грамматических примечаниях к книге И.М. Борна

¹ Стеблин-Каменский М.И. Что такое умлаут? // Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 1959. С. 52–63; Стеблин-Каменский М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966. С. 47–57; Жирмунский В.М. Умлаут в английском языке по сравнению с немецким // Вопросы грамматики. М.-Л., 1960. С. 310–330; Плоткин В.Я. О причинной обусловленности германских умлаутов // Филологические науки. 1964. № 3. С. 117–125.

² Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 253–260; Виноградов В.А. Умлаут // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 353.

³ Добродомов И.Г. К вопросу об условиях перехода *e* в *o* в древнерусском языке // Материалы межвузовской конференции. Фонологический сборник. Вып. 2. Донецк, 1968. С. 87–91; Добродомов И.Г. О переходах *e* в *o* в русском языке. С. 172–181.

«Краткое руководство к российской словесности» вывел зависимость произношения *e* от ударения и от последующего мягкого или твёрдого слога: «Когда *e* имея над собой ударение стоит пред какою-либо согласною последуемою дебелыми гласными: *a, o, y, ъ, ы*; то всегда произносится как *io*. Когда же, хотя и имеет ударение, но стоит пред согласною за которою следует тонкая *e, и, ь, ъ, ю, я*; то всегда как чистое *e* произносится — без ударения же всегда как чистое *e* произносится»¹. Об этом ведётся рассуждение в «Русской грамматике» Александра Востокова: «*e* с ударением произносится как *io*, а после *ж, ц, ч, ш, щ*, как *o*, в нижеследующих случаях: когда стоит пред согласными, за которыми следуют дебелая гласная *a, o, y, ы* и полугласная *ѣ*; напр. *береза зеленая (беріѡза зеліѡная), желтый ленъ (жолтый ліѡнъ), денекъ (деніѡкъ), кружокъ* (вместо *кружек*), *щотка* (вместо *щетка*)...»², так же у Г.П. Павского: «По правилам гласная *é* должна произноситься за *e*, когда в следующем за нею слоге находится мягкая гласная или *ь*, а за *jô*, когда твёрдая»³.

А.Х. Востоков принадлежал к тому периоду развития лингвистической науки, когда учёные различали звуки и буквы непринципиально, и поэтому его понимание перехода не удовлетворило последующих исследователей русского языка. Но если данному объяснению придать исторический характер и перенести его из современного состояния, орфография которого отразила «вчерашний день» произношения, на более древние этапы развития языка, то мысль о зависимости произношения [e] от гласного последующего слога представляет определённый интерес и заслуживает внимания.

Вслед за А.Х. Востоковым идёт Я.К. Грот, рассуждая о законе уподобления звуков: «перед твёрдыми звуками буквы *e, ѣ, э* произносятся широко, близко к тому, как во французском языке выговаривают букву *e*, когда над нею *accent grave*, а перед звуками мягкими сжато, как бы французское *é (accent aigu)*»⁴. Учёный определяет механизм преобразования «*e > o*»: «Причина лёгкости, с какою широкий *e* обращается в *ё* — физиологическая: при произношении такого *e* перед твёрдым согласным нёбная артикуляция сталкивается с противоположною ей губною, и естественно, что для удобства образования последующего звука предыдущий к нему принаравливается»⁵. В дальнейшем Я.К. Грот на страницах «Филологических разысканий» сделает обобщение: «Сущность этого явления определяется законом *уподобления звуков*; превращение *e* в *ё*, или *э* в *о*, т. е. мягкой гласной в твёрдую, обуславливается последующим твёрдым звуком, при чём, кроме того, непременно требуется ударение на гласной»⁶. Эту точку зрения поддержали О.Н. Бётлингк⁷ и Р.Ф. Брандт⁸, однако ценное наблюдение Я.К. Грота о закрытом характере фонемы «*e*» осталось без внимания.

¹ Борн И.М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 2.

² Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. С. 355–356.

³ Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение. СПб., 1841. С. 133.

⁴ Грот Я.К. О произношении букв *э, е, ѣ* // Санктпетербургские Ведомости. Газета политическая и литературная. СПб., 1847. 1 августа. № 173.

⁵ Грот Я.К. Русское правописание. СПб., 1885. С. 14.

⁶ Грот Я.К. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. 4-е изд. СПб., 1899. С. 501.

⁷ Бётлингк О.Н. Грамматические исследования о русском языке // Учён. зап. Академии наук по Первому и Третьему отделениям Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1852. С. 82–91.

⁸ Брандт Р.Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1892. С. 17–28.

Изменение <e>o> в дальнейшем понимается как результат обусловленности гласного качеством последующего согласного. Благодаря трудам видных лингвистов XIX–XX вв. А.А. Потебни¹, М.А. Колосова², А.И. Соболевского³, И.В. Ягича⁴, А.А. Шахматова⁵ и других учёных сложилась определённая традиция рассмотрения проблемы перехода <e>o> *несль* > [н'ос], *кленъ* > [кл'он], *веселый* > *ве[с'ол]ый*, *псъ* > [п'ос], *льнь* > [л'он]: «Главным условием, вызвавшим это изменение, была *твёрдость следующего согласного*, как это явствует из сравнения *л'еч' // л'ок*, *жел' // жёлка* и пр.»⁶. По мнению В.А. Богородицкого, произносящийся как у краткий *ъ* сообщал лабиальный оттенок предшествующему согласному, а этот последний в свою очередь стоящему перед ним гласному 'e. Случаи, где *ъ* не стоял, объяснены так: «передвижение языкового поднятия назад стало вызывать и здесь присоединение лабиализации»⁷.

А.А. Шахматов сформулировал фонетический закон <e>o>: «переход e в ö, ь в ё в общерусском праязыке понимаю как результат ассимиляционного процесса нелабиализованной гласной переднего ряда в направлении к следующей лабиализованной согласной»⁸. По терминологии А.А. Шахматова, твёрдые согласные в древнерусском языке были лабиовеляризованными, если они находились перед гласными непереднего ряда, особенно перед лабиализованными o, y, ь. Под влиянием такого согласного произошла передвижка гласного переднего ряда в непередний ряд с приобретением этим гласным лабиализации⁹.

С.Б. Бернштейн не принимает фонетического объяснения перехода <e>o>, предложенного А.А. Шахматовым, и основным в изменении считает «переход гласного переднего ряда в гласный заднего ряда»¹⁰. В своих доводах он опирается на данные польского языка, в котором <e>o> было связано с положением перед твёрдым нёбнозубным [t], [d], [s], [z], [r], [ʃ], [n] – *plecie – plotę, wiedzie – wiedę, niesie – nioę, bierze – bioę, aniele – anioł, żeński – żona* и т. п.; перед твёрдыми губными и задненёбными согласными [e] сохранялся без изменения – *ciepły, brzeg*. С.Б. Бернштейн не объясняет, почему в польском языке отсутствует переход перед твёрдыми губными и задненёбными согласными. Можно думать, что здесь изменение связано именно с лабиовеляризованностью переднеязычных согласных, которые могли свободно утрачивать избыточный признак лабиализованности и тем самым влиять на предшествующий гласный. Губные же обладали прочной лабиальностью, которая не могла легко утрачиваться и влиять на предшествующий гласный. Аналогично заднеязычные согласные, обладая более

¹ Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866. С. 65–67, 77–80, 105–107.

² Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878. С. 69–84.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1888. С. 52–58.

⁴ Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 46. № 4. СПб., 1889. С. 35–39.

⁵ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот...; Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893; Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. Ч. 2. Пг., 1915.

⁶ Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке. Казань, 1901. С. 158.

⁷ Богородицкий В.А. Краткий очерк диалектологии и истории русского языка. Доп. ко 2-му изд. «Общего курса русской грамматики». Казань, 1910. С. 362–363.

⁸ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 134.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. М., 1961. С. 277.

устойчивой лабиовеляризованностью, не могли оказывать лабиализующего влияния на предшествующий [e]. Сопоставление перехода <e>o> в русском и польском языках наводит на мысль, что причина изменения в русском языке кроется не во влиянии последующего лабиовеляризованного согласного. Механизм <e>o>, предложенный А.А. Шахматовым и развитый его последователями, больше приемлем для польского языка, чем для восточнославянских языков, ведь в русском языке изменение происходило перед всеми твёрдыми согласными (губными, зубными и заднеязычными).

Переход <e>o> первоначально понимался как история одного звука без учёта сложных взаимоотношений с другими единицами системы, без определения состояния звуковой системы до и после перехода <e>o>. С развитием исторической фонологии, поставившей своей задачей распространение фонологических идей на область звуковых изменений, история гласных среднего подъёма стала рассматриваться в её отношении к развитию фонологической системы русского языка в целом.

Проблемой изменения <e>o> в различных диалектах русского языка занимаются А.И. Соболевский¹, А.А. Шахматов², Л.Л. Васильев³, Р.О. Якобсон⁴, А.Н. Гвоздев⁵, В.Н. Сидоров⁶, М.Т. Баранов⁷, Е.Н. Иваницкая⁸ и другие учёные. Р.И. Аванесов⁹, обобщив достижения русской диалектологии в данном вопросе, рассуждает о связи между ударным и безударным вокализмом. А.А. Алексеев¹⁰ поднимает вопрос о возможном рассмотрении результатов изменения <e>o> и аканья с возникновением яканья.

В работах С.К. Пожарицкой¹¹, К.В. Горшковой¹², В.В. Иванова¹³, В.В. Колесова¹⁴ проблема оформления фонологических отношений между [e] и [o] связывается с вопросом вторичного смягчения согласных и развитием корреляции согласных по твёрдости-мягкости, с судьбой гласных верхнесреднего подъёма [ẽ] и [õ]. Благодаря новому подходу в понимании проблемы <e>o> были преодолены некоторые трудности

¹ Соболевский А.И. К истории русских акающих говоров // Русский филологический вестник. Т. 12, № 3. Варшава, 1884. С. 106–108.

² Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. С. 98–318.

³ Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквою е в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слоге под ударением по древнему при замене в слоге без ударения буквы ѣ буквою е // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 15. Кн. 3. СПб., 1910. С. 188–219.

⁴ Якобсон Р. [рец.], Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915 // Этнографическое обозрение. 1916. № 1–2. С. 102–107.

⁵ Гвоздев А.Н. Говор западной части Вадского района Пензенской области // Учён. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Вып. 5. Куйбышев, 1942. С. 91–111.

⁶ Сидоров В.Н. Наблюдение над языком одного из говоров рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.-Л., 1949. С. 93–134.

⁷ Баранов М.Т. К вопросу о результатах древнего изменения е в о в первом предударном слоге в северновеликорусском наречии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

⁸ Иваницкая Е.Н. Некоторые результаты изменения е в о в современных северновеликорусских говорах // Учён. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1964. С. 188–202.

⁹ Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 25–47.

¹⁰ Алексеев А.А. Переход е в о и начальный этап развития яканья // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. М., 1967. № 8. С. 144–147.

¹¹ Пожарицкая С.К. Проблема изменения е в о в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 87–101.

¹² Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии северной Руси. М., 1968. С. 93–103.

¹³ Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. С. 302–311.

¹⁴ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 74–196.

при решении ряда спорных вопросов, хотя в отношении механизма изменения $\langle e \rangle > o$ принималось традиционное объяснение.

С позиций современного русского языка правомерно говорить о влиянии согласного на качество предшествующего гласного. Об этом пишут А.М. Кузнецова¹, Л.В. Бондарко² и другие исследователи. Языковеды связали переход $\langle e \rangle > o$ с твёрдостью-мягкостью последующих согласных, ориентируясь на более поздние отношения в системе русского языка. По этой причине положение о лабиализованности твёрдых согласных, как необходимом условии изменения $\langle e \rangle > o$, стало основным. Однако эта точка зрения не учитывает некоторых важных моментов, связанных с характером синтагматических отношений звуковых единиц древнерусского языка до падения $\langle \delta \rangle$, $\langle \psi \rangle$ и в период преобразования редуцированных гласных.

А.А. Шахматов отмечает, что Ф.Ф. Фортунатовым было впервые высказано предположение о звучании общеславянского e как δ в положении перед слогом с гласной переднего ряда, и, развивая взгляды Ф.Ф. Фортунатова, причину перехода $\langle e \rangle > o$ описывает так: «Изменение e в δ после j и смягчённых согласных явилось в результате диссимиляционного процесса, задерживавшегося присутствием гласной переднего ряда в следующем за тем слогом»³. Для общеславянского языка учёный описал $[e > \delta]$, как результат диссимиляции $[e]$ с предшествующей смягчённой согласной (диссимиляция определялась следующим слогом с гласным переднего ряда). Для общерусского языка переход понимался «как результат ассимиляционного процесса нелабиализованной гласной переднего ряда в направлении к следующей лабиализованной согласной»⁴. Если допустить, что переход $\langle e \rangle > o$ получил своё начало в период до падения еров, то можно считать точку зрения А.А. Шахматова не лишённой основания.

Идея регрессивной ассимиляции гласных нашла своё отражение в работах Е.Д. Поливанова и И.Г. Добродомова. В связи с характеристикой умлаута как разновидности гармонии гласных – сингармонизма необходимо учесть одно чрезвычайно важное высказывание Е.Д. Поливанова относительно умлаутного характера перехода $\langle e \rangle > o$: «Сюда же относится и такое построение, как мнимый лабиальный умлаут, предполагаемый Шахматовым для перехода $\langle e \rangle > o$ (то есть e с предшествующим мягким согласным) в $\langle o \rangle$ перед следующим твёрдым, как, напр. в $m\acute{e}d = m'ot < m'od < m'ed$ ». Мысль Шахматова можно понимать так, что $\langle \psi \rangle$, исчезая, оставляло свой момент лабиализации на предшествующем согласном ($d = d^u$?), который становился лабиализованным (*sic*), а затем сообщал свою лабиализацию предшествующему гласному (таким образом $e, \psi > o$: $m\acute{e}d, n\acute{e}c$). Но, думаю, весь рассказ о лабиализованных согласных в русском языке (хотя для него и можно, казалось бы, использовать некоторый инструментально-фонетический материал из южных говоров), как о факторе перехода $\langle e \rangle > o$ – недоразумение, так как самый момент изменения состоит здесь не в губной, а язычной работе: процесс $e > o$ – собственно $e > A$, и как таковой вполне соизмерим с аналогичными изменениями соответствующего долгого: полифтонга $\langle j\epsilon \rangle$ ($\langle \acute{b} \rangle$) в $\langle \acute{a} \rangle$: *часть < *kiesъ*, польск. *l'as < liesъ* (ср. те же процессы в индийском: **ke* скр. *ca, te > ta, kē > kā, te > tā*). Таким образом, при желании этот переход можно рассматривать лишь как умлаут язычной работы

¹ Кузнецова А.М. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

² Бондарко Л.В. Некоторые замечания по поводу маркированности-немаркированности членов фонологических противопоставлений // Исследования по фонологии. М., 1966. С. 394–400.

³ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 8.

⁴ Там же. С. 134.

(*d* в *m'ed*, *s* в *lies* — твёрдые потому, что за ними шло ъ, и они сообщают характерный для «твёрдых» уклад предшествующему гласному), но не как губной умлаут»¹.

И.Г. Добродомов также увидел в данном явлении взаимодействие гласных, указав на заместительное продление и лабиализацию гласного [e] под влиянием исчезающего [ʒ] последующего слога. При этом учитывался параллельный процесс развития нового *ʒ* из [e] в говорах, лёгших впоследствии в основу украинского языка. Например, новый *ʒ* появился в результате развития заместительного удлинения гласного [e] после падения редуцированных. Точно такое же развитие имел в истории украинского языка гласный [o], в результате удлинения которого получились разного рода дифтонги, упростившиеся впоследствии в гласные [i, y]. «Заместительное удлинение гласного *e* после падения ъ в следующем слоге не получило отражение в памятниках письменности в виде нового *ʒ*, ибо оно сопровождалось также заместительной лабиализацией: *л'едь* > *л'од*... Возникшее в результате заместительной лабиализации изменение *e* в *o* (первоначально *ö*) в период падения редуцированных ограничивалось только новым закрытым слогом: *мёд*, но *меда*, *меду*. Но в дальнейшем была обобщена позиция перед твёрдым согласным: все русские говоры, знающие фонетический переход *e* в *o*, обобщили на все позиции гласного *e* перед твёрдым согласным переход его в *o*, то есть по образцу *мёд* стали говорить *мёда*»².

Было обращено внимание на взаимосвязь изменений [e~o], [e~ʒ], [ʒ~u]. Данный аспект рассмотрения проблемы перехода <e>o> заслуживает внимания, так как может дать объяснение целому ряду языковых процессов древнерусского языка и показать действие законов системы, которые определили направление развития языка.

Известно, что до падения еров фонетическая эволюция праславянского языка и отдельных славянских языков определялась тенденцией к восходящей звучности и открытости слогов. Позднее устранение еров вызывает процесс формирования закрытых слогов. Одна тенденция сменяется другой, промежуток между периодами их действия заполняет, видимо, тенденция к межслоговому уподоблению, которая сохраняется в русском языке до тех пор, пока корреляция согласных по твёрдости-мягкости окончательно не сформировалась и не стала определять последующие изменения в системе русского языка. Поэтому при анализе условий преобразований фонемы <e>

¹ Поливанов Е.Д. Причины происхождения Umlaut'a // Сборник Туркестанского восточного ин-та в честь проф. А.Э. Шмидта. Ташкент, 1923. С. 120–121.

² Добродомов И.Г. О переходах *e* в *o* в русском языке. С. 177–178.

И.Г. Добродомов обобщил все случаи перехода <e>o>, которые имели место в славянских языках в разное время, в разных условиях. Древнейший случай перехода <e>o> следует считать балто-славяно-италийским процессом. Он охватил не только все славянские языки, но и балтийские и италийские (латинский) и заключался в том, что индоевропейский гласный **e* перед *v*, за которым следовал гласный заднего ряда, изменился в *o* (для латинского языка *e* изменялось в *o* независимо от следующего гласного). Из индоевропейского **nevos* получилось латинск. *novus*, литовск. (древн.) *navas*, старославянск. *новъ* при древнегреч. *νεος* (из *νεθος*). Ср. старославянск. слово при древнегреч. *κλεος* (из *κλεθος*) «слава».

Другая разновидность перехода <e>o> характерна только для восточнославянских языков. Она имела место в начальном слоге слова и происходила, как правило, перед следующим слогом с гласным переднего ряда, то есть имела диссимилятивный характер. В результате восточнославянское начальное *o-* стало противопоставляться сочетанию *je-* в других славянских языках: русск. *озеро* — старославянск. *jezero* и т. п.

Третий вид лабиализации гласного *e* имел место в восточнославянских языках перед лабиовелярным *l* в праславянских словах типа **melko*, **melti*, **delto*, откуда восточнославянские *молоко*, *молоти*, *долото* при сербохорватских *млеко*, *млети*, *длето* (ср. польск. *dloto*). В данном случае процесс перехода <e>o> был вызван причинами ассимилятивными, подобно тому, как в балто-славяно-италийском переходе <e>o>.

следует учитывать твёрдый или мягкий¹ характер силлабем (как фонетических единиц, относящихся к слогу), которые следовали за слогом с [e] и к которым фактически восходят соответствующие твёрдые и мягкие согласные следующего слога или согласные, закрывающие слог.

Если в изменении <e>o> видеть результат воздействия твёрдого согласного на гласный [e], то остаётся неясным, что в этом процессе оказывается существенным: 1) приобретение гласным [e] лабиализации или 2) передвижение его в задний ряд, поскольку параметры гласного и согласного несоизмеримы. Если же изменение [e] в [’o] происходит под влиянием твёрдой огласовки следующего слога, то можно говорить о смещении гласного в задний ряд, то есть о межслоговой регрессивной ассимиляции гласных по ряду. Лабиализация возникает вторично, как следствие передвижения гласного в заднюю зону, где в русском языке гласный имеет обязательную лабиализацию: [м’едъ > м’одъ, ж’ены > ж’оны]. Общий признак твёрдых слогов определяется соседством твёрдого согласного с любым гласным заднего ряда, безразлично лабиализованным или нелабиализованным, а также самой артикуляцией губных и заднеязычных согласных. Заднерядность, как и лабиализованность, понижает тональность, создавая таким образом контраст переднерядности. Велярность слога вызывает передвижку предшествующего гласного [e] в задний ряд, придавая предшествующему мягкому слогу (с исконно мягким или вторично смягчённым согласным) лабиализующую тональность.

Значит, в период взаимной обусловленности согласного и гласного возможно развитие у гласного передней зоны образования непереднего аллофона. Если непередняя-передняя зона образования гласного зависит от качества соседнего согласного, то наличие-отсутствие лабиализации не связано с качеством этого согласного: и после твёрдого (то, ту), и после мягкого (т’о, т’у) был возможен лабиализованный гласный.

В.В. Иванов указывает, что сочетания [m’e] – [mo], [m’b] – [mъ] оказываются более ослабленными, чем, например, сочетания [m’u] – [my], так как признак наличия-отсутствия лабиализации не зависит от мягкости предшествующего согласного², но зависит, как представляется, от заднего (велярного) характера гласного. А это значит, что в результате тембрового выравнивания слогов в слове по лабиализованности передняя зона образования [e] в качестве конститутивного признака в данных слогах сохраняется, но возникает сочетание мягкого согласного с аллофоном задней зоны образования. В фонологическом аспекте [õ] понимается только как непередний аллофон <e> – фонемы передней зоны образования.

Фонемному изменению <e>o> предшествовал длительный подготовительный процесс внутри самой фонемы, который происходил на аллофонном уровне³. Поэтому, как отмечает Г.А. Хабургаев, «нет оснований видеть в фактах памятников противоречия тому, что «живой» процесс мог протекать задолго до того, как его результаты стали

¹ «В классической теории о праславянском сингармонизме (Р.О. Якобсон) под терминами «мягкость» и «мягкие», «мягкостная корреляция» и т. п. скрываются, не различаясь, обе категории: палатальные и палатализованные (нейтральные и диззные)» (См.: Журавлёв В.К. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. С. 19).

² Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. С. 206.

³ М.И. Стеблин-Каменский подчёркивает, что аллофонное изменение – это изменение в реализации фонемы, или изменение аллофона этой фонемы; оно выражается в аллофонном варьировании фонемы, появлении у неё нового аллофона или исчезновении старого. Аллофонное изменение, как правило, предшествует фонемному изменению, оно не находит отражение в письме, так как оно не осознаётся говорящим, как и само наличие аллофонов (См.: Стеблин-Каменский М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. С. 9).

получать отражение в письменности, которая в действительности была намного консервативнее... чем принято думать»¹. Историки русского языка принимают во внимание этот факт, отмечая, что все нарушения канонической письменной нормы связаны либо с графическими ошибками (вообще очень редкими и всегда легко определимыми), либо с отражением фонологического изменения в говоре писца, как правило, с некоторым запозданием².

Считается, что фонетический процесс перехода <e>o> охватил не только этимологический [e], но и [e], который развился из так называемого сильного [b]: [n'ьсѣ > n'есѣ > n'ос, л'ьнѣ > л'ен > л'он, сл'ьзѣ > сл'ез > сл'ос], на том основании, что изменение <e>o> в восточнославянских языках происходило после утраты редуцированных в слабой позиции: [n'ьса > нса, л'ьна > л'на] и вокализации их в гласные полного образования в сильной позиции: [n'ьстрый > n'естрый > n'острый, ж'ьлтый > ж'елтый > ж'олтый]. Историки русского языка исходят из синтагматических условий перехода. Воздействие последующего согласного на предшествующий гласный могло быть наиболее интенсивным лишь после падения редуцированных, когда был нарушен закон открытого слога и возникла возможность воздействия последующего согласного на предшествующий гласный, так как оба звука оказались в пределах одного слога. При этом предполагается, что лабиовелярность конечного согласного сохраняется и после утраты [ʋ].

Л.П. Якубинский отмечает, что в словах типа *тёмный, колёсный, слёзный, счётный* переход <e>o> осуществлялся перед твёрдым согласным, «ставшим твёрдым (после исчезновения ь) по ассимиляции к следующему твёрдому n: *тьмьнѣ* и *темной* > *тёмной* и т. п. Отсюда заключаем, что переход e в 'o совершался после падения глухих»³. Но слова *женский, первый* остались у Л.П. Якубинского без объяснения.

Эту точку зрения развивает и В.Н. Сидоров: «Вопреки общепринятому мнению, в своё время обоснованному академиком А.А. Шахматовым, что переход e в 'o был общерусским процессом доисторической поры, мной развивалась точка зрения об относительно поздней хронологии этого процесса. Основанием для этой точки зрения было положение, что в древнерусском языке с исключительной последовательностью проводился принцип слогового сингармонизма, а потому в нём не было условий для изменения e в 'o, которое порождало многочисленные слоги, противоречащие сингармонической слоговой модели. Естественно поэтому было предполагать, что наиболее благоприятные условия для изменения e в 'o сложились именно в то время, когда в русском языке разрушилась традиционная слоговая модель, когда он утратил открытые слоги, подчинённые принципу слогового сингармонизма. Поскольку такое разрушение слоговой модели было связано с падением глухих, то естественно, что переход e в 'o следует относить ко времени после утраты редуцированных гласных»⁴.

На непосредственную зависимость <e>o> от падения еров указывает С.Б. Бернштейн: «любой переход [e] в [o] мог иметь место только после завершения эпохи силлабем, после завершения фонологизации твёрдых и мягких согласных. А в эту эпоху

¹ Хабургаев Г.А. Ещё раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке // Лингвистическая география, диалектология и история русского языка. Ереван, 1976. С. 403.

² Колесов В.В. Фонетические изменения согласных в эпоху распада силлабем (о диахроническом взаимодействии синтагматической и парадигматической системы фонем) // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 22.

³ Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 153.

⁴ Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. С. 3–4.

исконная мягкость и мягкость новая уже не различались. В положении перед [e] все согласные были мягкими»¹.

А.А. Шахматов отметил иную промежуточную ступень для изменения <ь>о>: «ь переходил в ё за j и за смягчёнными согласными, когда за ним не следовал слог с гласной переднего ряда. Примеры: *пajѣтъ*, ср. сербск. *најам*, великор. *наём*; *роцьѣтъ*, ср. великор. *почот*; *плаць*, ср. старослав. *плауь*, диалект. *плачь*, древнерусск. *плачь*»². В общеславянском праязыке ь изменялось в ё (лабиализованное ь), в общерусском праязыке до перехода полумягких в мягкие, как считал А.А. Шахматов, ё переходил в ъ, например: *тѣѣькѣ* > *тѣѣькѣ*³.

Вопрос о фонетических стадиях <ь> в определённой степени предположителен, хотя появление [ё] вероятно на основе типологических сопоставлений. В своих последующих изменениях редуцированные исчезли *жъньць* > [ж'н'ец'], *къто* > [кто], *съна* > [сна], *къназь* > [кн'аз'], стали передним [ѣ] *дънь* > [д'ѣн'], *вьсь* > [в'ѣс'] или непередним [о] *ръжь* > [рож'], *сътъ* > [сот], *кѣтъкъ* > [кл'ѣток]. А поскольку непередние были одновременно и лабиализованными, можно предположить, что при тенденции к тесной взаимосвязи двух соседних слогов механизм межслового уподобления распространялся и на фонему <ь>, которая перед твёрдым слогом передвигалась в задний ряд и лабиализовалась, получая аллофон [ё]: *пъсь* [п'ѣсѣ], *лънь* [л'ѣнѣ], *орьль* [ор'ѣль], *овьсь* [ов'ѣсѣ]. Аналогично аллофону [ѣ] непередний аллофон [ё] передней гласной <ь> сочетался с фонологически мягким согласным и получал позиционную лабиализацию [ь>ё>'] ещё до окончательного совпадения <е>о>. Вероятно, на аллофонном уровне гласные <ь> и <е> изменяют артикуляцию пока не на всём участке звучания, а в пределах своих аллофонов [ё] и [ѣ]. Позиционно обусловленная вариативность данных фонем проявляется скрыто и лишь впоследствии, после утраты редуцированных, начинает осознаваться, как и сам факт фонемного перехода <ь>, <е> в <о>.

Хронология изменения <е>о>

§ 4. Решая вопрос о времени действия <е>о>, И.В. Ягич сделал предположение, что переход первоначально имел место после шипящих и [j], и только позже этот процесс охватывает позицию после исконно мягких согласных. В качестве доказательства И.В. Ягич приводит данные украинского языка, в котором случаи изменения <е>о> были ограничены условиями: после исконно мягких согласных (под ударением и в безударном положении) произносится *чолó*, *чоловік*, *жонá*, *жолудок*, *пшонó*, *щокá* и т. д.; ср.: *рѣбра*, *дѣшево*, *одѣжа*, *овѣс*, *пес* и т. д., но и *льод*, *льон*⁴.

Высказанная идея поэтапного изменения <е> развивается А.А. Шахматовым, который относит начало действия закона к доисторическому периоду⁵. Положение о двух этапах изменения <е>о> было поддержано Н.Н. Дурново⁶, Л.П. Якубинским⁷, Ф.П. Филиным⁸.

¹ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. С. 278.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Т. 1. С. 18.

³ Там же. С. 119–120.

⁴ Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. С. 37.

⁵ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 133–134.

⁶ Дурново Н.Н. Записки по истории звуков русского языка. Харьков, 1913. С. 110.

⁷ Якубинский Л.П. История древнерусского языка. С. 150–153.

⁸ Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 184–202.

А.И. Соболевский проблему хронологии <e>o> рассматривает иначе: закон начинает своё действие одновременно как после исконно мягких и [j], так и после бывших полумягких. Отсутствие в памятниках написаний буквы *o* на месте *e* после бывших полумягких объясняется, по его мнению, тем, что древнерусские писцы не умели передавать [o] после этих согласных и потому «если решались изображать *o*, должны были прибегать к какому-либо особому способу изображения этого *o* или отказываться от изображения мягкости согласного. Мы читаем: в новгородском Ев. 1270 г.: **днѣотѣ** = *днѣтъ* = *дньн-тѣ*; в московской духовной в. кн. Ивана Ивановича: **блюдо сѣреброно**; в новгородск. Ев. до 1362 г.: **Юлѣонгы** 155 = *Елѣны*, сравни *Олѣна*; в новгор. Прологе 1356 г.: **гаромѣ** 83 об. = *ярѣмѣ*; в двинских грамотах второй половины XIV в.: **за моромѣ**, **роубловѣ**; в новгор. Ев. XIV в. (Тип. Б., № 11): **сѣрѣбро**. Запись в последних примерах *o*, вероятно, передаёт звук *o*, но остаётся не переданною на письме мягкость согласного»¹. Данное положение развивают А.М. Селищев², С.Б. Бернштейн³, идея находит отражение в учебных пособиях В.В. Иванова⁴, К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаева⁵.

Установка рассматривать переход <e>o> с точки зрения межслогового уподобления углубляет хронологические рамки данного изменения. Зарождение переходов на аллофонном уровне относим к периоду после вторичного смягчения согласных и до преобразования еров. Отмеченная промежуточная ступень [ь>ѣ] кажется более оправданной, чем этап [ь>е], так как <ь> и <е> находились в одинаковых условиях перед твёрдыми силлабемами, для этих гласных переход в заднюю зону был одновременным процессом и имел схожие рефлексы [ѣ] и [ѣ].

По существу, тезис о межслоговой регрессивной ассимиляции⁶ гласных не противоречит идее А.А. Шахматова о диссимиляции *ѣe>ѣo*. Учёный предположил внутрислоговое расподобление согласного и гласного звуков, обусловленное качеством последующего слога, мы же рассматриваем это скорее как межслоговую ассимиляцию гласных звуков, как одну из вероятных первопричин перехода <ь>, <е> в <o>.

Таким образом, изменение <e>o> начинается как аллофонное преобразование, которое препятствует функционированию фонемы <е>. При таком переходе <е> изменяет артикуляцию, нарушая принцип слогового сингармонизма, но создавая базу для словесного сингармонизма.

В период после смягчения полумягких согласных и до падения еров для <е> и <o>, <ь> и <ѣ> не происходило утраты дифференциального признака передняя-непередняя зона образования. Эти гласные не могли в равной мере оказываться после мягких (исконно мягких и вторично смягчённых) согласных, происходит только фонетическое

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 54.

² Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1. Западно-славянские языки. М., 1941. С. 175–196.

³ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. С. 277–280.

⁴ Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964. С. 189–197.

⁵ Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. С. 83–87.

⁶ Ассимиляция, будучи одним из наиболее распространённых видов комбинаторных изменений звуков, есть процесс, в результате которого увеличивается фонетическое сходство подверженных ей звуков. Аллофонные изменения звуков являются, как правило, результатом того или иного вида ассимиляции, взаимодействия звуков в синтагматической цепи. С точки зрения синхронной фонологии при ассимиляции по какому-либо признаку уподобляется фонема, в которой данный признак не является различительным. Одним из основных положений исторической фонологии является связь звуковых изменений с изменениями фонетических характеристик аллофонов (См.: Зиндер Л.Р. О звуковых изменениях // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 69–77; Стеблин-Каменский М.И. К теории звуковых изменений // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 66–79).

варьирование по избыточным признакам. Хотя дефонологизация признака зоны образования уже началась, например, для <ä> (из *e*) и <a> исконного, в результате чего <ä> утрачивается как особая фонема (фонологически, фонетически нет) и совпадает с исконной фонемой <a>. Сближение двух гласных фонем <ä> и <a>, получив развитие до смягчения полумягких, завершилось конвергенцией в период вторичного смягчения согласных. Процесс конвергенции <ь, е> с <o> исконным был ещё впереди. С одной стороны, существовала возможность для конвергенции (в положении после мягких согласных [j̥] и [j̄]) фонетически могли сближаться с [o], который выступал только после твёрдых согласных), с другой стороны, для слияния различных звуков существовала фонологическая ограниченность: позиция сочетаемости согласного и гласного в слоге была взаимообусловленной, хотя и ослаблялась относительно независимым от качества согласного признаком наличия-отсутствия лабиализации в сочетаниях [m'e]–[mo], [m'ь]–[mъ].

Таким образом, в системе вокализма древнерусского языка в период преобразования еров межслоговое уподобление двух соседних слогов оказывает определённое влияние на качество гласного предшествующего слога, вызывая его позиционное варьирование. Варьирование <е> или <ь> (*e*~*ö*, *ь*~*ÿ*) было позиционно обусловленным до тех пор, пока не развилось противопоставление согласных по твёрдости-мягкости, то есть варьирование <е> или <ь> не было фонологически существенным. С развитием противопоставления согласных по твёрдости-мягкости исчезли и фонологические условия, благодаря которым появились заднерядные варианты древнерусских <е> и <ь>. Это, в свою очередь, привело к тому, что [j̄] и [j̥] из позиционно обусловленных вариантов превратились в самостоятельные фонемы, то есть аллофонную дивергенцию сменила фонемная. За дивергенцией последовал процесс слияния с <o>, то есть конвергенция.

Таково последовательное преобразование <е, ь> в <o> перед твёрдыми слогами в период до падения редуцированных гласных, которое можно предполагать на основе их последующих изменений.

Изменение <е> с позиций межслогового сингармонизма

§ 5. Преобразование редуцированных изменило дивергентное развитие <ь> и <е>: в результате падения еров и развития противопоставления согласных по твёрдости-мягкости признак ряда отходит на второй план, новое противопоставление передних и непередних гласных строится по признаку лабиализованности-нелабиализованности, а признак ряда превращается в переменный признак некогда функционально важных морфем: [н'есль > н'öслъ > н'ос, л'ьнь > л'ÿнь > л'он]. Изменение понимается не просто как приспособление артикуляции гласного к последующему слогу, который представлял собой целый лабиовелярный комплекс, а как переход из одной зоны образования в другую с приобретением дополнительного дифференциального признака.

Внешне для дивергенции и конвергенции имеются одинаковые условия: положение <ь> и <е> перед твёрдым или мягким слогом, но по существу различие состоит в том, какой признак принимает участие в изменении. Дивергенция – появление аллофонов [e>ö], [ь>ÿ] – связывается с избыточным признаком лабиализованности, конвергенция (слияние новых фонем с уже имеющимися в системе) определена также

признаком лабиализованности, но уже в качестве дифференциального релевантного¹. Первоначально звуки [ö] и [ë] сами по себе не используются в смысловозначительной функции, не осознаются отличными от гласных <e>, и не находят отражение на письме. В результате конвергенции близкие друг другу аллофоны сливаются в гласном [o]: [b>ë>ö, ë>o, e>ö>o] и возникает новый аллофон [˚o]: [м˚от, с˚ол, с˚остры, л˚он]. После слияния нового [˚o] со старым [o] и фонологизации отношений по твёрдости-мягкости <o> реализуется как после твёрдых, так и после мягких согласных: [вол – в˚ол, склон – кл˚он, вос – в˚ос]². Таким образом, происходит перераспределение аллофонов от одной фонемы к другой, [ö] и [ë] теряют фонетическую обусловленность последующим лабиовелярным слогом.

Различие аллофонного и фонемного уровней помогает хронологизировать рассматриваемые преобразования. Первоначально, как результат дивергенции, на аллофоном уровне у фонем и <e> появляются позиционно обусловленные аллофоны [ë] и [ö] (до падения еров), затем (после преобразования еров) происходит фонологизация результатов этих изменений, которая выразилась в конвергенции с исконной фонемой <o>. Процесс конвергенции сопровождается переводением фонетически обусловленного перехода <e>o> в другие позиции морфологическим путём и устранением существующей позиционной обусловленности: [м˚одъ] – [м˚од˚e] вместо [м˚эд˚e], не[с˚óm] – не[с˚ót˚e] вместо не[с˚эт˚e]³. Механизм межслоговой ассимиляции гласных по ряду нарушает уподобление согласного и гласного внутри слога [ж˚эны > ж˚оны, с˚эстры > с˚остры, с˚эла > с˚ола], внутрислоговая диссимиляция преобразует слоговой сингармонизм в сингармонизм словесный.

Дивергентно-конвергентное преобразование древнерусских и <e>, обусловленное процессом дефонологизации зоны образования гласных, даёт возможность бывшим аллофонам самостоятельно выступать в смысловозначительной функции. Например, в Изборнике Святослава 1073 г. находим написание **УЛОВЪКА** (179); в Слове Ипполита об антихристе XII в. – **сѣкажомъ** (22), **благжомъ** (99), **моужомъ** (21), **вѣвѣшомъ** (24), **хѣтрыцомъ** (5), **раздѣливѣшомъста** (40), **държацомъ** (164); в Жи-

¹ «Различие определяется системой фонем: если признак перехода является релевантным – изменение фонемное, если нет – аллофонное» (Колесов В.В. Динамическая модель и изменение фонем // Фонология. Тамбов, 1982. С. 112).

² Ср. мнение А.А. Реформатского, который следующим образом рассмотрел (с точки зрения смены позиций и дивергентно-конвергентного развития) одну сторону изменения исконной фонемы <e> – изменение <e>o>: «в определённую эпоху в русском языке e под ударением перед твёрдой согласной переходило в o, это была слабая позиция, и такое [o] было вариантом фонемы <e>, например, в слове *лёт* [l˚o] (ср. *лететь*); наряду с этим было старое o, существовавшее как особая фонема; фонетически не чередовавшаяся с e, но находившаяся в морфологическом чередовании с фонемой <e> (например, *стол* [st˚o] – *стелить* [s˚t˚el˚it]). Позднее закономерность фонетического чередования [e] – [o] перестаёт действовать, т. е. стало возможным произносить в этой позиции (под ударением, перед твёрдой согласной) [ɛ] (например, *предмет* [pr˚edm˚et] и т. п. «Учёный даёт в качестве примера слово XVIII в.), с этого момента [ɔ] перестаёт фонетически чередоваться с [ɛ] – их отношение переходит в ряд морфологических (не обусловленных) чередований; само же это [ɔ] из варианта фонемы <e> становится отдельной фонемой <ɔ>, а так как в языке есть «старое» <ɔ>, то совпадает с ним, т. е. в словах *лёт* и *стол* гласные становятся членами одной фонемы <ɔ>» (Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 233).

³ Р.И. Аванесов доказывает нефонетическое происхождение [o] на месте [e] в абсолютном конце слова: *тво[ɔ]*, *мо[ɔ]*, *в[с˚o]*, *жи[л˚o]*, *бе[л˚o]*, *зве[р˚o]* по типу *окно́*. Доказательством послужили обнаруженные им говоры, в которых отсутствовал фонетический переход <e>o>, но имелся [˚o]: в падежных окончаниях [дн˚ом, з˚емл˚о́, кул˚о́м, м˚едв˚ед˚о́м, конопл˚о́] под влиянием твёрдой разновидности склонения (*окно́м, пилóу*) и в уменьшительном суффиксе *-ок* [п˚ен˚о́к, д˚ен˚о́к, кул˚о́к, огон˚о́к] под влиянием уменьшительного суффикса *-ок* после твёрдых согласных (*дубо́к, возо́к*). В остальных случаях [e] сохранялся: [л˚ен, кл˚ен, ов˚ес, св˚экла, б˚ер˚эза, кот˚энок] и др. (См.: Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. I. С. 41–44).

тии Епифания Кипрского XII в. — **врѣжонѣ**, **осоуѣжонѣ** (58), **враѣомѣ** (68), **шѣдѣшомѣ** (21 об.) и др.; в Лествице XII в. — **ностаѣомоу** (12 об.), **рекшомоу** (14 об.) и др. Есть подобные примеры в Триоде Моисея Киянина XII–XIII вв. — **принѣшомоу** (37), **стоѣѣомѣ** (73), **поживѣшомѣ** (26 об.), **срѣѣомѣ** (35 об.). Случаи использования буквы *o* отмечаются в памятниках галицко-волинского говора: в Выголексинском сборнике XII–XIII вв., в Поликарповом Евангелии 1307 г., в Галицких грамотах XIV–XV вв. и других текстах¹.

Конечно, конвергенция гласных с *o* не сразу находит отражение в письме, первоначально буква *o* употребляется после исконно мягких согласных [*ж'*, *ш'*, *ч'*, *ц'*, *ш'т'*], так как для оформления перехода после других согласных не существовало графических средств, например: **иноуѣомоу** (85) (Христинопольский Апостол XII в.); **оумѣршомоу** (126 об.) (Житие Нифонта 1219 г.); **жонкали** (34), **жорновом** (47), **шолкты**, тв. пад., мн. ч. (22) («Моление Даниила Заточника» по Академическому списку); **шолкты** (30), **плѣѣо** (38) (Чудовский список) и др.² Более поздние памятники передают [o] после всех мягких согласных: **днѣот** (3) (Новгр. Ев. 1270 г.), **юлеонты** (155) (Новгр. Ев. 1362 г.)³; в двинских грамотах XV века хорошо засвидетельствован переход не только после *ж*, *ш*, *ц*, *ш*, но и после других согласных: № 19 — **землою** (4); № 81, 82 — **роуѣловѣ** (13, 18); № 111 — **озора** (3), **озорѣ** (4)⁴.

Учѣт вероятного фонетического варьирования фонем *o* и *e* показал, что перед твёрдым слогом позиция для *o* и *e* была слабой: гласные пережили процессы преобразования, смену дифференциальных признаков, по которым противопоставлялись другим фонемам.

Несмотря на то что падение еров изменило общую картину действия фонетических процессов древнерусского языка, думается, что в этот период сложившийся механизм действия (межслоговое уподобление в открытых слогах, а также изменение еров, *e* и *e'*, усиленное за сѣт выпавших *o*, *o'* в новых закрытых слогах) не мог измениться сразу под влиянием ещё развивающейся категории твёрдости-мягкости согласных. Ведь только после завершения формирования этой категории согласные могли непосредственно оказывать влияние на предшествующий гласный. А к этому времени рассматриваемые процессы из чисто фонетических перешли в область морфологических чередований. Поэтому для всего периода действия *e > o* (когда он имел силу фонетического закона) представляется вероятным предполагать механизм межслогового уподобления.

Межслоговой сингармонизм обеспечивает переход *e > o* и в безударном положении⁵. Фонетическое условие слога, при котором безударный гласный по его силе

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1888. С. 52.

² Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946. С. 88, 145.

³ Соболевский А.И. Указ. соч. 1888. С. 54.

⁴ Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века. С. 32–33, 97, 100–102, 138–140.

⁵ А.А. Потебня доказал, что произношение [o] на месте [e] наблюдается в южновеликорусских и северновеликорусских говорах под ударением и в безударном положении (См.: Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка. С. 77–80).

М.А. Колосов, А.И. Соболевский, И.В. Ягич, А.А. Шахматов поддержали эту точку зрения и обозначили условия перехода для литературного языка и говоров в тот период, когда переход имел силу фонетического закона: независимо от ударения перед твёрдым согласным.

П.С. Кузнецов сравнил распределение слогов по силе в ранний период развития русского языка и после падения редуцированных и пришѣл к выводу, что первый предударный слог перед падением редуцированных был наиболее слабым, в языке сохранялось распределение слогов по силе, какое наблюдалось ещё на почве общиндоевропейского языка. В дальнейшем, в говорах, характеризующихся аканьем и неполным

и длительности фактически равен ударенному, позволяло реализовывать в нём слабые фонемы в тех же гласных, что и под ударением. Так могли происходить фонетически закономерные изменения гласных в ударном и первом предударном слогах. Например, в северновеликорусском наречии переход <e>o> осуществлялся независимо от положения по отношению к ударению: в предударном слоге после шипящих — *Замятина жоны Федорова* (1610, ЯТГ, 260), *по щокамъ ударилъ* (1704, Соловецкий м-рь, 1210, 4, 163, л. 40); после парных по твёрдости-мягкости согласных — *безъ дровъ и безъ лучины клюшника не доржать* (1634, АУЕ — II, 41, 1), *да троски купилъ* (1637, Антониев Сийский м-рь, 1196, 7, 16, л. 10 об.), *два пуда троски* (там же), *и всего худые земли четыре четверти* (1676, Вологодск. отк., л. 119) и др. Случаи отражения этого процесса наблюдаются и в заударных слогах: *з Борисовым озоромъ* (XVI в., Кострома, ГКЭ, 181/5148), *купили пяторы четки* (1602, Вологда, 196, 1, 19, л. 11), *с верхново конца* (1656, Котельнич, ГКЭ, 26/5988), *на задном крыльцѣ* (1675 — 76, 137, Китай-город, 1, л. 32 об.), *онъ вышолъ перво* (1728, Устьянские волости, 651, 9, л. 4 об.) — ср. *онъ вышел перво* (1728, там же, л. 1). Представлены формы аналогичного происхождения перед мягким согласным — *жонѣ ево вдовѣ Даре* (1676, Вологодск. отк., л. 21), *по щоки ударил* (1704, Соловецкий м-рь, 1210, 4, 163, л. 39), *по щоки билъ* (там же, л. 45)¹.

Современное северное ёканье является, бесспорно, результатом древнего перехода <e>o> и свидетельствует о том, что переход захватил и безударные слоги. К.Ф. Захарова описала реализацию <o> в первом предударном слоге в современных говорах и доказала, что в говорах Владимирско-Поволжской группы наличие гласного [o] после мягких согласных в первом предударном слоге, как и под ударением, связано не с фонетическими причинами, а отражает фонемный состав словоформы. Однако реализация этого фонемного состава возможна в этих говорах только благодаря фонетическому положению первого предударного слога как сильной позиции. Ритмико-интонационная система слова, распределение в нём длительности слогов таковы, что первый предударный слог, не обладая силой ударенного слога, равен ему по длительности.

Напротив, в говорах северного наречия все безударные слоги более или менее равны по длительности, но чтобы ударенный слог выделялся среди них и создавал таким образом фонетическое слово, все они, в том числе и первый предударный слог, короче, чем ударенный. Однако в положении перед твёрдым согласным (точнее перед твёрдым слогом) гласные становились лабиализованными, напряжёнными, в результате чего происходил переход [e>ö]. «Большая краткость предударного слога в говорах северного наречия могла быть препятствием к последовательному проведению этого перехода, так как лабиализация при этом не осуществлялась или осуществлялась с недостаточной силой. В результате на уровне фонетических изменений в положении перед твёрдым согласным — под ударением и в первом предударном слоге — возникали

оканьем, первый предударный слог по сравнению с другими безударными слогами располагает, напротив, наибольшим весом (Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 100).

«Это значит, что если [e] из *e, ь перед твёрдыми согласными переходил в [o], то это происходило как под ударением, так и в предударном положении: [n'ók — n'okú], но [n'éc' — n'ec'éui]» (Захарова К.Ф. «Слабые» фонемы предударного вокализма // Фортунатовский сборник. М., 2000. С. 65).

¹ Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М., 2000. С. 61.

разные звуки — [ō] под ударением и [e] или [e^o] в первом предударном слоге. Позднее, на фонетическом уровне, когда [o] стал репрезентантом фонемы <o>, разрыв между [o] под ударением и [e] в первом предударном слоге стал значимым»¹.

Для окончательного перехода <e>o> едва ли необходимо, чтобы в языке уже существовала категория твёрдости-мягкости согласных. Известно, что в говорах при семифонемном составе гласных с фонемами <ô> и <o>, <ê> и <e> отмечаются твёрдые или полумягкие согласные перед [e]. Такая система гласных, имеющая на месте <e> звуки типа [ˈe, ˈi̯e, ˈe̯] и на месте <ê> звуки типа [ˈê, ˈi̯e, ˈe], всегда сочетается с отсутствием под ударением [o] на месте <e> перед твёрдыми слогами в корнях слов. В подобных говорах обычно имеется [o] во флексиях и суффиксах имён, появление которого объясняется морфологической аналогией².

Таким образом, в основной массе русских говоров синтагматическое изменение [e] в [ˈo] происходило обязательно перед твёрдым слогом и независимо от ударения. С закреплением позиционной зависимости лабиализованности от сильного динамического ударения начинается морфологический этап изменения. Утрачивается комбинаторная обусловленность лабиализации гласного от следующего слога [mˈóm'a, mˈóm'e] и устраняется лабиализация [e>ˈo] в безударном слоге, потому что безударные слоги в говорах со свободным ударением испытали различные качественно-количественные преобразования. В севернорусских говорах аканье не развивалось, соответственно, в севернорусских текстах отражён именно синтагматический этап изменения <e> при сохранении напряжённых гласных <ê> и <ô>, которые противопоставлялись ненапряжённым <e> и <o>.

Отметив конвергенцию нового [ˈo] (из *ь и *e) со старой фонемой <o> в положении перед рефлексами твёрдых силлабем, рассмотрим положение <ь> и <e> перед мягким слогом (до падения еров) и перед рефлексами мягких силлабем (после падения еров), ср.: [cˈélʹ]ский, [nˈépʹ]вый и [mˈédʹ]мѣдь, [dˈédʹe]дѣдь.

§ 6. О ранней, уже с XII—XIII вв., утрате различий между <e> и <ѣ> новгородским говором пишет А.И. Соболевский: «Звук ѣ был очень близок к звуку e по своим качествам, хотя, вероятно, был звуком более закрытым, но отличался от него своею долгою...»³. Опираясь на указанные А.И. Соболевским примеры (Добрилово Ев. 1164 г. — камѣнь, пѣць, тѣсть и др.), В.А. Богородицкий пишет: «этимологическое e во вторично закрытых слогах, кончающихся палатальным согласным, оказывается совпавшим с этимологическим ѣ»⁴. К.В. Горшкова при анализе графики и орфографии «Писем и бумаг Петра Великого» обращает внимание на то, что в «положении перед мягким согласным звуки на месте старых ѣ и e совпадают в одном звуке ê»⁵. В.В. Иванов, рассматривая судьбу ѣ в волоколамских говорах XV—XVIII вв., приходит к выводу,

¹ Захарова К.Ф. К вопросу об ёканье // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 42; см. также: Захарова К.Ф. «Слабые» фонемы предударного вокализма. С. 55–70.

² Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 6, вып. 3. М., 1947. С. 211–228.

³ В третьем и последующем изданиях «Лекций по истории русского языка» А.И. Соболевский уточняет данное определение: «Звук ѣ был близок к e по своему качеству, но произносился, повидимому, более закрыто, приближаясь к и; он отличался от e своею долгою» (Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1888. С. 40).

⁴ Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку...

⁵ Горшкова К.В. Из истории московского говора в конце XVII – начале XVIII века: Язык «Писем и бумаг Петра Великого» // Вестник Моск. ун-та. 1947. № 10. С. 113.

что в фонетически обусловленном положении (между мягкими согласными, перед [j], после [j]) <ѣ> и <е> сближаются по произношению. Это сближение <ѣ> и <е> в слабой позиции и приводило к смешению букв ѣ и е на письме, так как оба соответствующих звука ассоциировались в сознании писца как звуки закрытого характера, то есть в положении между мягкими согласными возникла нейтрализация фонем <ѣ> и <е>¹.

Историки русского языка единодушно определили направление развития этимологического <е>: под ударением перед твёрдым согласным отмечается изменение <е> > о — [в'ес'óлои, с'óла], между мягкими согласными происходит совпадение старых <ѣ> и <е> в [ѣ] — [л'ѣт'е, в'ѣк'и] и [в'ес'ѣл'ие, с'ѣл'скои]. Однако в классических работах и учебных пособиях по исторической фонетике русского языка и диалектологии преобразования <ѣ> и <е> описываются в отрыве друг от друга. Совпадение аллофонов фонем <ѣ> и <е> перед мягкими слогами, как правило, не интересует учёных с точки зрения судьбы ѣ. При изучении орфографии памятников письменности обращается внимание на смешение букв ѣ и е в разных позициях и на основании этого делается вывод о сохранении или утрате фонемы <ѣ> в том или ином говоре. Отсутствие целостного взгляда на природу изменения <е> привело к тому, что была признана «неполноценность» старой фонемы <е> в говорах с семи- и шестифонемным составом гласных, которые (наряду с фонемой <ѣ>) знают результат перехода <е> > о. Таковы говоры с. Леки Коробовского района Московской области по описанию А.А. Шахматова, бывш. Тотемского уезда Вологодской губернии по описанию О. Брока, бывш. Никольского уезда Вологодской губернии по описанию В. Мансикки, с. Пыщуг Пыщугского района Костромской области по описанию Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова, говоры бывш. Обоянского уезда Курской губернии по записям И.И. Машкина, а также некоторые другие южновеликорусские говоры². Так, в научной литературе утвердилось положение об изменении <е> > о при сохранении старой фонемы <е>. Например, в исторической справке в «Обзоре предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)» отмечается, что «звук [э] ... оставался без изменения перед мягким согласным (этим объясняются такие современные соотношения, как [с'ол]а — [с'эл']ский, п[чол]ы — п[чэл']ник...»³. В этом утверждении содержится ошибка, так как перед мягкими согласными фонема <е> реализуется в закрытом, напряженном звуке [ѣ]: [нч'ѣл'н'ик, с'ѣл'скои, д'ѣн', н'ѣс'ии, м'ѣд'е].

Примем во внимание точку зрения А.А. Шахматова, который обозначил два направления в изменении <е>: в [ѣ] и [е'] в зависимости от качества следующего слога⁴, и рассмотрим все возможные условия реализации <е>.

1. В положении под ударением перед твёрдым согласным (рефлексом твёрдой силлабемы): [м'едѣ > м'от, с'эстры > с'остры] отмечается конвергенция <е> > о.

2. В положении под ударением перед мягким согласным (рефлексом мягкой силлабемы) <е> изменяет своё качество и фактически совпадает с <ѣ>, закрытый характер которого общеизвестен для древнерусского языка, ср.: [ѣ<е — м'ѣд'е] (о медѣ) и [л'ѣс'е] (олѣсѣ). В новгородских грамотах XIII—XIV вв. А.А. Шахматов указывает на мену букв е, ѣ и ѣ: № 6 — смѣрдѣ (47) и смѣрда (33), мѣвниихѣ (2), нѣмѣкукомѣ (42); № 8 —

¹ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV—XVIII вв. К вопросу о складывании и развитии средневеликорусских говоров на территории вокруг Москвы // Учен. зап. Ин-та славяноведения. Т. 19. М., 1960. С. 215.

² Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. С. 211—224.

³ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965. С. 117.

⁴ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. С. 148; Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. С. 18.

мѣншихъ (1), городѣць (23), нѣмѣцькомѣ (37); № 13 — новгородѣць (5) и др.¹ Случаи замены *ѣ* (из *ь*) буквой *ѣ* отмечает В.В. Виноградов в Ипатьевском списке Летописи: вѣрхъ (4 об.), конѣць (6 об.), мѣсть (18 об.), цѣрьквахъ (32 об.), пѣсьга (37) и др.² С.П. Обнорский, анализируя фонетические особенности «Слова о полку Игореве», обратил внимание на прилагательные: половѣцькоую (5), тв. мн. половѣц(ь)кыни (11) с *ѣ* из *ѣ*, «которое само по себе образовалось из *ь* в сильном положении (*половьчскыи* → *половечскыи* → *половецкыи*). Не может быть никакого сомнения в том, что в данном написании, дважды встречающемся в тексте, влияние следующего смягчённого согласного»³. Смещение букв *ѣ* (из *ь*) и *ѣ* в словах типа дѣнь (XVII, № 8; XVIII, № 53), мѣртво (XVIII, № 15) и др. отмечается в волоколамских грамотах⁴.

В.В. Иванов, рассматривая вопрос о судьбе *ѣ* в волоколамских говорах XV–XVIII вв., приводит большое количество примеров с меной букв *ѣ* и *ѣ*, особенно в положении перед мягкими слогами, например: написание *ѣ* на месте *ѣ* — дѣне(ж)нѣ(х) (XVI, № 93), ср. дене(ж)нѣ(х) (XVI, № 93); дѣнегѣ (XVIII, № 32), ср. денегѣ (XVIII, № 32); Кѣнни (XVIII, № 40), Яксѣннию (XVI, № 69), ср. Ксеннию (XVIII, № 40); вѣлено (XVIII, № 23), ср. велено (XVII, № 10); кѣли (XV, № 6), ср. на ель, о(т) ели (XV, № 6, 14); неѣмлю(т) (XVI, № 1, 30а), ср. не емлю(т) (XVI, № 1, 20а, 30а); дѣтѣи (XVIII, № 2, 38); гвоздѣи (XVIII, № 58); лошадеи (XVIII, № 58); роубѣи (XVIII, № 54); к нѣи (XVI, № 76); по сѣи коупчѣи (XVI, № 10а) и др. «Все эти факты написаний слов со смешением букв *ѣ* и *ѣ* с заменой то *ѣ* на *ѣ*, то *ѣ* на *ѣ* могут лишь говорить о неразличении в произношении писца соответствующих звуков. Однако положение между мягкими согласными не может считаться фонетически необусловленным: в данном случае [ѣ] и [е], независимо от того, был ли [ѣ] как особый звук в волоколамских говорах, могли сближаться по произношению в силу вообще закрытого характера [е] в положении между мягкими согласными. Это сближение и приблизительно одинаковое звучание [ѣ] и [е] в рассматриваемом положении и могло приводить к смешению букв *ѣ* и *ѣ* на письме. Но это, конечно, не только не говорит об утрате в волоколамских говорах особой фонемы [ѣ], но, пожалуй, даже наоборот»⁵.

Если в сознании писцов буквы *ѣ*, *ѣ* и *ѣ* воспринимаются как знаки, обозначающие звук одного качества, можно предполагать, что в указанных примерах перед мягкими слогами или рефlekсами мягких силлабем отражается конвергенция <е(ь)> и <ѣ>.

3. В случаях морфологических чередований старая фонема <е> не сохраняется: бе[r'éz]а — бе[r'óz]а — на бе[r'óz']е, к[l'ен]ѣ — к[l'он] — на к[l'он']е, так как под влиянием аналогии и перед мягким слогом закрепляется <о>.

4. В случаях совмещения твёрдых парадигм склонения с мягкими <е> отсутствует: сестрѣ — воли (существительное с основой на *ā, дательный и местный падежи единственного числа). Старая фонема <е> не отмечается и в случаях разрушения склонения существительных с древней основой на согласный именительного падежа единственного числа: камѣы — камень — ка[m'én']], местного падежа единственного числа: камене — камни — камнѣ.

¹ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. С. 251–253, 265–270.

² Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. Пг., 1923. С. 259.

³ Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. С. 143.

⁴ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV–XVIII вв. С. 215, 235.

⁵ Там же. С. 215. В дальнейшем важный вывод о сохранении *ѣ* остался без внимания.

Обратим внимание на то, что фактически все позиции для <е> оказались исторически слабыми. Фонема <е> исчезает как особый звукотип (в говорах, лёгших в основу русского литературного языка), так как на смену дивергенции (возникновению позиционных оттенков <е> и <ь>) приходит последовательное по позициям неразличение аллофонов фонемы <е> с другими фонемами, а затем конвергенцией завершается полная дефонологизация <е> и соответственно утрата дифференциальных признаков, отличающих эту фонему от <о> и <ё>. Аллофонное варьирование старой фонемы <е> в определённых фонетических (позиционных) условиях сохраняется до тех пор, пока не прекратил свое действие закон <е>>о> и не появились исключения из так называемых правил перехода [б'ер'öz'e, кл'өн'е, н'ес'от'е]. Случаи аналогии позволяют говорить о том, что произошла фонологизация аллофонов ['é] и ['o]: прежние позиционные вариации слились с самостоятельными фонемами <ё> и <о> «путём выхода из состояния дополнительного распределения, продиктованного прежним фонетическим законом функционирования»¹. Можно утверждать, что дивергентно-конвергентное развитие старой фонемы <е> завершается. В.В. Колесов подчёркивает фонологический результат такого изменения: «между XIII и XVI вв. в системе вокализма большинства русских говоров не было фонемы <е>, потому что сразу после падения редуцированных в противопоставлении <е—о> был утрачен признак ряда (следует добавить: в результате изменения <е>>ё> утрачено противопоставление <е—ё> по признаку напряжённости — *И.И.*), а через два столетия возникла нейтрализация по другому признаку — лабиализованности. Она возникла в позиции, ставшей для северо-восточных говоров сильной: перед твёрдым согласным под ударением»².

§ 7. Преобразования фонемы <е> можно сравнить со схемой дивергентно-конвергентных изменений <ь> (рис. 1 и 2)³.

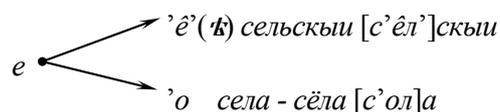

Рис. 1

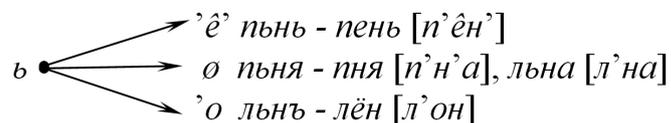

Рис. 2

¹ Журавлёв В.К. Дiachроническая фонология. Состояние и перспективы // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 44.

² Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 181.

³ Используются схемы, предложенные И.Г. Добродомовым.

Хотя вопросы рассматриваемых исторических изменений не кажутся новыми, всё же они не получили должного освещения в научных трудах. Описывая дивергентно-конвергентные изменения еров, Е.Д. Поливанов¹ и В.К. Журавлёв² не обратили внимание на положение так называемого сильного редуцированного [ʙ] перед мягким слогом с [ь]: *пнь* > *пень* [п'ён'], *днь* > *день* [д'ён'], *вьсь* > *весь* [в'ёс'], где [ʙ], получив долготу и закрытость, изменялся в [ʔ'ёʔ].

Судьба еров, обрисованная Е.Д. Поливановым в терминах дивергентного их развития (как вокализация или нулизация) и представленная формулой: $o \leftarrow *o \times \mathfrak{b} (\dots \frac{\mathfrak{z}}{\mathfrak{b}}) \div \mathfrak{b} \rightarrow \text{нуль}$, оказалась неполной, так как не были учтены все сопутствующие этим дивергенциям конвергенции. Е.Д. Поливанов³ занимался не историей русского вокализма в целом, а лишь привлекал из этой истории факты для типологической иллюстрации тенденций гласных к выпадению в одних позициях и вокализации в других. В.К. Журавлёв, рассмотрев дивергентно-конвергентные изменения еров, не учёл изменение [ʙ] в [ʔ'ёʔ]⁴, судьба этимологического [e] вообще осталась нерешённой.

Таким образом, следует учитывать дивергенцию <ʙ> на [∅], [ʔ'o], [e] и сопутствующую этому процессу конвергенцию с <ё> и <o>.

§ 8. Если конвергенция <e>o> не вызывает сомнений, то в отношении <e'<ʙ, e> вполне возможен вопрос: могло ли сложиться так, что (будучи близким к <ё>) [e' (из e, ʙ)] остался аллофоном фонемы <e> и не конвергировал с <ё> (соответственно, фонема <e> не исчезла)? Для подтверждения этой мысли необходимо найти формы, в которых бы старая фонема <e> сохранялась в неизменном виде, то есть находилась в сильной позиции, а [e'] выступал в виде её аллофона для периода, когда рассматриваемые изме-

¹ «Дивергенция ь, завершённая исчезновением одних случаев ь и переходом ь → o, с другой стороны (например, *сьнь* → *сон*). Формулой это можно выразить так: $o \leftarrow *o \times \mathfrak{b} (\dots \frac{\mathfrak{z}}{\mathfrak{b}}) \div \mathfrak{b} \rightarrow \text{нуль}$. Благодаря стремлению узких гласных – в данном случае ь (из *й краткого) и ь (из *i краткого) – к нулю, большинство случаев ь приобрело характер крайне редуцированного (близкого к нулю) гласного. Но в тех случаях, когда эта тенденция к нулизации не могла осуществляться – именно, когда за слогом с гласным ь следовал слог, подвергавшийся редукции ь или ь (например, в первом слоге слова *сьнь* = *сьнь*, где выпадение обоих гласных обещало бы оставить это слово вовсе без гласного), имелся, разумеется, отличный от вышеупомянутых случаев ь вариант этой фонемы. Мы обозначили его схематическим символом « $\mathfrak{b} (\dots \frac{\mathfrak{z}}{\mathfrak{b}})$ », и в дальнейшем будем называть «устойчивым» вариантом фонемы ь» (Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Избр. работы. М., 1968. С. 112; см. также: Поливанов Е.Д. Фонетические конвергенции. С. 79).

² Журавлёв В.К. Правило Гавлика и механизм падения редуцированных // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 30–43.

Процесс падения редуцированных начался с их дивергенции, расщепления на сильные↑ и слабые↓: $\mathfrak{b} \rightarrow \mathfrak{b} \downarrow + \mathfrak{b} \uparrow$; $\mathfrak{b} \times \mathfrak{b} \rightarrow \emptyset$ – слабые редуцированные пали, что означает конвергенцию слабых редуцированных в «нуле звука» (∅): $\mathfrak{b} \rightarrow \mathfrak{b} + \emptyset$ (*правьда* → *правда*), $\mathfrak{b} \rightarrow \mathfrak{b} + \emptyset$ (*двьа* → *два*), $\mathfrak{b} \times \mathfrak{b} \rightarrow \emptyset$. Исчезла прежняя оппозиция ь:ъ. Сильные редуцированные конвергировали с прежними (e) и (o): $\mathfrak{b} \times e \rightarrow e$ *жсьньць* → *жнець*(ь), *днь* → *ден*(ь), $\mathfrak{b} \times o \rightarrow o$ *рть* → *рот*, *мъхь* → *мох* (Журавлёв В.К. Нейтрализация фонологических оппозиций в диахронии и синхронии // Теория нейтрализаций. Тамбов, 1980. С. 11–36; Журавлёв В.К. Фонологическая суть конвергентно-дивергентных процессов // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 146–158).

³ «Внутри фонемы ь мы констатируем дивергентное по направлению развитию двух комбинаторных вариантов: стремящегося к нулю и «устойчивого» ь. С наступлением же мутационного сдвига имело место следующее: стремящийся к нулю вариант (например, второй ь в *сьнь*) перестал существовать в качестве гласного звукопредставления (например, вместо *сьнь* = *сьнь*, состоящего из четырёх звуков, стало мыслиться слово из трёх звуков). Уцелевший же «устойчивый» вариант, как представленный сравнительно небольшим числом случаев, уже не мог существовать в виде особой фонемы и вошёл в конвергенцию с одним из других гласных данной системы (в русском с фонемой o, в польском с e, в сербском с a и т. д.)» (Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. С. 112–113).

⁴ Журавлёв В.К. Славянские «редуцированные». Почему они пали? // Теория и история языкознания. Вып. 3. М., 1974. С. 48–72.

нения имели характер фонетического закона (то есть, когда изменение <e>o было ещё живой нормой). Таких позиций, как мы заметили, у старой фонемы <e> не было.

К.В. Горшкова, обращаясь к северо-восточной актовой письменности, не решается говорить об исчезновении <e> в XV в.: «Противопоставление *e—o* практически осуществлялось редко. Оно наблюдается, например, в формах типа: *pol'ej — z'em'loju; kon'ej — gorod'n'uju; gospodar'ej — bur'uju*; зват. пад. *pol'e* — им.—вин. пад. *pol'o*. Перед твёрдыми согласными фонемы *e* и *o* не могли противопоставляться: из-за лабиализующего воздействия последующего твёрдого согласного звук *e* в этом положении изменялся в *o*. Можно считать, что фонологизация отношений *e—o* между мягкими согласными и на конце слова привела к прекращению фонетического изменения *e* в *o*, но всё же ещё нельзя говорить о противопоставлении *e—o* перед твёрдыми согласными, так как ещё не было слов, включающих фонетическое сочетание типа *l'et*. Этот слой лексики возник в более позднее время в результате усвоения заимствованных слов типа *антенна, лента, монета*, а также отвердения согласных в словах: *верх, женский, деревенский, полотенце, отец* (сюда же книжные слова: *крест, небо, перст* и под.) и главным образом в результате изменения *ê* в *e*»². Однако наши наблюдения показали, что изменения [*ê*] в старый звук [*e*] не происходило.

Р.И. Аванесов, рассматривая систему вокализма части русских говоров и русского литературного языка, отмечает, что фонема <e> пополняется не только за счёт <ê>, но и за счёт звукотипа в словах книжного церковнославянского происхождения (*крест, перст, мёрзкий, дерзкий, хребёт*) и западноевропейских заимствований (*атлёт, котлёт, билёт, балёт, валёт, сонёт, манёра*). Одновременно с этим учёный подвергает сомнению вышеизложенную мысль, он пишет: «Принято считать, что старое *ѣ*, по крайней мере в литературном языке и сходных с ним по этой черте говорах, совпало с *e*. С этим утверждением нельзя согласиться, так как оно основано на сопоставлении соответствующих фонем вне их употребления в определённых позициях, без учёта функциональной стороны. Ведь если *ê* (иначе старое *ѣ*) в этих говорах под ударением перед твёрдой согласной заменилось звуком *e* (открытым), то само *e* в том же положении изменилось в *o*: ср. *с'ела* (из *с'ѣла*) и *с'ола* (из *сѣла*). Следовательно, «совпадений» здесь нет. Совпадение старых *ѣ* и *e* имеется только в слабом положении — между мягкими согласными ср. *с'ел'и* (из *с'ѣли*) и *с'ел'скои* (из *сѣльскыи*)³. Таким образом, можно констатировать, что в относящихся сюда говорах старые *ѣ* и *e* совпали лишь в определённых условиях, т. е. в такой же мере, в какой совпали в системе литературного языка, например, фонемы *o* и *a* (ср. *вада, трава, но воды, травы*)»⁴. Далее учёный подчёркивает, что если замена старого *ѣ* в литературном языке под ударением перед твёрдым согласным совпала в словах книжного церковнославянского происхождения, в словах иноязычного происхождения, а также в словах типа *верх, первый*, то в говорах «отражается значительно меньше слов церковнославянского и западноевропейского происхождения и поэтому по отношению к ним ещё меньше окажется оснований для утверждения о совпадении *ѣ* (*ê*) и *e*»⁵.

¹ К.В. Горшкова, говоря о противопоставлении [e—o], фактически приводит примеры на [*ê*]: *pol'êj, kon'êj, gospodar'êj*.

² Горшкова К.В. Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. С. 91.

³ Здесь следует указать более точную транскрипцию, то есть вместо [*'e'*] использовать знак транскрипции [*'ê'*].

⁴ Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. С. 223.

⁵ Там же. С. 223.

Р.И. Аванесов обозначил два важных момента: <ѣ> не переходит в <е> и сохраняются слова, в которых когда-то была фонема <ѣ>. Однако эти положения не стали объектом пристального внимания учёных и не получили в дальнейшем детального объяснения.

Ответить на вопрос, каким образом связаны эти два явления между собой, исходя из наших рассуждений, можно следующим образом. Не вызывает сомнений тот факт, что с дефонологизацией зоны образования гласных и согласных происходит усиление фонематической роли консонантной системы при ослаблении этой роли у вокализма. В период полного освобождения твёрдости-мягкости согласных от позиционной связи с гласным возникает зависимость гласных от качества соседних согласных. Отсюда вытекает та возможность многообразия аллофонов одной фонемы, которая стала характерна для системы вокализма говоров, лёгших в основу русского литературного языка. Когда дивергентно-конвергентные изменения <е, ъ> в <о> и <ѣ> были завершены, в словах *первый* < [п'ѣр']вый, *верба* < [в'ѣр']ба, *серп* < [с'ѣр']пъ, *верх* < [в'ѣр']хъ, *зеркало* < [з'ѣр']кало, а также в словах *женский* < [ж'ѣн']ский, *смоленский* < смо[л'ѣн']ский, *душевный* < ду[ш'ѣв']ный, *судебный* < су[д'ѣб']ный, *земский* < [з'ѣм']ский отмечается аллофонное варьирование фонемы <ѣ>, которая имела в качестве основной разновидности [ѣ] *мѣдь*, а перед твёрдым слогом возник несколько более открытый аллофон [е] (*мѣль* > *м'ел*), совпавший с прежним [е], который уже исчез.

Почему нельзя говорить о реализации старой фонемы <е> в исконно славянских словах, сохранившихся в русском языке благодаря церковнославянскому (*перст, крест, небо, жертва, трезвый, вселенная, истекший, совершенный, плен, скверный, пещера, надежда, прежде, надеж*), и заимствованиях (*атлет, балет, билет, валет, сонет, манера, котлета*)?

Необходимо учитывать, что в эпоху преобразования <е> <о> фонетическая система русского языка не знает произношения [е] перед рефлексом исконно твёрдой силлабемы. Смещение букв *ѣ* и *ѣ* в русских церковнославянских памятниках А.А. Шахматов объяснил тем, что старославянский *ѣ* был ближе русскому открытому [е], нежели к русскому закрытому [ѣ]: «др. русское *ѣ* отличалось по звуку от *ѣ* некоторых старославянских говоров и может быть от *ѣ* того старослав. говора, который лёг в основу нашего церковнослав. языка. Русский человек не мог отождествить старослав. *ѣ* со своим *ѣ*, и для его передачи мог обратиться к звуку *е*, который можно думать, в XI веке был вообще открытым и следовательно вероятно тождественным со второй частью звукового сочетания *ѣ* известных славянских говоров: несомненно, что в положении перед твёрдым слогом *е* не было закрытым и в XIV веке, иначе оно не перешло бы в *ѣ*. Поэтому вероятно, что церковнославянским произношением старославянского звука *ѣ* было *е*, и это дало повод к графическому смешению этих букв, смешению особенно частому в памятниках, на которых сильнее всего сказалось церковнославянское влияние»¹.

В силу этого обстоятельства русские люди в своём произношении церковнославянских слов читали *ѣ* не как [ѣ], а как [е]. Вероятно, такое произношение книжных слов передал в своих дневниковых записях иностранец, одарённый хорошим слухом и наблюдательностью, для которого не существовало разницы [е – ѣ]. В «Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса» (1618–1619) написания *βера, обѣдни, отпѣлѣ, плеш, недѣла, грех, βехова* могут быть объяснены только влиянием церковного чтения этих слов².

¹ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. С. 213.

² Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619). Л., 1959. С. 40.

Известны случаи, в которых наряду со словами церковнославянского, книжного образования или оттенка, например, *небо*, *крестъ*, *предметъ*, *клеветъ*, *хребетъ*, *клеветъ*, *судебъ*, *чудесъ*, *ветхий*, *словесный*, *древесный*, *согбенный*, *мгновенный*, *блаженный* и др., встречаются слова и формы «народного языка: *клёнъ*, *врётъ*, *прётъ*, *грёбъ*, *скрёбъ*, *блѣкну*, *встрѣнка* (ср. *левъ* и *лѣвъ*, *рев* и *рѣвъ*, *дерево* и *дерёвъ*)»¹. Как видим, слова с ударным [e] обнаруживают своё церковнославянское происхождение: *небо* — диалект. *нёбо* в значении «небо» и «нёбо во рту», *щедр*, *пещера* — русск. *Печора*, *крест* — диалект. *крѣст*, *хрѣст*, литературн. *крѣстный отец*, при *крестный ход*, *перст* с *e* из *ь пьрстъ*, заменившее церковнославянское *прѣстѣ*, ср. диалект. *пѣрст*, литерат. *напѣрсток*, *скверна* из *сквьрна* на месте церковнослав. *сквьрна* и др. «Как долго держалось церковное *e* в некоторых словах, не чуждых и живому языку, видно из случаев, как: *был как бѣс*, *потек как пес*, Посл. XVII в. (Симони 82)»².

Безусловно, значительная группа церковнославянизмов настолько прочно вошла в обиход носителей языка, что могла и не осознаваться ими в качестве церковнославянских слов, однако правописание таких слов в соответствии с церковнославянской традицией сохраняло и церковнославянское произношение.

Таким образом, на отсутствие фонематической самостоятельности старого [e] указывает появление в русском языке слов, которые имеют соответствие русских корней: *нёбо*, *перекрѣсток*, *напѣрсток*, *истѣк*, *мѣрзнуть*, диалектное *крѣст*, *пѣрст*.

Иноязычная лексика, попавшая в русский язык после прекращения действия закона «*e* > *o*» (*патент*, *газета* и т. п.), не может свидетельствовать о сохранении фонемы «*e*». Е.Ф. Будде обращает внимание на произношение французских слов *contrôleur*, *courier* и немецкого *Kurier*, которые произносили как *контролёр*, но *курьёр*, также *банкер* (Живописец 1772, II. 407), *квартира* (Карамзин писал в 1803 г. к брату в Симбирск: *квартиры страшно дороги*), «ныне по немецкому произношению *банкир*, *квартира*, но не *банкёр*, *квартира*, хотя у народа, слышавшего от интеллигенции *квартира*, естественно перешло это слово в *квартира*, откуда *фатёра* при *фатёра* и проч.»³.

Р.И. Аванесов обратил внимание на то, что в некоторых говорах с семифонемным составом гласных (говоры с. Леки Коробовского района Московской области по описанию А.А. Шахматова, бывш. Тотемского уезда Вологодской губернии по описанию О. Брока, бывш. Никольского уезда Вологодской губернии по описанию В. Мансикки, с. Пыщуг Пыщугского района Костромской области по описанию Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова) «в старых заимствованиях, да и не только в старых, звук *e* перед твёрдой согласной нередко приравнивается к своему *é*: так, например, по северновеликорусским говорам широко известно произношение *л'ѣнта*, *кор'ѣта*, *кор'ѣла*; мне пришлось слышать в тех же говорах *ѣ* и в новых заимствованиях: *ц'ѣнтр*, *л'ѣкција*, *котл'ѣта*»⁴.

Итак, слова книжные, церковнославянского происхождения и общеславянские, имеющие не лексическую, а «фонетическую чуждость» русскому языку⁵, не могут служить доказательством сохранения фонематической самостоятельности старой фонемы «*e*». Подтверждают это положение и письменные свидетельства. В.В. Виноградов

¹ Грот Я.К. Русское правописание. С. 15.

² Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 253.

³ Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX вв.) // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12. СПб., 1908. С. 23.

⁴ Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. С. 221.

⁵ Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 195.

обнаружил в Коншинском Сборнике XVI в. (при нередкой замене безударного *ѣ* через *ѣ*) единичные примеры постановки *ѣ* на месте *ѣ*, которые падают на ударяемые слоги: **во^змѣтъ** (172), **кѣсарѣ** (134), ср. **кесарѣ** (133). В отношении книжного произношения данных слов учёный делает важный вывод: «Эти факты как будто наводят на мысль, что некоторые московские или иных мест литературно образованные писцы, усвоив правило о сохранении буквы *ѣ* лишь под ударением, были не прочь поставить *ѣ* и на месте этимологического *ѣ* под ударением, так как фонетика литературного языка не противоречила такой орфографии»¹.

Л.Л. Васильев, проанализировав 49 грамот из собрания московских грамот Императорской Публичной библиотеки до второй половины 1625 г., обнаружил, что *ѣ* сохранился в полной неприкосновенности в слоге под ударением, особенно в заимствованных именах собственных: **Ондрѣвица** (I, № 170, 1554 г., 468₁), к **Олеѣѣю** (1613 г., окт., 28), **Матвѣи** (I, № 198, 1571 г., 567₁), **Фадѣи** (ib 567₂), **Патрѣѣи** (1618 г., февр., 28) и др. В безударном положении пишется буква *ѣ*: **Оксентѣи** (I, № 198, 1571 г., 567₁), **Офонасѣи** (I, № 175, 1562 г., 476₁), **Василѣи** (I, № 198, 1571 г., 567₁), **Григорѣи** (I, № 175, 1562 г., 476₁), **Демѣнтѣи** (I, № 198, 1571 г., 568₁), **Левѣтѣи** (I, № 198, 1571 г., 26), **Дмитрѣи** (I, № 175, 1562, 476₁) и др.² Подобные наблюдения (**Кирѣѣа**, **Кирѣѣю**, **Кирѣѣмъ**, **Кирѣѣвъ**, **Пологѣѣю**, **Пологѣѣикою**, **Тимофѣѣвъ**) были сделаны С.И. Котковым: «В собственных именах такого рода, как показывают их греческие источники, *ѣ* не всегда фонетически мотивировано с точки зрения истории языка. Например, *ѣ* в греч. *Τιμόθεος* не предполагает *ѣ* в *Тимофѣѣвъ*»³.

Можно представить дивергентно-конвергентное развитие <ѣ> и <ѣ> в виде аналогичных схем, необходимо только учитывать дивергентное развитие тех гласных, с которыми конвергировали <ѣ> и <ѣ> (рис. 3).

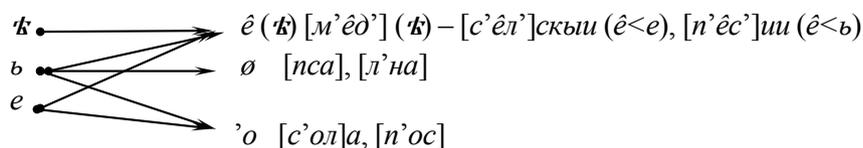

Рис. 3

Таким образом, на русской почве старая фонема <ѣ> не сохранилась, пережив процесс дефонологизации; фонема <ѣ>, испытав полудивергенцию (ср. *мѣдъ* [м'ѣд'] и *мѣлъ* [м'ѣл]), участвовала в конвергенциях, поскольку в ней совпали дивергентные рефлекс-сы <ѣ> и <ѣ>. Фонема <ѣ> расширила сферу своего проявления за счёт фонем <ѣ> и <ѣ>.

Таким образом, конвергентные изменения <ѣ, ѣ> в <ѣ> и <ѣ> довольно трудно охарактеризовать однозначно, потому что они определены как предшествующей фонетической ситуацией, составляющей предпосылки названных изменений, так и конкретными историческими условиями существования системы древнерусского языка. Вероятно, рассматриваемые процессы протекали одновременно: дивергенция нача-

¹ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 321.

² Васильев Л.Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV–XVII веках // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 10. Кн. 2. СПб., 1905. С. 205.

³ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963. С. 41.

лась варьированием аллофонов в соответствующих позициях (она отражает конечный результат расщепления исходных фонем). Затем аллофоны выходят из условий жёсткой позиционной обусловленности путём конвергенции с <ѐ> и <о>. В процессе конвергенции дивергенты расщепившихся гласных попадают в новую для них позиционную обусловленность.

Внутренняя суть дивергентно-конвергентного процесса заключается в трансформации «вариация — вариант — фонема» и обратно, осуществляющейся путём качественной смены позиций: превращение «сигнификативно сильных позиций в слабые, что может привести к конвергенции и сокращению общего количества фонем, и перцептивно слабых — в сильные, что может привести к обособлению бывших вариаций в отдельные фонемы»¹.

Трансформации <е> и <ь>, обусловленные межслоговым уподоблением, были связаны с устранением одних дифференциальных признаков и зарождением других, в целом они обусловлены единым процессом преобразования системы консонантизма и вокализма русского языка.

Преобразование <е> <о> в русских говорах

§ 9. При реконструкции некоторой системы языка имеется в виду языковое состояние, недоступное прямому наблюдению, то есть не представленное ни в устно-речевом виде, ни в виде письменных памятников. Восстановление языкового состояния становится возможным в результате сохранения реликтовых форм в живых языках и в хорошо документированных мёртвых. Существование в любом языке инноваций различных периодов его развития и реликтов предшествующих состояний общеизвестно. Именно это обеспечивает возможность реконструкции.

Ряд современных северных говоров архаического типа сохраняет черты архаической системы гласных и согласных русского языка. С.С. Высотским², В.В. Колесовым³, Л.Л. Касаткиным⁴ и другими исследователями был поднят вопрос о возможном межслоговом влиянии гласных в ряде севернорусских говоров, так как материал этих говоров показал диалектную черту, оригинальную в типологическом отношении. В описанных учёными говорах отсутствует противопоставление согласных по твёрдости-мягкости и представлен редкий случай комбинаторного воздействия со стороны гласного.

Изучая говоры Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области, Л.Л. Касаткин обнаружил, что эти говоры, как и другие вологодские, кировские и соседние с ними говоры Ярославской, Костромской и Горьковской областей, сохраняют некоторые древние особенности фонетической системы русского языка. Традиционно переходы [ѐ>и], [ä>е] объяснялись мягкостью последующего согласного, но если твёрдость-мягкость согласного подчи-

¹ Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. С. 119.

² Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.

³ Колесов В.В. Функциональная система вокализма в традиционных северновеликорусских говорах. С. 14–20.

⁴ Касаткин Л.Л. Гласные одного вологодского говора, не знающие противопоставления согласных по твёрдости-мягкости // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 57–74; Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. С. 24–25.

нена следующему гласному, не самостоятельна, позиционно обусловлена, то она не может сама по себе воздействовать на предшествующий гласный. Процессы [ě>и, ä>е] были вызваны не мягкостью следующего согласного, а следующим гласным переднего ряда, оба эти изменения — результат уподобления, ассимиляции гласных в предыдущем соседнем слоге: *п'íl'и, вл'úst'и, с'ійет, хот'íl'и, кр'іпц'е, над'ійус, в л'іс'е, п'існ'и, в'ін'иков, др'ён'и, гр'éz'и, п'ет'і*. Перенос по аналогии произошёл в словах, в которых после [е] стоял твёрдый согласный и уже не было следующего гласного переднего ряда: *взет, затопл'ёт, гул'ёт, сет (сядь), м'ет, оставл'ёт, загон'ёт, неторон'ёт, прес (прясть), изм'ёт*¹.

Случаи перехода <е>о, отмеченные Л.Л. Касаткиным, могут стать объектом специального рассмотрения с точки зрения механизма действия. В этих говорах сохранились древние условия преобразований [ě>и, ä>е] перед слогами с бывшей переднерядной огласовкой, [е>о] перед слогами с гласными заднего ряда и механизм действия — межслоговая регрессивная ассимиляция гласных по ряду.

Отмечаем аллофонное изменение по признаку, нерелевантному для данной системы, перед твёрдыми слогами или в конечном ударном слоге фонема <е> получает лабиализацию:

1) становится дифтонгом [eô]; перед [eô] согласные «ведут себя» так же, как перед [е]: они полумягкие — *повед'еѳт, ид'еѳт, т'еѳмнаѳа, т'еѳркой, пр'ид'еѳт, од'еѳжа, забер'еѳм, вд'еѳрнула, ид'еѳш, оз'еѳра, намн'еѳш, пойд'еѳт, дн'еѳм*; перед [eô] мягкие согласные встречаются гораздо реже — *кост'еѳр, ид'еѳт, ден'еѳк, бр'еѳвна, сер'еѳтка, в'еѳдра, нап'ек'еѳт, хм'ел'к'еѳм*. «Современные диалектные данные позволяют высказать предположение, что в древнерусском языке некоторые гласные фонемы реализовались дифтонгами. Так, фонемы <ѣ, ѡ, е, о> могут быть представлены дифтонгами [иѣ, уѡ, еѣ, оѣ] во многих современных архаических говорах. В севернорусских говорах, не развивших противопоставление согласных по твёрдости-мягкости и сохранивших противопоставление гласных по ряду, на месте фонем <ѣ, ѡ, у> выступают дифтонги [еѣ, еѡ, иѣ]. В архаических южнорусских говорах на месте <а, о, у> после мягких согласных произносятся дифтонги [иѣ, иѡ, иѣ]. История русского вокализма связана с монофтонгизацией дифтонгов, начавшейся ещё в праславянский период и не закончившейся в некоторых русских говорах и до сих пор»²;

2) дифтонгоидом [eо]: *мат'еѳрой, раст'еѳт, мет'еѳш, з'еѳрнышком, намн'еѳм, пр'ед'еѳм, пройд'еѳт, вес'еѳло, ст'еѳкла, спл'ет'еѳм, мн'еѳш, гн'еѳт, убер'еѳт, ов'еѳс, тр'еѳшник, тоѣк'еѳм, сек'еѳш* (перед [eо] случаев с мягкими согласными больше);

3) монофтонгом [о]: *в'ер'ет'ѳна, придет'ѳ, дад'ит'ѳ, д'ѳн, вѳдрнут, ид'ѳш, д'ѳсны, с'ѳстры, гн'ѳзда, за н'ѳй* (перед [о] почти исключительно произносятся мягкие согласные), тогда как перед мягкими слогами такой лабиализации не происходит: *т'еѳтка — т'ет'ѳа, с'еѳло — с'ел'ѳ*³.

В описанных Л.Л. Касаткиным говорах имеется различие по ряду, различие гласных по лабиализованности-нелабиализованности не наблюдается. Звуки [eô], [eо], [eѡ] и ис-

¹ Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. С. 32–41.

² Касаткин Л.Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 41.

³ Касаткин Л.Л. Гласные одного вологодского говора, не знающие противопоставления согласных по твёрдости-мягкости. С. 57–74; Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. С. 24–25.

конный [o] продолжают выступать как представители разных фонем, в положении перед твёрдым слогом [eð], [e°o], [e°] являются аллофонами фонемы <e> — *клад'ебм, раст'от, бер'óзу*. Конвергенция не происходит, потому что всё зависит от того, какой признак системы является признаком различия, то есть фонемным. До падения <ь> и <ѣ>, развития противопоставления согласных по твёрдости-мягкости и дефонологизации зоны образования фонемным был признак ряда у гласных. Этот признак остался таковым и для тех говоров, в которых сохранялись древние особенности фонологической системы (при отсутствии противопоставления согласных по твёрдости-мягкости отмечается аллофонное изменение [e>ö]). В результате разложения syllabемы возникает избыточное дублирование признака дизности, а это может привести к двум изменениям былой консонантно-вокалической системы: «Если признак дизности сохраняли гласные, то согласные нейтрализовались, категория твёрдости-мягкости у них не развивалась, а следовательно, перехода гласного переднего ряда в задний ряд не произошло»¹. В переходе участвует недифференциальный релевантный признак и, соответственно, отсутствует выравнивание форм по парадигме. Поэтому отмечается расхождение в составе фонем разных словоформ одного и того же слова, обобщение по признаку лабиализации фонемы <o> отсутствует, так как только дифференциальный признак способен производить выравнивание по аналогии. Как подчёркивает Л.Л. Касаткин, в системе корочуновского говора Слободского сельсовета Харовского района наряду с дифференциальными признаками передний-непередний ряд возникают дифференциальные признаки твёрдость-мягкость согласных. Развитие мягкости согласных перед [o] связано с монофтонгизацией дифтонга [eð], а изменение [eð] в [e°o] вызывается тем, что начальная фаза дифтонга уже осознаётся как признак согласного — его мягкость².

Таким образом, в плане предложенной гипотезы материалы об изменении <e> в говорах Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области служат важным источником для исторической реконструкции фонемы <e>. В описанном говоре отмечен процесс дивергенции старой фонемы <e> на аллофоны: 1) [e°] и переходные звуки типа [eð], [e°o], [e°] перед твёрдыми слогами и 2) [e] и [e'ü], [e'''] перед палатализованными или палатальными слогами. С формированием противопоставления согласных по твёрдости-мягкости в этой системе появляется возможность для процесса конвергенции, слияния аллофонов фонемы <e> с <o> и <ѣ>. Материал корочуновского говора свидетельствует о переходном и заключительном этапах изменения фонемы <e>.

Анализ диалектного материала подтверждает наши выводы о том, что в результате дивергентно-конвергентных изменений <e> и <e>ѣ старая фонема <e> потеряла свою фонематическую самостоятельность.

Вопросы для повторения

1. Какие две основные закономерности, относящиеся к структуре слога, знает древнерусский язык эпохи древнейших дошедших до нас памятников письменности?
2. В чем состоит сущность тенденции к межслоговому сингармонизму?
3. Как передана ассимиляция гласных по ряду в письменных источниках?

¹ Котельников В.К. Причины и механизм перехода *e* в *o* // Фонология. Тамбов, 1982. С. 156.

² Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. С. 28.

4. Каковы достижения современной, исторической и диалектной фонетики и фонологии при решении проблемы изменения <е> в <о>?
5. Как решается в соответствии с умлаутной гипотезой проблема изменения <е> > <о>?
6. К чему привели дивергентно-конвергентные преобразования гласных переднего ряда?
7. Каковы хронологические рамки рассматриваемого процесса?
8. Какие случаи свидетельствуют о функционировании <ё>?
9. Как протекало преобразование <е> в некоторых современных севернорусских говорах архаического типа?

Основная литература

1. Колесов, В.В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2005.
2. Шахматов, А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. Ч. 2. – Пг., 1915.
3. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Бирнбаум, Х. Праславянский язык: достижения и проблемы его реконструкции / Х. Бирнбаум. – М. : Прогресс, 1987.

Дополнительная литература приведена в подстрочных ссылках, в которых указаны цитируемые источники.

* * *

Реконструируя последовательные звуковые изменения <е> (и <ь>) как непрерывную цепь причинно-следственных отношений, следует проследить такие связи и в исторической судьбе <ё>, втянутого в интегративные процессы, которые протекали внутри фонологической системы русского языка.

Рассмотрение дивергентно-конвергентных процессов <ё> поможет ответить на вопрос о происхождении современной фонемы <е> русского языка и пролить свет на соответствующие изменения в графике и орфографии.

Глава 2

РАЗВИТИЕ ФОНЕМЫ «Ѣ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционные взгляды на историю ѣ

§ 10. Историки русского языка много сделали в изучении фонемы «ѣ». На материале письменных источников и русских народных говоров были рассмотрены вопросы произношения звука [ѣ], правильного или неправильного с этимологической точки зрения употребления буквы ѣ в памятниках письменности, смешения этой буквы с буквами и и ѣ в текстах. Ф.Е. Корш¹, Ф.Ф. Фортунатов², А.А. Шахматов³ и другие учёные обосновали, что общерусская фонема «ѣ» — верхнесреднего подъёма, нелабиализованная, переднего образования представляла собой закрытый звук [ѣ] или дифтонгическое сочетание [iĕ]: «Следует думать, что общерусский язык произносил ѣ как дифтонгическое сочетание *ie*, так как все изменения, которым ѣ подверглось в различных русских наречиях (как то закрытость этого звука и возможность чередования с *и* в северновеликорусс., переход в *i* в Украинском и Галиц. наречиях и друг.), легко могут быть объяснены из дифтонгического произношения общерусского ѣ; на то же самое произношение могут указывать памятники XIV века, употребляющие *ie* вм. ѣ, а также может быть передача финн. *je* через ѣ, напр. *Korjel* — *корѣла* и др.»⁴.

Если качество ѣ было установлено бесспорно, то результаты его позиционного варьирования в разных говорах русского языка вызвали полемику, при том, что исследователи единодушно принимали конечный результат в истории ѣ — утрату фонемы «ѣ».

¹ Корш Ф.Е. О звуках *e* и *o* в греческом языке // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 214. № 3. СПб., 1881. С. 107–156.

² Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды. Т. 2. С. 189–191.

³ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века.

⁴ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. С. 212.

Эта точка зрения была поддержана многими учёными, например, В.В. Виноградовым: «Прежде всего, для изучения судьбы звука ѣ в русском языке в историческую эпоху безразлично, будем ли мы считать прарусское ѣ за *ie* или за *e* долгое. Даже при удержании формулы А.И. Соболевского (прарусское ѣ=*e*) приходится предполагать, что ѣ, утратив во всяком случае в XI–XII вв. долготу, которая заменилась качественными различиями в судьбе этого звука (ср. примеры и вм. ѣ уже в памятниках конца XI – начала XII в.), в большей части диалектических групп распалось на дифтонгическое сочетание *iĕ*...» (Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 167).

Так, в работах А.А. Шахматова¹, В.В. Виноградова², С.П. Обнорского³, Р.И. Аванесова⁴ и др. было определено, что в севернорусских памятниках и новгородских берестяных грамотах XI–XIV вв. наблюдается в основном правильное написание буквы *ѣ* на месте этимологического [*ě*].

В.В. Виноградов доказал, что в ряде памятников севернорусского наречия со смешением *ѣ* – *ѣ* нет достаточных данных для вывода о переходе *ѣ* в *e*, можно лишь говорить о переходе *ѣ* в *ě* закрытое⁵. С XIV в. *ѣ* сохраняется непоследовательно, наблюдается взаимная мена букв *ѣ* – *и* перед мягкими и твёрдыми согласными, под ударением и в безударном положении. Эта графическая особенность позволила П.А. Лавровскому⁶ и другим учёным сделать вывод о развитии звука [*и*] на месте этимологического [*ě*].

Если судьба *ѣ* в северновеликорусских говорах была единодушно определена и преобразование этой фонемы датировано XIV–XX вв., то вопрос о графическом смешении букв *ѣ* – *ѣ* в памятниках письменности и изменении соответствующих звуков в живой южнорусской речи вызвал разногласия. С.И. Котков на основе изучения курских, орловских, белгородских, елецких материалов XVII в. утверждает, что *ѣ* сохранял особое произношение и поэтому в положении под ударением перед твёрдым согласным передавался последовательно, этимологически правильно. Учёный утверждает, что «переход *ѣ* в *e* во всяком положении в пределах южновеликорусской области – явление сравнительно новое, хронологически, по-видимому, параллельное аналогичному явлению в московском говоре. В свете данных, свидетельствующих о наличии в южновеликорусском ещё в XVII в. более узкого в сравнении с *e* образования гласного *ѣ*, лишается основания предположение А.А. Шахматова о московском *ѣ* XVI в. как генетически именно северновеликорусском. Это *ѣ* генетически не северновеликорусское или южновеликорусское, а в известной мере, можно сказать, общевеликорусское»⁷.

Г.А. Хабургаев считает, что выводы С.И. Коткова нельзя распространять на всю южновеликорусскую область, так как этимологически правильное употребление *ѣ* – это особенность орфографии отдельных писцов, а не отражение местной диалектной черты. Материал курских памятников деловой письменности первой половины XVII в. совершенно определённо указывает на утрату различий между старым *ѣ* и *e* в любом фонетическом положении до XVII в.⁸

В.Н. Сидоров полагает, что фонема <*ě*> сохраняется под ударением в южновеликорусском наречии в течение всего XVII столетия, и только после XVII в. начинается процесс утраты. По его мнению, Москва становится местом первоначального измене-

¹ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века... ; Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 322–325.

² Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия...

³ Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода...

⁴ Аванесов Р.И. Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 79–102.

⁵ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 167.

⁶ Лавровский П.А. Описание семи рукописей Императорской Санктпетербургской Публичной библиотеки. М., 1858. С. 68.

⁷ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). С. 52.

⁸ Хабургаев Г.А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия (Введение. Вокализм) // Учён. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. 163. Вып. 12. М., 1966. С. 282–288.

ния фонемы <ѣ>, под влиянием московского произношения [e<ѣ] перешло в южнорусское наречие, охватив в XVIII–XIX вв. почти все говоры¹.

В московском говоре уже в XII–XIII вв., по мнению А.И. Соболевского, исчезло заметное различие букв ѣ и е, но в рукописях на основе традиционной орфографии делались попытки упорядочить использование букв ѣ и е².

П.С. Кузнецов отмечает в Переяславском Евангелии 1354 г. в положении перед твёрдым согласным правильное употребление ѣ. Примеры ошибочных написаний немногочисленны: **нѣ колѣи всѣхъ юеть** (20 об.), **крайнѣво** (143), **время** (14), **со врегѣ** (70 об.), **времена** (71 об.), по сравнению с меной ѣ – е перед мягким согласным и в конце слов: **седѣти** (67 об.), **семени** (93 об.), **целеныа** (93), **колени** // **колѣни** (14 об.), **бежитѣ** // **бегаетѣ** (182), **о светѣ** (14 об.), **разумѣ** (141 об.) и др. Это позволило П.С. Кузнецову сделать вывод о том, что в говоре рассматриваемого памятника в положении между мягкими согласными ѣ и е не различались, но ѣ сохранялся перед твёрдым согласным под ударением³.

О.А. Князевская описывает фонетическую систему московского говора XIV в. на основе московского Евангелия 1358 г., других памятников письменности, прежде всего московских грамот XIV в., и отмечает, что в памятниках XIV в. буква ѣ употребляется этимологически правильно, в памятниках XVII – начала XVIII в. [ѣ] и [е] уже не различаются между мягкими согласными, а современное литературное произношение [е] открытого на месте ѣ складывается не раньше середины XVIII в.⁴

По мнению Л.Л. Васильева, московский говор до XVIII в. имел звук [е], который не смягчал предшествующий согласный, перед [ѣ] согласный смягчался: «все согласные звуки в произношении писца перед звуком е точно так, как перед звуком ы, сравнительно со звуком и, были твёрже, нежели перед звуком, изображаемым буквою ѣ»⁵. Выводы Л.Л. Васильева поддержал Н.Н. Дурново⁶. А.А. Шахматов не соглашается с точкой зрения Л.Л. Васильева и отмечает: «Из данных, приводимых Л.Л. Васильевым в статье о произношении ѣ в моск. наречии, нельзя сделать заключения о том, что перед е согласные произносились в древнем моск. наречии твёрже, чем перед заместителем старого ѣ; написания как *mielko*, *wmieste*, *sowsiem*, *prigorieclo*, *otwiesit* при *terti*,

¹ Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969. С. 24–32.

² «Средне-русские памятники XV–XVII вв. (по преимуществу московские) вообще не делают различия между ѣ и е, и мы можем говорить о полном отождествлении в это время ѣ и е. Надо иметь в виду, что многие из средне-русских памятников XV–XVII вв. (книги) удерживают традиционное употребление ѣ везде, где оно указывается церковно-славянским языком (с незначительными изъятиями вроде **врегѣ**, **вредѣ**, **время**, **членѣ**, **влекоѣ** и т. п., при **пѣнѣ**), и допускают употребление е вместо ѣ лишь в тех словах и формах, которые или совсем неизвестны в церковно-славянских текстах, или встречаются в них очень редко: в **дверѣ** (так уже в Лаврентьевск. сп. лет. 12), **ее** (род.-вин. ед.; так уже всегда в духовных московских великих князей и иногда в Лаврентьевск. сп.), **добрые** (им.-вин. мн.; в духовной в. кн. Ивана Ивановича: **доушевныѣ**, **численныѣ**, **коупленныѣ**; в Лаврентьевск. сп.: **оубогыѣ**, **дикиѣ**, **лежаучиѣ** и т. п.) и др. В других средне-русских памятниках XV–XVII вв. (особенно в московских грамотах) употребление ѣ и е смешанное; можно отметить частое употребление е вместо ѣ при отсутствии ударения (**въ міре**, рядом: **въ селѣ**)» (Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 70–71).

³ Кузнецов П.С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров // Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 2. М.–Л., 1948. С. 136–141.

⁴ Князевская О.А. Описание рукописи Московского Евангелия 1358 г. // Труды Ин-та языкознания. Т. 8. М., 1957. С. 161; Князевская О.А. К истории московского говора // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потёмкина. Кафедра русского языка. Т. 42. Вып. 4. М., 1957. С. 283–285.

⁵ Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквою е в памятниках XVII века. С. 190.

⁶ Дурново Н.Н. Записки по истории звуков русского языка. С. 152–153.

czerten, lehkii в любопытной записи XVII в., им напечатанной, свидетельствуют лишь о том, что заместитель старого *ѣ* под ударением продолжал звучать здесь, как дифтонг *je* (*ie*) или как старое узкое *ê* или, как *i^e...*¹. А.А. Шахматов решает судьбу *ѣ* совершенно иначе: «правильное употребление *ѣ* и *ѣ* в московских грамотах XIV в. можно, кажется, отнести насчёт севернорусского влияния»².

В.В. Виноградов подчёркивает необходимость детальной разработки этого вопроса, пополнения фактического материала памятников XV в. и следующих веков, и с опорой на показания памятников и свидетельства старых грамматик XVII–XVIII вв. приходит к следующим выводам: «Совокупность этих данных не только ставит на твёрдую почву гипотезу об отличии звука *ѣ* от *e* в произношении высшего слоя московского общества, но и определяет звуковое качество *ѣ*, как дифтонга *ie* или неоднородного звука *i^e*»³.

Е.Ф. Будде⁴, Л.Л. Васильев⁵, В.В. Виноградов⁶, рассмотрев случаи замены ударяемого и неударяемого *ѣ* через *ѣ* в московских памятниках XV–XVI вв., связывают их с влиянием южнорусских говоров. Если С.И. Котков утверждает, что фонема <ѣ> сохранялась в определённых акцентологических условиях ещё в середине XVII в. и утрата её произошла позднее⁷, то К.В. Горшкова отмечает, что динамика «этого процесса зависела от принадлежности слов с этой фонемой к тому или иному пласту лексики, от употребляемости этих слов, от принадлежности фонемы <ѣ> к той или иной аффиксальной морфеме и от положения данного аффикса в словообразовательной и формообразовательной системе языка и других причин, связанных с функционированием языка как средства общения»⁸.

К неоднозначным выводам приходят исследователи, рассуждая о положении фонемы <ѣ> в московском говоре XVIII в. Л.Л. Васильев, проанализировав 142 московские грамоты (с 1520 г. по 1625 г.), старопечатное издание Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., список Космографии в 76 глав второй половины XVII в., Летопись XVII в. и другие источники, а также труды В.К. Третьяковского и А.П. Сумарокова, свидетельства старообрядцев, обнаружил, что различие между этимологическими *e* и *ѣ* под ударением сохраняется при вполне обычной замене буквы *ѣ* буквой *e* в слоге без ударения⁹. Учёный отмечает, что фонетическая разница между звуками, изображаемыми буквами *ѣ* и *e*, «равна разнице между буквами *a* и *я*, *у* и *ю* после согласных, т. е. сочетания, заключающие согласную букву с буквою *a*, *у*, *ы*, отличаются от сочетаний, имеющих согласную букву с буквою *я*, *ю*, *и*, тем, что

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 128.

² Там же. С. 334.

³ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 324.

⁴ Будде Е.Ф. Несколько заметок по истории русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1898. Март. С. 163.

⁵ Васильев Л.Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV–XVII веках. С. 177–227. Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *e* в памятниках XVII века. С. 188–219.

⁶ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 281–339.

⁷ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 35–52.

⁸ Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии северной Руси. С. 119–120.

⁹ Васильев Л.Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV–XVII веках. С. 219; Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквой *e* в памятниках XVII века. С. 189, 190–195, 202, 209, 214.

в первых сочетаниях соответствующий первым согласным буквам согласный звук твёрд, а во вторых — мягк при тождестве (полном или приблизительном, это — другой вопрос) гласного звука»¹.

Б.А. Успенский развивает эту точку зрения и подтверждает отмеченную особенность в письменных источниках и в современном литургическом чтении старообрядцев². В.В. Иванов, основываясь на заключении М.В. Ломоносова, указывает, что в живой московской речи различие между гласными [ě] и [e] к середине XVIII в. в основном было уже утеряно: «во времена Ломоносова в живом московском просторечии [ě] уже почти полностью совпало с [e] и только в литературном произношении, возможно в определённой степени искусственном, различие [ě] и [e] ещё продолжало поддерживаться»³.

М.В. Панов рассуждает о фонеме <ѣ> в русской фонетике XVIII в. на материале текстов, написанных собственноручно Петром I, и отмечает правильное использованием букв ѣ и е: «Из 500 словоупотреблений — 9 ошибочных; перед твёрдыми согласными — *прилѣжно* (2 раза), *содѣржанно*; перед мягким согласным: *время* (2 раза), *мѣсть*, *вѣчером*, *полѣзнее*, *увѣрения*»⁴. Анализ «Писем и бумаг Петра Великого», осмысление взглядов Л.Л. Васильева, обращение к свидетельствам В.Е. Адодурова, В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова и А.А. Барсова приводит учёного к выводам: «Во второй половине XVIII в. происходит угасание <ѣ> как особой фонемы. В большинстве слов западное сочетание *ie* передаётся на русской почве как двусложное: *куриэръ*, *оріентальный*, *соціететъ*, *нетардіеръ* и др. Слабеющая фонема <ѣ> уже не в силах взять эти новозаимствованные слова под своё покровительство»⁵. Одной из главных причин падения <ѣ> учёный считает действие так называемого закона И.А. Бодуэна де Куртенэ: «число согласных в русском языке постепенно возрастает, число гласных уменьшается»⁶, также ѣ перестаёт поддерживать система бытового языка, книжный язык литературы первой половины XVIII в. постепенно теряет своё первенствующее положение и перестаёт покровительствовать фонеме <ѣ>.

Таким образом, решая судьбу ѣ, исследователи опираются, как правило, на случаи графической мены букв ѣ с ѣ⁷, ѣ с и, основанной либо на смешении морфем (например, *пришьдѣ* и *прѣшьдѣ*), либо на смешении русского и церковнославянского произношения отдельных слов (например, *дрѣво*, *ѣрѣво* и *дерево*, *ѣрево*), без учёта позиционного изменения <е> и <ѣ> перед мягкими и твёрдыми слогами. Такой подход к истории <е> и <ѣ> в рамках системы вокализма и привёл к выводу об утрате ѣ и сохранении <е>.

¹ Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквой е в памятниках XVII века. С. 195.

² Успенский Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968. С. 9–36, 54–58, 37–39.

³ Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 202.

⁴ Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990. С. 343.

⁵ Там же. С. 359.

⁶ Там же. С. 442.

⁷ Например, ѣ вместо ѣ: Остромирово Евангелие — *нестѣ* (26); Изборник 1073 г. — *вероѣж* (21 об.), *гнѣвъ* (28 об.), *вѣсеалѣ* (69), *нестѣ* (6 об.); Изборник 1076 г. — *къ темѣ* (14), *вѣсемѣ* (168), *телеси* (237, 255); Миней 1097 г. — *телесе* (118б), *исцелении* (3б), *возълетела юси* (569), *повелению* (52а) или ѣ через ѣ: Миней 1095 г. — *въ ѣреѣ* (7), *ищреѣ* (11), *нѣине* (9) — *нѣинѣ* (9) и др. (Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962. С. 13–14).

Позиционные изменения ъ перед мягкими и твёрдыми слогами

§ 11. Описания различных памятников письменности, сделанные П.А. Лавровским¹, А.И. Соболевским², А.А. Шахматовым³, В.В. Виноградовым⁴, П.С. Кузнецовым⁵, В.В. Ивановым⁶ и другими исследователями, позволили говорить о мене букв ъ — е — ѣ, обусловленной фонетическими причинами. Впервые новый ъ был обнаружен А.И. Соболевским в галицко-волынских памятниках⁷, Е.Ф. Будде⁸ и Р.Ф. Брандт⁹ указали на новый ъ во многих говорах древнерусского языка, А.А. Шахматов¹⁰ поставил вопрос о новом ъ в древненовгородских рукописях. Материал различных памятников письменности, в которых отражены преобразования переднерядного вокализма, изменения орфографических и графических приёмов писцов, показывают, при каких условиях происходит неразличение <ѣ — ъ — е>.

1. В безударной позиции

Л.Л. Васильев отмечает, что в старопечатном издании Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. ъ обычно передаётся буквой е в слоге без ударения: *развегоу'тса* (5 об.), *оукрепи'ти* (24), *вешо'тоуных* (32), *гнездо* (152), *по'сле* (7 об.), *гдѣ ѿнде* (26); в Летописи XVII в. — *повеги* (28 об.), *двемѧ* (28), *повеждѣни* (46 об.), *рекѣ* (247), *ѡлесовѣ* (281 об.), *весѡвскиѧ* (127 об.) и др.; в Космографии второй половины XVII в. — *леснѣе* (43), *резѡвѣ* (63), *реки* множ. число (35), *секѣще* (46 об.), *решѣтоуно* (173), *повратѣ* (43) и т. п.¹¹ В.В. Виноградов приводит случаи замены ъ через е в тексте Погодинского Сборника № 872 — *венца* (188); в московских договорных грамотах: в Договорной № 1 1341 г. — *целовали* (2, 47); в Договорной № 2 1362 г. — *целованью* (15), *встакоѣ* — *ген*. (54), *целовали* (3) и др.; в Духовной грамоте великого князя Василия Васильевича № 21 1462 г. — *живоначальнѣѣ трѣци* и (1), ср. *марѣиньские* (35) и др.¹² «Можно понять замену буквы ъ через е в неударяемом положении, так как соответствующие звуки, подвергаясь редукции, совпадали с рефлексам безударного е»¹³.

Считается, что различающиеся под ударением <ѣ> и <е> совпали в [e] в безударном положении, так как на это указывают московские памятники письменности начиная с XV в., а открытые диалектологами случаи произношения [o] на месте <ѣ> в первом предударном слоге типа [б'ек — б'огу́т] как будто подтверждают это положение¹⁴. Сомнение в том, что фонемы <е> и <ѣ>, различающиеся под ударением, совпали в безударном положении в [e], который, как всякий [e], перед твёрдыми согласными

¹ Лавровский П.А. Описание семи рукописей Императорской Санктпетербургской Публичной библиотеки...

² Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1888.

³ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века; Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века.

⁴ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия...

⁵ Кузнецов П.С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. С. 130–158.

⁶ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV–XVIII вв. С. 203–287.

⁷ Соболевский А.И. Очерки по истории русского языка. 1884.

⁸ Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896. С. 208.

⁹ Брандт Р.Ф. Лекции по истории русского языка. М., 1913. С. 57.

¹⁰ Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики...

¹¹ Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы ъ сравнительно с буквой е в памятниках XVII века. С. 188–193.

¹² Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 184, 294–295, 303.

¹³ Там же. С. 320.

¹⁴ Обнорский С.П. Переход е в о в современном русском языке // Академик А.А. Шахматов. М.–Л., 1947. С. 295–315; Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии северной Руси...

фонетически-закономерно переходил в [o] в ряде говоров русского языка, высказала Е.С. Скобликова. Она доказала, что в говорах владимирско-поволжской группы не все слова с [e] из <ѣ> в первом предударном слоге перед твёрдым согласным произносятся с [o], а только те, у которых затемнена фонемная принадлежность предударного гласного (то есть те, в которых гласный предударного слога остаётся безударным в системе словоизменения). Наиболее благоприятные условия для изменения [ѣ > e > o] в безударном положении создавались при отсутствии позиционной мены безударного [ѣ] с ударным [ѣ] в той же морфеме, поэтому в говорах найдём произношение: *п'отѹх, дв'онáдцат'* при *р'екá — р'ѣки*¹. К.Ф. Захарова, проанализировав отмеченное явление в восточных среднерусских говорах, пришла к выводу: система произношения предударных гласных является результатом действия фонетических законов в прошлом. В настоящее время наличие [o] на месте <ѣ> не столько зависит от проверяемости или непроверяемости предударного гласного (как предполагала Е.С. Скобликова), сколько объясняется вхождением слов в тот или иной акцентологический класс слов. Это значит, что распространение [o] в данном случае относится к явлению морфологической аналогии².

Итак, гласный, произносящийся на месте <ѣ>, не переходил в [o] в безударном положении, хотя отмечены говоры, в которых известен результат фонетического изменения <e > o> в первом предударном слоге и случаи морфологической аналогии <ѣ > o>.

2. На конце слова

На конце слова известно неразличение <ѣ — е>. Например, в Волоколамских грамотах XV–XVIII вв. — *тон зѣмлѣ* (XV, № 4, 5, 6; XVI, № 16, 31 об., 32, 80), *женѣ* (XVI, № 39, 41, 57; XVIII, № 2, 7), ср. *женѣ* (XVI, № 57а), *сиротѣ* (XVIII, № 2, 29), *снохѣ* (XVIII, № 9), *вдовѣ* (XVIII, № 9); на *Москвѣ* (XV, № 1; XVI, № 10а, 20а, 29, 43, 46, 50, 102; XVII, № 8, 9, 10, 11, 15, 16; XVIII, № 4, 39), на *рекѣ* (XVI, № 7, 23, 31а, 35, 41, 49, 70, 76), ср. на *Москвѣ* (XVI, № 20 об.; XVII, № 8, 9), на *рекѣ* (XVI, № 83; XVIII, № 5, 29, 33) и др.; *опричѣ* (XVI, № 3), ср. *опричѣ* (XVI, № 1); *гдѣ* (XVI, № 21, 23, 25, 28, 29, 35, 42, 49, 53, 55, 56, 65, 74, 79 и др.), ср. *гдѣ* (XVI, № 1а, 66, 86; XVIII, № 9, 26, 45); *двѣ* (XVI, № 27, 29, 30, 42, 43, 60, 73, 76, 102; XVII, № 4, 11, 12, 22; XVIII, № 19, 52, 58), ср. *двѣ* (XVI, № 59, 76, 102; XVII, № 7, 8, 22; XVIII, № 21, 32, 38, 56); *дѣ* (XVII, № 5, 9, 12; XVIII, № 32, 43), ср. *дѣ* (XVIII, № 5, 12); *кролѣ*, *акролѣ* (XVII, № 9), ср. *кролѣ* (XVIII, № 28) и др.³; в московских грамотах XV века: в Духовной инокини Евпраксии 1452 г. № 18 — *в селѣ* (14, 16, 24, 26), *ее* (21) и др.⁴ Как подчёркивает В.В. Иванов, если в ряде случаев и возникают сомнения в определении фонетического характера написаний с ѣ или е (смещение букв могло определяться возможным переносом написаний из безударного положения, потерей ударения, явлениями аналогического порядка), «то всё же большинство подобных примеров наталкивает на мысль об отсутствии разницы в произношении [ѣ] и [е] в рассматриваемом положении»⁵.

¹ Скобликова Е.С. О судьбе этимологического ѣ в 1-м предударном слоге перед твёрдым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 3. М., 1962. С. 112–120.

² Захарова К.Ф. Об основе умеренного яканья в восточных среднерусских говорах // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 31–40.

³ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV–XVIII вв. С. 215–223.

⁴ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 302.

⁵ Иванов В.В. Указ. соч. 1960. С. 224.

3. Под ударением перед исконно мягкими или отвердевшими согласными

В древненовгородских говорах представлено большое число случаев с написанием нового *ѣ* на месте *ь*, например, перед сонорным: Пс. 1270 г. — *отвѣрже* (II, 116); Пар. 1271 г. — *твѣрды* (177 об.), *пѣрвѣнць* (141 об.), *вѣрху* (142 об.), при *двѣрхъ* (160) и др.; в группе слов на *-сть*: Парем. 1348 г. — *лѣсть* (112), Минея 1369 г. — *лѣсть* (123 об.), *лѣстное* (69 об.), Комисс. сп. лет. — *тѣсть* (99, 144), *тѣщею* (103 об.), *отлѣстятъ* (113) и др.; *ѣ* вместо *ь* в суффиксе *-иць*: Парем. 1348 г. — *жрѣць* (103), *овѣць* (42 об.), *телѣць* (10 об.), *ковѣць* (11), Комисс. сп. лет. — *конѣць* (45), *коупѣць* (277), *нелѣцкаго* (303) и др.; также *ѣ* вместо *ь* в других случаях Пс. 1270 г. — *въ тѣлнхъ* (2, 95), Парем. 1271 г. — *тѣлнень* (121), *дѣстатъ* (216 об.), Минея 1370 г. — *вѣсь миръ* (37 об., 39) и др.; *ѣ* вместо *е*: Пс. 1270 г. — *вѣць* (1, 147), *вѣщи* (186), Парем. 1271 г. — *вѣщи* (106), *лѣтежь* (64 об.), Парем. 1348 г. — *пѣць* (79 об.), Комисс. сп. лет. — *дѣнги*, *дѣнгами* (253), *дѣнежниковъ* (264) и др.¹

В грамотах XV–XVIII вв. из архива Иосифо-Волоколамского монастыря встречается взаимная мена букв *ѣ* и *ѣ*: *апрѣла* (XVI, № 23; XVII, № 18; XVIII, № 23) — *апрѣла* (XVII, № 23; XVIII, № 14), *вѣритъ* (XVII, № 25) — *веритъ* (XVIII, № 28), *телѣги* (XVII, № 12) — *телеги* (XVII, № 9), *свѣчи* (XVII, № 1; XVIII, № 58) — *свѣчь* (XVII, № 29; XVIII, № 58), *вѣ(з) хлѣ(в)а* (XVI, № 92) — *хлѣбе* (XVI, № 21, 34), *хотѣли* (XVII, № 25; XVIII, № 9) — *хотели* (XVII, № 8), *хлѣлю* (XVII, № 8) — *хле(л)* (XVII, № 8), *велѣти* (XVI, № 46, 65, 72, 101, 57a) — *веле(т)* (XVI, № 57a, 96; XVIII, № 2), *вѣчюи* (XVI, № 68, 92, 93, 98, 100, 102; XVII, № 11) — *вечюи* (XVI, № 92, 93, 96, 97; XVII, № 1) и др.²; в Евангелии Погод. № 12: *вълезе* (75₂; 79 об.₁; 127), *имениа* (109 об.₁; 114 об.₁; 121₁; 137 об.₂ и др.) и т. д.³; в «Житии протопопа Аввакума» отмечены случаи написания *ѣ* вместо *ѣ* — *кѣльа*, в *кѣлю* (54), *ис кѣли* (54), *кѣльа-та* (81)⁴. Типичная мена букв была связана с падением редуцированных. Перед мягкими слогами <ь, е>, попадая в слабую позицию, приобретали закрытый характер и совпадали по качеству с <ѣ>. Такое совпадение комбинаторного оттенка фонем <ь, е> с основным вариантом фонемы <ѣ> привело к нейтрализации оппозиции по подъёму, чем и объясняется смешение букв *ѣ*, *ь* и *ѣ* на письме.

4. Под ударением перед [j]

В рукописях новгородского происхождения встречается *ѣ* вместо *ь* в окончании род. п. мн. ч.: в Сборнике 1422 г. — *звѣрѣи* (153), *словесѣи* (168), *свинѣи* (295 об.), *днѣи* (382), *конѣи* (362), *дѣтѣи* (261), *мужѣи* (361) и др.⁵; в «Житии протопопа Аввакума» в именах — *Фарисѣи* (23), *Евдокѣю* (53), *Яндрѣевское подворье* (60)⁶; в волоколамских грамотах отмечаются колебания в написаниях с *ѣ* — *ѣ* в положении перед [j]: *Яндрѣи* (XVI, № 22, 37, 41, 76, 80, 92a, 93a; XVII, № 9; XVIII, № 4) — *Яндрѣи* (XVI, № 7), *Яндрѣва* (XVIII, № 39); *илѣетъ* (XVIII, № 37, 46, 54) — *илею* (XVIII, № 37, 38); *не слѣю* (XVIII, № 21) — *не слею* (XVII, № 28); *посѣтали* (XVIII, № 38) — *засеена* (XVIII, № 38) и др.; в положении после [j]: *кѣли* (XV, № 6) — *на ель, о(т) ели* (XV, № 6, 14); *не ѣмлю(т)* (XVI, № 1, 30a) — *не емлю(т)* (XVI, № 1, 20a, 30a); *ѣхатъ* (XVIII, № 32) — *ехатъ* (XVII, № 20); *поѣха(л)* (XVII, № 6) — *поеха(л)* (XVII, № 7; XVIII, № 47) и др.⁷ А.А. Шахматов замечает,

¹ Колесов В.В. Новый *ѣ* в рукописях новгородского происхождения. С. 132–134.

² Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV–XVIII вв. С. 212–214.

³ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 280.

⁴ Черных П.Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия (Анализ «Жития протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник северно-великорусской речи XVII столетия). Иркутск, 1927. С. 20.

⁵ Колесов В.В. Новый *ѣ* в рукописях новгородского происхождения. С. 133.

⁶ Черных П.Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. С. 20.

⁷ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV–XVIII вв. С. 217–219.

что «там, где *ѣ* было йотировано, его отличала от *ѣ* вероятно только закрытость звука, потому что неслоговое *i*, заключающееся вероятно в *ѣ* (т. е. *i+e*), как можно думать, после *j* не слышалось. Отсюда вытекает возможность смешивать начертания *ѣ* (в значении йотир. *jѣ*) и *ѣ* и в таких памятниках, которые йотированное *ѣ* и *ѣ* не смешивают...»¹.

Л.Л. Васильев обращает внимание на совпадение «звуков *ѣ* и *e* после *j* в одном (или приблизительно в одном) звуке»². Р.Н. Кривко даёт этому факту фонологическое объяснение: «Внутристрочный элемент *l*, передававший палатальный приступ в произношении гласного звука, был графическим знаком для обозначения дизонного аллофона древнерусской гласной фонемы. Следовательно, йотированная буква *ѣ* в таком случае обозначала гласный звук переднего ряда с более сильной палатальной артикуляцией, чем обычное [*e*] среднего подъёма. Поэтому древнерусский звук [*ě*] или дифтонг [*iě*], обычно обозначавшиеся на письме буквой *ѣ*, после палатальных согласных и в позиции начала слога, то есть после [*j*], могли передаваться с помощью буквы *ѣ*, становившейся в этой позиции равнозначной букве *ѣ* <...> буква *ѣ*, её вариант *ѣ* и буква *ѣ* становились частичными дублетами графико-орфографической системы»³.

Итак, неразличение <*ě* – *ь* – *e*> в палатальном окружении и стало фонологической основой написания букв *ѣ*, *ѣ* и *ѣ* в одних и тех же орфограммах. Такое употребление букв могло быть перенесено и в другие позиции, например, перед твёрдым согласным.

5. Под ударением перед твёрдым согласным

При решении судьбы <*ě*> традиционно рассматривается положение под ударением перед твёрдым согласным⁴. В современном русском языке эта позиция считается сильной, фонетически необусловленной, так как в этих условиях якобы не происходит побочного фонетического воздействия со стороны согласного на качество гласного звука. Если древнерусские памятники отражали правильное написание этимологического *ѣ* перед твёрдым согласным (по сравнению с другими позициями), значит <*ě*> сохранял свою фонетическую специфику. Если же в позиции под ударением перед твёрдым согласным наблюдается мена букв, например, *ѣ* вместо *ѣ* в грамотах Иосифо-Волоколамского монастыря: *вѣлого* (XVI, № 42), *дѣда* (XVI, № 53), *крѣпастѣ* (XVI, № 72, 78, 86, 88), *ничѣ(м)* (XVI, № 20а, б), *хлѣ(в)* (XVI, № 66), *придѣ(л)* (XVI, № 98), *мѣлкиѣ* (XVI, № 65) и др.; *ѣ* вместо *ѣ* : *тѣплѣи* (XVI, № 97) – *теплѣи* (XVI, № 98), *по нѣмѣ* (XVI, № 74, 87), *Сѣмѣновичѣ* (XVI, № 73) – *Сѣмена(в)* (XVI, № 81), *во всѣднѣвни* (XVI, № 87) – *ва всѣднѣвни* (XVI, № 89) и др.⁵ особенно в словах широко известных и часто употребляемых, то исследователи приходят к выводу об утрате особой фонемы <*ě*>, об из-

¹ Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. С. 136.

² Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквой *e* в памятниках XVII века. С. 189.

³ Кривко Р.Н. Древнерусская орфография XI – начала XII века в свете суперсегментных тембровых оппозиций // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 67–68.

⁴ Опираясь на новые разыскания в области истории <*ě*> в древнерусском языке по данным письменности XII–XIII вв., В.В. Иванов отметил, что представление об утрате к XIII в. этой фонемы в древнем смоленском диалекте, на которую якобы указывает Смоленская грамота 1229 г., недостаточно обоснованно, ибо эта грамота не даёт убедительного материала для утверждения об утрате [*ě*] в наиболее независимой фонетической позиции – под ударением перед твёрдым согласным. Сравнение употребления *ѣ* и *e* в этой позиции в грамоте 1229 г., характеризующейся своеобразной орфографией, с употреблением этих букв в той же фонетической позиции в Смоленской грамоте 1239 г., имеющей выдержанную орфографию, обнаружило их принципиальное сходство, и это позволило сделать вывод, что характерной чертой смоленского диалекта XIII в. «было сохранение фонемы <*ě*> как особой единицы фонетико-фонологической системы только в позиции под ударением перед твёрдой согласной» (Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 53).

⁵ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV–XVIII вв. С. 232, 233.

твёрдым слогом [e (из ѓ)] переживает процесс преобразования и получает новое звучание как открытый звук [e]. Была бы эта позиция для ѓ изначально сильной, вряд ли <ѣ> смог обеспечить возникновение сильной позиции под ударением перед твёрдым согласным и развитие противопоставления по лабиализованности-нелабиализованности.

Когда в письменных текстах под ударением перед мягким согласным отмечается смешение букв ѓ, е, ѡ (например, написание ѓ на месте е — дѣнежнѣхъ, дѣнь, вѣлено или е на месте ѓ — хотѣли, хмѣль), можно утверждать, что совпали фонетические рефлексы <ѣ, е, ѡ>: ср. вѣки [в'ѣк'и], лѣтъ [л'ѣт'ѣ], хлѣбѣ [хл'ѣб'ѣ], сѣни [с'ѣн'и] и сѣльскій [с'ѣл'скій], женскій [ж'ѣн'скій], пѣрвыи [п'ѣр'выи], вѣрхъ [в'ѣр'хъ], сѣргъ [с'ѣр'гъ], и перцептивно сильная для <ѣ> позиция в результате нейтрализации превращается в *сигнификативно слабую*. С другой стороны, нейтрализация гласных верхнесреднего и среднего подъёмов в звуковом качестве [ѣ] приводит к тому, что первоначально перцептивно слабая позиция под ударением перед твёрдым слогом для <ѣ> стала считаться *перцептивно сильной*.

Итак, после падения редуцированных для <е> не существует вообще сильных позиций, так как эта фонема испытала дивергенцию с конвергенцией дивергировавших аллофонов с рефлексам фонем <ѣ> и <о>. Для <ѣ> отмечается несколько иная картина дивергентно-конвергентных изменений: <ѣ> переживает *полудивергенцию* на аллофоны [ѣ] и [e], имея сильную и слабую позиции. В положении перед твёрдым согласным <ѣ> и <е> никогда позиционно не совпадали ни до, ни во время конвергенции <е>>о>: дѣдѣ [д'ѣт], лѣсъ [л'ѣс] и мѣдѣ [м'ѣт], жѣны [ж'ѣны]. Употребление в любых позициях только <ѣ> и <о> при отсутствии старой фонемы <е> указывает на утрату <е>. Причём, аллофон [e (из ѓ)] не подвергается конвергенции (поскольку старой фонемы <е> уже не существовало) и отличается от исчезнувшей фонемы по качеству, так как не изменяется в [о]: лѣсъ, сѣно, вѣкъ. Смену сильных и слабых позиций <ѣ>, обособление бывшей вариации [e (из ѓ)] в отдельную новую фонему <е> можно представить следующим образом (рис. 5).

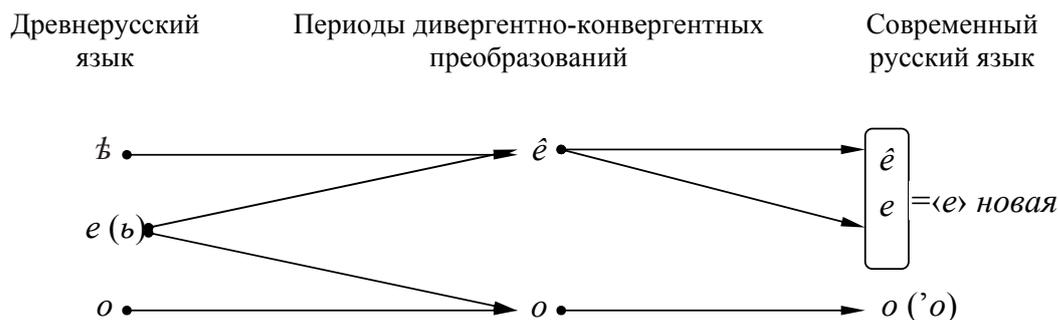

Рис. 5

Каковы хронологические рамки изменения <ѣ> своего интегрального признака? Такая возможность появляется в период после завершения дивергентно-конвергентных изменений <е>: прекращение действия фонетического закона <е>>о> датируют XV в., время, когда переход перестал быть актуальным, определяется периодом отвердения шипящих согласных (XIV в.) и аффрикаты <и> (рубеж XV–XVI вв.). О том, как долго ѓ сохранялся в русском языке в качестве особой фонемы, отличной от других, можно судить по памятникам письменности, где в положении под ударением перед твёрдым слогом ѓ пишется этимологически правильно или ошибочно. Хотя позиция перед

твёрдым слогом для <ѣ> изначально была слабой, именно в этой позиции открытый аллофон [e (из ѣ)] не сливался ни с какой другой фонемой.

Казалось бы, существующее противопоставление <е>—<о> в русском языке ничем не нарушается, только до дивергентно-конвергентных изменений <е> и <ѣ> в противопоставлении принимает участие старая фонема <е>, а после завершения изменений включается уже другая фонема <е> из <ѣ>.

Подтверждают это наблюдение материалы некоторых современных севернорусских говоров, которые характеризуется неопределённостью положения фонемы <ѣ>. По мнению Л.Л. Касаткина, <ѣ> может быть особой фонемой при условии, если позиции перед твёрдым и (или) мягким согласным являются сигнификативно сильными. С другой стороны, <ѣ> не бывает в сигнификативно сильной позиции, так как перед твёрдыми согласными выступает в облике <е>, перед мягкими согласными — в облике <и>. Своеобразие этой единицы, по мнению учёного, состоит в том, что она «обнаруживает чередование фонем в фонетических позициях»¹. Сложность в определении сильных и слабых позиций <ѣ> в описанных Л.Л. Касаткиным говорах объяснима тем, что дивергентно-конвергентные процессы <ѣ> и <е> не завершены: осуществляется нейтрализация по ряду [e]—[o] и по напряжённости [é]—[e]—[u]. Признак лабиализованности-нелабиализованности не выходит на первый план, так как не отработано противопоставление согласных по твёрдости-мягкости и признак лабиовелярности не является вариантным. Система гласных представлена в древнем состоянии, трансформации <ѣ> и <е> отражены в виде: [e > ue, é] и [e > e^o, ö], [é > ue, ê] и [ě > ue, e]². «Дальнейшее развитие гласных, воплощающих <ѣ> и <е>, связано с монофтонгизацией дифтонгов. Вначале утрачивается дифтонг [eui]. На этом этапе <ѣ> обычно воплощается в дифтонге [ue], <е> — в [e]. Затем происходит и монофтонгизация [ue], в результате чего различия между гласными, воплощающими <ѣ> и <е>, утрачиваются: эти гласные совпадают в одном звуке, передаваемом обычно при транскрипции диалектного (и литературного) произношения как [e]. Происхождение этого [e] на новом этапе отражается лишь в характере предшествующего согласного: перед [e] из <ѣ> произносится парный мягкий согласный, перед [e] из <е> — парный твёрдый. Затем, возможно, под воздействием литературного языка и это различие утрачивается»³.

Таким образом, позиционные изменения <е> перед твёрдыми и мягкими слогами привели к тому, что после падения редуцированных для <е> не существует сильных позиций. Старая фонема <е> подверглась дивергенции с конвергенцией дивергировавших аллофонов с рефлексами фонем <ѣ> и <о>.

В свою очередь, <ѣ> переживает полудивергенцию на аллофоны [é] и [e], имея сильную и слабую позиции. В положении перед твёрдым слогом, затем перед твёрдым согласным <ѣ> и <е> никогда позиционно не совпадали ни до, ни во время конвергенции <е> <о>: дѣдѣ [d'et], лѣсъ [l'es] и мѣдѣ [m'ot], жѣны [ж'оны]. Употребление в любых позициях только <ѣ> и <о> при отсутствии <е> указывает на дефонологизацию <е>. Причём, аллофон [e (из ѣ)] не подвергается конвергенции (поскольку старой фонемы <е>

¹ Касаткин Л.Л. Парадокс П.С. Кузнецова — М.В. Панова. Фонема или морфонема? // Фортунатовский сборник: материалы научн. конф., посвящённой 100-летию Моск. лингв. школы 1897–1997 гг. / под ред. Е.В. Крайниковой. М., 2000. С. 20–21.

² Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка.

³ Касаткин Л.Л. [и др.]. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991. С. 19.

уже не существовало) и отличается от исчезнувшей фонемы по качеству, так как не изменяется в [’o]: л’ѣсѣ, с’ѣно, в’ѣкѣ.

В русском языке мутационное изменение <е> и, как следствие, <ѣ> связано со сменой дифференциальных признаков: первоначально признак ряда отходит на второй план, уступая место признаку наличия-отсутствия лабиализованности, впоследствии признак напряжённости вытесняется признаком лабиализованности-нелабиализованности. Тем самым завершается важное отличие северо-восточных русских говоров в изменении вокализма: установление корреляции согласных по твёрдости-мягкости (напряжённости) не создает позиций нейтрализации в противопоставлении гласных по подъёму (напряжённости).

Результаты вариационного преобразования <ѣ>

§ 12. В языковедческой литературе не раз высказывалось спорное положение о системных отношениях в языке, суть которого состоит в том, что «тенденция к фонологической симметрии является одной из определяющих в фонологических процессах»¹. Симметрия якобы вызывается необходимостью фонологических оппозиций, хотя известны языки, в которых длительное время может сохраняться «асимметричность» систем. Согласно традиционным взглядам, одной из основных причин исчезновения фонемы <ѣ> считается то, что эта фонема не поддерживалась системой языка. «Утверждение в системе говора нового противопоставления /ô/–/o/ способствовало сохранению более старого противопоставления /ê/–/e/ с тем же ДП² – верхнесредний-средний подъём. В тех же говорах, где фонологическое противопоставление /ô/–/o/ не возникло, очень рано утрачивается фонема /ê/. Утрата противопоставления /ê/–/e/ происходит не раньше рубежа XV–XVI веков одновременно с утратой противопоставления /ô/–/o/»³. В.К. Журавлёв предположил, что «там, где не удалось создать достаточно сильную оппозицию (ê: ô), ликвидируется рано или поздно (прежде всего, видимо, в белорусском языке) и сам «возбудитель» асимметрии путём трансформации ê> i, либо ê> e, либо ê> je//ije, как в диалектах сербского языка...»⁴.

После завершения дивергентно-конвергентных изменений <е>, когда бывшие позиционные вариации превратились в самостоятельные фонемы <o> и <ѣ>, в системе вокализма большинства русских говоров отмечается «асимметричность»: <и> – <у>, <ѣ> – <ô>, # – <o>, <a>. Как подчеркнул В.В. Колесов, фонема <е> отсутствует, потому что после падения редуцированных в противопоставлении <е–o> был утрачен признак ряда⁵, появление корреляции по лабиализованности-нелабиализованности [’ѣ–’o] сталкивается с невозможностью противопоставления <ѣ> и <o> перед твёрдым согласным и на конце слов, так как они были разного подъёма. Рассмотренные дивергентно-конвергентные изменения <е> и <ѣ>, а также <ь>, показали, что «возбудителем» асимметрии является не <ѣ>, а фонема <е>, точнее её исчезновение в результате конвергенции с другими фонемами (составляющими некогда оппозицию с исчезающей фонемой <е>). После утраты <е> отмечаемая асимметрия в чисто умозрительной схеме располо-

¹ Журавлёв В.К. Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 11.

² ДП – дифференциальный признак.

³ Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии северной Руси. С. 138.

⁴ Журавлёв В.К. Диахроническая фонология. М., 1986. С. 168.

⁵ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 181.

жения звуков по отношению друг к другу в пределах гласных среднего подъёма восстанавливается за счет <ё>: открытая разновидность [e (из ъ)] без напряжения оказывается в одном горизонтальном ряду с <о>. Заполнение «пустой клетки» не означает отождествления вторичного гласного [e (из ъ)] и старого звука [e]. Изменение <ё> своего дифференциального признака (напряжённости) создает сильную для дифференциального признака лабиализованности-нелабиализованности позицию — под ударением перед твёрдым согласным: [c'ol < c'el] и [c'el < c'ёл].

Каково качество этого нового, возникшего из <ё>, звука [e]? Ответ на вопрос находим в работе Л.В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (СПб., 1912). Сравнивая акустические показатели русского [e] с французским, немецким, сербским, польским и лужицким [e], учёный отмечает более закрытый характер русского [e]: «Мои сравнительные наблюдения скоро подтвердились и экспериментальными данными. Посредством камертонов мне удалось определить характерный тон для моего изолированного e., что почти совпадает с определением Rousselot французского закрытого é...»¹. Л.В. Бондарко экспериментальным путём подтверждает наблюдения Л.В. Щербы: «Когда [e] находится после мягкого согласного, переходный элемент максимально приближается к [i]; длительность его, составляя около половины всего гласного, часто превышает даже длительность характерного элемента», в положении между мягкими согласными [e] имеет максимально закрытый оттенок гласного². Характеристика, данная современному [e], совпадает с описанием качества ъ, ср. определение качества древнерусского ъ, сформулированное И.В. Ягичем: «ъ был узко-закрытый, по большей части под ударением стоявший, поэтому может быть несколько протяжный звук е (приблизительно французское é)»³. Этим наблюдениям соответствует вывод, сделанный В.В. Виноградовым: «В таком случае ъ тогдашнее ничем не отличалось бы от современного e под ударением»⁴. В.В. Виноградов предположил, каким образом ъ, воспринимаемый как дифтонг не только иностранцами, но и русскими интеллигентами, смог изменить своё качество: «монофтонгизация удар. ъ, возникшая как результат всасывания согласным первой части дифтонга, и, вероятно, ускоренная влиянием южновеликорусских говоров иного типа (ср. вульгарные диалекты литературного языка), смешавших ъ и e, которые передавали литературному языку и произношение e, как узкого e перед мягкими согласными, и палатализацию i-евую перед e, совершенно изменила первоначальные отношения между ъ и é и привела к тем рефлексам их, которые наблюдаются в современном литературном языке»⁵.

Таким образом, результатом дивергентно-конвергентных преобразований <е> и <ё> явилось развитие новой фонемы <е>. Характеристика современной фонемы <е> совпадает с описанием качества <ё>.

Осмысление современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений позволило нам, вслед за И.Г. Добродомовым⁶, обобщить результаты неодинакового поведения рефлексов древнерусских фонем <ё>, <е>

¹ Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. 1983. С. 57.

² Бондарко Л.В. О характере изменения формантного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Серия «Филологические науки». Вып. 40. Вопросы фонетики. № 237. Л., 1960. С. 91, 97–99.

³ Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. С. 47.

⁴ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 324–325.

⁵ Там же. С. 337–338.

⁶ Добродомов И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 104–105.

и <ь> в системе современного русского вокализма: в современной фонеме <е> отражены рефлексы трёх древнерусских фонем: 1) древнерусская фонема <ѣ> вошла полностью; 2) древнерусская фонема <е> вошла только частично, ограничиваясь теми позициями, где не было перехода <е>>о>; 3) в состав современной фонемы <е> влилась лишь третья часть фонемы <ь>: из позиции, где не было ни перехода в <о>, ни исчезновения <ь> из произношения.

Проблема выбора буквы е или ѣ

§ 13. Взаимообусловленные преобразования <е, ь> и <ѣ> привели к изменениям в графической системе. При необходимости сделать выбор между буквами *ѣ* и *ѣ*, русская орфография несколько столетий ищет знак для передачи звука [о] после мягких согласных. Из истории русской графики и орфографии известно, что славянская азбука с принятием христианства на Руси была приспособлена к русской звуковой системе и получила широкое распространение. В кириллической азбуке на протяжении тысячелетней истории существования находят отражение звуковые изменения в области гласных и согласных, в результате чего некоторые буквы оказываются лишними. С появлением новых звуков возникает необходимость в новых буквах, поэтому в результате изменения <е>>о> звук [о] после мягких согласных перед твёрдыми начинает отражаться в памятниках письменности в виде написаний — *жонѣ, чорныхѣ, купцовѣ, крышонѣ, врачовѣ, рубловѣ, яромѣ*¹.

Не только русские тексты, но и иностранные источники передают звук [о] после мягкого согласного отчётливо и многообразно, например, в начале XVII в. в словарных записях английского переводчика и лексикографа Ричарда Джемса находим: *meod, oreol, coveor, rosteot, peostrā, tchort, chornie, sholke, beroze*². В конце XVII в. переход <е>>о> отражён шведским ученым, путешественником и культурным деятелем И.Г. Спарвенфельдом в написаниях кириллицей (для некоторых слов автор указал ударение): *опѣнки, цицлонок, кляноѣ, щеглонок, бероза, доиѣна короѣ или подоиѣна, клиѣон, льѣонѣ, сѣомга, жеребиѣнок и жеребиѣонак*³. От М.В. Ломоносова идёт традиция использования лигатуры *іѣ*, *іѣ*: *триѣхѣ, везіѣшь, огніѣмѣ, віѣрстѣ, бриѣвна* и *ліѣдѣ*, *оріѣль*, *міѣдѣ*⁴. Знаки *іѣ*, *іѣ*, *іѣ* и др. не получили официального закрепления в графике, они использовались нерегулярно, а в русских грамматиках служили для передачи транскрипции.

Благодаря разысканиям историков Е.В. Пчелова и В.Т. Чумакова, было уточнено время введения буквы *ѣ*: в 1795 году она впервые напечатана в сказке И.И. Дмитриева «Причудница» в словах *всѣ* (два раза), *огонѣк*, *за пенѣк*⁵. Предложенный знак *ѣ*, в отличие от лигатур и буквосочетаний, соответствовал русской графической традиции и хорошо передавал новое произношение, он должен был внести определённую ясность в написание исконных и заимствованных слов со звуком [’о].

В XVIII в. отношение к *ѣ* было обусловлено сложившейся языковой ситуацией: считалось недопустимым употреблять *ѣ* в высоком слоге, при возможном исполь-

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1888. С. 52–58.

² Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619). С. 43.

³ Биргерорд У. Глоссарий русского разговорного языка конца XVII века // *Russian Linguistics*. Dordrecht – Holland/Boston – U.S.A., 1975, vol. 2, № 3/4. P. 193–218.

⁴ Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1799. С. 39.

⁵ Пчелов Е.Д., Чумаков Т.В. Два века русской буквы *ѣ*. История и словарь. М., 2000. С. 46–47.

зовании в низком. Поэтому у новой буквы были противники, например, адмирал, президент Российской академии, министр народного просвещения А.С. Шишков (1754–1841), отстаивая чистоту высокого стиля, увидел в попытках введения новой буквы стремление «искажать величавый нашъ языкъ»: «Вездѣ *iô!* Одно что нибудь: или по книжному писать, или по разговорному. Въ первомъ случаѣ, давно извѣстное *iô*, но всегда изгоняемое изъ чистоты языка, нигдѣ не писалось; во второмъ, какъ бы вновь выдуманное и премудрымъ изобрѣтеніемъ превращенное въ *ë*, вводится въ употребленіе...»¹. А.С. Шишков рассуждал о букве *ë* с точки зрения стилистической принадлежности слов. Впоследствии языковая ситуация изменилась: простонародные элементы получили доступ в русский литературный язык и причины пренебрежительного отношения к этой букве забылись, но вопрос об использовании *ë* не был решён по той причине, что буква *ѣ* помогала верно определять произношение таких слов, как *мѣль* [м'ел] и *мель* [м'ол] (мёл).

История буквы *ë* тесно связана с судьбой *ѣ*, поэтому реформаторы русского письма на рубеже XIX–XX вв., решая вопрос об отмене *ѣ*, справедливо ратовали за внедрение *ë*: «Если мы изгонимъ *ѣ*, придется за то ввести *ë*»², иначе возникнут омографы, затрудняющие опознание слов, в целом осложнится процесс чтения³.

Говорить о современном литературном произношении [e] на месте открытой разновидности <e (из *ѣ*)> можно, вероятно, не раньше середины XVIII в. Считается установленным Л.Л. Васильевым, В.В. Виноградовым, К.В. Горшковой, В.В. Ивановым и др., что *ѣ* сохраняется в Москве в качестве особого звука вплоть до начала XVIII в. В исследованиях по церковнославянскому языку иногда подчёркивается, что звуки, передаваемые буквами *ѣ* и *e*, отличались тем, что перед [e] появлялся твёрдый согласный.

Анализируя московские памятники XVII в., Л.Л. Васильев пришёл к такому выводу: «буква *e* сравнительно с буквою *ѣ*, подобно букве *ы* сравнительно с буквою *и*, в сознании писцов ассоциировалась с гласною буквою, указывающею на бóльшую твёрдость предыдущей согласной»⁴. Поэтому, если в просторечии <e> и <ë> не различались, так как передавали современную фонему <e>, представленную двумя вариациями [e] и [é] – [м'ел, д'эла и м'эл', д'эл'е, с'эл'ск'ии, д'эн']], то в книжной речи выступали, по Ломоносову, «дебелое» *e* и «тонкое» *ѣ*. Об этом же в «Разговоре о правописании» рассуждает В.К. Третьяковский, признавая, что буквы *ѣ* и *e* никакой разницы не имеют в произношении, так как «обе они один голос означают». Однако В.К. Третьяковский не решился исключить *ѣ* из алфавита, так как опасался, что если вместо *тебѣ*, *побѣда*, *к славѣ*, *вѣрная*, *пѣснь*, *дѣйство*, *крѣпко* написать *тебе*, *победа*, *к славе*, *верная*, *песнь*, *действие*, *крепко*, то будут произносить *те[бэ]*, *по[бэ]да*, *[вэ]рная* и т. п.⁵, как произносили, вероятно, в церковном чтении.

¹ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 353.

² Корш Ф.Е. О русском правописании. СПб., 1902. С. 17.

³ В настоящее время буква *e*, вобрав в себя звучание букв *e* и *ѣ* (*мель* [м'ел]), передаёт и звучание [jo], [ʔo] (*елка* [jóлка], *мель* [м'ол]). Такое написание предполагает, что говорящий удерживает в сознании правило произносить после мягкого согласного звук [o]. Допускается, что для подготовленного читателя проблемы как будто не существует, написание буквы *e* якобы не влияет на произношение. Несмотря на историческую преемственность, буквы *e* и *ë* передают разные чередующиеся фонемы в их многообразии звуков и поэтому необязательное употребление буквы *ë* (*мель* [м'ел], *мель* [м'ол]) нарушает основной принцип русской орфографии, который требует соответствия написания всех гласных и согласных их звучанию в основных фонематических позициях.

⁴ Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *e* в памятниках XVII века. С. 195.

⁵ Третьяковский В.К. Разговор между Чужестранным человеком и Российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748. С. 193–195.

Обращение к русским грамматикам XVIII и XIX вв. («Российская грамматика» М.В. Ломоносова (СПб., 1755), «Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие...» Н.Г. Курганова (СПб., 1769), «Российская грамматика А.А. Барсова» (М., 1981), «Начальные основания российской грамматики...» П.И. Соколова (СПб., 1792), «Краткое руководство к Российской словесности» И.М. Борна (СПб., 1808), «Российская грамматика...» Ф.Ф. Розанова (М., 1810), «Практическая Русская грамматика» Н.И. Греча (СПб., 1827), «Пространная Русская грамматика» Н.И. Греча (СПб., 1827), «Русская грамматика» А.Х. Востокова (СПб., 1831), «Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 1-е» Г.П. Павского (СПб., 1850), «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» И.И. Давыдова (СПб., 1850)) показало противоречивые высказывания авторов грамматик относительно звукового соотношения букв *e* и *ѣ*¹. Также рассматривая грамматические описания В.К. Третьяковского и А.П. Сумарокова, можно сделать вывод о том, что из-за церковнославянского влияния различие между *ѣ* и *e* сохранялось в произношении образованных людей еще в XVIII и начале XIX в.

Открытая разновидность <ѣ> – *лѣсъ, мѣсто, хлѣбъ, вѣкомъ, лѣто, сѣно, сидѣла* в литературном языке идентифицируется с открытым [e], вероятно после XVIII в., и немаловажную роль в этом процессе сыграли факты разговорного языка и морфологического происхождения, а также заимствования. Например, заимствования из западноевропейских языков передают звук, отличный от старой фонемы <e>: англ. *клавикорть*, 1674 г. < *clavichord* [kl'vɪkə:d]; *Нѣдерляньскоу Семлѣ*, 1631 г. < *Néderland*; греч. *ѡрихонка*, конец XVII в. < *Ἰεριχὼ* «Иерихон»; немец. *Тарѣль*, 1509 г. < ср.-в.-нем. *Talier*; польск. *кавалѣры*, 1671 г. < *kawaler*; фр. *пистолѣтов*, 1630–1631 гг. < *pistolet* и др.

¹ «въ просторѣчїи едва имѣють чувствительную разность, которую въ чтенїи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ ... в *E* дебелости, в *ѣ* тонкости» (Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 49);

«различаются какъ въ писмахъ такъ и въ произношенїи, а особливо у малороссовъ, кои хотя въ томъ и великіе знатоки однако оную букву *ѣ* гораздо мягче надлежащаго произносятъ превращая ея в *BE*, и в *II*, какъ *мѣсто* или *мисто* за *мѣсто*» (Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 97);

«въ растворенномъ произношенїи, то есть послѣ согласныхъ, сіи буквы одна отъ другой различествуютъ, особливо въ порядочномъ чтенїи, а у Малороссїянъ и въ просторѣчїи, такъ что написанныя сими буквами, сходныя впрочемъ слова, не для глазъ только различаются, но и для слуха выговариваются разнo, на пр. *пѣню* и *пѣню*, *пѣнье* и *пѣнье*, *плѣнь* и *плѣнь*, и проч.» (Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М., 1981. С. 47);

«Буквы *E* и *ѣ* не произношенїемъ, но употребленїемъ въ письмѣ между собой различаются» (Соколов П.И. Начальные основания российской грамматики... СПб., 1792. С. 10);

«Буква *ѣ* въ началѣ слова произносится какъ *e* (*je*), а послѣ согласныхъ тонѣе, какъ бы нѣм. *ee*, на примѣръ: *мѣра* (*Meera*), *вѣра* (*Weera*), и пр. Малороссїянежъ произносятъ сію букву почти какъ *u* (*ie*)» (Борн И.М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 7);

«Въ серединѣ словъ, гдѣ писать *ѣ* и гдѣ *E*, нѣкоторымъ образомъ узнавать можно по выговору: ибо *ѣ* произносится какъ *ѣе*, а у Малороссїянъ какъ *u*, на пр. *дѣло*, *бѣлый*; – букважъ *e* выговаривается несколько дебело или тупо, какъ на пр. *сердце*» (Розанов Ф.Ф. Российская грамматика... М., 1810. С. 234);

«...*E* должно писать тогда, когда слогу, имѣющій звукъ, въ правильномъ употребленїи произносится съ большимъ отверстіемъ рта, а *ѣ*, когда съ меньшимъ, на пр. *въ семь*, *сѣмь*, *пеня*, *пѣна*, и пр.» (Орнатовский И. Новейшее начертание правил Российской грамматики на началах всеобщих основанных. Харьков, 1810. С. 290–291).

В грамматиках Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Г.П. Павского, И.И. Давыдова, Ф.И. Буслаева говорится практически о фонетическом тождестве букв *e* и *ѣ*. Несмотря на это, Я.К. Грот защищает *ѣ* от попыток изгнать его из русской орфографии, подчёркивая, что *ѣ* имеет в языке «не только историческое значенїе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль» (Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологические разыскания. 2-е изд. СПб., 1876. С. 377).

Как подчёркивает В.Г. Демьянов, искать причины применения *ѣ* в орфографии заимствованных слов следует не в этимологии, так как внутренняя форма была, как правило, для писца XVII в. неясной, а в тех графико-орфографических позициях, с которыми соотносятся звуки заимствованного слова и его русской передачи¹.

В XIX в. искусственно поддерживаемое церковнославянское произношение постепенно стирается. Об этом пишет Е.Ф. Будде: «Было время, когда ... во всех случаях, где ныне мы произносим и в стихах рифмуем слова со звуком 'ó перед следующим твердым согласным или слогом, согласно фонетике русского языка, писатели и вся интеллигенция настойчиво произносили церковнославянское *ѣ*, чтобы «не упасть в речь подлой черни», по выражению москвича Сумарокова и Третьяковского, который особенно преследовал это *ѣ* (*іо*)»². Соответственно, существующее различие между старым [e] и *ѣ* стирается, хотя в литературном языке XIX в. допускались рифмы, в которых буква *e* искусственно произносилась как *ѣ*, а не как [o] (*ѣ*):

*И вот к себе зовет
Медведя он с лисою на совѣт...*
(И. Крылов, «Пестрые овцы»);

*Когда в товарищах согласья нѣтъ,
На лад их дело не пойдёт...*
(И. Крылов, «Лебедь, щука и рак»);

*У них есть вождь — Овен прекрасный
Их сторожит огромный Пес.
Есть Лев меж ними неопасный
И Дева — чудо из чудес...*
(В. Жуковский, «Две загадки»);

*Вдруг, истощась и присмерев,
О Терек, ты прервал свой рев...*
(А. Пушкин, «Обвал»);

*Но человека человек
Послал к Анчару властным взглядом,
И он послушно в путь потек...*
(А. Пушкин, «Анчар»);

*Любит он игры наших дѣв,
Когда весной в тени дерев
Оне кружились на свободе...*
(А. Пушкин, «Гроб юноши»)³.

С одной стороны, в русском образованном обществе в конце XVIII и первые десятилетия XIX в. было известно два типа произношения: произношение разговорного и поэтического языков. Возможно, были носители литературного языка, в речи которых

¹ Демьянов В.Г. Звуковое качество *ѣ* по иноязычным показаниям XVII века // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 70–79.

² Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX вв.). С. 16.

³ Чернышёв В.И. Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы сочетания слов. 3-е изд. Пг., 1915. С. 32–33.

звучания букв *e* и *ѣ* различались. Хотя нельзя исключить, что у некоторых говорящих эти звучания были одинаковы в обычной речи, но различались в высокой речи, в поэтической декламации. Для обычной речи можно предположить влияние различных диалектов. При таком подходе «графическое различие *e* и *ѣ* было наполнено фонетическим содержанием»¹. Если исходить из звукового тождества этих букв, то тогда, как замечает Н.В. Перцов, «в ряде случаев различаемые только ими единицы могли давать омофонию, чуждую современному языку: в старинном языке имелись такие графически различные лексические единицы, которые в современном языке являются либо лексическими омонимами, либо омоформами»².

Орфографические трудности и ошибки в написании слов с *e* и *ѣ* поставили перед учёными вопрос об освобождении русского письма от лишних букв. Большинство склонялось к той точке зрения, что употребление буквы *ѣ* отражает традиционный принцип орфографии: «в русском языке употребление буквы *ѣ* в корнях слов и в образовательных окончаниях некоторых имен есть дело предания и обычая, в котором выражается уважение к историческому началу...»³. Ф.Е. Корш, участвуя в полемике вокруг орфографической реформы, предложил закрепить в графике вторую сторону изменения фонемы <e> – [e > ѣ] и использовать букву *ѣ* так, чтобы показать звук и место ударения: *пекѹ* – *пѣкѹ* – *пѣкарѹ*. «Если кто вздумает отвергнуть это предложение на том основании, что целых три выражения первоначально одного звука есть некоторая роскошь, ему можно ответить: 1) что мы решили оставить *ѣ*, то только перед несмягчённым звуком, т. е., например, *вѣра* (но *вѣрю* и, конечно, *уверѣние*), *сѣк* (но *сѣчка*, *секу*) и в конце, как *женѣ*, *себѣ*, *всѣ*, то указанные три начертания будут соответствовать трём различным звукам, а именно *ѣ* – открытому *e*, *e* – закрытому *e*, *ѣ* – мягкому *o*...»⁴.

Согласно фонетическому принципу письма Ф.Е. Корш рекомендовал писать через неэтимологический *ѣ* слова, «заимствованные из церковнославянского и других чуждых языков и созданные искусственно по иноязычному образцу», как *вообщѣ*, *ужѣ*, *нѣбо*, *вѣтхой*, *пецѣра*, *надѣжда*, *воскрѣс*, *жѣртва*, *лѣв*, *мятѣж*, *бѣздна*, *шѣствовать*, *цѣсарь*, *лѣнта*, *королѣва*, *проѣкт*, *секрѣт* и др.⁵, а также с неэтимологическим *ѣ* должны были писаться слова, в которых отвердели согласные: «1) некоторые слова от корней с *r* перед гортанными (задненёбными), губными и, теперь твёрдыми, *ж* и *ш*, как *мѣркнут*, *зѣркало*, *ковѣркать*, *отвѣрг*, *вѣрх* (но и *верѣх*), *чѣрпать*, *вѣрба*, *пѣрвой*..., 2) страдательные причастия прош. вр. в смысле прилагательных, как *совершѣнный* (но *совершенный* в смысле причастия), *почтѣнный*..., 3) слова с надставкой, имевшей *ѣ* впереди, как *зѣмство*, *зѣмской*, *смѣртной*..., 4) слова с *ш* и *ж* перед *e* и *и*, как *черкѣшенка*, род. мн. *черкѣшенок*, *мѣжи*, *мѣжень*, *лѣжень*, *скрѣжет*..., 5) слова с твёрдой согласной перед мягкой, как *черѣшня*, *лѣгче*, *дешѣвле*, 6) слова на *-ец*, как *молодѣц* с прилагательным *молодѣцкой*, род. мн. *овѣц*, *колѣц*»⁶. Орфографические рекомендации Ф.Е. Корша соответствовали тому, что в орфоэпии исконно русской лексики достаточно последо-

¹ Перцов Н.В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 39.

² Там же. С. 39.

³ Грот Я.К. Русское правописание: руководство, сост. по поручению 2-го Отд. акад. наук, акад. Я.К. Гротом. СПб., 1888. С. 65.

⁴ Корш Ф.Е. О русском правописании. СПб., 1902. (Отдельный оттиск из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 7. Кн. 1. СПб., 1902). С. 11.

⁵ Там же. С. 12–13.

⁶ Там же. С. 12–13.

вательно отразились две стороны изменения фонемы <e>o, e>ê. Смелое и логичное предложение Ф.Е. Корша не удовлетворило сторонников этимологического написания буквы ѓ, но очерченный учёным круг слов с неэтимологическим ѓ показателен. Такое написание объяснимо фонетическими причинами и подтверждает положение о том, что в результате расщепления <e>o, e>ê слова с позднее отвердевшими согласными (*верх, женский, деревенский, полотенце, отец*), слова заимствованные (*аптека, лента, монета*) и книжные (церковнославянские) слова не могут служить доказательством сохранения старой фонемы <e>.

Таким образом, перед твёрдым согласным, благодаря фонетическому принципу письма, система вырабатывает важный в орфографическом плане графический знак — o, ъo, eo, ió, ió, io, ě, в случае с изменением <e> перед мягким согласным потребность в новом знаке отсутствует. Неразличение букв ѓ и e в результате звукового изменения [e>ê] отражает борьбу «между принципами фонетическим и морфологическим, причём уже сам факт сохранения в арсенале писца той или другой буквы свидетельствует о тенденции к морфологизму, как бы часто ни ошибался писец»¹. Возникшую графическую неупорядоченность разрешили в соответствии с фонематическим принципом русского письма: в начале XX в. был сделан выбор в сторону буквы e, а ѓ изъяли из алфавита при возможном использовании буквы ě.

Длительный процесс закрепления на письме фонетического изменения <e>o связан с тем, что переход <e>o, как явление народного языка, долго не проникал в книжный язык. В этом кроется причина неудачи с введением буквы ě. Пренебрежительное отношение к <o<e> было преодолено только ко второй половине XIX в., но отношение к букве ě, как необязательной, сохранилось до сих пор.

Изменение <ě> в русских говорах

§ 14. Ограниченный характер эмпирического материала при генетическом представлении фонологической системы налагает свой отпечаток на возможности реконструкции. Учёные подчёркивают известную условность и схематизм диахронического описания звуковой стороны языка, «опирающегося не на реальное образование тех или иных звуков в прошлом, а на представления о характере их образования в настоящее время»². Поэтому можно сопоставить ряд фактов, содержащихся в памятниках письменности, с результатами преобразования <e> и <ě> в некоторых современных севернорусских говорах.

А.А. Шахматов, отметив вслед за Ф.Е. Коршем³ и Ф.Ф. Фортунатовым⁴ особое дифтонгическое произношение этимологического ѓ, определяет путь его развития: «Севернорусское наречие изменило, как кажется, *ie* в конце слова и перед мягкой согласной в *ié*, а *eä* перед твёрдой согласной в *ie*, т. е. заменило вторые части обеих сложных гласных более закрытыми звуками: общер. *méära, mierítĭ, gubie* перешли в *miera, mierítĭ, gubié*. Такое предположение объясняет, как кажется, ту различную судьбу, которую имело ѓ в севернорусских говорах»⁵.

¹ Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992. С. 50.

² Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. С. 18.

³ Корш Ф.Е. О звуках e и o в греческом языке. С. 139.

⁴ Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 2. С. 14, 50, 55.

⁵ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 322–323.

Смешение букв, отмеченное в севернорусских письменных памятниках¹, позволило П.А. Лавровскому, А.И. Соболевскому, А.А. Шахматову и другим учёным сделать вывод о том, что новгородские писцы произносили звук [и] на месте ѓ: «Замена ѓ через и захватила много случаев и свидетельствует поэтому о переходе ѓ (іѣ) в и, переходе столь распространённом в современных севернорусских говорах»². В.В. Виноградов отмечает, что обнаруженные в севернорусских текстах XI–XII вв. примеры перехода [ѣ] в [и] в положении перед [і] говорят о начавшемся изменении дифтонга [іѣ] на пути сближения с [и]³. Р.И. Аванесов считает, что тенденция к сближению [ѣ] и [и] в определённых фонетических условиях наметилась довольно рано. Изменение гласного [ѣ] в [и] имело место раньше в положении перед мягкими согласными, при сохранении его как особой фонемы перед твёрдыми согласными (во всяком случае под ударением)⁴. Вместе с этим появляется гласный [и] на месте [ѣ] во флексиях (как результат морфологической замены или фонетического развития); кроме того, наблюдаются случаи, которые говорят об изменении [ѣ] в [и] под ударением перед твёрдым согласным. Однако различие <ѣ> как особой фонемы держалось долго: «Всё это в большей или меньшей степени отражено в новгородских берестяных грамотах XII–XV вв. Последовательное изменение [ѣ] в [и] под ударением перед твёрдым согласным, приводящее к утрате гласного на месте [ѣ] как особой фонемы и его отождествлению с фонемой [и], характерному для многих новгородских говоров XVII–XX вв., – говоры, отразившиеся в языке новгородских берестяных грамот, если и пережили, то, видимо, в эпоху, следующую за временем написания более поздних из исследованных грамот (т. е. в XVI в. и в последующее время)»⁵.

¹ В древних севернорусских памятниках, например, в Минее 1096 г. – *лицемирьствовавъ* (68), *търпинине* (78), *претърпилъ еси* (125), *невидѣннѣ* (165); в Пантелеймоновом Ев. XIII в. – *всь самариньскѣ* (101), *грови невидомѣ* (107 об.); в Кормчей ок. 1282 г. – *вѣлериучьемь* (606); в Евангелии 1355 г. – *колиблемъ* (64), *человичьскыи* (64 об., 123), *человичь* (18, 127 об.), *человикомъ* (105, 120), *имамъ ти ничто рещи* (65), *на лѣстѣ никомь* (70), *иминнѣ* (71), *железныи* (72), *внишнее* (73), *оскоудиемо* (85), *лицемирѣ* (121 об.), *тило мое* (126 об.), *смишенъ* (141) и др. (Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 35), и особенно с XIV в. отмечается употребление буквы *и* на месте ѓ, например: в Двинских грамотах XV в.: № 28 – *сина* (7), *на писку* (10), *в рѣчки* (10), *дитемъ* (13), *въ сосѣники* (3), *сови* (13); № 54 – *по володинью* (13, 15, 19), *листо* (10), *линогоришныи* (31), *на Сюзми рикѣ* (16); № 110 – *листо* (16), *на литной стороне* (5), *дѣтеи* (1), *в вѣкѣ* (11), *парѣфинѣи* (14), *вндриѣви* (13) и др. (Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. С. 46–47, 73, 139).

В Погодинском Сборнике № 872 конца XIV – начала XV в. (1–166) *и* вместо ѓ встречается под ударением перед твёрдыми и мягкими согласными: *крипость* (16₂; 79 об.₁; 112₂; – и 97₂), *крипостью* (148₁), *чоловика* (23₂; 37₂), *на ливо* (92₂), *лито* (114 об.₂), *с линостю* (133₁), *лицемирѣ* (61 об.₂), *не ославиѣ* (108₂), *лѣствици* (130 об.₂; 131₁) и др.; в заударных слогах – *заповидъ* (14₁; 19 об.₂; – и 15 об.₁), *первиѣ* (131 об.₂), *владженнѣ* (45₂) и др. Обратное явление: ѓ заменяет *и* в середине и в конце слов в самых разнообразных условиях – *сѣреуъ* (110₂), *оуѣщению* (76 об.₁), *вѣдъ* (111₁), *лѣствию* (53 об.₂), *внѣмантѣ* (28 об.₂), *лѣнчѣтисѣ* (121 об.₁), *колѣкѣ* (151₁), *в подвѣзѣ* (164₂), *навѣтнѣкѣ* (30₂), *вѣнчѣ* (107₂), *рѣзѣ* (23 об.₂), *губѣтельно* (75₂), *лѣкование* (97 об.₂), *подвѣзѣ* (94 об.₂) и др. (Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 175).

² Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. С. 90; Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 324.

³ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 244.

⁴ Р.И. Аванесов подчеркнул, что для северновеликорусских говоров положение гласной под ударением имеет определённое значение, хотя вторгается другой весьма важный для этой системы гласных фактор – качество соседних согласных, «сильное положение для них можно определить как положение под ударением не между мягкими согласными» (Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. 6. Вып. 3. М., 1947. С. 218).

⁵ Аванесов Р.И. Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 91.

Историки русского языка обосновали механизм изменения <ě>u>. С точки зрения А.А. Шахматова, переход начался в безударном положении: «В положении перед слогом с ударяемым *i* имел, повидимому, место переход *ĭ* (*ie*) в *i*. Так *s'kdiť*, *s'kdimŭ*, *s'kdi* перешли в *sidiť*, *sidimŭ*, *sidi* – и уже отсюда получалось дальше *sid'kti*, *sižu*, при чём *i* переносилось даже в ударяемый слог: *sida*. Ср. великор. *сидѣть*, *сижѹ*, *сидя*, *сиднем*; *сидѣл...*, *отъсидѣвъ ...*»¹. В.В. Виноградов, проанализировав памятники письменности с различными графическими приёмами в употреблении *ĭ*, делает следующие выводы: «внутренняя эволюция звука *ĭ* была вполне однородной, но интенсивность, быстрота процессов различна: в одних – звук *ĭ* прошёл весь путь своего развития от первоначального дифтонгического произношения – к крайним точкам видоизменений, обусловленных ассимилирующим влиянием соседних согласных, т. е. к совпадению с *u* – перед мягким, с *e* – перед твёрдым слогом; в других – с замедленным течением процесса – отметились предшествующие стадии в судьбе *ĭ* – *ě* или *iě* – перед твёрдыми, *i^e* – перед мягкими согласными». Далее учёный обращает внимание на условия, «которые содействовали скорейшему переходу *ĭ* в *u*, – это положение *ĭ* перед *i* и перед слогом, носителем которого является звук *u*»².

Л.Л. Касаткин обобщает выводы В.В. Виноградова и пишет о том, что при переходе [ě>u] в позиции перед [u] возникает такое сочетание звуков [uěu], в котором между двумя однородными гласными верхнего подъёма заключён гласный более низкого подъёма. «Необычное скольжение тембра этого сочетания с понижением, а затем опять с повышением подъёма выравнивается по гласным более высокого подъёма. В результате [uěu]>[uu]. Затем на слог [uě] начинает воздействовать и слог со следующим [u]. Здесь [u] стоит не непосредственно после дифтонга, но согласные, которые их разделяют, «настроены» на артикуляцию [u]. Таким образом, эта позиция существенно не отличается от предыдущей. Позднее в это воздействие на [uě] включаются и другие «мягкие слоги»... Позднейшая история этого явления может быть представлена как проникновение [u] из *ĭ* и в позицию перед «твёрдым слогом» на основе аналогического выравнивания»³.

В.В. Колесов, проанализировав Вологодское Евангелие XVI в., псковские рукописи XIV–XV вв., отмечает, почему перед мягкими согласными и на конце слова <ě> перешло в <u>: ср. *до мѣдвидицѣ*, *до рюки*, *лѣсъ* – в *лиси*, *мистаца*, *отвисили*, *свѣтъ* – в *свити*. «Совпадение позиций конца слова и перед мягкими согласными характерно; совпадать в одном фонетическом проявлении могут только слабые позиции, следовательно, и в данном случае происходила всего лишь нейтрализация в противопоставлении <ě–e–u>. Изменение <ě>u> только перед мягкими согласными объясняется тем, что одновременно в тех же говорах происходит изменение <e>o> перед твёрдыми согласными. По-видимому, сначала изменилось <ě> в <u> только в слоге перед <u> или в конце слова; ср. *видихъ* < *вѣдихъ*, *на мисти*, *нетлиниа*, *прилиниста* < *прѣлѣниста*, *роуци твои* (<роуцѣ) и др., т. е. своеобразное продолжение древнерусского межслового сингармонизма, осложнённого выравниванием по мягкому типу склонения»⁴.

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 115.

² Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 203.

³ Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. С. 34–35.

⁴ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 185.

Вероятно, в этом случае можно говорить об антиципации на письме: «Регрессивное изменение (первого звука перед вторым) даже в группе рядом стоящих звуков по своей сущности дистактно. Первый звук настраивает свою артикуляцию в преддверии ещё не произнесённого, а только ожидаемого звука. Антиципация/предвидение определённого звука может оказывать на выбор произношения большее влияние, чем реальный

А.А. Шахматов составляет классификацию говоров, в которых *ѣ* был представлен различными звуками:

1) Тотемские говоры, имеющие на месте исконного *ѣ* звуки *i* перед мягкой согласной и *ê* перед твёрдой и в конце слова под ударением: *xlibéc – xlêp, grîli – grêu, ijs' – iês, síre – séra, na svíte – svêt, sêno, snêk, diíi, vínik, onê, fsê*;

2) говоры Костромского уезда, изменившие *ѣ* в *e* открытое перед твёрдой согласной, а перед мягкой *iê* в *i*: *стрича, льнь, вiтеръ, диверъ, мисяцà, отдилёнъ*, а также Белозерского уезда: *лизетъ, диверъ, захтили, цидить, встриця*, Нолинского уезда: *митить, сима, повисить, здись*, Ярославской губернии: *отвѣтъ – отвитить, j'ѣсъ – jись, влѣсъ – лисьница*;

3) Пудожские говоры, изменившие *ie* и *iê* в *ê* закрытое: *xlêp, sêno, sêni, têsto*;

4) говоры, изменившие *ie* и *iê* в *i* Новгородского уезда Тёсовской волости: *здилаютъ, старовиры, желизна, милкой, силъ, синокосъ, хлибонашество*; Красноуфимского уезда: *викъ, грихъ, сирый, дивка, беда, рика*; Слободского: *свить, дило, рипа, клитка, нить, зивать*; Пошехонского уезда с. Захарьевщино: *хлибъ, сино, дило, мидь, немецъ, обидня*¹.

Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова, Д.Н. Ушаков по характеру произношения *ѣ* под ударением все севернорусские говоры разделили на пять групп, каждая из которых была ограничена территориально².

В.В. Виноградов дополняет существующие классификации новыми сведениями и устанавливает шесть групп севернорусских говоров, в которых отразились различные рефлексy старoгo *ѣ*³. В.В. Виноградов исследует рефлексy <ê> в севернорусских

состав звуковой последовательности» (Калнынь Л.Э. Согласные, различающиеся участием голоса, как компоненты фонетической программы слова в славянских диалектах // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 72).

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 322–323.

² Дурново Н.Н., Соколова Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5. М., 1915. С. 19–25.

1. Поморская группа, или Архангельская (говоры Архангельской губ. (кроме части Шёнкурского уезда), северная часть Олонецкой, Вологодской губ.) – древний *ѣ* под ударением звучит как [e].

2. Олонецкая группа (говоры большей части Олонецкой губ., кроме северных частей Повенецкого и Пудожского уездов, восточных частей Каргопольского, Вытегорского и всего Лодейнопольского уездов) имеет две подгруппы: а) перед твёрдыми и мягкими согласными *ѣ* представлен рефлексами [ê] или [e'], б) перед твёрдыми согласными *ѣ* выступает в виде [ê], перед мягкими – как [u] или [e'].

3. Западная группа, или Новгородская группа (говоры западных уездов Новгородской губ.: Новгородского, Старорусского, Демянского, Валдайского, Боровицкого, Тихвинского и западной части Устюженского, говоры Петроградской губ., Лодейнопольского уезда Олонецкой губ., Порховского, Вышневолоцкого, Бежецкого): а) ударяемый *ѣ* независимо от характера следующего согласного произносится как [u], б) ударяемый *ѣ* во всяком положении звучит как [ê].

4. Восточная, или Вологодско-Вятская группа (говоры губ.: Вологодской, Вятской, Пермской, части Уфимской, восточной части Новгородской (Кирилловский, Белозерский, Черёповский уезды и части Устюженского и Тихвинского уездов), восточной части Олонецкой, части Шенкурского уезда Архангельской губ. и говоры Ярославской и Костромской губ. на севере от Волги, а также небольших частей Рыбинского и Мологского уездов Ярославской губ. на юге от Волги): *ѣ* перед мягкими согласными произносится как [u], перед твёрдыми – как [e] или [ie].

5. Владимирско-Поволжская группа (говоры губ.: Тверской, Московской и Рязанской (Егорьевский уезд), говоры Ярославской и Костромской губ. на юге от Волги, а также севернее Волги говоры частей Макарьевского и Варнавинского уездов Костромской губ., говоры Владимирской, Нижегородской, Казанской губ., Нижнего Поволжья (Симбирской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Астраханской губ.) и, может быть, Уфимской и Оренбургской губ.): перед твёрдыми согласными *ѣ* звучит как [e], перед мягкими – как [ê].

³ Классификация В.В. Виноградова охватывала значительное количество говоров и представляла всё многообразие рефлексов *ѣ* в севернорусских говорах.

1. Дифтонг [ue] сохраняется перед твёрдыми и мягкими согласными (Лекинск. говор Егорьевск. у. Рязанск. губ.; ряд говоров Егорьевск. у.; говоры некоторых местностей Касимовск. у. Рязанск. губ.; говор с. Пустошей Ягод. вол. Владимирск. губ.; некоторые говоры Тотемск. у. Вологодск. губ., Котельнического у. Вятск. губ.).

говорах, чтобы проследить, как исторические изменения <ѣ> отразились в памятниках письменности.

На современном материале уточняют судьбу *ѣ* в севернорусских говорах Р.И. Аванесов¹, Д.И. Алексеев², В.И. Чагишева³, К.В. Горшкова⁴, Е.В. Сорокина⁵, Л.Л. Касаткин⁶, Р.Ф. Касаткина⁷ и др. С привлечением новых данных был определён характер различных рефлексов <ѣ> в севернорусском наречии, их территориальное распространение и особенности употребления в зависимости от положения в слове.

Опираясь на материалы, содержащиеся в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», в «Общеславянском лингвистическом атласе»⁸, на исследования рефлексов <ѣ> в памятниках письменности и севернорусских говорах, сделанные историками русского языка и диалектологами, покажем дивергентно-конвергентный путь развития *ѣ* в современных севернорусских говорах.

2. Дифтонг сохраняется только в положении перед твёрдыми согласными, перед мягкими – звучит [и] (говоры Никольск. у. Вологодск. губ.; части Тотемск. у., Ветлужск. у. Костромск. губ.; Костромск. у., Яранск. у. Вятск. губ.).

3. На месте <ѣ> отмечается звук средний между [e] и [и] – <ѣ> совпадает с [e] перед твёрдыми согласными и звучит как [ie] перед мягкими согласными (говоры Кологривск. у. Костромск. губ.; в окрестностях Выгозера и Водлозера Олонецк. губ.; в Тихвинск. у. Новгородск. губ.; в говорах восточной половины Бронницк. у.; в юго-вост. части Никольск. у. Вологодск. губ.; в говорах Олонецк., Новгородск. и части Ярославск. губ., в Симбирск. губ. Алатырск. у. с. Утёсовке).

4. Перед твёрдыми согласными на месте <ѣ> отмечается [e] или [ei], перед мягкими согласными – [и] (говоры сев.-вост. части Пудожск. у.; говоры разных местностей Костромск. губ.; говоры Кирилловск. у. Новгородск. губ.; Белозерск. у. Новгородск. губ.; в уездах Вятск. губ. и Вологодск. губ.).

5. На месте <ѣ> перед твёрдыми и мягкими согласными – звук [и] (говоры Устюжск. у. Новгородск. губ.; д. Будогощи Кукуйск. вол. Тихвинск. у. Новгородск. губ.; Новгородск. у.; западных у. Новгородск. губ.; некоторые говоры Тверск. губ.; Вельск. у. Вологодск. губ.; говор Вятск. губ. Котельнич. у. с. Красногорского; Вологодск. губ. Гряз. у. с. Раслова; некоторые говоры Пермск. губ.; Костромск. губ. Кинешемск. у. вол. Красносельск. и Семёновск.).

6. На месте <ѣ> перед твёрдыми и мягкими согласными – звук [ѣ] закрытый (говор д. Белой Казанск. у.; Ситской вол. Моложск. у. Ярославск. губ.; Архангельск. губ. Онежск. у. с. Чекуева; Левочск. вол. Боровичск. у. Новгородск. губ.; Соликамск. у. Пермск. губ. с. Нердвинского; Владимирск. губ. Покровск. у.; Владимирск. губ. г. Шуи и его окрестностей). (Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. С. 161–165).

¹ Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. С. 211–228.

² Алексеев Д.И. Об одной фонетической особенности владимирско-поволжских говоров (о переходе *e* в *и* под ударением) // Учён. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Кафедра русского языка. Вып. 12. Куйбышев, 1954. С. 52–76.

³ Чагишева В.И. К вопросу о судьбе *ѣ* в севернорусских говорах // Учён. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 144. Л., 1956. С. 295–307.

⁴ Горшкова К.В. Развитие вокализма в белозерских говорах вологодской области // Филологические науки. 1958. № 4. С. 75–83.

⁵ Сорокина Е.В. Судьба старого *ять* под ударением в говорах Новгородской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Учён. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 134. Вып. 9. М., 1959. С. 333–349; Сорокина Е.В. Классификация рефлексов старого *ять* в современных севернорусских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Учён. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 134. Вып. 9. М., 1959. С. 317–332.

⁶ Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка...; Касаткин Л.Л. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Современные русские говоры. М., 1991. С. 14–22; Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

⁷ Касаткина Р.Ф. Рефлексы *ѣ* в некоторых севернорусских говорах // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 65–73; Касаткина Р.Ф. Об открытых гласных – рефлексах *ѣ* в современных русских говорах // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: сб. научн. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой. М., 2001. С. 80–85.

⁸ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи. Справочные материалы и комментарии к картам: в 2 т. / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1982. М., 1985; Общеславянский лингвистический атлас. Сер. Фонетико-грамматическая. Рефлексы *ѣ. Вып. 1. Белград, 1988; Общеславянский лингвистический атлас. Сер. Фонетико-грамматическая. Рефлексы *e. Вып. 2а. Белград, 1990.

В архаических говорах Вологодской обл. (Буряковский р-н, д. Загоскино; Сокольской, д. Мишаково; Усть-Кубинский р-н, д. Грифониха) и Кировской обл. (Котельнический р-н и Арбажский р-н) дифтонг [iê] сохраняется перед твёрдыми согласными, переходя в [i] перед мягкими (рис. 6).

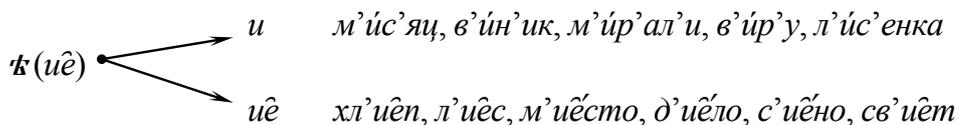

Рис. 6

Второй тип рефлексов характеризуется произношением [ê] закрытого перед твёрдыми согласными и [i] перед мягкими. Подобные говоры отмечены в Харовском, Тотемском, Оштинском районах Вологодской области (рис. 7).

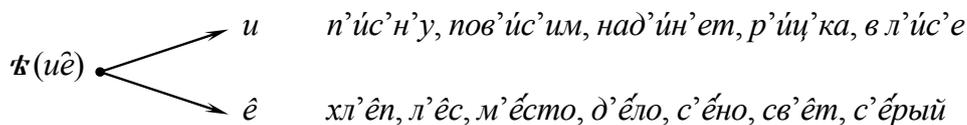

Рис. 7

Наиболее распространён третий тип говоров, в которых [e] открытое произносится перед твёрдым согласным, [i] – перед мягким. Этот тип отмечен в большинстве районов Вологодской области, в ряде мест Кировской области, на севере Костромской и Ярославской, на юге Архангельской, в западной части Ленинградской области, в Карелии (рис. 8).

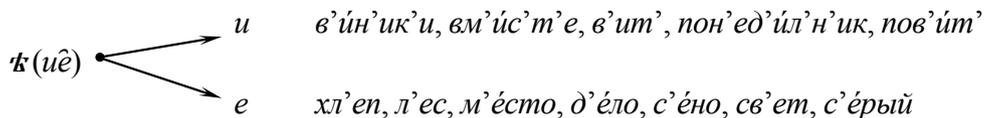

Рис. 8

В Новгородской группе говоров (д. Долгово, Чауни, Горное Марино, Самокража, Спаспископец, Милославское Новгородского района; д. Вошково, Б. Тальцы, Заполье, Березино, Порог, Н. Станино Дрегельского района; д. Бор, Сосонье Опеченского района; д. Тухун Боровичского района, д. Шарья Маловишерского района; д. Пасад Мстинского района; д. Жилой Бор и Вязовка Хвойнинского района) отмечается произношение [i] как перед твёрдыми, так и перед мягкими согласными (рис. 9).

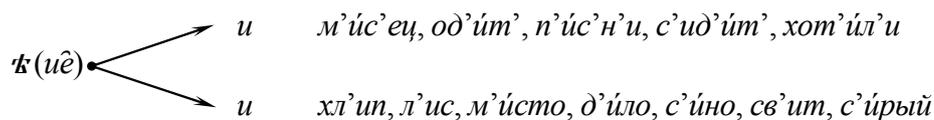

Рис. 9

В Боровичском районе Новгородской области, в Ефимовском районе Ленинградской области, в Архангельской области отмечен закрытый [ê] на месте ʦ перед твёрдыми и мягкими согласными (рис. 10).

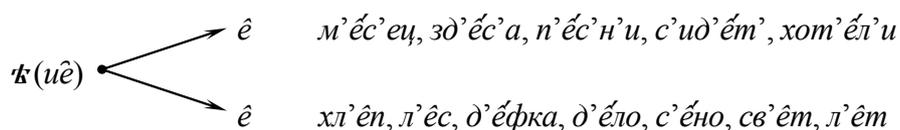

Рис. 10

На обширной территории севернорусского наречия (в говорах Владимирско-Поволжской группы, в Новгородских говорах, в Ленинградской области, в западных районах Вологодской области, в некоторых районах Кировской области, в Холмогорском районе Архангельской области) распространено произношение *ʒ* как [e] открытое перед твёрдыми и мягкими согласными (рис. 11).

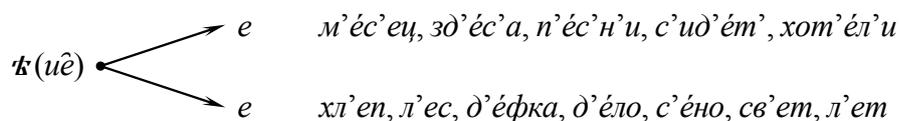

Рис. 11

Многообразие рефлексов <ѣ> показывает, что на севернорусской территории сохраняется аллофонное варьирование *ʒ* в виде монофтонгов [и, е, ê], дифтонгов [иê, иê], дифтонгоидов [e^и, u^е]. Это соответствует разным этапам изменения <ѣ> на пути к [и] и [е] открытому: *ʒ* → иê → еи → ê → и, *ʒ* → иê → еи → e^и → е.

§ 15. Многие великорусские окающие говоры знают употребление [и] вместо [е] в середине слов перед мягкими слогами. В памятниках XIV в. эта мена отмечена редко, например, в новгородском Требнике гр. Шереметьева XIV в. — *октинья* (= *ектинія*) 118 об., *твориць* 68 об., *прегрѣшини* 118; в псковском Прологе 1383 г. — *створиниѣ*, в псковском Лукине Ев. 1409 г. — *тритья* (род.) и др.¹ А.И. Соболевский случай с [и] на месте [е] объясняет влиянием безударных форм на ударные, а также как явление графического порядка: «и, вместе с спорадическим и в современных северно-великорусских говорах: *щиль* (= *щель*), *динь* (= *день*), *двирь*, *либедь* и т. п., может быть легко объяснено в связи с и вместо е без ударения. Например, и в *чисть*, *двирь* могло явиться на месте е с ударением под влиянием и в *чистнѣй* (= *честнѣй*), *двирѣ* (= *дверѣ*, род. — дат. ед.). Но необходимо иметь в виду, что новгородские, псковские и вообще севернорусские памятники XIV в. и следующих столетий, имеющие и вместо ʒ, обыкновенно имеют спорадически и ʒ вместо и и в значении и: *сѣла* = *сила* и т. п. Отсюда возможность у маловнимательных писцов, случаев употребления как и вместо графического ʒ, на месте е: *твориць* вместо *творѣць* = *творець*, так и е вместо графического ʒ, на месте и: *кадельница* вместо *кадѣльница* = *кадильница*. Срв. в Триоди 1311 г.: *кадельницю* 71 об.; в Прологе 1356 г.: *прѣснги* *другъ* 84 об.; в Прологе 1383 г.: *друженю*. Так как рукописи новгородского происхождения в XIII–XV вв. обращались в средней России и здесь переписывались, то 1) и на месте е и 2) ʒ и е на месте и, явившиеся графически в некоторых не народных словах, перешли в памятники средне-русские вообще и московские в частности и вместе — в средне-русское произношение этих слов. Коломен-

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 84.

ская Палея 1406 г. имеет: *апрѣль* 12 (срв. соврем. великор. *апрель*), *кѹмѣръ* 62 и др.; Лаврентьевск. сп. лет.: *друженью* 150, 129; Киевский Помянник первой половины XVI в.: *Євгиніа* (срв. в Ипатск. сп. лет. *Офросѣныа* 422, срв. также совр. южно-великор. *Ялгиня*), *Огрофѣна*, -*ѣна* (при *Огрофина*; срв. соврем. южно-великор. *Ягрофѣна*, малор. *Горпина* = *Ягрипина*, *Якоулена*)»¹.

Современные экспериментальные исследования показали, что под ударением гласный [e] в положении между мягкими согласными аналогичен по длительности гласному [u]². Используя данные, собранные предшественниками, Ф.П. Филин отмечает, что во многих севернорусских говорах [u] произносится на месте <e> (из исконных <ь> и <e>) почти всегда перед мягким согласным и в большинстве случаев в закрытых слогах: [в'ис', д'ін'г'и, топ'ір', б'ер'із'н'ик, н'ит'л'и, с'ир'п, д'ин', дв'ир', д'ил, л'ит], хотя встречаются примеры, когда [u] произносится в открытых слогах: [л'іб'ед', д'іс'ат', д'ів'ат', арт'іл'ју, щ'іл'и, щав'іл', д'ів'ер', к'іл'ја, бр'ід'ен', д'ір'ева, зр'іб'ен']. «Гласный *и* (и другие варианты) на месте *e* обычно встречается в говорах, в которых *ѣ* изменился в *и*, *ѣ* или дифтонг. В современных говорах *ѣ*>*и* — явление, безусловно, отмирающее, о чём говорит его лексикализация и характер географического распространения. Можно предполагать, что в ранние времена *e*>*и* имело относительно компактные ареалы, хотя вряд ли оно было общесеверновеликорусским явлением. Изменение *e* в *и* было неразрывно связано с историей рефлексов древнего *ѣ*. Гласный *e* из *ь* и исконного *e*, претерпевая сужение перед мягкими согласными, артикуляционно и акустически совпал с вариантами древнего *ѣ* и был вовлечён в его фонетическую сферу. Не исключено, что в отдельных случаях *e* произносилось как *ѣ*, *іѣ*, *и* и т. п. перед твёрдыми согласными, поскольку *e* начало было отождествляться с *ѣ* и фонологически»³.

Если перед твёрдыми согласными различие фонем <ѣ> и <e> в архаических говорах Севера может сохраняться (<ѣ> и <e> противопоставлены друг другу как самостоятельные фонемы), то перед мягкими согласными <ѣ> и <e> совпадают в одном фонетическом проявлении, происходит нейтрализация противопоставления [ѣ]—[e]—[и]. Таким образом, между мягкими согласными гласный [и] выступает позиционным вариантом фонем <ѣ> и <и>, старая фонема <e> изменяется в [и] в силу воздействия фонетической модели, которая возникает в результате преобразования <ѣ>*и* между мягкими согласными⁴.

Дивергентно-конвергентные преобразования <ѣ> и <e> в севернорусских говорах отличаются от аналогичных процессов в южнорусских и некоторой части среднерусских говоров, где осуществился переход <e>*o*, <e>*ѣ*, а рефлекс <ѣ> развиваются в сторону [ѣ] закрытого и [e] открытого (рис. 12).

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 84-85.

² Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения (на основе экспериментальных данных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

³ Филин Ф.П. К истории исконных *o* и *e* в новых закрытых слогах // Учён. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Вопросы филологии. 1969. № 341. С. 362.

⁴ В безударной позиции это вполне закономерное явление, ср. примеры, собранные П.В. Васильевым в рукописях XVI–XVII вв. Соловецкой библиотеки: [e] соответствует [и] — *завѣстію*, *от завѣсти* (№ 220, 239), *по ненавѣсти* (№ 220, 230), *седѣл* (№ 220, 74б), *владимѣръ* (220, 77) и наоборот — *свитающу* (220, 318), *окниан* (227, 61) (Васильев П.В. Несколько данных для изучения северновеликорусского наречия в XVI и XVII ст. По рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1878. С. 13).

Рис. 12

Чем объясняются возможности разных направлений развития «ѣ» и «е» в говорах русского языка? Доказано, что временная и географическая последовательность падения еров определили хронологическую и географическую иерархию в направлении с юга на север изменений «е» и «ѣ». Судьбы исконных «ѣ» и «е» зависят, как было уже отмечено, от уровня развития корреляции согласных по твёрдости-мягкости и развития противопоставления гласных по лабиализованности-нелабиализованности. В основной массе русских говоров с развитием противопоставления согласных по твёрдости-мягкости прежние признаки лабиовелярности твёрдых слогов оказались фонематически несущественными, и поэтому были перенесены на предыдущий гласный. Фонетически это означало, что в северо-восточных говорах аллофонные изменения «ѣ» и «е» завершились фонемными преобразованиями: «e>o», «e>ѣ», «ѣ» в новую фонему «е».

В севернорусских говорах дивергентно-конвергентные процессы «е» и «ѣ» завершены значительно позже, менее последовательно и с другим исходом. Это связано с тем, что согласные перед [ѣ] и [e] различались, [e] был тембрально однородным, а согласный перед ним – полумягким, соответственно, изменение «e>o» не происходило. В положении под ударением перед твёрдым согласным фонема «ѣ» долго сохраняла свою фонетическую специфику. Только после конвергенции «е» с «o» для «ѣ» появляется возможность изменить свой дифференциальный признак. В позиции перед мягкими согласными широко и повсеместно распространены звуки [ѣ] и [u], причём [ѣ] закрытое древнее [u]. Как показал Л.Л. Касаткин, в вологодских, кировских и соседних с ними говорах Ярославской, Костромской и Горьковской областей в положении перед твёрдыми согласными изменения [e>o] и [ѣ>e] характеризуются заключительным этапом, так как наряду с дифференциальными признаками «передний-непередний ряд» гласных выступают дифференциальные признаки «твёрдость-мягкость» согласных. «Изменение [eô]>[o], [eâ]>[a], [uÿ]>[y] было вызвано тем, что начальная фаза дифтонга стала осознаваться как признак согласного – его мягкость. По-видимому, возникновение мягкости согласного перед «ѣ» также связано с изменением функции начальной фазы дифтонга [uê]: эта фаза стала показателем мягкости предшествующего согласного. Монофтонгизация дифтонгов [eô, eâ, uÿ, uê] была следствием этой функциональной перестройки»¹. Дифтонгоидная, скользящая в сторону сужения артикуляция «ѣ» изменяется, различие между [ѣ] и монофтонгами [e], [u] устраняется, появляется возможность для завершения дивергентных изменений в конвергентные.

Таким образом, состояние развития консонантно-вокалической системы современных севернорусских говоров показывает последовательные этапы преобразований в области гласных верхнесреднего и среднего подъёмов. Схему дивергентно-конвергентных процессов для севернорусских говоров в обобщённом виде можно представить следующим образом (рис. 13).

¹ Касаткин Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. С. 28.

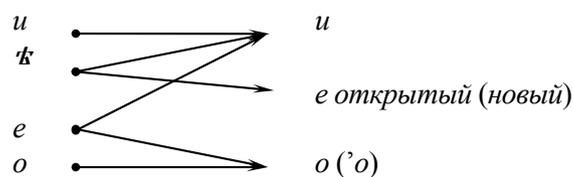

Рис. 13

Расщепляясь, <ѣ> и <е> выделяют сдвинутые вперед и назад аллофоны, которые затем (через этап нейтрализации) конвергируют с <и> или <ѣ> в положении перед мягкими согласными, в положении перед твёрдыми согласными развивается новая фонема <е>, а старая фонема <е> конвергирует с <о>. Если изменение <ѣ> перед палатальными слогами (на аллофонном этапе) или перед мягкими согласными (в период фонемного изменения – конвергенции) было более или менее однородным во всех севернорусских говорах, то перед велярными слогами (согласными) наблюдается разнообразие рефлексов на пути к <е> открытому: [ѣ], [e^u], [e^{iu}]. Отмеченные в говорах дифтонги и дифтонгоиды представляют собой звуки, переходные в плане исторического развития. Появление [и] на месте <ѣ> перед твёрдыми согласными, известное в новгородских и во многих вологодских, кировских говорах, примыкающих к новгородским, историческая фонетика русского языка объясняет влиянием широко распространённого перехода <ѣ> в <и>.

Рассмотрение процессов дивергентно-конвергентного развития ѓ показало, что эволюция этой фонемы шла в направлении передвижения <ѣ> в область среднего и верхнего подъёмов, поэтому рефлексы <ѣ> располагаются на оси [e *новый*~и]. Завершённость дивергентно-конвергентных процессов этимологических <е> и <ѣ> даёт новый звук [e], исторически восходящий к <ѣ>, но после происшедших изменений им уже не являющийся. В настоящее время разнообразие рефлексов <ѣ> перед твёрдыми согласными в некоторых говорах постепенно разрушается, уступая место звуку [e] литературного языка.

Вопросы для повторения

1. Кто из отечественных языковедов изучал судьбу ѓ?
2. Какова характеристика древнерусского ѓ?
3. Какие аргументы позволили учёным сделать вывод об утрате ѓ и сохранении <е>?
4. Как была решена судьба ѓ в московском говоре XVIII в.?
5. Какова судьба этимологического ѓ в русских говорах?
6. Какие группы русских говоров, исходя из результатов развития ѓ, выделяли А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков?
7. О чем говорит многообразие рефлексов ѓ?
8. Чем объясняются разные возможности развития <е> и <ѣ> в русских говорах?
9. Каковы результаты поведения рефлексов древнерусских фонем <ѣ>, <е> и <ь> в системе современного русского вокализма?
10. Каковы особенности развития современной фонемы <е>?
11. Как первоначально передавался на письме звук [o] после мягкого согласного?
12. Каким было отношение к букве ѣ в XVIII – XIX вв.?
13. Какие орфографические рекомендации были сделаны Ф.Е. Коршем?
14. Как можно прокомментировать высказывание А.И. Томсона, который в 1903 году

писал: «Начертание *мѣл...* и пр., настолько тесно связано (у меня) с представлением этого вещества, что если бы это начертание заменилось в русском правописании посредством *мел...*, то (для меня) и самый мел при чтении и письме (а может быть, отчасти и в других случаях) являлся бы не тем прежним мелом, а каким-то ненастоящим, с серым (не белым) цветом, которым настоящим образом на доске и писать-то нельзя и пр. Полагаю, что в большей или меньшей степени это разделяется и другими, хотя и в неодинаковом виде»¹?

15. Почему было отдано предпочтение букве *е*, а не *ѣ*?

16. По каким причинам буква *ѣ* в настоящее время считается необязательной на письме?

Основная литература

1. Колесов, В.В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. — СПб. : Филол. фак-т СПбГУ; М. : Академия, 2005.
2. Шахматов, А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. Ч. 2. — Пг., 1915.
3. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. — М. : Наука : Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Бирнбаум, Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы его реконструкции / Х. Бирнбаум. — М. : Прогресс, 1987.
5. Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. — 2-е изд. — М. : Наука, 1965.
6. Булаховский, Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л.А. Булаховский. — Киев : Радянська школа, 1958.
7. Виноградов, В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии / В.В. Виноградов. — Пг., 1923.

Дополнительная литература приведена в подстрочных ссылках, в которых указаны цитируемые источники.

¹ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). С. 60.

Глава 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗМЕНЕНИЙ УДАРНЫХ «Е» И «Ё» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Отступления от закономерностей перехода «е > о»

§ 16. Так называемые исключения из правил перехода «е > о» получили различное осмысление в трудах Я.К. Грота¹, Р.Ф. Брандта², А.И. Соболевского³, С.П. Обнорского⁴, П.С. Кузнецова⁵ и других учёных. В одну группу были объединены формы, в которых отразилось такое состояние фонетической системы русского языка, когда по определённым фонетическим причинам переход «е > о» не происходил. Это некоторые слова с поздно отвердевшими согласными: *почтённый, совершённый, душевный, полезный, плачевный, зёмство, зёмский* и др. (но *тёмный, совершённый*); сюда же отнесены слова со вторым полногласием, где [р] сейчас звучит твёрдо: *верхъ, первый, серпъ, стёрва* и др.; слова с [ш] и [ж] перед [е] и [и]: *мэжи, мэжень, лёжень, скрэжетъ, разберэжен* и под. (но *одэжа, надэжа*); слова с твёрдой согласной перед мягкой, как *черешня, лёгче, дешёвле* и др.; слова на *-ецъ*: *молодэцъ, овэцъ, отэцъ* и др.; слова с ударяемыми предлогами или приставками *не-, без-*: *не был, нэуч, нэвидаль, нэхристь, бэстолочь, без году неделя*; слова, заимствованные из церковнославянского языка: *крестъ, небо, персть, пещэра, воскрэсь, ветхой* и других языков: *королёва, котлёта, проэкт, секрет* и т. п.; слова, в которых стала использоваться буква *е* на месте *ѣ*: *блѣскъ, брѣдъ, трѣскъ, ночлѣгъ, мѣлкий, клѣтка, клѣщи* и др. В другую группу вошли примеры, которые закрепили перенесение [’о] по аналогии из обусловленной позиции в фонетически необусловленную: *идёте, зовёте, на клёне, в чернозёме, тётя, землёй* и др.

Переход «е > о» не имел места в положении перед твёрдым согласным, за которым следовал мягкий: *бэдренный* (но *бэдра*), *дешёвле* (но *дешёвый*), также *вепрь, грэбля, дэбри, дрэмлет* и др. По мнению В.Н. Сидорова, это объясняется тем, что «переход *е* в *о* в древнерусском языке происходил перед лабиализованными (или нелабиализованными) согласными, каковыми твёрдые согласные были только в положении перед гласными заднего ряда. Поэтому естественно, что *е* не изменялось в *о* перед группой согласных, оканчивающейся мягкой согласной, так как согласная, находящаяся пе-

¹ Грот Я.К. Русское правописание. СПб., 1885.

² Брандт Р.Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. С. 16–23.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 52–58.

⁴ Обнорский С.П. Переход *е* в *о* в современном русском языке. С. 295–315.

⁵ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 130–135.

ред мягкой согласной, не была лабиализованной. Возможно, что эта согласная вместе с тем не была также и вполне твёрдой»¹. Л.Л. Касаткин уточняет отмеченную закономерность: «сочетания согласных с первым твёрдым и последним мягким воздействуют на предшествующий гласный как мягкий согласный, если последний согласный сочетания переднеязычный или губной» — и подчёркивает: «Позиция же перед мягкими переднеязычными и губными слабая: почти все согласные не различаются в этой позиции по твёрдости-мягкости, они либо мягки в настоящее время, либо были мягки в прошлом. Таким образом, перехода *e* в *o* не было перед сочетанием согласных с последним мягким переднеязычным и губным потому, что и первый согласный этого сочетания был нетвёрдым»².

Итак, образования типа *набёдренный* при *бёдра*, *сёстрин* при *сёстры*, *тёрние* при *тёрн*, *пёстрядь* при *пёстрый*, *лэжбище* при *лэжка*, *перёдний* при *вперёд*, *колёсник* при *колёса*, *решётник* при *решётка* вполне закономерны. В соответствии с тенденцией к межслововому уподоблению, переход <е>о> определяется влиянием согласного (сочетаний согласных) и гласного следующего слога. Положение <е> перед группой из твёрдого и мягкого согласных аналогично положению перед мягким слогом, так как согласные, находящиеся после <е>, проницаемы для воздействия на огласовку корня следующих за ними гласных. В этой группе слов отмечается возникновение нового *ѣ*.

Развитие <о> в неодносложных корнях с новым беглым [e] *бёдренный* — *бёдер*, также *вёсел*, *чёрен*, *ремёсел* (где [e] — новый звук, появившийся на месте нуля) отражает морфологическое выравнивание по ударению, с которым совмещается качественное изменение подударного гласного.

Аналогично понимается изменение <е> перед группой согласных, возникшей в результате утраты слабых еров — *учёбный* < *учебьныи* (ср.: из *учебный* образовалось новое слово *учёба* вместо *учба* < *учьба*), *душёвный* < *душевьныи* — *ду[ш'ёв']ныи*, *жёнский* < *женьскии* — [ж'ён']скии, *деревёнский* < *деревеньскии* — *дере[в'ён']скии* и др. После конвергенции <е>о> и <е>ё> и процессов уподобления согласных по твёрдости-мягкости происходит перераспределение позиций и аллофонов фонемы <ѣ>: в некоторых случаях (где первоначально отмечался аллофон [e]) после отвердения мягких согласных перед твёрдыми появляется аллофон [e (из ѣ)].

Изменение [ь>ѣ>e] в словах, в которых представлены сочетания редуцированных с плавными между согласными: *пёрвый* < [п'ёр']вый — *първый*, *верх* < [в'ёр']хъ — *вьръхъ*, *серп* < [с'ёр']пъ — *сърпъ*, *четвёрг* < чет[в'ёр']гъ — *четвьръгъ*, *зёркало* < [з'ёр']кало — *зьркало*, *вёрба* < [в'ёр']ба — *вьръба*, *цёрковь* < [ц'ёр']ковь — *цьръковь*, *ковёркать* < ко[в'ёр']кать — *ковьръкать*, оказалось самым длительным по времени своего завершения. Я.К. Грот писал: «Мы указали на закон, по которому последующий слог в отношении твёрдости-мягкости звуков действует на предыдущий. Но когда твёрдому губному и гортанному звуку предшествует слог *ер*, то этот последний произносится мягко со сжатым *é*: слова *вер-хъ*, *цер-ковь*, *четвер-гъ*, *ковер-кать*, *пер-вый*, а иногда и *верба*, *стерва* выговариваются: «вёрхъ, цёрковь, четвьёргъ» и т. д. Некоторые Москвичи говорят так же: «Сёрпуховъ». Если вникнуть в это явление, то и здесь причина отыщется, конечно, в естественных законах образования звуков»³.

¹ Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. С. 139.

² Касаткин Л.Л. Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твёрдого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983. С. 70–71

³ Грот Я.К. Русское правописание. С. 17.

В.Н. Сидоров обратил внимание на то, что «падение глухих» не вызывало с необходимостью уподобления мягких согласных следующим за ним твёрдым, хотя отвердение мягких перед твёрдыми и рассматривается обычно в качестве следствия утраты слабых *ѣ* и *ь*. Ассимилятивное отвердение согласных может считаться таким следствием только в том смысле, что его возможность возникла в древнерусском языке в результате утраты *ѣ* и *ь*, создавшей невозможные ранее сочетания мягких согласных (неслоговых) с твёрдыми. Однако есть основания полагать, что в данном случае в языке существовали особые причины, которые создавали определённые препятствия тому, чтобы ассимилятивные процессы между согласными, оказавшимися рядом, могли происходить сразу же вслед за «падением глухих»¹. Учёный указывает на следующее: процессы ассимиляции согласных по твёрдости-мягкости отделены довольно длительным сроком от момента, когда завершилось падение редуцированных; после падения еров слогораздел в слове проходил на месте выпавших слабых еров, разделяя очутившиеся рядом согласные, что и стало основной причиной, задержавшей ассимилятивные изменения согласных.

Ответ на вопрос, почему ассимиляция согласных по твёрдости-мягкости достаточно легко протекала в сочетаниях согласных одного места образования (перед группой из твёрдых зубных согласных): [*тв'ор*]дый, [*з'ор*]на, но задерживалась в сочетаниях согласных разной зоны образования [*н'ѣр'*]вый, [*в'ѣр'*]х], можно дать, опираясь на экспериментальные наблюдения В.Р. Кипарского. Учёный доказал, что случаи отвердения (*полотно* < *полотьно*, *длинный* < *длинньый*, *судно* < *судьно*, *красный* < *красьный*, *любезный* < *любьзьный*, *верно* < *вѣрьно*, *трупный* < *трупньый*, *подобно* < *подобьно*, *умный* < *умьный*, *ровный* < *ровньый*, *хребта* < *хребьта*, *здание* < *здание*, *правда* < *правьда*, *плотская* < *плтьская*, *городская* < *городьская*, *конская* < *коньская*, *русская* < *русьская*, *морская* < *морьская*, *пса* < *пьса*, *земская* < *земьская*, *овса* < *овьса* и т. п.) были вызваны несовместимостью артикуляции некоторых мягких и твёрдых согласных русского языка: «смягчение не сохранялось, и предшествовавший выпавшему *ь* мягкий согласный отвердевал, если встречались мягкий зубной /*t'*/, /*d'*/, /*n'*/, /*s'*/, /*z'*/, /*r'*/ или губной /*p'*/, /*b'*/, /*m'*/, /*v'*/ (мягких задненёбных в древнерусском языке быть ещё не могло) с твёрдым зубным /*t*/, /*d*/, /*n*/, /*s*/, /*z*/, /*r*/»². Рентгенограммы показали, что при произношении русских твёрдых зубных /*t*/, /*d*/, /*n*/, /*s*/, /*z*/, /*r*/ язык занимает как бы вогнутое положение, в то время как при произношении мягких зубных /*t'*/, /*d'*/, /*n'*/, /*s'*/, /*z'*/, /*r'*/, твёрдых губных /*p*/, /*b*/, /*m*/, /*v*/ и задненёбных /*k*/, /*g*/, /*h*/ положение языка определённо выпуклое. «Таким образом, переход от мягкого зубного /*s'*/, /*z'*/, /*t'*/, /*d'*/, /*n'*/, /*r'*/ к твёрдому губному или задненёбному артикуляционно легче, чем переход от твёрдого зубного к твёрдому же губному или задненёбному. Легче, значит, произнести *тъма* (*t'má*), *возьму* (*v'z'mú*), *денька* (*d'ɛn'ká*), *князька* (*kn'ɛs'ká*), чем произнести с отвердением «тма», «возму», «денка», «князка». Очевидно, поэтому смягчение предшествовавшего выпавшему *ь* зубного согласного сохранялось (и обозначается ещё и теперь на письме через *ь*), если за выпавшим *ь* непосредственно следовал согласный губной или задненёбный, например, *судьба*, *гоньба*, *просьба*, *ведьма*, *письмо*, *тюрьма*, *редька*, *горько*, *деньга*, *серьга*»³.

¹ Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. С. 63.

² Кипарский В.Р. Об отвердении согласных внутри слова // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 122.

³ Там же. С. 122.

Таким образом, изменение [ʙ] в [e] происходит в силу того, что после [p] развивается гласный призвук, подобный предшествующему гласному, отчего [p] смягчается, а [ʙ] оказывается перед мягким слогом. Мягкость согласного сохраняется длительное время (и после прекращения действия фонетического закона <e>o>), только после отвердения мягких согласных [e] изменяется в [e] открытый: [ʙ>ê>e].

В словоформах *чёрный* – [ч'ор]ный < чьрнь, ср. *чернь* – [ч'ёр']нь, *дёрн* – [д'орн] < дьрнь, *твёрдый* – [тв'ор]дый < твьрдъ, ср. *твердь* – [тв'ёр'д']], *мёрзлый* – [м'орз]лый < мьрзлыи, *зёрна* – [з'ор]на < зьрна возможности аллофонного варьирования фонемы <ь> были реализованы как [ʙ>ë>o]. Перед твёрдыми зубными второе полногласие имело вид [ьрѣ], перед губными и заднеязычными – [ьрь], ср.: *мьрѣль* > [м'орзл] и *пьрвьий* > [п'ёр']вьий > *пёрвьий*.

В случаях типа *озёрки*, *ведёрки*, *просёлки* отражается результат <e>o>. В русском языке позиция перед [к'] сильная для переднеязычных согласных: в этой позиции мягкие и твёрдые переднеязычные различаются, ср.: *ба[нк']и* – *ба[н'к']и*, *го[рк']и* – *го[р'к']и*, *ре[тк']и* – *ре[т'к']и*, *ма[ск']и* – *Ва[с'к']и*. В словах типа [оз'орк'и] отмечается следующая фонологическая закономерность: «Способность смягчать предыдущие согласные у переднеязычных и губных и отсутствие такой способности у заднеязычных кроется не в особенностях их фонетической мягкости, а в их фонологическом статусе. Мягкость переднеязычных и губных согласных была фонологически существенна, а у заднеязычных согласных фонологически несущественна, позиционно обусловлена»¹. В словах *озёрки*, *ведёрки*, *просёлки* положение [e] перед группой согласных с последующим заднеязычным отражает стадию комбинаторного изменения перед [кы], а не форму морфологического чередования *озёра* – *озёрки*. «Слоги *ги*, *ки*, *хи* влияют на предшествующее подударное *e* как твёрдые, т. е. соответственно своему древнему произношению *гы*, *кы*, *хы*; поэтому имеем *щёки* (форму, повлиявшую и на *пощёчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровоподтёки*, *жохи*, где возможно также влияние единственного числа»². В словах *щёки*, *далёкий*, *недалёкий*, *застёгивать*, *растёгивать*, *пристёгивать*, *выпёхивать*³ отразилось комбинаторное изменение [e] перед [гы], [кы], [хы].

В словоформах *лёгче*, *шепчет* группы согласных – поздние новообразования, возникшие в результате падения еров: *льгъче*, *шьпъчеть*. По закону [ʙ] мог измениться в [o] перед слогом со слабым [ʙ], который вызывал в предшествующем слоге возмездительное продление, лабиализованность [ʙ] и исчезал: *льгъче* > *лѣгче*, *шьпъчеть* > *шьпчеть*. Эта возможность не реализуется: [ʙ] в корне после падения слабого [ʙ] оказался одновременно перед группой согласных, последний из которых был мягким, и гласным переднего ряда – *лёгче*, *шепчет*⁴. Перед нами пример сингармонизма целых слов, как и в тех случаях, когда переход имел место – *льгъкъ* > *л'огокъ*, *шьпътъ* > *ш'опот*.

¹ Касаткин Л.Л. Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твёрдого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах. С. 71.

² Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 99.

³ Выборка примеров из справочника: Употребление буквы ѣ. М., 1945.

⁴ См. точку зрения И.Г. Добродомова: «Отсутствие перехода *e* в *o* в формах *легче*, *шепчет* (<льгъче, шьпъчеть) перед выпавшим ѣ, возможно, было вызвано тем, что легко лабиализующийся *г* и лабиальный *п* не допустили лабиального умляута ѣ под влиянием выпавшего лабиализованного ѣ, поглотив лабиализующее действие последнего. Однако в аналогичных же условиях – в косвенных падежах существительного *дѣготь* (<дѣгъть) – это препятствие не оказывало своего влияния и переход *e* в *o* смог осуществиться последовательно и даже распространился на именительный падеж. Возможно, что лабиализующий умлаут проявлялся или нет в зависимости от качества второго согласного (следовавшего за ѣ)» (Добродомов И.Г. О переходах *e* в *o* в русском языке. С. 172–181).

Случаи на *-ыць* (*конэць, овэць, крылёць, отэць, жеребэць, сердэць, лжець, огурэць, молодэць*) также хорошо объяснимы с точки зрения гипотезы умлаутного преобразования <ь>ê¹. В этих условиях возник новый *ѣ*, который явился результатом развития заместительного удлинения [e] после падения редуцированных гласных.

С.П. Обнорский отметил противоречивые показания <е>о перед [ж, ш]: с одной стороны, в русском языке имеются случаи типа *лёжа, одёжа, дешёво, лепёшка*, с другой — *смéжный, брéшешь, чéшет*. Он считал, что Р.Ф. Брандт и А.И. Соболевский ошибочно объяснили эти примеры аналогичным происхождением. С.П. Обнорский полагал, что закон <е>о действует перед [ж] и [ш] в результате более раннего их отвердения на почве литературного языка, чем [ц]². Отсутствие результатов изменения <е>о в положении перед [ж, ш] в некоторых случаях объясняется тем, что в русском литературном языке процесс отвердения исконно мягких [ж, ш] был длительным. Кроме того, литературный язык заимствовал многие слова из диалектов, в которых [ж, ш] отвердели позднее. Обращают на себя внимание формы, имеющие в прошлом переходное смягчение, вызванное [j]: *чéшет* <чес+j+еть, ср. *зачёс; тéшет* <тес+j+еть, ср. *тёс; брéшет* <брех+j+еть, ср. *пустобрёх, подбрёхивать; грéжу* под влиянием *грезись*, ср. *грёзы*. В словах *тéшет, брéшет* и др. мягкость слога с шипящим не позволяла осуществляться переходу <е>о.

Переход <е>о не происходил в приставках *не-* и *без-*. В словах *нёводъ, нёнавість, нёхотя, нёдоросль, нёучь, нёслухъ* сохранение старой фонемы объяснялось влиянием тех случаев употребления отрицания под ударением, в которых за [e] следовал мягкий согласный — *нёвидаль, нёчеть, нёхристъ*³. В префиксальных существительных с начальным *не-* допускался перенос ударения с глаголов *нёмочь, нёхотя, нё дал*. «В случаях вроде *нё дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью. Нужно также принять во внимание, что в словах *нёнавість, нёдоросль* мы имеем продукты старославянского влияния»⁴.

Следует учитывать тот факт, что в период, когда существовало фонетическое различие между энклитомеми и начальнотударными ортотоническими словоформами, приставка-отрицание *не-* и приставка *без-* получали фонетически обусловленное ударение *нё на воду, бёз году*. Известны памятники письменности, в которых система ударения на проклитиках близка к первоначальной, например: в Уложении царя Алексея Михайловича — *нё пили* (324 об.), *нёдавъ* (119), *нё взали* (168, 301 об.), *нё бъили* (252), *нёвзавъ* (284); в Книге о ратном строении — *нё почали* (3), *нё ѿбъили* (29)⁵; в Чуд., т. е.

¹ Фарзтдинова Е.Ю. Фонетика московского говора первой половины XVII века (По рукописным материалам, хранящимся в РГАДА): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

² Обнорский С.П. Переход *e* в *o* в современном русском языке. С. 296–297.

«Следует сказать, что принцип аналогии вообще сомнителен в применении к явлениям фонетического порядка. Аналогия действительна в явлениях морфологического характера, можно было бы ею пользоваться в объяснении единичных фактов лексического порядка. В этом смысле следовало бы всю значительную группу слов с *o* из *e* перед *ж, ш* подвергнуть специальному объяснению путём аналогии применительно к каждому данному слову. Но этого ни проф. Брандт, ни академик Соболевский не сделали. Впрочем, можно думать, что, если бы это и было проделано, вряд ли соответственная цепь объяснений была бы убедительна» (Обнорский С.П. Переход *e* в *o* в современном русском языке. С. 296–297).

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 56.

⁴ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 99.

⁵ Васильев Л.Л. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на *-ль* // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 360, август. СПб., 1905. С. 466.

ещё в XIV в., происходили оттяжки ударения: а *не́* мирови, но *не́* по разоуму, а *не́* брашна, по́ возрастоу, а *не́* видомь, *без* моужа, *без* лѣности, *безо* чти и др.¹

Материалы Л.А. Булаховского² и В.И. Чернышёва «Отрицание «не» в русском языке»³, подготовленные для Словаря русского языка, очертили круг словоформ с ударением на отрицании *не-*, которые довольно непоследовательно сохранились в современном русском языке.

1. При глаголах и причастиях прошедшего времени, имеющих подвижное ударение: *бралъ – брала – бра́ло, не́ бралъ – не́ брало – не́ брали, не́ далъ – не́ дали – не́ данъ, не́ взялъ – не́ взяли – не́ взяли, не́ былъ – не́ было – не́ были* и др. Такой перенос ударения характеризует глаголы, которые в форме женского рода имеют ударение на окончании, т. е. относятся к подвижному типу, получившему уже в древнейший период существования славянских языков так называемую циркумфлексовую интонацию, оттягивавшуюся в остальных формах на предшествующий слог. Также на *не-* переносится ударение при прилагательных: *не́ милъ, не́ любъ, не́ весель, не́ молодъ* и др.

Указанные формы были впервые описаны А.Х. Востоковым в «Русской грамматике» в 1831 г. (с. 374–375). По свидетельству учёного, перенос ударения имел место и при страдательных причастиях «кои перемещают ударение в родах и числах»: *взят, взятá, взяты – не́ взят, не́ взяты*⁴, также *не́ дан*. Такие словоформы отмечаются часто в языке поэтов первой половины XIX в.:

Я не́ спал – и, со звоном лиры

Мой тихий голос соглася...

(Г. Державин, «Видение мурзы»);

Что, ежели б я не́ был, Ниса, твой?

(А. Пушкин, «Твой и мой»);

То не́ был ангел-небожитель,

Ее божественный хранитель ...

То не́ был ада дух ужасный,

Порочный мученик, – о, нет!..

Забывать? – Забвенья не́ дал Бог,

Да он и не́ взял бы забвенья...

(М. Лермонтов, «Демон», IX);

Уснуло все, и я один лишь не́ спал.

Один я не́ спал...

(М. Лермонтов, «Ночь»);

Вы что-то не́ веселы стали...

(А. Грибоедов, «Горе от ума», д. II, явл. 2);

Пришел я не́ зван и уйду я не́ гнан...

(А. Островский, «Воевода», д. I, сц. II, явл. 2);

¹ Зализняк А.А. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 117–118.

² Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954. С. 229–231.

³ Чернышёв В.И. Отрицание «не» в русском языке. Материалы для Словаря русского языка. Л., 1927.

⁴ Русская грамматика Александра Востокова. С. 375.

Елецкой не зван: что за горе?

На то и маска...

(Е. Баратынский, «Наложн.»);

И дико он очами бродит

И незванных гостей бранит...

(А. Пушкин, «Евгений Онегин», V);

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,

И шум толпы людской спугнет мечту мою —

На праздник незванную гостью...

(М. Лермонтов, «Первое января»).

2. В сложении на отрицании имеют ударение слова: *невида^ль, недорос^ль, ненави^сть, непогод^ь, неуч^ь, нехрист^ь, нечист^ь*, (нареч.) *нехот^я*.

3. В.И. Чернышёв и Л.А. Булаховский приводят диалектный материал: обл. *Не!* Такая форма произносится с ударением и повышением тона, имеют смысл междометия: «*Не, отстань! — Не! Это моя шуба*» (Вятск. г., Васн.), *Не-не — не тронь, не касайся*» (Вятск. губ., Глазов), «*Не-не — не замай, не трогай*» (К. Лаврентьев «География Вятск. губ.», с. 214). Форма [не?] возникла из *нѣтъ*, которая в свою очередь восходит к отрицанию и глагольной форме *естъ*.

4. *Не-* ударяемое в оборотах *не у кого, не к чему* и т. п. восходит к форме 3 лица единственного числа *нѣ = нѣтъ*, образовавшейся из отрицания и формы 3 лица ед. числа *естъ*: «Сверх того отрицательное *не*, сложено быв, в составе безличного глагола с косвенными падежами местоимений *кто, что* берёт на себя ударение их; даже тогда, когда отделено предлогами от сих местоимений; напр. *Не́ кого, не́ чему, не́ кому, не́ чѣмъ, не́ для кого, не́ изъ чего, не́ на комъ, не́ о чемъ, не́ передъ кѣмъ, не́ за чѣмъ*. То же бывает перед наречиями *гдѣ, когда, куда: не́ гдѣ, не́ когда, не́ куда*»¹. Современные формы *некогда, некуда, негде* восходят к древнерусским *нѣкогда, нѣгдѣ, нѣкуда, нѣкого, нѣчего, нѣ о чемъ*. Такие формы отмечены в литературном языке:

И не с кем говорить,

и не с кем танцовать!

(А. Грибоедов, «Горе от ума», д. IV, явл. 1);

И идти ему и не от кого.

И не за кого, и не охота...

(Барсов, «Прич.», II, 291)².

С нашей точки зрения, перед мягким слогом условия для перехода <е>ѣ> отсутствуют, так как наблюдается изменение <е>ѣ>: *невида^ль*, диалектное *нетель* (от *теля, телёнок*, «молодая корова, ни разу не телившаяся»), перед твёрдым слогом (*некогда, некто, некого, ненави^сть*) функционирует открытый аллофон [е (из ѣ)]. Приставка *не-* образует вместе со словом единое фонетическое целое, ударение перетягивается к началу слова, краткий гласный [е] в результате метатонии оказывается под восходящим ударением, то есть получает акутовую интонацию как долгий гласный: *не́ смерть* (М., 1607, 243), *не́ приж^ль еси* (М., 1609 г., II, 3), *не́ пили* (Улож., 324 об.), *не́ вз^лли* (ib. 168.

¹ Русская грамматика Александра Востокова. С. 375–376.

² Чернышёв В.И. Отрицание «не» в русском языке. С. 84–97.

301 об.), *нѣ были* (ib. 252), *нѣ почали* (Ратн., 3), *нѣ ѿбыль* (Ратн., 29), *нѣдавъ* (Потр. 1623, 292 об.), *нѣдавъ* (Улож., 119), *нѣзавъ* (ib, 284)¹.

В данных условиях позиционно обусловленный аллофон фонемы <е> идентичен <ѣ>, соответственно изменение <е> > о не происходит. Поэтому в некоторых памятниках встречается преобладающее при написании отрицательной приставки *нѣ-* использование неэтимологического *ѣ* в словах типа *нѣкогда*, *нѣкиї*, *нѣсть*, *нѣкто* и др. Здесь можно предположить следующее развитие: *нѣ + есть когда* → *нѣтъ когда* → *нѣкогда*.

На случаи сложения отрицательной частицы *нѣ-* с глагольной формой (*нѣ-* > *нѣ-*) и присоединения этого *нѣ-* к неопределённым местоимениям или наречиям при инфинитиве обратил внимание А.А. Потебня: *уже налѣ нѣ-калю са дѣти* (Лавр. лет., 30), *радѣ вѣхѣ самѣ съ тобою шелѣ, но нѣ-коли ми: ѣдѣ, господинѣ, до Оурждала женитьса* (Ипат. лет., 209)²; см. также в «Житии протопопа Аввакума» — *нѣколи еще забыть* (4), *нѣчему дивитца* (17), *работат нѣкому* (26), *нѣчева де намѣ говоритъ* (60), *дивитъ нѣчева* (60, 62), *нѣчимъ переменить* (66)³. В Добриловом Евангелии 1164 г. используется буква *ѣ* на месте *ѣ* в отрицании: *нѣ иматъ* (23а), *нѣ илѣютъ* (69в), *нѣ идѣтъ* (26в), *нѣ оубоите са* (50б, в; 131в), *нѣ оубѣсть* (66а), *нѣ оуржасите са* (14б), *нѣ оумрѣтъ* (30г), *нѣ оучѣ са* (19в), *нѣ оумывають* (64а, 100б), *нѣ оургасаетъ* (157б), *нѣ ѣстоуетъ* (64б), *нѣ всегда* (212б), *нѣ пыцѣтесѣ* (45г, 49г, 51г), *нѣ съмлахѣ* (150а, 244г), *нѣ вѣпросите* (37б), *нѣ много* (35в, 221а), *нѣ вѣсхотѣте* (80а) и др.⁴ Причем *нѣ* употребляется как перед слогом со слабым [ь] и гласным полного образования, так и перед слогом со слабым [ѣ]. Это говорит о том, что рефлексы *ѣ* развились на месте <е> перед разными слогами в результате перетяжки ударения на отрицание.

Случаи с приставкой (предлогом) *без-* с ударением на этой форманте, отмеченные в памятниках письменности, например, в Галицком Ев. 1283 г. — *вѣздна* (51 об.), в Триоди XIII в. — *вѣзденѣ*, в Галицкой грамоте 1366 г. — *вѣздна*, как правило, объяснялись действием аналогии. Так, А.И. Соболевский допускает в форме *вѣс пѣчали* (в Словах Ефрема Сирина 1492 г.) влияние типа *вѣздна*⁵.

В слове *бѣздна* и подобных происходит удлинение гласного [e] и отвердение мягких согласных перед твёрдой перед слогом с выпавшим редуцированным [б'ѣз'д'ьна > б'ѣз'д'ьна > б'ѣздна]. А.А. Шахматов заметил, что в некоторых говорах, где не было удлинения *о* и *е* при тех же условиях, которые вызывали их удлинение в украинском, получилось [б'ѣз'дна] с мягким [з']⁶. Такой напряжённый ударный гласный сохранялся не только перед нѣбными, смягчёнными согласными, но и перед отвердевшими согласными в результате того, что, оказавшись в ударном положении, краткий гласный [e] получил акутовую интонацию, как долгий гласный. Стать ненапряжённым гласным в таких условиях [e] просто не мог (если бы это случилось, то появилось бы слово *бѣздна*). Поэтому в предлоге *без-* и не происходит изменения в <е> > о перед твёрдым согласным.

¹ Васильев Л.Л. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -ль. С. 465–466.

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Харьков, 1988. С. 420.

³ Черных П.Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. С. 20.

⁴ Малкова О.В. К вопросу о влиянии «нейотированных гласных» на предшествующий ѣ в предлогах и е в отрицании в древнерусском языке // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 134–135; Малкова О.В. К проблеме падения редуцированных гласных в славянских языках и развитие украинского икавизма // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 98.

⁵ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 52.

⁶ Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. С. 254.

Примеры на ударное положение [e] отмечены не только в памятниках письменности, например: в Апостоле 1597 г. — *вѣзъ мужа* (142), *вѣзъ слова* (73), но ср. народное — *своя баба бѣз слова, бѣз мужа жена в доме сирота*, литературно-художественное — «*Ан стала бѣз мужа пустѣхонька кровать*» (Вас. Майков), «*Что бѣз толку всегда журчу, и делаю без толку*» (А.С. Грибоедов)¹.

С.П. Обнорский указал на диалектные и просторечные примеры сложения бѣз- с именами существительными: *бѣзо(ы)ва* (размолвка), *бѣстолочь*, *бѣссудь*, *бѣздожь* (=бездождие), *бѣсстужь* (стыд), *бѣзружь* (от руда), *бѣсперечь*, *бѣсперемежь*, *бѣзручь*, также в украинском языке *бѣзсуд*, *бѣзчесть*, *бѣзмалъ*².

Также известен с перенесённым на предлог ударением ряд сочетаний с предлогом *без-*: *бѣз носу*, *бѣз мужа*, *бѣз соли*, *бѣз креста*, *бѣз шерсти* (*Баран бѣз шерсти не живѣт*), *бѣз глазу* (*У семи нянек дитя бѣз глазу*)³.

В языке XIX в., как отмечают многие исследователи, употреблялось выражение *бѣз четверти* «о времени», которое считалось нормативным. В литературном языке XIX в. известны типичные формы *бѣз лесу*, *бѣз страха*, *бѣз росту*, *бѣз сыску*, *бѣз дому*, *бѣз помысла*, *бѣз глазу*, *бѣз мужа*, *бѣз носу*⁴, в современном русском языке — *бѣз году* в выражении *бѣз году неделя*; *бѣз вести* в выражении *пропасть, кануть бѣз вести; бѣстолочь*.

В группу словоформ с непереходом [e > o] можно включить пример обратного развития ударного гласного в старом восточнославянском монголизме *мѣрин* (из монгольского *мѳрин*), в котором лабиализованный гласный переднего ряда утратил свою лабиализацию перед следующим слогом с гласным переднего ряда⁵. Примеры подобного развития гласного важны для подтверждения действия описанного фонетического закона.

Таким образом, не только слова, в которых пишется буква *e* на месте *ѣ* (*блѣскъ*, *брѣдъ*, *трѣскъ*, *ночлѣгъ*, *мѣлкий*, *клѣтка*, *клѣщи* и др.), заимствования из церковнославянского языка (*крестъ*, *небо*, *персть*, *пецѣра*, *воскрѣсъ*, *вѣтхой*) и других языков (*королѣва*, *котлѣта*, *проѣкт*, *секрѣт*), но и случаи с поздно отвердевшими согласными (*верх*, *жѣнский*, *почтѣнный*, *плачѣвный*, *зѣмство*, *зѣмский*, *конѣць*, *овѣць*, *крылѣць* и т. п.), примеры на положение «e» перед группой из твёрдого и мягкого согласных (*набѣдренный* при *бѣдра*, *сѣстрин* при *сѣстры*, *тѣрние* при *тѣрн* и т. п.), результаты комбинаторного изменения «e» перед [гы], [кы], [хы] (*озѣрки*, *ведѣрки*, *просѣлки*, *щѣки*, *далѣкий*, *застѣгивать*), проявление словесного сингармонизма (*льгѣкъ* > *л'ѳокъ*, *шьпѣтъ* > *ш'ѳот*) и образования с приставками и предлогами *не-*, *без-* (*нѣвидаль*, *нѣкогда*, *нѣкто*, *нѣнависть*, *бѣз году*) подтверждают утрату старой фонемы «e» и сохранение ятя, так как перед твёрдым слогом происходит изменение «e > o», а перед мягким слогом наблюдается изменение «e» ѣ.

Процессы уподобления согласных по твёрдости-мягкости приводят к перераспределению позиций и аллофонов фонемы «ѣ»: в некоторых случаях, где первоначально отмечался аллофон [ѣ], после отвердения мягких согласных перед твёрдыми появляется аллофон [e (из ѣ)].

¹ Васильев Л.Л. Критика (С.М. Кульбакин. К истории и диалектологии польского языка. СПб., 1903) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 354. Июль. СПб., 1904. С. 499–500; Васильев Л.Л. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -ль. С. 466–469.

² Обнорский С.П. Префикс «без» в русском языке // Памяти академика Н.Я. Марра. М.-Л., 1938. С. 236–237.

³ Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. М., 1979. С. 175.

⁴ Музыченко А.С. Перенос ударения с существительных на предлоги в русском литературном языке XIX и XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972. С. 8.

⁵ Добродомов И.Г. О переходах e в o в русском языке. С. 179.

Морфологический этап развития «ё, е > о»

§ 17. Как только дивергентно-конвергентные изменения завершаются, фонетические процессы выходят за рамки действия фонетических законов и вступают в морфологический этап своего развития, поэтому первоначально чёткие условия переходов становятся всё более размытыми. На этапе морфонологизации или аналогического перенесения фонемы из одной формы в другую усиливается взаимовлияние слов и форм, прежние аллофоны освобождаются от позиционной обусловленности и выходят из состояния дополнительного распределения. Фонологически закреплённые результаты звуковых изменений «ь», «е» и «ё» осознаются говорящими и получают отражение на письме первоначально после [ж', ш', ч', ц', ш'т'] и независимо от ударения: Евангелие 1355 г. — *жонъ* (46 об.), *шодъ* (60 об.), *жерцомъ* (66 об.); Евангелие 1354 г. — *врачовъ* (72 об.); Евангелие 1357 г. — *лжомъ свѣдителейъ* (137 об., 144 об.); Апостол 1220 г. — *вѣрүющомү* (51), *творцащомү* (64) и др.¹; затем после других мягких согласных: Новгородские берестяные грамоты, № 370⁹ — *на солъ поморьи, по солюу доконьцанию, от ного*, № 364 — *людомъ*, № 53 — *Потра*, № 10 — *ново*, № 40 — *з веростомъ*. Отражается аналогический перенос [’о] в положении перед мягким согласным: Двинские грамоты, № 19 — *жони* (4), *землюю* (4, 5, 6); № 75 — *до Дмитрушови межи* (4); Ипатьевская летопись — *въ Кановѣ* (268); Коломенская Палея 1406 г. — *Слѣвнѣ* и др. На отсутствие перехода «е>о» указывают написания *ѣ* на месте *е*: Новгородские берестяные грамоты, № 259 — *вѣдѣрко*, № 129 — *мѣда* и др.²

Вторая группа слов, отмеченная исследователями, достаточно наглядно демонстрирует аналогическое перенесение [’о] из обусловленной позиции в фонетически необусловленную³.

В корнях слов типа *берѣза* — *берѣзе* [’о] проникает в близкородственные слова: *тѣтя* под влиянием *тѣтка*, *горшóчек* под влиянием *горшóк*, *мешóчек* под влиянием *мешóк*, *околѣсица* под влиянием *околѣсная* (ср. *понѣс околѣсную*); формы типа *несѣте* рассматриваются как выравнивание глагольной парадигмы *несѣшь* — *несѣм* — *несѣте*. «Под влиянием «несёт», «несём» и под. вместо фонетических «несёте», «плетёте», «рвёте» явились и получили в литературном языке исключительное господство — «несёте», «плетёте», «рвёте». Под влиянием «тёр», «тёрла», «тёрло» и во мн. ч. имеем «тёрли»⁴. Распространение [о] закончилось по всей парадигме в связи с морфологическим оттягиванием ударения на флексию и независимо от качества согласного — *несѣте*. «Причина заключается в том, что все флексии спряжения имеют гласный с дифференциальным признаком лабиализованности — очень важным признаком в говоре, развивающем противопоставление согласных по твёрдости-мягкости. Единственное исключение во 2-м лице множественного числа подверглось выравниванию.

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 52–53.

² Добромыслова А.Н. К вопросу о корреспонденции о-е в творительном падеже женского склонения // Вестник Московского университета. Сер. 7. Филология, журналистика. М., 1963. С. 74–79.

³ «В древнерусском языке до определённого периода его истории гласный [о] после мягкого согласного являлся вариантом фонемы [е]. В дальнейшем в результате изменения [ѣ] в [е], отвердения некоторых мягких согласных, ряда аналогических процессов, заимствований из родственных и неродственных языков произошёл процесс фонологизации [’о]. В связи с этим отношения между [е] и [о] в одних и тех же морфемах после мягких и твёрдых согласных стали характеризовать варианты морфем (алломорфы). Таким образом, в результате фонологизации наступила морфонологизация. Таков путь перехода звуковых изменений в чередования» (Бернштейн С.Б. Введение в славянскую морфонологию // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 47).

⁴ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 100.

Возникла позиционная зависимость лабиализованности от ударения. Эти два признака в функциональной системе настолько тесно переплетены, что «е» лабиализуется во всех подударных слогах независимо от следующего согласного»¹.

Другой тип выравнивания имеет место в склонении существительных на **ā*, *jā*. Гласными [o] и [e] различались формы творительного падежа единственного числа *страно́ю* — *земле́ю*. Окончания твёрдой разновидности в формах именного склонения, содержащих первоначально корреспонденцию [o—e], были обобщены: под влиянием *страно́ю*, *реко́ю* возникли формы *земле́ю*, *свечо́ю*, *вожжо́ю*².

Аналогия проявила себя в грамматических морфемах *мое* → *моё* — *мо[йó]* как *оно́*, *бельё* [б'ел'йó], *тряпье́* [тр'ап'йó] по типу *село́*. «Это заключительный этап в изменении <e≥o>, потому что с этих пор [e/'o] становится морфологически наполненным чередованием, важным для грамматической системы (*веду́* — *вёл*, как *веду́* — *вóдит*)»³.

Аналогическое перенесение фонемы из одной парадигмы в другую указывает на то, что фонетический закон уже не действует, а условия, при которых протекали различные изменения звуков, перестают играть определяющую роль. Н.С. Трубецкой отметил чередование [o~e] в парадигматическом именном формообразовании (= склонении) в примере — *чёрт*, *чёрта*, *чёрту*, *чёртом*, *чёрте* ~ *чёрти* и др. формы; в деривационном формообразовании: *пёрья* ~ *пёрышко*, *веселье* ~ *весёлый*, *зёмли* ~ *чернозём*, *пёс* ~ *пёсий*, *перёдний* ~ *вперёд*, *сёла* ~ *сельский*, *чёрный* ~ *чернь*, *пень* ~ *опёнок*, *жёны* ~ *жёнщина*, *решётка* ~ *решётчатый*, *тесть* ~ *тёща*, *вёсны* ~ *вёшний*, *Пётр* ~ *Пётя*, *Фёдор* ~ *Фёдя*, *сёстры* ~ *сёстрин*, *дешёвый* ~ *дешёвле*, *лёгкий* ~ *лёгче*, *крест* ~ *перекрёсток*, *бёдра* ~ *бёдренный* и др.; в парадигматическом глагольном формообразовании (спряжении): *лечь* ~ *лёг*, *жечь* ~ *жёг*, *стеречь* ~ *стерёг*, *беречь* ~ *берёг*, *течь* ~ *тёк*, *обречь* ~ *обрёк* и др.; в деривационном глагольном формообразовании: *подрёмывать*, *отвёртывать*, *почёсывать* — от *дрёмлет*, *отвёртит*, *чёшет* и др.⁴

Вопрос определения морфонологических условий, при которых в современном русском литературном языке происходит чередование [e~o], считается решённым. Выведены правила альтернации, содержащие указание на обусловленность данных чередований твёрдостью-мягкостью соседних согласных: *щель* — *щёлка*, *плеть* — *плётка*, *котёл* — *котельный*, *пчёлы* — *пчельный*, *упрёк* — *безупрёчный*⁵ и т. п.⁶, однако альтернация [o~e] «не относится уже к живым и не в силах воспрепятствовать появлению отклонений», поэтому рядом с *плеть* ~ *плётка* появляются *сеть* ~ *сётка*, *клеть* ~ *клётка* и др.⁷

¹ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 180.

² Добромислова А.Н. К вопросу о корреспонденции o — e в творительном падеже женского склонения. С. 74–79.

³ Колесов В.В. Указ. соч. С. 180.

⁴ Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. С. 97–99.

⁵ Н.А. Некрасов в стихотворении «Поэт и гражданин» рифмует формы на [o] *безупрёчно* — *прочно*:

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гини безупречно,
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*

⁶ Лайтнер Т.М. Об альтернации e~o в современном русском литературном языке // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 64–80.

⁷ Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. С. 98.

И.Б. Иткин приходит к выводу, что сложившиеся представления о правилах чередования [e~o] не могут объяснить такие случаи, где [e] регулярно выступает перед цепочкой согласных, из которых мягким является только самый правый: *твердь, мёртвенный, шерсть, пёстрыдь*, а [o] появляется между мягкими согласными и явно составляет открытый список: *весёленький, котёльчик, тёмен, бёдер, отёки, об упрёке, к растрёпе*¹. И.Б. Иткин рассмотрел наиболее многочисленные и регулярные случаи сохранения [e] под ударением в одних формантах и его переход в [’o] в других: *печь – испёк, спасение – спасённый, плеть – плётка, жечь – жёг, стеречь – стерёг, тетёра – тетёрка, кошэль – кошёлка, грёзить – грёзы, перёчить – поперёк, вертеть – вёртит – свёрток, трепать – треплет – трёпка, метать – мечет – пулемёт, дремать – дрёмлет – дрёма, ремёсленный – ремёсла, набёдренный – бёдра, тёмень – тёмный, пёрстень – напёрсток, жёнин – жёнка, сёстрин – сёстры, околёсица – околёсная, пёстрыдь – пёстрый, зёмский – чернозём, грёбля – огрёбок, сэльбище – сёла, лёжбище – лёжка, пчельня – пчёллы, перёдний – вперёд, колёсник – колёса, ледник – лёд и др.*, а также явления, примыкающие к [e~o], но имеющие иное распределение ступеней: *цвет – расцвётка – цвёл; дровосёк – лесосёка – сёк; шествовать – шёл; кочую – откочёвывать – кочёвье, кочёвник; дневать, днёвка – ежедневный, шестиднёвная (неделя); царёв – царёвна, царевич* и др. Учёный приходит к заключению, что строгие правила чередования [e~o] обусловлены не твёрдостью-мягкостью соседних согласных, а качеством соседних аффиксов. Так, наличием аффиксов со смягчающими морфонемами можно объяснить случаи с [e] в таких словах, как *решётник, жердь, лёгче, твердь, жерёбчик, дрёмлет, вывёрчивать, расчёрчивать, мёртвенный, честь*. Таким образом было сформулировано общее правило, позволяющее объяснить чередование [e~o]: «если в некоторой морфеме вообще допускается [e~o], то в позициях, где её правым соседом не является морфема, содержащая смягчающие морфонемы, практически всегда выступает ступень [’o]...»².

Среди морфем со смягчающими морфонемами выделяется группа «индифферентных», то есть оставляющих выбор ступени за мотивирующей основой: например, смягчающая именная флексия [-e, (-и)] никогда не запрещает ступени [’o]: *дрёма – к дрёме, упрёк – об упрёке, рвёт – рвёте, стережёт – стережёте, подпёр – подпёрли, простёр – простёрли*, но и не требует его: *плеск – о плёске* и др.³ В предложенной формулировке правил чередования [e~o] автор многократно прибегает к уточнениям и оговоркам, охватывающим небольшие группы слов, указывая, что процесс возникновения новых исключений продолжается и сейчас: *многожёнец, двоежёнец, очередник* и т. д.⁴ Чаще встречается форма *очередник*.

С.П. Обнорский заметил, что общая «тенденция в русском языке к произношению *o*, а не *e* в данных звуковых условиях вызывает в просторечии появление вариантного произношения отдельных слов с *o*, и эти варианты слов приобретают с течением времени значение литературных форм, сосуществуя рядом со старшими своими собратьями, формами с *e*, или даже их вытесняя. Ср. при *саженный* форму *сажённый*, при *подземный* просторечную форму *подзёмный*, при *наземный* – *назёмный (назёмное животное)*, при *слезный* – более в настоящее время обычную форму *слёзный*, при нор-

¹ Иткин И.Б. Ещё раз о чередовании e~o в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 127.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 133.

мальном литературном произношении *передержка* в просторечии известна форма с *o* (*передёржка*), ср. в диалектах ... *задёржка, издёржка, поддёржка*, неопр. накл. *сдёрживать*, формы наст. вр. *дёржишь, дёржит* и под.»¹.

В современном произношении отмеченные С.П. Обнорским варианты не встречаются. «Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы» под редакцией Р.И. Аванесова (М., 1985) зафиксировал во второй половине XX в. *сажénный, подзёмный, назёмный*, только слово *слёзный* изменило свою стилистическую характеристику: просторечное звучание закрепилось в качестве литературного.

На случаи аналогии обратил внимание и Л.Р. Зиндер, подчеркнув, что рассматриваемый «переход» продолжается и в наши дни (является ли он непосредственным продолжением древнего процесса, в данном случае не имеет значения), современные факты весьма поучительны: «Они свидетельствуют о том, что мы имеем в общерусском произношении (не говоря уже о диалектах) целый ряд параллельных форм; ср. *современный* и *совремённый*, *безнадежный* и *безнадёжный*, *одноименный* и *одноимённый* и др. Любопытно отметить, что в некоторых случаях разное произношение закрепляется как признак лексической дифференциации; ср. *небо* и *нёбо*, *совершенный* (прилагательное) и *совершённый* (причастие) и др. Со временем всё большее количество слов произносится с *o* вместо *e*, но только в определённом фонетическом положении, а именно — под ударением перед непалатализованным согласным; обратное же явление — замена *o* на *e* — никогда не имеет места»².

Таким образом, появление сильной позиции для [*e* (из *ѣ*)] перед твёрдыми согласными привело к фонологизации отношений между новым [*e*] и [*o*], развитию противопоставления по нелабиализованности-лабиализованности и изменению в морфонологической системе чередований³. Поэтому факты отступления от закона <*e*>*o* разногласий не вызывают, так как после фонологизации признака лабиализованности для гласных стали возможны различные аналогические влияния.

После завершения дивергентно-конвергентных изменений <*e*> и <ѣ> развились случаи аналогического выравнивания *берёза* — *на берёзе*; под влиянием *страно́ю, реко́ю* возникли формы *землёю, свечою*; также появились формы *тряпьё, бельё* и т. п. по типу *село*.

Большинство примеров деривационного и парадигматического именного и глагольного формообразования достаточно логично выводятся из предложенного объяснения фонетического закона <*e*>*o*: межслоговое уподобление двух соседних слогов обусловило механизм <*e*>*o* в период, когда этот процесс имел силу фонетического закона, гармония между слогами определила альтернацию [*e*~*o*] и в период, когда этот

¹ Обнорский С.П. Переход *e* в *o* в современном русском языке. С. 298.

² Зиндер Л.Р. О звуковых изменениях. С. 76–77.

³ К.В. Горшкова подчёркивает: «Древнейшее чередование *e//o*, соответствующее противопоставлению */e/-/o/* по зоне образования, утратилось или (в центральных диалектах и литературном языке) преобразовалось в чередование «твёрдый-мягкий парный согласный»: *pl'etu – plotь* → *pl'otu – plotь*; *n'est'ì – nos'it'ì – noš'a* → *n'os't'ì – nos'it'ì – noš'a* и под. Новое морфонологическое чередование гласных *e//o*, которое соответствовало бы новым фонологическим отношениям */e/-/o/* по лабиализованности-нелабиализованности, очевидно ещё не сложилось. Мена */e/-/o/* в отдельных морфемах типа [жен]ский – [жон]ы, [т'ем']ень – [т'ом]ный, [пч'о]лы – [пч'ел'н'ик], [гр'обы] – [гр'ез'ит] не связана с позицией и по своей природе является чередованием фонем. Но это чередование не имеет грамматического значения, которое использовалось бы при слово- или формообразовании» (Горшкова К.В. Из истории русского вокализма. Звуки [*e*] и [*o*] // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 81).

фонетический закон прекратил своё действие, поэтому имеем: *печь — испёк, дрёмлет — дрёма, Пётр — Пётя* и т. п.

Переход <ё>о

§ 18. Историки русского языка отметили примеры с переходом <ё>о. Формы множественного числа *звёзды* < *звѣзды, гнёзда* < *гнѣзды, вёдра* < *вѣдра*, формы прошедшего времени *приобрёл* и др. были объяснены аналогическим воздействием со стороны однотипных образований. Так, соотношение ед. числа *селó* и мн. числа *сѣла* привело к появлению форм мн. числа *гнёзда, вёдра* при ед. числе *гнездó, ведрó*. Также существование при ед. числе *сестра́* формы мн. числа *сѣстры* привело к форме мн. числа *звёзды* при ед. числе *звездá* или прош. вр. *вѣл, мѣл* при *веду́, мету́* дало новое отношение — *приобрету́ // приобрёл*, если форма *приобрёл* не получила [о] от внешнего сближения с глаголом *брести*, ср. прош. вр. *забрёл, добрёл* и др.¹

По мнению Л.А. Булаховского, написания с *ѣ* (*сѣдла, цвѣл*) вполне закономерны, так как в этих словах *ѣ* писался ошибочно, вопреки этимологии: «как свидетельствуют старославянское и древнерусское написание *седьло*, сербская краткость в *сѣдло*, словенская открытость — *sédlo*, практика позднейшего русского правописания *сѣдло* была ошибочна и основывалась на произвольном домысле этимологического характера (*сѣл, сѣсть*). «Цвѣл» фонетически может восходить не к «цвѣль», а к «цвьль» (ср. ст.-слав. *цвѣт-нж-ти*, серб. *цват* — из **свьтъ, цватити* — из **свьтiti*, слов. *cvésti* с рефлексом *ь*, а не *ѣ*, устар. укр. *цвисти* из **свьсти* и под.)»². Принцип аналогии применяется исследователями к объяснению материала со спорным, по А.И. Соболевскому, *ѣ* в корне: *надѣван, поддѣвка, позѣвывать*³.

С.П. Обнорский, привлекая диалектный материал, приходит к выводу: переход <ё>о осуществлялся в предударном положении, территория его распространения представляет исключительно границы севернорусских говоров и переходных говоров с севернорусской основой. «Так, при сохранении в подударном положении старого произношения *ѣ* (как разных степеней *е*), например, в словах *лес, сев, светлый, еду* и под., мн. *гнёзда, звёзды, вёдра* и проч., в очерченной полосе говоров возникло *о* в формах *в лёсу́, мн. лёса́, засѣвать, светло́, ёда́* или *гнёздó, звѣздá, ведрó* и мн. под. Из истории русского языка нетрудно видеть, в чём заключалась основная причина этого явления. Это было совпадение, именно в неударяемом положении, старого *ѣ* и *е*. Новое же *е* из *ѣ* испытало общую на почве данных говоров судьбу с исконным *е*, т. е. перешло, в частности именно в предударном положении, в *о*»⁴. Все формы с <ё>о под ударением С.П. Обнорский считает вторичными, позднейшими явлениями языка: «Дело, следует представлять, заключалось не в воздействии на формы *звезды, гнезда, надеван* и под. сходных рядов образований вроде *сѣстры, вёсла, завоёван*, а в распространении на данный круг форм с корневым гласным *под ударением* того произношения, которое принадлежало иным формам, между прочим, исходным, отправным формам тех же слов с гласным *не под ударением*, изменившимся на диалектной почве в *о*. Таким образом *звёзды* перешло в *звѣзды* не под воздействием *сѣстры* и под., а под выравнивающим

¹ Обнорский С.П. Переход *е* в *о* в современном русском языке. С. 303–304.

² Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 94.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 57.

⁴ Обнорский С.П. Указ. соч. С. 312.

воздействием форм этого же слова с ударением не на корне, т. е. под воздействием форм ед. числа *звѣзда́, звѣзды́* и т. д.; точно так же для объяснения *о* в *надѣван, поддѣвка, зѣв* и т. д. нет необходимости отправляться в поиски за рядами неведомых форм и слов, которые должны были продиктовать изменение в них *ѣ* на *о*, — они естественно получались из выравнивания с родственным кругом лексики вроде *надѣвать, зѣвать* и т. д. Наличие данной черты с *о* из *ѣ* в литературном языке должна быть поэтому рассматриваема как след севернорусской стихии, отложившийся от прошлых эпох его развития»¹. С.П. Обнорский рассмотрел случаи <ѣ>*о* в пограничных севернорусских говорах, в которых переход понимается как результат выравнивания форм с подударным [ѣ] по формам с предударным изменением [ѣ] в [о].

Анализируя произношение [о] на месте <ѣ> и <е> в первом предударном слоге в восточных среднерусских говорах, К.Ф. Захарова отметила распространение [о], как явление морфологической аналогии, действие которой протекает в строго лимитированных рамках конкретной словоформы. «Так слово *звезда́*, имеющая в предударном слоге *ѣ*, входит в один класс со словами, имеющими в предударном этимологическое *е* (*сестра́*). Из двух моделей произношения *зв'езда́* — *зв'езду́* и *с'остра́* — *с'остру́* стала употребляться последняя, что привело не только к распространению [о] в классе этих слов в некоторых говорах Владимирско-Поволжской группы: *з[в'о]зда́, [р'о]ка́, [б'о]да́*, но и к замене фонемы под ударением в слове *звезда* — *з[в'о]зды* во многих говорах и в литературном языке»². Замечено, что слова женского рода того же, что и *сестра́, река́*, типа склонения, но другого акцентологического класса, не отмечаются с ёканьем в системе одного и того же говора, например, *с[т'е]на́* — *с[т'е]ну́* — *с[т'е]ны́*, потому что в этом классе слов отсутствует ёкающая модель произношения: нет слов с этимологическим *е* в предударном слоге. Подобные отношения отмечены в словах среднего рода. Так, хорошо известно [о] на месте <ѣ> в словах типа *ведро́*, входящих в тот же акцентологический класс, что и *село́* с [о] на месте <е> *с[о]ло́*: «слов с этимологическим *е* в 1-м предударном слоге и, следовательно, с [о] на месте *е* в ней значительно больше, чем слов с *ѣ* в том же положении, и они часто встречаются в речи. Ср.: *с'оло́, ст'окло́, р'обрó, бр'овно́, в'осло́, зв'онó, з'орно́, н'оро́, кол'осо́* и др., а слов с этимологическим *ѣ* очень мало, практически только *ведро́, гнездо́, седло́*. Поэтому очень широко распространено произношение [о] в этих последних словах в говорах: *в'одро́, гн'оздо́, с'одло́* (ср. также *вѣдра, гнѣзда, сѣдла* в литературном языке)»³. В примерах *с'оло́, ст'окло́, р'обрó, бр'овно́, в'осло́, зв'онó, з'орно́, н'оро́, кол'осо́* можно отметить межслоговую ассимиляцию гласных соседних слогов под влиянием [о].

Для литературного языка, по мнению В.М. Маркова, такие доводы оказываются неубедительными. В.М. Марков отмечает, что объяснение С.П. Обнорского не содержит ответа на основные вопросы, возникающие при попытках истолкования указанных форм: почему в литературном языке дело касалось лишь этих слов, а не других, имеющих возможность аналогичной замены?⁴ Как связать замену [ѣ] (из *ѣ*) на [о] со

¹ Обнорский С.П. Переход *е* в *о* в современном русском языке. С 315.

² Захарова К.Ф. Об основе умеренного яканья в восточных среднерусских говорах. С. 36–37.

³ Там же. С. 37.

⁴ «Из ряда существительных женского рода с ударенным окончанием в единственном числе почему-то лишь слово *звезда* представляет чередование *е* (из *ѣ*) : *о*, тогда как в формах других существительных такое чередование отсутствует. Ср. *беда* — *беды*, *стена* — *стены*, *стрела* — *стрелы*, *среда* — *среды*, *река* — *реки*, *цена* — *цены*. Форму *бѣда*, например, С.П. Обнорский указывает для целого ряда уездов и губерний ..., а между тем в литературном языке предполагаемое следствие этого диалектного явления отражение не находит» (Марков В.М. Об отражении перехода *е* в *о* в современном русском литературном языке // Избр. работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 172).

сравнительно поздним процессом формирования множественной акцентной парадигмы, последовательно противопоставленной парадигме единственного числа: *звездá, звезды, звездé..*, но *звёзды, звёздам, звёздах* и т. д.? Чтобы ответить на поставленные вопросы, учёный осуществил полную выборку соответствующего словарного материала из «Обратного словаря русского языка» (М., 1974) и обнаружил чёткую закономерность: «все перечисленные формы имён существительных женского рода с бывшим ятем в основе и с перетяжкой ударения во множественном числе не имеют, как мы видели, после основного гласного стечения согласных — за единственным исключением *звезда* (!), тогда как при наличии исконного *e* (или *ея*) формы со стечением согласных составляют значительное большинство. Ср. *весна* — *вёсны, сестра* — *сёстры, блесна* — *блёсны, верста* — *вёрсты, ветла* — *вётлы, метла* — *мётлы, десна* — *дёсны*, но *слеза* — *слёзы, пчела* — *пчёлы, щека* — *щёки, жена* — *жёны*. Последнее соотношение ещё более ярко проявляется в формах существительных среднего рода. Ср. *седло* — *сёдла, стекло* — *стёкла, сверло* — *свёрла, весло* — *вёсла, бревно* — *брёвна, зерно* — *зёрна, ребро* — *рёбра, жерло* — *жёрла*, но — чуть ли не единственное: *село* — *сёла*»¹. На основании рассмотренных фактов В.М. Марков делает следующий вывод: «независимо от того, какой гласный некогда присутствовал в основе (*ѣ, e* или *ь*) при наличии стечения согласных в формах множественного числа при перемещённом ударении постоянно выступал гласный *o*. Этим объясняется сравнительно позднее возникновение таких форм, как *звёзды, гнёзда, вёдра*, представляющих общую акцентную парадигму, которая объединяла существительные женского и среднего рода, имеющие в единственном числе окончание ударение»².

Споры о переходе <ѣ>*o* вызвали случаи, в которых, по мнению А.И. Соболевского и Л.А. Булаховского, [o] развился вполне правильно на месте <e> или <ь> — *сёдла, осёдлан, осёдлый, цвёл, зёвь, позёвывать, поддёвка*³, а по мнению В.В. Иванова, В.В. Колесова и других исследователей, [o] появился на месте <ѣ> в этих словах путём аналогии⁴. Отнесём указанные формы к мнимым исключениям, так как в «*сёдла o* явилось совершенно правильно (древн. *седьло*, в церк.-славянск. Супрасльской рукописи: *оседылати*). Форма *цвёл* также вполне правильна, ибо *o* образовалось из *e*, а *e* из *ь* (*цвьтъж, цвьль*). Всловерёдка, каконозвучитвнекоторыхсеверновеликорусскихговорах, *o* образовалось не из *ѣ*, а из *e*: сравни польск. *rzodkiew*, где *o* из *e*. В северновеликорусск. *сверёнъ o* может быть оправдано старопольским *swierzopy дикий конь*. В слове *ослёпъ* (оно слышится в некоторых южновеликорусских говорах, между прочим в курском) *o* восходит к *ь*: сравни церк.-славянск. *осльплъ*»⁵. Если учитывать эти факты, то количество слов с переходом <ѣ> в <o> несколько уменьшится.

Л.Л. Касаткин объяснил подобные формы неправильной заменой звуков, такая замена возникает в результате существования систем с переходом <e>*o* и без перехода. Появление гиперизмов связано со стремлением устранить различие между словами с <o> литературного языка и говоров без перехода <e>*o*. Так закрепились формы, в ко-

¹ Марков В.М. Об отражении перехода *e* в *o* в современном русском литературном языке. С. 173.

² Там же. С. 173.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 57; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 94.

⁴ Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. С. 179; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 197.

⁵ Соболевский А.И. Указ. соч. С. 57.

торых вместо *ѣ* подставили [o], типа [в'одры], [гн'озда], [зв'озды], [б'ох] *бежал*, также [л'онты], [п'орвый], [с квал'орам'и], [асл'опшы]¹.

Как можно истолковать с точки зрения наших рассуждений редкие случаи изменения <ѣ>о> в русском литературном языке? Время и характер протекания дивергентных процессов <ѣ> и <е> различны. Этимологические <ѣ> и <е> никогда не совпадали в позиции перед твёрдыми слогами, а затем рефлексам твёрдых силлабем. Только после завершения перехода <е> в <о>, с развитием форм морфологического происхождения типа [т'от'а], на бе[р'оз'е] <ѣ> получает возможность изменить свой дифференциальный признак. Открытая разновидность [e (из ѣ)], заняв место среднего подъёма, пошла по пути фонологизации в новую самостоятельную фонему <е>, а не слилась со старой фонемой <е>, которая пережила процесс дефонологизации. Несмотря на переход открытой разновидности [e (из ѣ)] в зону среднего подъёма, этот звук практически не подвергается аналогическому воздействию со стороны форм, переживших изменение <е>о>.

Примеров на переход <ѣ>о> немного. Слова *сёдла, осёдлан, осёдлый, цвёл, зёвъ, позёвывать, поддёвка* относятся к мнимым исключениям, так как в них звук [o] появился совершенно правильно. Редкие случаи аналогичного изменения <ѣ>о> в русском литературном языке *вёдра, гнёзда, звёзды* указывают на то, что реальное фонетическое различие между <ѣ> и старой фонемой <е> существовало и после развития открытого аллофона [e (из ѣ)]. Если бы имело место совпадение <ѣ> с <е>, то фактов аналогии было бы больше. Несколько случаев с <ѣ>о> указывают лишь на силу морфологического этапа в изменении <е>о>, в поле действия которого попали и словоформы с <ѣ>.

Под влиянием системы литературного языка с переходом <е>о> в говорах без перехода <е>о> может происходить замена звуков: [б'ох] *бежал*, также [л'онты], [п'орвый], [асл'опшы].

Вопрос о нормализации иноязычной лексики с [e~o]

§ 19. Изучаемые процессы русской фонетики получили отражение в иноязычной лексике. В русском языке существует большая группа заимствованных слов с суффиксом -ёр: *минёр, режиссёр, жонглёр, монтёр* и др. Интернациональные суффиксы приходят в русский язык, по мнению исследователей, не ранее XVIII в. из латинского, французского, польского и других языков. С ростом числа заимствованных слов суффикс -ёр становится показателем определённых грамматических и лексических значений целых однородных слов. Многие заимствования закрепляются на русской почве с суффиксом -ёр, избежав колебаний: *магнетизёр, гипнотизёр, фланёр, резонёр, фразёр, жалонёр, куафёр, визитёр, фарсёр, канканёр, позёр, ретушёр, режиссёр, фрондёр, мон-тёр, вивёр, сутенёр, франтирёр, бретёр*. Л.В. Ипполитова отмечает, что ведущая роль в становлении суффикса -ёр принадлежит именно французским заимствованиям на -eur: *магнетизёр < magnétiseur, фланёр < flâneur, резонёр < raisonneur, фразёр < phraseur, хроникёр < chroniqueur*².

Некоторые заимствования с исходом -ёр испытывают колебания в процессе адаптации. О различной трансформации иноязычной финали на русской почве

¹ Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 127.

² Ипполитова Л.В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 80–81.

в XIX в. писал Я.К. Грот: «нем. окончания *ier, ierer, ör* (франц. *eur*) у нас превращаются то в *еръ*, то в *иръ, ира*, или передаются двойко: *офицеръ, банкиръ, кассиръ, квартира* (в народе чаще *квартира*)»¹, ср. также: *дирижёр* (*дирижёр* и *дирижёр*), *вольтижёр* (*волтижёр*, *волтижёр*), *жонглёр* (*жонглёр*), *суфлёр* (*суфлёр*), *антрепренёр* (*антрепренёр*), *дешифрёр* (*дешифрёр*), *ажюотёр* (*ажюотёр*, *ажюотёр*), *клакёр* (*клакёр*), *силуэтёр* (*силуэтёр*), *хроникёр* (*хроникёр*), *гувернёр* (*гувернёр*, *гувернёр*, *гувернёр*), *гравёр* (*гравёр*, *гравёр*, *гравёр*, *гравёр*), *вожжёр* (*вожжёр*, *вожжёр*, *вожжёр*), *фланкёр* (*фланкёр*), *сапёр* (*сапёр*), *контролёр* (*контролёр*, *контролёр*, *контролёр*), *минёр* (*минёр*, *минёр*), *маркёр* (*маркёр*, *маркер*).

В начале XX века Е.Ф. Будде, характеризуя произношение русской интеллигенции, указывает на передачу «иностранных звуков в чуждых словах» в русском литературном языке XVII–XIX вв., например, в произведениях А.Е. Измайлова:

Помощникъ вѣрный контролёровъ

Спросите сторожей курьеровъ.

(А.Е. Измайлов, тетрадь IV, стр. 18);

Вы, молодые кавалеры,

Начальники столовъ и контролёры...

Вотъ, вотъ вамъ, господа, примѣръ:

Высокий, молодой, любезный контролёръ.

(А.Е. Измайлов, тетр. III, стр. 58).

Е.Ф. Будде заметил, что иностранные слова с суффиксом *-eur, -ier* в русском интеллигентном обществе прошлого века колебались в произношении до тех пор, «пока демократизация языка не сказалась на всем интеллигентно-литературном произношении. Срв. *гувернёр, режиссёр, дирижор, монтёр, понтёр, партнёр* (хотя франц. *partenaire*), *волонтёр* (хотя франц. *volontaire*); но *офицеръ, гренадёр* (франц. *officier, grenadier*, нем. *officier, grenadier*) не перешло в *гренадёр, офицёр* (хотя по-немецки мы имеем здесь звук \bar{i}); срв. также: *командёр*, франц. и нем. *Kommandeur*, в солдатских песнях: *командёр, сапёр* (франц. *sapeur*) и под. Но *курьеръ, фурьеръ*, не успевшие еще проникнуть в народную массу и здесь подчиниться законам русской фонетики... Таким образом, старое произношение нашей интеллигенции подобных иностранных слов при сравнении с нынешним произношением их раскрывает перед нами историческую картину движения звуков в направлении к слиянию со звуками народной речи»².

Почти в это же время, шестью годами позже, В.И. Чернышёв делает интересное наблюдение: «Так как наше письмо иногда не указывает точно произношение иностранных слов, то некоторые из них слышатся у нас в неправильной форме. Например, говорят *доктринёр, партнёр, репортёр* по образцу *актёр, гувернёр, контролёр*. Но в первых словах имеется звук *e*, совсем не приближающийся к нашему *ё*; их настоящая форма с *e*: *докринёр, партнёр*, а *репóрте́р* имеет *e* неударяемое, также *гренадёр*, а не *гренадёр*»³. В.И. Чернышёв отмечает случаи с [эр], в период их освоения произношение с [’ó] считалось ненормативным, но в последствии закрепилось *ё* [’ó]: *доктринёр, партнёр, репортёр*. Слово *гренадёр* сохранило произношение языка-источника:

¹ Грот Я.К. Филологические разыскания. Материалы для словаря... С. 771.

² Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX вв.). С. 23.

³ Чернышёв В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд. Вып. 1. Фонетика. СПб., 1914. С. 113.

ва: ср. *шофёр* (франц. *chauffeur*), *гренадёр* (франц. *grenadier*), *планёр* (франц. *planeur*), *костюмёр* (франц. *costumier*), *стартёр* (англ. *starter*), *комбайнер* (англ. *combiner*)¹.

Собственно русские образования с иноязычными основами и суффиксами возникли путём переоформления заимствованных производных, что выразилось в замене принадлежащего им суффикса другим иноязычным (освоенным) формантом с тем же значением. Подобная трансформация связана с активизацией некоторых интернациональных суффиксов как словообразовательных элементов русского языка в кругу определённых словообразовательных моделей, например, *коллекционер* вместо *коллекционёр* (франц. *collectionneur*) по аналогии *акционер*, *комиссионер*, *концессионер* и т. п.

В русском языке известны слова, которые имеют в составе русские и иноязычные элементы типа *ухажёр*, также слова, состоящие из иноязычных морфем, например, слово *лифтёр*, в котором корень английского происхождения *lift*, а суффикс восходит к французскому *-eur*.

Впервые наименование *лифтёр* «служащий, управляющий лифтом» (с загадочной пометой «спец.», вероятно указывающей на узкое употребление слово в соответствующей профессиональной среде) отмечено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д.Н. Ушакова (Т. 2, М., 1938). Профессор К.А. Ганшина во «Французско-русском словаре» (М., 1929) отмечает *lift* (*лифт*) и *liftier* как неологизм со значением «мальчик у лифта», при этом был дан не перевод слова с французского языка, а его описание, так как в толковом словаре Французской Академии этого же периода слово *liftier* не значилось. Только в третьем издании (1957) К.А. Ганшина отмечает форму мужского рода с новым значением *liftier* – *лифтёр*. В это же время «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах (Т. 6, М., 1957) включает слова *лифтёр* со значением «работник, обслуживающий лифт» и *лифтёрша*, как разговорная форма женского рода к слову *лифтёр*.

В первой трети XX в. неологизм *lift*, пришедший в европейские языки из английского, использовался редко, во французском языке было известно слово *ascenseur*. Его-то и указывает авторитетный «Русско-французский словарь» под редакцией Л.В. Щербы (М., 1939). Во второй половине XX – начале XXI в. В.Г. Гак, составитель «Нового французско-русского словаря» (М., 1993), фиксирует во французском языке и образование женского рода *lifti|er* m, *-ère f* – *лифтёр*, *лифтёрша*.

Если бы слово *лифтёр* было целиком заимствовано из французского языка во второй половине XX в., то оно, вероятно, имело форму, подобную *конференсье* (франц. *conférencier*), однако на русской почве слово *лифтёр* со значением «работник, обслуживающий лифт» возникло вполне самостоятельно от английского корня *lift* и суффикса, который восходит к французскому *-eur*. Несмотря на то что оба элемента заимствованные, слово *лифтёр* можно считать собственно русским.

Следует обратить внимание на то, что при заимствовании суффикса *-ёр* решающим был формальный признак: фонетические формы с [’op] французского языка были близки к русскому звуку [’o], так как в русском языке к XVI в. завершилось изменение [e] в [’o] (*мёд*, *сёстры*, *телёнок*, *ружьё*, *житьё*) и была подготовлена почва к восприятию произношения французского суффикса *-eur*: *магнетизёр* < *magnétiseur* и т. п.

¹ Гимпелевич В.С. Существительные на *-ер* (*-ёр*) в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965. С. 172–177; Ипполитова Л.В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем. С. 45–80.

Таким образом, слова, которые пришли в русский язык очень рано (типа *свёкла*), пережили процесс ассимиляции, подчинились законам русского произношения и отразили результат фонетического перехода <е> > о. В поздних заимствованиях (*брэзэнт, момэнт, суббэкт, портрэт* и т. п.) в корневой морфеме передан новый звук [е], который восходит к ъ.

Некоторые слова, избежав колебаний, закрепляются на русской почве с интернациональным суффиксом -ёр: *гипнотизёр, режиссёр, монтёр* и т. п. Другие слова с исходом -ёр сохраняют вариативность произношения: *гравёр* и *гравер, стárтер* и *стартёр, планёр* и *плáнер* и т. п.

В вопросах нормализации отдельных, не устоявшихся ещё речевых явлений, как правило, исходят из этимологически правильной формы слова.

Вопросы для повторения

1. Как традиционно объяснялись так называемые исключения из правил перехода [е] в [о]?
2. Какое объяснение можно дать всем случаям с непереходом [е] в [о], исходя из гипотезы о дивергентно-конвергентных преобразованиях <ь>, <е> и <ё>?
3. Чем обусловлены в деривационном и парадигматическом формообразовании строгие правила чередования [е~о]?
4. В каких случаях проявляет себя аналогия?
5. Каковы особенности морфологического этапа изменений <ь>, <е> и <ё>?
6. Как закрепляются на русской почве заимствования с суффиксом -ёр?

Основная литература

1. Колесов, В.В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. — СПб. : Филол. фак-т СПбГУ : М. : Академия, 2005.
2. Шахматов, А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. Ч. 2. — Пг., 1915.
3. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. — М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Дурново, Н.Н. Избранные работы по истории русского языка / Н.Н. Дурново. — М. : Языки русской культуры, 2000.
5. Добродомов, И.Г. Куда девалась фонема ъ в русском языке / И.Г. Добродомов // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. — М. : Ужгород, 1991. — С. 74–76.
6. Добродомов, И.Г. К вопросу об условиях перехода е в о в древнерусском языке / И.Г. Добродомов // Материалы межвузовской конференции. Фонологический сборник. Вып. 2. — Донецк, 1968. — С. 87–91.
7. Добродомов, И.Г. О переходах е в о в русском языке / И.Г. Добродомов // Проблемы общего и русского языкознания. — М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. — С. 172–181.

8. Виноградов, В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии / В.В. Виноградов. — Пг., 1923.
9. Булаховский, Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л.А. Булаховский. — Киев : Радянська школа, 1958.
10. Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. — 2-е изд. — М. : Наука, 1965.

Дополнительная литература приведена в подстрочных ссылках, в которых указаны цитируемые источники.

Глава 4

РОЛЬ ГОРТАННОГО СМЫЧНОГО СОГЛАСНОГО В ИСТОРИИ ПЕРЕХОДОВ НАЧАЛЬНЫХ [I>Y] И [E>O]

Из истории функционирования звука [ʔ] в русском языке

§ 20. В конце XIX – начале XX в. С. Булич¹, О. Брок² и другие языковеды делают указание на функционирование в русском и других славянских языках гортанного смычного согласного. Долгое время на этот факт мало обращается внимания и он не получает достаточного освещения в научной литературе, однако в настоящее время интерес к [ʔ] вырос. Так, И.Г. Добродомов³ собрал и объяснил имеющиеся в науке ма-

¹ Булич С. Гортанные звуки // Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. IX (полутом 17). СПб., 1893. С. 337.

² Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.2. СПб., 1910. С. 137.

³ В работах И.Г. Добродомова (Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке // Проблемы фонетики IV. Сборник статей. М., 2002. С. 36–52; Добродомов И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке // Вопросы филологии. 2003. № 1 (13). С. 15–24) указана литература по данному вопросу, в частности: Ломоносов М.В. [Материалы к Российской грамматике] / Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.–Л., 1952. С. 606; Греч Н. Пространная русская грамматика. СПб., 1827. С. 2, 3, 4; Новая тяжба о букве ъ // Литературная газета. 1830. Т. I. № 22. 16 апреля. С. 172–177. Перепечатано: Маяк, 1842. Т. IV. Кн. VIII. Гл. V: смесь. С. 64–75; Востоков А.Х. Русская грамматика. Прим. 28. СПб., 1831. С. 344–345; Сочинения А. Погорельского. СПб., 1853. Ч. II. С. 317–354; Русский архив. 1865. № 9. С. 1128–1138, 1403, 1521; Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. II. СПб., 1879. С. 112–120; Гильтебрандт П. Князь Петр Андреевич Вяземский о букве ъ // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. № 2. С. 374–378; Потебня А.А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». Киев, 1876 // Записки Импер. Академии наук. Прил. к XXXIII. СПб., 1879. С. 61 (отдельного оттиска); Булич С. Гортанные звуки // Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. IX (полутом 17). СПб., 1893. С. 337; Брок О. Об исчезновении междугласного *i, j* // Русский филологический вестник. Т. XLVIII. 1902. № 3–4. С. 134–139, особенно С. 138, сноска ¹; Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.2. СПб., 1910. С. 136–141; Брандт Р.Ф. Загробный голос о русском языке и письме // Филологические записки. 1904. Вып. V–VI. С. 12 оттиска; Гиляров-Платонов Н.П. Экскурсии в русскую грамматику. М., 1904. С. 5; Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 54; Томсон А.И. Исчезли ли конечные звуки ъ и ь в русском языке? // Учен. зап. высш. шк. г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. II. Посвящается профессору Борису Михайловичу Ляпунову по случаю тридцатилетия его преподавательской деятельности. Одесса, 1922. С. 10–12; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.–Л., 1924. С. 51–52; Поливанов Е.Д. Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928. С. 90; Сетур Э. Язык. М.–Л., 1934. С. 185–186; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 65; Селищев А.М. Старославянский язык. М., 1951. Ч. 1. С. 219; Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 56, ср. также С. 53, 55; Чернышев В.И. Избр. труды. Т. 2. М., 1970. С. 611; Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 2000. С. 67; Матвеев А.К. Гортанная смычка в русских говорах Припелымья // Ежегодник Научно-исследовательского ин-та русской культуры Уральского гос. ун-та 1994. Екатеринбург, 1995. С. 95–100; Кога И. Современный русский вокализм: структурная интерпретация [i] и [ɨ] // Slavic culture studies. Vol. I. 2001.

териалы о гортанном смычном, Л.А. Щербакова в кандидатской диссертации сделала попытку рассмотреть вопрос о [ʔ] в системе консонантизма русского языка¹.

Отмеченный в русском языке глухой гортанный смычный согласный звук [ʔ] характеризуется артикуляционно смыканием голосовых связок гортани и взрывом смычки. Поскольку голосовые связки не могут одновременно давать смычку и вибрировать, то гортанный смычный является только глухим звуком: «Артикуляция гортанного смычного предполагает наличие полностью сомкнутых и напряжённых голосовых связок, т. е. голосовые отростки черпаловидных хрящей сомкнуты, мышцы голосовых связок напряжены. Далее подсвязочное давление возрастает и воздушная струя, по выражению О.Ф. Кривновой, «разбрасывает» голосовые связки. В гортани происходит своего рода «взрыв»². Степень артикуляционной чёткости реализации кнаклаута различна: от чёткого смычно-взрывного гортанного согласного до весьма слабого скрипа голосовых связок, русский кнаклаут появляется в полном стиле произношения и его «следует трактовать преимущественно как показатель границ между фонологическими единицами (фонемами, морфемами, словами), который, подобно другим показателям границы, выступает как в своей материальной, так и в идеальной ипостасях»³.

Л.А. Щербакова, развивая идеи И.Г. Добродомова и М.Л. Каленчук⁴, отмечает в полном стиле произношения гортанную смычку как особую единицу речи и языка, выполняющую в позиции стыка предлога с консонантным исходом и вокалическим началом следующего слова делимитативную функцию, которая выступает в качестве разграничителя или пограничного сигнала⁵.

Гортанный смычный согласный не имеет на письме специального буквенного обозначения. Вероятно, это связано с особыми условиями позиционной реализации гортанной смычки: наличием паузы (чтобы произнести этот звук необходимо перестроить речепроизводящие органы — сомкнуть связки) и частичной комбинаторной обусловленностью. Возникновение межсловных пауз зависит от темпа речи. Гортанный смычный согласный проявляет себя, как правило, в полном стиле произношения и в эмоциональной речи.

Н.Н. Дурново сделал тонкое наблюдение относительно позиций проявления гортанной смычки в русском языке: гортанным взрывом «начинаются слова с начальными гласными в начале речи и после гласных; в середине речи после согласных предыдущего слова этот взрыв в русском языке отсутствует, да и в других положениях он очень слаб»⁶. О.Ф. Кривнова указала на наличие гортанной смычки на стыке интона-

Р. 105–118; *Князев С.В., Моисеева Е.В.* О статусе и функциях гортанной смычки в русском языке // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: сб. статей по материалам междунар. научн. конф., посвященной 85-летию Бориса Николаевича Головина. Н. Новгород, 2001. С. 162–165; *Касевич В.Б.* Еще о понятии фонетического слова // Проблемы фонетики, IV: сб. статей. М., 2002. С. 9; *Каленчук М.Л.* О делимитативной функции фонем // Проблемы фонетики, IV: сб. статей. М., 2002. С. 28–29; *Korytowska Anna.* Гортанная смычка в славянских языках // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование: тезисы IV Междунар. научн. конф. Звенигород, 11–13 апр. М., 2003. С. 72–73; *Кривнова О.Ф.* Гортанная смычка как пограничный сигнал в устной речи // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование: тезисы IV Междунар. научн. конф. Звенигород, 11–13 апр. М., 2003. С. 72–73 и другие источники.

¹ Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

² Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке. С. 28.

³ Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 50.

⁴ Каленчук М.Л. О делимитативной функции фонем. С. 27–31.

⁵ Щербакова Л.А. Фонетика и фонология на стыке морфем и слов (О делимитативной функции гортанной смычки в русском языке) // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 111–118.

⁶ Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.–Л., 1924. Цит. по: Дурново Н.Н. Избр. работы по истории русского языка. М., 2000. С. 56.

ционных фраз и слов, при абсолютном вокальном начале интонационной фразы после паузы негортанного происхождения, т. е. содержащей элементы речевого дыхания — вдох или выдох¹.

Проявляет себя гортанный приступ, характеристики которого близки к шуму глухих взрывных согласных, например, в неприкрытых слогах в начале слова: [ʔ]О'льга, [ʔ]И'ра, [ʔ]А'нна, отдельных слогах (логотомах): [ʔ]ук, [ʔ]ин, [ʔ]ит, [ʔ]ан, [ʔ]ат — перед началом гласного, также перед начальным гласным в междометиях: [ʔ]Э'х! [ʔ]А'х! [ʔ]А'х, как хорошо! В междометиях гортанный смычный выполняет функцию дополнительного эмфатического выделения, которое помогает передать эмоциональность и экспрессивность говорящего. Спектрограммы абстрактных неприкрытых слогов отражают этот согласный: «В слогах *ук, ин, ит, ан, ат* перед началом гласного видим шум, характеристики которого очень близки к шуму глухих взрывных согласных. Это так называемый гортанный взрыв, который возникает в результате резкого раскрытия сведённых и натянутых голосовых связок. Для нас здесь интересно то, что начальный гласный «приобретает» предшествующий «согласный»².

Отмечая случаи проявления в русском языке гортанного смычного согласного, учёные не признают его фонологического статуса³. Хотя подтвердить [ʔ] можно рядом слов, где этот согласный звук противопоставлен другим согласным: [ʔ]ах — пах — мах — бах, [ʔ]эх — цех — мех, [ʔ]ох — мох — лох.

Здесь, конечно, следует учитывать факультативность гортанной смычки в начале слова перед гласным, что ослабляет противопоставленность анлаутного кнаклаута и других анлаутных согласных. Но всё-таки внутри слова (на стыке приставки с консонантным исходом и корня с анлаутным гласным) гортанный смычный согласный может противопоставляться его отсутствию, благодаря чему оказываются возможными минимальные пары: *суженный* — с[ʔ]уженный, *подáрочный* — под[ʔ]áрочный, *поду́шный* — под[ʔ]у́шный. С помощью гортанной смычки различаются слова, благодаря чему этот звук оказывается подходящим под статус фонемы.

С.В. Князев и С.К. Пожарицкая подчёркивают, что гортанная смычка встречается «в начале слова перед ударным гласным (если предшествующее слово заканчивается гласным, особенно если тем же, с которого начинается второе слово): *У нас была [ʔ]Аня*»⁴. Вероятность появления гортанного смычного гораздо выше в ударном слоге перед гласным: ср. у [ʔ]И'ры, чем в безударном у Ир'ины. Реализацию [ʔ] в речи опреде-

¹ Кривнова О.Ф. Глоттализация на границах фонетических составляющих в женской речи (на русском материале) // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. СПб., 2002. С. 184.

² Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 126.

³ «Есть звуки, которые не представлены в общеупотребительных словах в сильной позиции. Например, есть русское междометие, передающее сожаление и выраженное щёлкающим звуком, возникающим при всасывании воздуха и отрыве кончика языка от зубов: Ц-ц-ц! Есть частица, передающая отрицание: Не-а. Есть с таким же значением и частица, состоящая из двух гласных, типа [ʔ], перед которыми происходит резкое смыкание голосовых связок: [ʔь-ʔь]; гласные эти носовые: воздух проходит через ротовую и носовую полости» (Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. 2-е изд. М., 1995. С. 105–106).

С.В. Князев, С.К. Пожарицкая отмечают, что «в ряде языков гортанная смычка функционирует как самостоятельная фонема, например, кавказских...» (Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия: учебное пособие для вузов. М., 2005. С. 33).

А.А. Акишина, С.А. Барановская подчёркивают, что гортанный смычный согласный русскому языку «не свойствен как отдельная фонема» (Акишина А.А., Барановская С.А. Русская фонетика на фоне общей: учебное пособие. 3-е изд., испр. М., 2007. С. 54–55).

⁴ Князев С.В., Пожарицкая С.К. Указ. соч. С. 33.

ляют такие факторы, как наличие у слога тонального акцента и совпадение слога, в котором может быть произнесён гортанный смычный, с началом интонационной фразы.

Отмечается гортанный смычный согласный внутри слов (в том числе фонетических) между гласными, например: в слове *иди[ʔ]от* «идиот» (ср. дифтонгическое произношение ударного гласного двусложного глагола *ид[ид]т* «идёт»), на стыке фонетических слов между гласными *у[ʔ]И'ры*, ср.: *письмо Кóле* и *письмо к [ʔ]О'ле*.

Появляется [ʔ] между согласным и последующим гласным внутри слова: *с[ʔ]эконóмить*, *с[ʔ]актíровать*, между словами — *порой[ʔ]упрjам*, *в[ʔ]открытjую*, *в[ʔ]обмjн*, *в[ʔ]обрjз*, *в[ʔ]обнjмку*, *в[ʔ]отмjстку*, *в[ʔ]обтяжску*, *в[ʔ]обхвjт*, *в[ʔ]одиночку*, *в[ʔ]охjнку*, *в[ʔ]упjр*, *под[ʔ]уклjн*, *ставитj точки над[ʔ]j*, глухой гортанный смычный согласный позволяет фонетически отличать сочетание *к [ʔ] И'ре* от формы *Кjре* и др. Одним из основных факторов, обуславливающих функционирование гортанного смычного в речи, является необходимость смыслоразличения и делимитации.

И.Г. Добродомовым указано, что с опорой на гортанную смычку фактически сформулированы правила написания наречных выражений с вокалическим анлаутом послепредложной части: следует писать отдельно наречия, «составленные из предлога и прилагательного, начинающегося с гласной, например, *в открытую*», также следует писать отдельно сочетания предлогов с существительными, «если предлог оканчивается на согласную, а существительное начинается с гласной буквы: *в обмен*, *в обрез*, *в обнимку*, *в отместку*...»¹.

Учёные описали интонационные возможности функционирования гортанного смычного в фонетическом слове, в синтагме, в предложении, а также в эмоционально-экспрессивных жанрах речи. Любопытно, что гортанные смычки в начале корня перед гласным исчезают в беглом произношении, зато в беглой речи (например, в слове *человек*) они выступают в качестве заместителей исчезающих согласных, которым в письменном облике слова соответствуют дефисы [*ч'е-о-эк*]. В этом примере общий ритмический облик слова не нарушается, сохраняется количество его слогов, но срединные согласные (согласные инлаута) заменяются кнаклаутами, которые выполняют функцию обозначения слоговых границ. Возможна и более сильная редукция инлаута, с сохранением его в виде кнаклаута как показателя редукции — [*чек*] «человек» в составе минимальной пары с [*чек*] «чек»: *молодой чек*, *возьмите чек*².

Обращено внимание на употребление в русском языке гортанной смычки в разговорном стиле русского языка: [*н'еʔ*] < *нет*, [*чек*] «человек», [*буʔт*] < *будет* в конце и середине слова, а также в отрицательных «звуковых жестах» типа русск. [*н'еʔ*], [*еʔ*], [*нʔ*]³.

Кнаклаут выступает в качестве своеобразного абстрактного консонанта, который делит вокалический поток на слоги:

*Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися.
Только слышно лишь всего:
У-у-у да о-о-о!
[уʔуʔу] [оʔоʔо]*

(П.П. Ершов, «Конёк-горбунок»).

¹ Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. С. 43, 45.

² Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 36–52; Добродомов И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 15–24.

³ Иванов Вяч. Вс. О функциях гортанной смычки // Звуковой строй языка. М., 1979. С. 119–120, 123.

Е.А. Брызгунова заметила, что гортанная смычка присутствует в качестве обязательного компонента в седьмой интонационной конструкции (ИК-7: *Тишина! Не—а!*) в отличие от третьей (ИК-3: *Вот молодец!*)¹.

Таким образом, о глухом гортанном смычном согласном в современном русском языке написано немало. Отмечены позиции его проявления: в так называемых нескрытых слогах в начале речи перед гласным, внутри слов (в том числе фонетических) между гласными, на стыке фонетических слов между гласными; между согласным и последующим гласным на стыке морфем конца и начала стыкующихся слов, на стыке фонетических слов.

Обозначены условия функционирования [ʔ] в составе диалогических реплик несогласия/ возражения «не[ʔ]а», «а[ʔ]а», при помощи гортанного смычного согласного передаётся экспрессивная оценка в сочетании с нисходящими и восходящими тонами, этот согласный используется в качестве маркера интонационного членения. Возможность проявления гортанного смычного согласного связана с ударением, необходимостью смыслоразличения и стилем произношения.

Если артикуляционно-акустическая характеристика [ʔ], условия проявления гортанного смычного согласного в целом уже получили системное научное описание, то вопросы о происхождении [ʔ] и истории функционирования этого звука практически не поднимались, не известна роль гортанного смычного в фонетических процессах.

Согласный [ʔ] как результат праславянского наследия

§ 21. Исследователи исторической фонетики славянских языков, обратив внимание на глухой гортанный смычный согласный, давали ему не только разные названия, но и приписывали разные качества. Например, Ф.Ф. Фортунатов в «Лекциях по фонетике старославянского (церковнославянского) языка»² и А.А. Шахматов в «Очерке древнейшего периода истории русского языка»³ постулировали наличие гортанного приступа для всего праславянского языка, речь шла о протезах, которые ликвидировали зияние гласных. Ф.Ф. Фортунатов отмечал следы индоевропейского придыхания в начале слова⁴. А.А. Шахматов, развивая идеи Ф.Ф. Фортунатова, указывал: «В известную эпоху жизни общеслав. праязыка все начальные его гласные стали произноситься с придыхательным приступом, переходившим затем при известных условиях в *h, i, u*»⁵.

¹ Брызгунова Е.А. Интонация // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 97.

² Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды. Т. 2. М., 1957.

³ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 54–59.

⁴ Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды. Т. 2. С. 82–83.

⁵ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 54. В начале XIX в. Г.П. Павский, изучая историю редуцированных гласных, обнаружил, что *глухие согласные* появлялись после согласных и слышались впереди гласных звуков: «В Словенских языках св. Кирилл приметил и отметил только два придыхания, дебелое (ъ) и тонкое (ь), из которых первое иногда заменялось буквою *в*, второе буквою *и* и *й*. Напр. вм. *Олга* (собст. имя) (= *Болга, Болга*) писали иногда *Волга* (Нестор по Лаврент. сп. под 6476), иногда *Иольга* (См. Хр. чтен. 1849 Ноябрь – Житие Володимера, стр. 328). От сих двух придыханий, неотступно сопровождающих всякую гласную букву, и сами наши гласные разделились на два класса: гласные *твёрдые*, перед которыми пишется или подразумевается *ъ*, и гласные *мягкие*, перед которыми пишется или подразумевается *ь*, или служащая ему заменой буква *и* (= *Лат. j*). Для сокращения письма, придыхание *ъ* при твёрдых гласных *а, о, у* мы не пишем. Всегда однако ж подразумеваем его, так что *а, о, у*, по выговору своему тоже что *ъа, ъо, ъу* или *Лат. ha, ho, hu*, Греч. *α, ο, υ*. Одна только гласная буква *и*, по своей природе близкая к мягким, на письме допускает к себе твёрдое придыхание *ъ*, когда требуется обозначить её твёрдый выговор. От сего произошла буква *ы*...» (Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. С. 24–25).

А.М. Селищев указал на сильную фразовую позицию: «Начало слова по своей фонетике может представлять отличия сравнительно с соответствующими артикуляциями в середине слова. Особая фонетика начала слова связана была с *абсолютным началом слова*, а также с *особым произношением* некоторых слов, начинавшихся с гласного звука. Некоторые слова произносились в *начале слова с эмфазой*. Положение гортани при таком произношении слова, начинающегося с гласного звука, было не обычное, при котором вибрация голосовых связок начиналась одновременно с поступлением струи воздуха. При эмфазе начальный гласный слова произносился так: перед его артикуляцией гортань закрывалась; струя воздуха взрывала препятствие в гортани и вслед за этим она (струя воздуха) производила вибрацию голосовых связок. Этой вибрации предшествовал гортанный приступ»¹.

Н.Н. Дурново, соглашаясь с наличием эмфазы в утвердительной частице *ei*, вопросительной частице *eda* при ударении на первом слоге, указательной частице *e* в некоторых соединениях, отмечает отсутствие эмфазы в слове *ešće*, встречающемся с начальным *e* в некоторых славянских языках, также слов. *eden* и т. п. Учёный поддерживает гипотезу Ф.Ф. Фортунатова о существовании старого придыхания перед начальным гласным *e*².

Однако некоторые исследователи отрицали наличие гортанного приступа («Судя по современному произношению, приступ славянских [начальных] гласных был мягким») и делали вывод о том, что «всякая начальная гласная славянских языков внутри предложения находилась в зиянии. Между гласными в зиянии развиваются переходные сонантные элементы»³. Отмеченные элементы не получили своей характеристики и не были отождествлены с протезами. С.Б. Бернштейн в разном проявлении гортанного смычного в славянских языках видел его позднее развитие в отдельных диалектах праславянского языка⁴.

Точное описание согласного приступа в славянских языках находим в исследованиях А.М. Селищева. Гортанная смычка объяснялась тем, что в потоке речи начальный гласный слова обязательно взаимодействует с конечным звуком предшествующего слова; таким способом осуществляется мягкий приступ, то есть беззвучная перестройка голосовых связок. А.М. Селищев, опираясь на исследования О. Брока⁵, указал на разные условия проявления гортанной смычки: голосовые связки находятся в натянутом состоянии к началу выдыхания струи воздуха. Выдыхаемый ток, поступая в голосовую щель, уже встречает голосовые связки в положении для звучания: одновременно с выдыханием начинаются и голосовые вибрации. Так обычно начинаются в славянской речи слова, имеющие в начале гласный звук. Другой вариант оформле-

Учёный подчёркивает, что гортанное придыхание изображается буквою ъ, а гортанно-нёбное буквою ь (*й*). «Придыхание ъ образуется в гортани при самом выходе дыхания из груди, и служит основанием для согласных букв, но само остаётся дебелым, неопределённым и едва приметным. Когда же дыхание, вышед из груди и оставаясь гортанным, частью приражает к верхней части уст, тогда придыхание получает больше определённости и сжатости и делается тонким ь-ем. Поэтому придыхания ъ и ь близки к гортанно-нёбным согласным *г, к, х*, и нередко ими заменяются» (Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. С. 41–42).

¹ Селищев А.М. Старославянский язык. 2-е изд. М., 2001. С. 219.

² Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. 1. Начальное *e* в о.-сл. языке // *Slavia*. Praga, 1924. Рос. III. № 2–3. Цит. по: Дурново Н.Н. Избр. работы по истории русского языка. М., 2000. С. 531–532.

³ Мейе А. Общеславянский язык. С. 65.

⁴ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. С. 136.

⁵ Брок О. Очерк физиологии славянской речи. С. 136–141.

ния начала слова связан с появлением придыхательного приступа: голосовая щель открыта, голосовые связки находятся в индифферентном состоянии. Выдыхаемая струя воздуха начинается раньше с того момента, когда голосовые связки примут положение для звучания. Раньше голосовых вибраций ток воздуха, проходя через открытую голосовую щель, производит некоторое слабое трение: получается слабая фрикация — придыхательный приступ. В отдельных славянских языках (в русском, украинском, белорусском, лужицких, чешском, словацком, польском и др.) на месте слабой гортанной фрикации развились фрикативный гортанный *h*, лабиальный *v* или *j*, например: *jagn'e* (н.-л.) — *jehn'o* (в.-л.), *jajo* (н.-л.) — *jejo* (в.-л.) «яйцо», *hikawa* (в.-л.) — *hukawa* (н.-л.) «икота», *wowca* (в.-л.) — *wojca* (н.-л.) «овца», чеш. *voko*, *vokno*, *husta*, *hini* и др.¹

Придыхательный согласный не был устойчив и во многих славянских языках (русском, сербском, болгарском, польском и др.) *h* перед гласным не имеет соответствий. Известно наличие индоевропейских звонких и глухих придыхательных согласных, которые А. Мейе относил к экспрессивным фонемам².

Связь с индоевропейским и праславянским наследием увидел Л.Л. Касаткин в диалектных севернорусских особенностях, обусловленных противопоставлением согласных по напряжённости/ненапряжённости. Было обращено внимание на следующее: при образовании придыхательных «после размыкания смычки артикулирующие органы широко отходят друг от друга, как это нужно для произнесения гласного. Но включение гортани задерживается. А струя выдыхаемого воздуха обладает достаточной силой, чтобы произвести характерный шум». В архаической системе, в частности в мезенских говорах, придыхательность проявляется в месте наибольшего общего напряжения: в начале слова, при эмфазе, в сильной фразовой позиции³.

Когда с гласного начинается речь, как правило, после паузы, то смыкание и резкое размыкание голосовых связок вызывает твёрдый приступ, который сопровождается звуком, похожим на щелчок. В эмоциональной речи, при паузе наблюдается третий вариант произношения, безголосный гортанный взрыв назван крепким приступом (по чешской терминологии *ráz* «удар»), ср.: русск. *Ах! Эх!* чеш. *'ano*, *'ejhle!* *'ipřišli*, *'uřad*, польск. *'adam*, *'oięc*, *'ucho*, словацк. *'apa!* *'išli cez doly* и т. п. С крепким приступом в чешском языке произносится начальный гласный слова и в середине предложения после слова, оканчивающегося гласным звуком, в том числе и после предлога: *sto 'ovec*, *za 'ušima*, *'o tobe 'a 'o mně*, *do 'Azie*⁴.

Физиологическое определение гортанного смычного согласного перед гласным в русском языке, как и во многих славянских языках, восходит к фонетическим законам и характеристике согласных и гласных позднего индоевропейского праязыка и раннего периода существования праславянского языка. Известно, что в ранний период праславянская фонетическая система сохраняла относительную автономность вокализма и консонантизма: «Каждый гласный индоевропейского слова является автономным, и гласный элемент слова ни в малейшей степени не зависит от соседних согласных или гласных»⁵. Это положение можно сравнить с наблюдением В.А. Бого-

¹ Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1. Западно-славянские языки. М., 1941. С. 61–64, 69, 242, 335–336.

² Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2002. С. 110, 116.

³ Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 321.

⁴ Селищев А.М. Указ. соч. С. 61–64, 69, 242, 335–336.

⁵ Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 55.

родицкого применительно к современному русскому языку: при нормальных условиях слитие рекурсии согласного в один момент с экскурсией следующего согласного является актом вполне естественным, «хотя при начальном обучении чтению слитие отдельно данных согласного с гласным детям даётся не так легко», и далее в сноске 2: «Нам кажется, что для облегчения усвоения детьми этого процесса не следует заставлять их произносить очень громко подлежащие слитию звуки, так как в этом случае разница между согласными, как ртосмыкателями, и гласными, как ртораскрывателями, становится слишком велика, что и препятствует незаметному переходу от одного звука к другому»¹.

Фактически, в условиях раздельного произнесения согласного и следующего гласного проявляет себя кнаклаут. Это подтверждается экспериментальными наблюдениями: глухая смычка реализуется на спектрограммах как пауза, за которой следует короткий и неопределённый спектрально взрыв. При этом «составляющие спектра распределены практически по всей полосе частот, а длительность взрыва очень мала»²; произнесение неприкрытых гласных «предваряется неким «щелчком», подобным твёрдому»³.

И.Г. Добродомов указал на особенности приношения неприкрытого гласного во втором предударном слоге, например, в слове *огорód* [*лeʎrót*] по сравнению с прикрытым гласным в той же позиции в слове *поворót* [*пʌвʎrót*]. Гортанный смычный согласный, предваряя начальный безударный гласный, сливается с ним и, таким образом, редуцированный во втором предударном слоге продлевается, что и передаётся знаком транскрипции [ʎ].

Как правило, прикрытость гласного начального слога объяснялась тем, что утрата конечных согласных увеличивала возможность встречи двух гласных на стыке слов. Поэтому в славянских языках отмечаются многочисленные случаи зияния, которые ликвидируются за счёт протез. Сам механизм возникновения протез объяснён не был. Было принято, что «в какой-то период истории язык попытался избежать зияния: между двумя гласными появился согласный»⁴.

Опираясь на исследования, посвящённые гортанному смычному согласному, можно предположить, что при изменении слогораздела в позиции двух рядом стоящих гласных при одинаковом темпе их произнесения присутствовал согласный приступ или смычка (хотя известны и другие способы образования прикрытого слога)⁵. Утрата конечных согласных оставила след в глухом согласном приступе, которым сопровождалась артикуляция начального гласного следующего слова. Вяч. Вс. Иванов, опи-

¹ Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.–Л., 1935. С. 23.

² Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. СПб.; М., 2004. С. 78.

³ Ключинская О.Г. О соотношении длительности гласных неприкрытого и прикрытого слогов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 2. С. 145.

⁴ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. С. 185.

⁵ Например, известно переразложение предлогов **vъn*, **sъn*, **kъn* перед гласным следующего слова *vъn-iti*, *vъn-eti*, *vъn-ušiti*, *sъn-iti*, *sъn-eti*, *sъn-ьmь* и т. п., когда конечный согласный сливался со следующим словом в одно органическое целое (Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916. С. 158).

Особенность системы праславянского языка, связанная с действием закона открытого слога, и архаических севернорусских говоров позволяет объяснить, как появился придыхательный согласный перед начальным гласным. В результате изменения слогораздела конечный придыхательный согласный слился с последующим начальным гласным слова в одну артикуляцию. Если конечный согласный не был придыхательным, то при его утрате перед лабиализованным гласным заднего ряда развился фрикативный согласный.

сывая пути возникновения ларингализованного тона в различных языках мира, отметил, что при изменении структуры слога сочетание гласных с конечным согласным в абсолютном исходе слова превращается в гортанную смычку: «При миминизации числа артикуляционных работ («принцип наименьшего усилия») сохраняется только смычность, перемещающаяся в гортань из полости рта, где необходима локальная спецификация смычек»¹.

В большинстве случаев, как было указано Ф.Ф. Фортунатовым и др., между двумя гласными на месте глухого смычного согласного появились протетические звуки: перед гласными среднего ряда $ȳ$ (*ы*), $ū$ (*у*) развился звук $ū$, откуда в большей части диалектов общеславянского языка *v: vudra, vysokъ, vu, vykŋiti* и т. д., *vъ, vъnъ, vъtorъ, vъnukъ*². Перед гласными переднего ряда $ī$, $ē$ (из *ї*), e , $ê$ (из *ě* перед слогом с полукраткой гласной), $ē$, $ē̄$, $ā$ развился $ī$ (*ј*), например, общеслав. *jesenъ, jelenъ; jō<e – jō* (3 л. ед.), *jōdlŋ* (вин.); *jê<e – jêžъ, jēdlъ; jê<e – jêro, jêduxъ, jêžъ*; общеслав. *ještъ*, ср.: великор. *естъ*, малор. *Єсть*, польск. *jest*, серб. *je*; великор. *ятровъ*, сербск. *jempva*, польск. *jątręw*; великор. *ёмкой*, малор. *Ємкий*, сербск. *јамачно* и т. д.³; $j̄b<ī$ – общеслав. *jъmъ, jъmъšō, jъmъko*. Нелабиализованная гласная заднего ряда $ā$ получала перед собой *j* (*ј*): *jagoda, jaščōrъ, jastrębъ, jaјe, jablъko, jabolnъ, jagne, jarmъ*⁴. В праславянском языке в любом интервокальном положении развивался согласный звук, например: *pojasъ, dělajetъ, ženŋŋ, dobrajego, dobruјemu, dobraja, dobrŋŋ, dobroje, umějetъ, kostъjŋ* и т. д.⁵

Итак, гортанный смычный согласный проявляет себя уже в эпоху действия закона открытого слога. При утрате конечных согласных (напр.: род. падеж **vъlka* при санскр. *vr̥kād*, **synъ* при лит. *sunus*, **mati* при лат. *mater* и т. п.) остаётся гортанная смычка, которая сопровождает артикуляцию начального гласного следующего слова. Таким способом начальный гласный, находящийся в звуковой цепи слова, отделяется от последнего гласного предыдущего слова во избежание межсловных sandhi. Непри-

¹ Иванов Вяч. Вс. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975. С. 25, 40.

² «Диалектически, как мы знаем, *ū* изменилось в *ū*: *ūtorъ, ūnukъ*. Если предположить, что некогда задние гласные лабиализованные получали перед собой *h*, то *ū* в сочетаниях *ūh̄, ūj̄* заменило *h*, быть может, именно вследствие перехода задних гласных в средние и утраты ими лабиализации» (Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 56).

³ «Правда, мы не находим вообще *ji* на месте начального *i*, ср. русское, южнославянское и польское произношение слов, как *iva, iъ, iti*; но то обстоятельство, что исконное *ji* переходит здесь в *i*, напр. великор. диалект. *их*, малор. *их, им*, сербск. *има*, польск. *ich* (в великор. *jix* можно видеть влияние *j* в *jevo, jetu*, ср. диалект. *jon* вм. *он* под тем же влиянием), даёт нам основание предположить, что *i* заменило *ji* в результате нового, быть может, как предположил Ф.Ф. Фортунатов, общеславянского процесса. Равным образом слав. языки и между ними старославянский указывают на отсутствие *j* перед исконным *ъ*, ср. старослав. *ѣдъ* (им. ед.), *ѣмъ* (1 л. мн.), *ѣдъшнхъ* и др. (Савв. кн.), сербск. *ѣjem* (в юго-зап. наречии); но оказывается, что исконное сочетание *jъ*, напр. в *jъxati, jъkŋ* (ср. литовское *jo* в *joti*) утратило *j*, ср. *ѣдаахъ, прѣѣхавъши* Остр. Ев. В виду этого принимаю, что в общеслав. праязыке, в древнейшую эпоху его жизни, действовал закон, по которому все гласные переднего ряда в начале слова получали перед собой *ī*, а под ударением ...*j*. Но позже *ī* (*ј*) исчезло перед *i* и *ъ*» (Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 55).

⁴ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 54–57.

⁵ Особое развитие имеют так называемые «напряжённые» **ъ̄, *ъ̄̄*, восходящие к праславянским **у, *i* и **ъ, *ъ̄* перед *-j-*. Под ударением (перед праславянскими редуцированными следующего слога) в окончании членных прилагательных мужского рода *-*ъ̄jъ̄* развивается [*o<ъ̄, u<ъ̄*]: *молодѣй, мнѣи*, в презенсах у-глаголов позиция безударная *-*mъ̄jŋ, *rъ̄jŋ*, но в результате действия аналогии отмечается рефлекс [*o*] и во второй позиции: *мѣю, но нѣю, лѣю, шѣю*. «Я принимаю везде, где великорусский демонстрирует *oj, ej* вместо старых *uj, ij*, лишь один переход *uj, ij>ъj, ѣj*, независимо от места ударения и характера гласного, следующего за *j* (так, *slępŋj, mŋji, Lukoján, kostěj, šęja, ručęjok*). Этот переход должен был произойти раньше северо-восточнорусского перехода *ъ, ѣ>o, e*» (Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. С. 151).

крытый гласный становится прикрытым. Гортанный приступ выступал как слого- и словоразделитель (пограничный сигнал) на стыке любого слова со следующим словом с вокалическим или сонантным началом. Гортанная смычка исчезала перед шумным консонантным началом.

Таким образом, различные элементы (гортанный смычный и другие анлаутные согласные), входя в систему праславянского языка, теснейшим образом взаимно связаны, имеют некоторые общие закономерности. В частности, описание гортанного смычного согласного и особенности его проявления в праславянском языке позволяют объединить [ʔ] со звуками [j, v], все они выступают как протетические согласные, способные вступать в чередования.

Реализация гортанного смычного согласного в русской диалектной речи

§ 22. Структура праславянского слога требовала того, чтобы слоги начинались с неслоговых (чаще всего собственно согласных) звуков. Различные письменные источники отразили при анлаутном гласном морфемы, которые имели в интервокальной позиции не только вставные согласные [eʔ], [j], [y], но и, возможно, результаты проявления гортанного смычного согласного [ʔ]. Исследователи отметили, что «реализация смычно-гортанного согласного представляет собой большой диапазон колебаний — от яркого звучания до ослабленного, когда нельзя решить, относится ли данное образование уже к категории слабого приступа. Последний в полном своём виде принадлежит к категории щелевых согласных, слабо воздушных и, очевидно, с нечётко выраженной локализацией в глоточно-гортанной зоне»¹. Вероятно, поэтому гортанный смычный согласный перед гласным легко вытесняется артикуляционно «удобными» протетическими [e] и [j].

Как уже отмечалось, на общеславянской почве развились неслоговые сонанты [v] и [j], которые сохранились в древнерусском языке: *иму* < *jьтѡ, *ати* < *jѣти < *jьтѣ < *ьтѣ, *ѣша* (119 об.), *ѣсти* (160 об.) (Святославов Изборник 1073 г.) и др.²

Известно большое количество случаев вариантного написания слов с протетическими согласными, например, в русском языке широко распространена вставка согласных между гласными в заимствованных словах: *тивунъ* (Рус. Правда), *Радивонъ* (Румянц. Обиходъ XIII—XIV вв., 94), *Ивона*, *Ивонинъ* (Ев. 1317 г., 24, 24 об., 36 об., 43), *Илевоньстѣи* (Ев. 1357 г., 88), *Ѧфивонъ*, *Фаравонъ*, *Левонъ*, *Гемивонъ* (Лавр. сп. лет.), *Радивоновичъ* (духовная Дмитрия Донского), *Левонтии* (двинская рядная XIV—XV вв.), *Сивонъ* (Псалтырь XVI в. Воскрес. монаст., № 5), *Легивонъ* (Луцкое Ев. XIV в.), ср. совр. *Радивонъ*, *Ларивонъ*, *Левонидъ* и др. Отмечен вставной согласный и перед гласным [a]: *Ѧваръ* (псковск. Апостоль 1309—1312 гг., 109 об.), *Иванъ* (духов. московских вел. князей, Чудовск. Житие Ио. Златоуста XIV в.)³.

¹ Высотский С.С. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонетического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978. С. 126—127. См. также Будде Е.Ф. Лекции по истории русского языка. 2-е изд. Казань, 1913. С. 50—51, 68, 76; Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 36—52.

² Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 58—61.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 140; см. также Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров. С. 165—166.

В начале слова встречаются варианты: перед начальным [и] в некоторых случаях наблюдался, по-видимому, фарингальный [h]. На письме этот звук изображался при помощи буквы *г* или не обозначался вообще. Предполагается, что [h] заменился (не фонетически) обычным задненёбным звонким согласным: для одних говоров фрикативным, для других взрывным, частью же утратился. «Примером могут служить русск. *гуж* «верёвка», затем «часть сбруи» (из говоров проникло в литературный язык, ср. совр. *гужевой транспорт*), *уж* (вид пресмыкающегося), этимологически восходящие к одному источнику. *Оужь* в значении «верёвка» мы находим и в древнерусском языке. Ср. *оужи съвѣсиша на землю* (Лавр. лет., л. 45). Мы лишены возможности точно сказать, что представляла собой фонетически приведённая форма, *uži* или *huži*¹. Ср. также ст.-сл. *гжєница* параллельно с *жєница*, русск. *гусеница*, укр. *гусениця* и *вусениця* при *усениця*, диалект. у *Вакима* (= у *Акима*), у *вадных старушкаф* (у *однѣхъ старушекѣ*), *Ванисово* (= *Анисово*)².

Интерес представляет и надпись на чаре князя Владимира Давидовича до 1151 г. — *осподарга*; в договоре Дмитрия Донского с Ольгердомъ 1372 г. — *отъгъ оспोजина заговѣнья*; в договоре Новгорода с Тверью 1371 г. — *осподарга*; в западнорусской грамоте 1386 г. — *осподаремъгъ*; в смоленской записи Исаака Сирина 1428 г. — *осподарю* (рядом *господарь*); вкладная половина XV в. в новгородском Прологе 1432 г. Публ. Б. — *за осподарга* и др. Слова *осподарь* и *оспозинъ* без начальной согласной известны в памятниках XV в., а *воспозин* — только в XVI в., например, прибавл. к Домострою XVII в. *воспозинъгъ* (147); в Погодинском сп. Псковск. лет. XVI в. — *воспода*³. Аналогичные диалектные формы отмечает А.М. Селищев: *вотчина, вот, вѣсна, вѣсемь, вѣстр; подле вѣобраза, еше завтре-то во вѣтру, на вѣлицу, вѣюнош, ханделы, хармия*⁴; укр. *гаспид, вѣвсяний, вѣкно, вѣсика, вѣлиця*, верхнелужицк. *wobjed, wobryad, woči, wokno, woko, wowca*, нижнелужицк. *hutk, hutšoba, huzki, huznaś, huzda* и т. п. В польском языке всякому начальному *q* соответствует *wę* или *wą*. *węz, wężu (узгу), wąży, wąż, wędą, wężiel*; в верхнелужицком находим *wu: wutk, wutroba, wuzki*; в словенском языке *vq – včza, včdica, včtak, včgol, včtel*⁵. Подобные примеры с начальными *ε – ю – вw* приводит Е.Ф. Будде⁶.

Позиционная мена *в/у* (*в огни – у дома*) вызывала появление удвоенного предлога, в котором также отразилось физиологическое стремление сохранить устойчивое слоговое деление (слог открытый и прикрытый): *в воутровѣ* (68), *вѣ вадѣ* (50) в Лавр. сп. лет.⁷; *ѳв адѣ* (гал.-вол. Поучения Ефрема Сирина 1492 г.); *вѣвѣ вѣкѣ* (Пс. 1296 г., 218); *в'во што, в'во сне, вѣввидете* (Ев. Тяпинского XVI в.) и т. п.⁸; в Лаврент. сп. лет. — *вѣвѣ устыѣ* (7), *вѣвѣ устыи* (50), *вѣвѣ умиѣ* (90), *ввѣ устыѣхѣ*, *ввѣ утровѣ* (100), *ввѣ угрѣхѣ* (312), *ввѣ орду* (460), *вѣвѣ адѣ* (78); в Ев. 1393 г. — *вѣвѣ огни* (26); в акающем Требнике XIV в. Погод. № 75^a — *вѣвѣ утѣшенье* (125 об.), *вѣвѣ устыѣхѣ* (72 об.); в моск. грам. XIV–XV вв.: I, № 35, 1389 г. — *вѣвѣ удѣлѣ, но в нашихѣ удѣлѣхѣ*; № 38, 1405 г. — *вѣвѣ удѣлѣ, но удѣла*,

¹ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 61.

² Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров. С. 163.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 123.

⁴ Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921. Цит. по: Селищев А.М. Избр. труды. М., 1968. С. 239.

⁵ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 58; Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1. С. 61–69, 242, 335–336; Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. С. 186.

⁶ Будде Е.Ф. Указ. соч. С. 164.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 120–121.

и в *ѹдѣль*¹; в Беломорских былинах отмечено удвоение предлогов и перед согласным — *во-въ ту пору* (111₄₀), *во-во второй наконъ* (94₃₉₆), *во-въ гирню-ту* (94₃₄), *со-съ того со стыду* (105₇₀)².

По мнению Л.Л. Васильева, удвоенная согласная «указывает на то, что деление слога падает на самый согласный. Если мы допустим, что в случаях из памятников XIII—XIV вв. и позднее в роде *въ орду*, *въ исподи*, *въ умъ* буквою *ѣ* обозначалось особое слоговоеделение: *ѣ орду*, *ѣ исподи*, *ѣ умъ*, то тогда станет вполне понятно объяснимой следующая стадия развития этих фонетических величин: *ѣворду*, *ѣвысподи*, *ѣвумъ*, — деление слога вместо того, чтобы пасть после согласного, начинает падать на самый согласный, что вполне возможно при некотором экспираторном усилении...»³. При этом буква *ѣ* в предлогах перед нейотированными гласными выступала как слогоделитель. По своему качеству [*ѣ*] в предлогах-приставках перед нейотированными гласными был слоговым гласным и [о] появился только на месте слогового [*ѣ*]: «Дело в том, что нейотированные гласные в фонетическом положении, когда перед ними проходила граница слога, требовали перед собою развития не специально одного *ѣ*, а вообще слога»⁴.

К указанной особенности оформления проклитик можно отнести диалектные замены предлога-приставки [у] звуками [w, в, ф]. Так, в начале фонетического слова слог становится прикрытым — перед согласным *вмерѣть*, *втюг*, *вчить*, перед группой согласных — *вкрасть*, *взнать*, *вскорить* и перед гласной — *в Алёны*, *в отцá живѣт*, *в Исáевых*, *в однѣх*. На месте предлогов и приставок *в* и *у* широко распространены *ув*, *уво* перед словами, начинающимися с гласного и согласного звуков: *ув овсѣ*, *ув одѣн*, *ув ѣзбу*, *ув áвгусте*, *ув одиннáдцать*. Если слово начинается группой согласных, то обычно употребляется *уво* — *уво втóрник*, *уво сне*, *уво мху*, *уво Ржѣве*, *уво скóлько*, *уво двор*, *уво кру́жку*. Употребление *ув* на месте предлога *у* ограничено в основном положением перед словами, которые начинаются с гласного звука: *ув отцá*, *ув одногó*, *ув Анѣты*, *ув Архѣпа*, *ув остальнѣх*⁵.

Артикуляционно-физиологический фактор «удобства» произнесения начальных гласных вызывал появление таких вариантов, как *ютро* (совр. белорус., укр.), *утро*, *вутро* (диалект.). Ф.Ф. Фортунатов предполагал, что *утро* появилось из *за оутро*, где [j] исчезал фонетически между двумя гласными⁶. П.С. Кузнецов возникновение слова *зáвтра* объяснил ослаблением *и* в неслоговой звук в связи с переносом ударения: «*За утра* образовалось из сочетания предлога *за* с род. п. ед. ч. *утро*. Это сочетание с переносом ударения на предлог и ослаблением *и* в неслоговой звук дало современное *зáвтра*. У Пушкина, как архаизм, мы встречаем ещё форму *заўтра*»:

¹ Васильев Л.Л. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 3. СПб., 1908. С. 217.

² Васильев Л.Л. Язык «Беломорских былин» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 7. Кн. 4. СПб., 1902. С. 37.

³ Васильев Л.Л. Указ. соч. 1908. С. 222.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Вступ. статьи. Справ. материалы. Фонетика. М., 1986. С. 160; Касаткин Л.Л., Юмсунова Т.Б. Некоторые фонетические особенности говоров семейских старообрядцев Забайкалья // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VII). М., 2004. С. 83–94.

⁶ Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды. Т. 2.

Заўтра казнь, но без боязни
Он мыслит об ужасной казни...
(«Полтава»)»¹.

Если в интервокальном положении видеть проявление гортанной смычки, то получает объяснение причина ослабления [y]. Гортанная смычка в интервокальном положении сохраняла слоговое деление, не давала гласным подвергнуться ассимиляции и стяжению². При перетяжке ударения на предлог неустойчивый гортанный смычный согласный утрачивается, вызывая ослабление [y] и его замену согласным [ʋ]: *за[ʋ]ўтро* → *заўтро* → *заўтра*, ср.: *евангеліа въскреснага заўтренага* (Ев. 1355 г., 147), *заўтъра* (Лавр. сп. лет., 12), *передъ заўтрению* (Ак. Юр., 75), *послѣ заўтрени* (вологодск. гр. 1641 г. А. Ю., 370), *заўтра еще мрачно зѣло въставъ* (Ев. 1354 г., 65) и т. п.³; у В.А. Жуковского: «*да чу, и къ заўтренѣ звонятъ*»; совр. *заўтрак*.

В диалектных формах при слиянии предлога-приставки с корнем с потерей кнаклаута исчезает и звук [y/ʋ] *заўтра, заўтрашний* (Шаранина, Ерахтур)⁴. Доказано, что для ударного гласного, образующего неприкрытое гласное начало, гортанный смычный согласный является идеальной согласной протезой, произношение гортанной смычки в безударном слоге затруднено⁵.

Вероятно, аналогичный процесс только в начале слова можно отметить в словах, в которых гортанная смычка сопровождает безударный начальный гласный слова *Емелья́н, Аграфёна, Алекса́ндра*. Слабое консонантное начало, представленное гортанным смычным согласным, в беглой речи утрачивается, что и приводит к потере гласного: *Ме́лья́н* < *Емелья́н* (Парохино Касим. у.), *Графёна* < *Аграфёна* (Бельково), по *Огрофинѣ* (Грамота 1490 г. А. Ю. № 5), *Лякса́ндра* < *Алекса́ндра* (Котово)⁶. Ср. как преодолевается зияние гласных в говорах с диссимилятивным аканьем (на западе юго-восточной территории). В этих говорах отмечено на стыке слов с вокалическим началом выпадение начального гласного после служебных и знаменательных слов, оканчивающихся на безударный или ударный гласный, также на согласный: [н'и̇ дды́х'ау̇, пр'и̇ тцѣ̇, т'в'аты̇ бы́рвау̇, йес'хо́та, по́мышчы̇ т'я'ау̇ н'а жд'и̇, посл'и̇ б'ѣдн'и̇, ус'е̇ тр'ады̇, буд'иш'б'ѣдт'̇], однако сохраняется кнаклаут, который указывает на границу между словами⁷. В беглой речи система безударного вокализма на стыке слов нарушается, но напряжённость срединных согласных сохраняет слоговые границы, между гласным и последующим согласным различных слов сохраняются слоговые границы при уменьшении вокальности речевого потока.

В русских словах гортанный смычный согласный, вероятно, может выступать в качестве субституции фонемы <в–j–γ>: например, в восточных, владимирских и поволжских говорах *каб, цаб, яб, с няб, за́бт* (завод), *пабѣ́нники* (повойники), *какаб⁸, коуб – коб*

¹ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 323.

² Ср. наблюдение Г.П. Павского: «Одно лишь сочетание твёрдых гласных *ау* изредка допускается и в прочих Русских словах. Это произошло потому, что перед *у* подразумевается твёрдое придыхание *в* (= Греч. *дигаммѣ*). И действительно *паукъ* в Богемском языке пишется *rawukъ*» (Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. С. 55).

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 120.

⁴ Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров. С. 162–163.

⁵ Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке. С. 68.

⁶ Будде Е.Ф. Указ. соч. С. 111–112.

⁷ Пшеничнова Н.Н. О фонеме <о> в безударном начале слова в русских говорах (К вопросу о делимитативной функции языковых средств) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 51–52.

⁸ Будде Е.Ф. Указ. соч. С. 162.

– *ковó, бédноуо – бédноо – бédново*, также *хорóшоо, дóброо, чоó* и т. п., срв. сербск. *уво* из *руо, рухо*¹. «Ясно, что незачем предполагать сначала *исчезновение* *γ* между *о* и *о* в окончании *оуо*, а затем новое появление *в* между этими же звуками *о* в этом же окончании *ово* и под., которое существует в говорах рядом с окончанием *оуо, ауо* и под.»².

Перед нелабиализованным гласным при диалектном [цѣлаѣк] на месте выпавшего [в] проявляется гортанный смычный. Ср. точки зрения Ф.Е. Будде: «Может быть, в этих примерах *в* не выпадал, а превращался в неслоговое *i (j)*, но только я не слышал хорошо этот слабый звук, или он, действительно, не слышится более в таких словах»³ и П.С. Кузнецова: «В части северных говоров (или переходных на северной основе) представлен лишь конечный результат рассматриваемого процесса, т. е. формы со стяжением, но нет форм без *j*, ещё не стянутых, т. е. имеются формы типа *знат* «знает», *мот* «моет», но нет форм типа *знáт* (или *знáат*), *мóэт* (или *мóот*)»⁴.

И.Г. Добродомов, анализируя рассуждения А. Погорельского, Н.П. Гилярова-Платонова о произношении форм родительного падежа прилагательных и местоимений типа *ниче[вó]*, *свое[вó]*, указал, что в форме *нич[eó]*, *наш[eo]* отмечается не просто выпадение звука [в/з], в этих формах в живой речи гласные чётко разделены гортанным смычным согласным. Аналогично в орфографическом «зиянии» в слове *субстанциальный* артикулируется гортанный смычный *субстанц[ы?á]льный*⁵.

Возможен и такой процесс: при утрате фрикативного согласного между гласными появляется гортанная смычка, прерывистая интонация которой преодолевается развитием дифтонгического сочетания гласных: Лавр. сп. лет. – *ожиюѣтъ* (6, 8), *ноуѣ* (11), *Мараѣуѣ* (17), *по ѣустаѣуѣ* (24), *протиѣуѣ* (39)⁶; *ко Исѣуѣ вратѣуѣ, господѣви люѣмѣуѣ Исѣуѣ* (Паремейник 1348 г., 9), *вѣдуѣ жиѣуѣ* (Ев. к. XIV в. Син. Библи. № 401, 18), *диѣуѣтъ, жиѣуѣще, жиѣуѣщѣмѣуѣ, пилатѣуѣ писанѣюуѣ* (= *Пилатову*), *ѣстаѣуѣ, протиѣуѣ* и др. (Лавр. сп. лет); в литературном языке – *закоу́лок, оплеу́ха, прибау́тка*.

Ф.Е. Корш, описывая доегласные в древнегреческом языке с физиологической точки зрения, обнаружил, что и в русском языке имеется скорее односложное сочетание гласных *аи*, чем двусложное в словах *Яуза, кляуза, пауза*, «которые мы обыкновенно признаём трёхсложными, кажется, только потому, что в русских словах нет доегласной *ау*. С таким же трудно определимым у нас соединением гласных наше простонародие, особенно женщины, выговаривают *баушка* (вм. *бабушка*) и *деушка* (вм. *девушка*) в смысле звательного падежа. Лёгкость или трудность физиологического определения в этих случаях (помимо слуха) зависит от чувствительности данного языка к двум... явлениям – к определённой длительности слогов и к согласному приступу или, что то же, к зиянию»⁷. А.И. Соболевский указал на московское вульгарное произношение – *деушка, лоушка, сорокоушка*, также произносятся в современных севернорусских говорах *деушка, бокоушка, векоушка, корбушка, корбу, за прау руку, вѣду, жиѣуѣт, корба,*

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 124; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 196.

² Будде Е.Ф. Лекции по истории русского языка. 2-е изд. Казань, 1913. С. 342.

³ Там же. С. 163.

⁴ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 163–164.

⁵ Добродомов И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 15–24.

⁶ Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров. С. 164.

⁷ Корш Ф.Е. Доегласные в древнегреческом языке с физиологической точки зрения // Сборник статей, посвящённых учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Фёдоровичу Фортунатову (1872–1902). Варшава, 1902. С. 284.

по *лаочки*, названия *Деулино, Криуха, Леушино, Плаутино*¹. В северо-западной части Костромской обл., в окружении окающих говоров известно чухломское аканье, где интервокальный [j] отсутствует, отмечены переходные формы: *насп'ээм, прькътáэт, гь°н'áэм, выс'т'ирьэш, з'д'эльэш, ътвár'ивьэм, ин'т'ер'асуэѣ, зьругáат, пьм'ин'áѣт* или в глагольных флексиях происходит разной степени ассимиляция и стяжение гласных *ѡстьнавл'ивьш, рабóтъѣт* и т. п.²

Материал говоров с различной ритмико-интонационной структурой подтверждает сделанные наблюдения. Известно, что в говорах Костромской, Владимирской, Горьковской и других областей в конечном закрытом слоге согласный представляется оторванным от предшествующего гласного и принадлежащим к более или менее ясно произносимому побочному слогу с шепотным или даже озвончённым гласным пазвуком³. Следы старой акцентно-ритмической структуры сохранены в северных средне-русских говорах с неполным оканьем, в которых рельефное выделение структуры каждого отдельного слова в потоке речи не даёт развиваться стяжению гласных.

В литературном языке дифтонгизация вокалических сочетаний отмечена в следующих случаях: *в[éи]р, ст[óи]т, трат[уá]р, в[áу]чер*, зафиксированы дифтонги в словах *сн[òу]бордист, Б[áу]манская, с[áу]ндтрэк, в[ыи]грать*; обычно дифтонгируется сочетание *-ои-*: *префикс[óи]д, целлул[óи]д, рубер[óи]д, трапец[óи]д* и т. п.⁴

Если гортанный смычный согласный себя не проявляет, то в беглой речи отмечается и процесс консонантизации гласного, например, в современных севернорусских говорах в интервокальном положении: *ячменя [и owca], да [и ол'а]* (*да и Оля*), также в начале фразы *[и on 'éат]*⁵. В беглой акающей речи гласные на стыке слов подвергаются ассимиляции и стяжению, а образовавшееся таким путём фонетическое слово организовано целиком в соответствии с данной системой вокализма: *[н'иддалá] не отдала, [ньднавó] на одного, [затиá] за отца, [нуглу] на углу, [зугал'кóм] за угольком, [н'играиш] не играешь*. Такое абсолютное примыкание известно лишь после служебного слова или после знаменательного слова с конечным безударным гласным.

Таким образом, артикуляция гласных в начале слова, сочетаний гласных в пределах слова или на стыке слов требует от говорящего дополнительных речевых усилий. Возможность появления перед гласным протетического согласного звука, заложенная в системе праславянского языка, была реализована русским языком. Вставочные согласные призвуки первоначально, видимо, неопределённые по качеству [j, u, h], но после фонологизации фонетически сходных с этими призвуками полугласных [j, v], стали восприниматься как формы с вставным согласным.

Возникновение протетических звуков — это один из способов устранения соседства нескольких гласных в русском языке. Гортанный смычный реализуется не только в тщательной речи *со[ʔ]áвтор, о[ʔ]áзис* и т. п., но и в беглой *[цы́ла ʔэк]*. При беглом произношении, в просторечии и диалектной речи отмечается вставка согласных [j] и [ʋ]:

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 140; см. также Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. С. 245; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 200.

² Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 419.

³ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. С. 21.

⁴ Кузнецов О.А. О способах реализации зияний в русской речи // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007. С. 320.

⁵ Пауфوشима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. 48 сноски.

Лари[вó]н, Ле[вó]нтий, фи[já]лка, какá[вѣ], рáди[вѣ] и т. п. При отсутствии протетических согласных известна редукция гласных, дифтонгизация вокалического сочетания, консонантизация одного из компонентов вокалического сочетания.

Вопрос о статусе русских гласных [i] и [y]

§ 23. Р.И. Аванесов одним из первых осуществил системный подход при решении проблем звуковых изменений и рассмотрел связь между <у> (*ы*) и <и> (*и*) как результат утраты редуцированных гласных, формирования противопоставления согласных по твёрдости-мягкости и дефонологизации признака ряда у этих гласных. Было показано, что древнерусский язык до эпохи смягчения полумягких согласных представлял собой языковую систему, в которой звуки [i] и [y] функционировали как самостоятельные фонемы, а корреляция согласных по твёрдости-мягкости отсутствовала. Особая фонема <у> могла выступать в независимом фонетическом положении по отношению к <и>: именительный падеж мн. числа *stoli* и винительный падеж мн. числа *stoly* (орфографически *столи* — *столи*), то есть окончания именительного и винительного падежей мн. числа старого склонения на **ǫ* отличались друг от друга тем, что первое было представлено фонемой <и>, второе — фонемой <у>. В связи с действием закона открытого слога и уподоблением тембра смежных звуков внутри слога, сочетание согласного с гласным было унифицировано относительно высоты собственного тона, твёрдость-мягкость согласного и передний-непередний ряд гласного не могли быть изолированы друг от друга.

Р.И. Аванесов постулировал неразрывную связь признаков твёрдых-мягких согласных и передних-непередних гласных в древнерусском языке после вторичного смягчения полумягких согласных¹. На этой основе было доказано функциональное тождество <и-у>, <ь-ь>, <е-о>, <ä-a>. В эпоху силлабем в качестве различителей значения выступали не отдельные фонемы, а слоги в целом: «в слогах типа *ty-t'i*, *ry-r'i* и т. д. нельзя признать *у* и *и* разными фонемами, так как нельзя изолировать их от твёрдости или мягкости предшествующей согласной, когда к тому же в начале слова произносится только *и*. Но и наоборот: нельзя ещё признать разными фонемами твёрдые и мягкие согласные, так как и их нельзя изолировать от качества последующей гласной: слоги *ty-t'i* — одна из соотносительных пар «твёрдых» и «мягких» слогов в ряду других, ещё более тесно связанных пар»².

Когда, в результате падения редуцированных мягкие и твёрдые согласные стали самостоятельными фонемами, гласные [i] и [y], оказавшись во взаимоисключающих фонетических положениях, утратили возможность выполнять смыслоразличительную функцию. Поскольку в сочетаниях типа [ti] и [ty] такую функцию взяли на себя согласные, постольку [i] и [y] должны были превратиться в комбинаторные оттенки одной фонемы, обусловленные характером предшествующего согласного. И.А. Бодуэн де Куртенэ, а за ним и представители Московской фонологической школы считали, что [i] и [y] слились в одну фонему.

¹ На такие отношения впервые указал И.А. Бодуэн де Куртенэ (1870). Теория И.А. Бодуэна де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ И.А. Отрывки из лекций по фонетике и морфологии // Филологические записки. Вып. 2–3. Воронеж, 1882. С. 33–88) о противопоставлении мягких и твёрдых слогов была заново обоснована Р.О. Якобсоном (Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // Travaux du Cercle Linguistique du Prague. 2. Prague, 1929).

² Аванесов Р.И. Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *у* // Вестник Моск. ун-та. 1947. № 1. С. 48.

На изменение фонологического статуса фонем <і> и <у> указывают результаты их преобразований в фонологических системах разных славянских языков. В украинском, болгарском, сербском и других языках прежние [і] и [у] совпали функционально и материально. До сих пор последовательно различаются [і] и [у] в тех славянских языках, где категория твёрдости-мягкости согласных получила наибольшее развитие (например, польский и русский языки). В русском языке сохраняется различие между гласными [і] и [у]: *зима* – *зыбкий*, *синий* – *сын*, *дикий* – *дым*, *тина* – *тын*, *бил* – *был*, *пил* – *пыл*, *вил* – *выл*, *мил* – *мыл*, *нить* – *ныть*, *риск* – *рыскать*, *воды* – *лошади* и т. д. Утрачено различие между этими гласными после тех согласных, которые не различаются по твёрдости-мягкости. Согласные [š], [ž], [c] отвердели. Поэтому после них всегда найдём только [у]: *žyzn'* (орф. *жизнь*), *šyt'* (орф. *шить*), *otcy* (орф. *отцы*)¹.

Основанием для признания [і] и [у] вариациями единой фонемы является то, что звуки находятся в дополнительном распределении – [і] в начале слова, после мягких согласных, [у] после твёрдых согласных – и при этом они могут чередоваться в одних и тех же морфемах [u]грать – no[u]грать – c[ы]грать и т. п. Хотя в отношении необщепотребительных слов отмечается наличие самостоятельной фонемы <у> (ы). «Звук [ы] в абсолютно сильной позиции, т. е. под ударением в начале слова, бывает только в названии буквы ы и в производных от него узкоспециальных терминах *ыкать*, *ыканье*. В географических атласах можно встретить такие названия, как *Ыгыатта*, *Ыйсон*, *Ыныкчанский*, *Ытык-Кюэль* и другие с начальным безударным [ы]. На этом основании представители П(Л)ФШ выделяют фонему /ы/»².

Л.Л. Касаткин подчёркивает, что топонимы с начальным *Ы* не считаются словами русского языка, и по ним нельзя судить о русской фонетической системе. Что же касается названия буквы ы и слов *ыкать*, *ыканье*, то это термины, а у терминов своя фонетическая система. Фонема /ы/ имеется, «но только в фонетической подсистеме необщепотребительных слов. В фонетической системе общепотребительных слов пять гласных фонем: /u/, /э/, /o/, /a/, /y/»³.

Ленинградская фонологическая школа настаивает на самостоятельном фонологическом статусе [у], потому что наличие слов с начальным [у], таких как *ыкать* (противопоставленное *икать*), позволяет утверждать, что в системе гласных ещё сохраняется фонема <у>. По мнению Л.В. Щербы, процесс утраты фонематического различия гласных [і] и [у] не является завершённым до настоящего времени: «в результате целого ряда фонетических процессов «ы» ассоциировалось с фонемой «и» и оказалось относительно него в определённых фонетических условиях. Это вполне подготовило почву для окончательного слияния с «и», но последнее ещё не произошло, как это случилось, например, в чешском. Пережиточно «ы» сохраняет свою самостоятельность...»⁴. В другой работе Л.В. Щерба пишет: «Что касается ы, то это в значительной мере менее самостоятельная фонема, находящаяся в интимных отношениях с і, которого она является как бы оттенком. Происходит это потому, что ы никогда не употребляется в виде отдельного слова, никогда не стоит в начале слова и возможно лишь по-

¹ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. С. 274–276; Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 100; Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 128.

² Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006. С. 159–160.

³ Там же. С. 159–160.

⁴ Щерба Л.В. Теория русского письма / Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М., 2004. С. 229.

сле «твёрдых» согласных... Но ввиду того, что случаи, где со смысловой точки зрения *ы* и *и* являются тождественными, крайне немногочисленны — так как нет случаев чередования *ы* и *и* в корнях, в противоположность разным оттенкам *е* (*бѣлый* / *бѣль*), — то *ы* является всё-таки самостоятельной фонемой, хотя, может и не в той же мере, как *а*, *е*, *и*, *о*, *у*¹. Л.Р. Зиндер указывает на некоторые факторы, которые дополняют точку зрения Л.В. Щербы. Во-первых, [ы] и [и] самостоятельно используются в качестве названий соответствующих букв. Во-вторых, в последнее время гласный [ы] стал использоваться и в начале слов. Это имеет место в корейских географических наименованиях и в собственных именах (например, *Ымсон*, *Ыденну*). «Могут возразить, что это заимствованные слова, но симптоматично, что гласный [е] в них не заменяется гласным [и]»².

М.Б. Попов, признавая наличие в системе русского языка особой фонемы <у>, констатирует наличие дифференциального признака ряда у гласных, поскольку только одним признаком могут различаться <и> и <у>: «фонема <ы> выполняет своеобразную роль в системе гласных: она как бы «охраняет» ДП ряда, подчёркивает, что в системе русского вокализма признак ряда является фонемным»³.

Современные авторы продолжают решать спорный вопрос о статусе русских гласных [и] и [у], в истории которых отразилось переходное состояние, допускающее возможность двойкой фонологической трактовки. Л.Л. Касаткин отмечает обобщение основного вида гласной фонемы не только в фонетической позиции после непарных по твёрдости-мягкости согласных, но в фонологическом положении после любой единицы, не обладающей дифференциальным признаком твёрдость-мягкость: «В фонологическом смысле важным оказывается не то, после какого согласного звука, твёрдого или мягкого, выступает [ы] или [и], а то, после какой согласной фонемы выступает [ы] или [и] — после «твёрдой» или после «мягкой». После «твёрдых» фонем выступает [ы], а после «мягких» фонем — [и]. Кроме того, существует ещё положение начала слова и положение после согласных фонем, не обладающих дифференциальным признаком твёрдость/мягкость: <ш, ж, ч, ц, ј> и <к, г, х>. Оба эти положения представляют собой одну и ту же позицию, так как в указанном фонологическом смысле они едины: и в том, и в другом случае перед фонемой <и> стоит единица, не обладающая дифференциальным признаком «твёрдость/мягкость»... В третьей позиции, единой в фонологическом смысле, фонема <и> получала неединственное выражение. В большинстве случаев фонема <и> воплощалась в этой позиции в звуке [и], и только после фонем <к, г, х> она могла воплощаться в звуке [ы]. Это «столкновение» фонологии и фонетики разрешилось в пользу фонологии: в третьей позиции фонема <и> стала воплощаться в одном звуке: этим звуком стал [и], так как в большинстве случаев в этой позиции именно он воплощал фонему <и> ..., а звуки [к, г, х] заменились звуками [к'], [г'], [х'], так как перед звуком [и] могли быть только мягкие согласные звуки»⁴.

Таким образом, имеющиеся в науке решения вопроса о фонологическом статусе <у> продолжают развитие идей Р.И. Аванесова. Характер фонем <и> и <у> определяется

¹ Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. 2-е изд. Л., 1983. С. 50.

² Зиндер Л.Р. О звуковых изменениях // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 75–76. Сноска 2.

³ Попов М.Б. Некоторые соображения относительно фонематической самостоятельности [ы] в русском языке // Вестник СПб ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. СПб., 1999. Вып. 3. № 16. С. 49; Попов М.Б. Фонологические проблемы русского языка. Синхронический и диахронический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. С. 174.

⁴ Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 195–196.

в первую очередь качеством согласных: фонематическое противопоставление твёрдых и мягких согласных обуславливает реализацию гласных переднего ряда и гласных не-переднего ряда.

Гипотеза кнаклаутного изменения начального [i>y]

§ 24. На переход [i>y] в начале морфемы было обращено внимание уже в XIX в. А.Х. Востоков в «Русской грамматике» писал: «Гласная *ы*, составленная из *ѣи*, ибо при стечении полугласной *ѣ* с чистою гласною *и* слышен звук *ы*; напр. *объимемъ* произносится *обымемъ*; *въ иныхъ* — *выныхъ*; *безыскусный* — *безыскусный*; *поль имѣнія* — *полымѣнія*»¹. Появление [y] объяснялось слиянием двух гласных на стыке слов. Г.П. Павский отстаивал теорию еров как придыхательных звуков², П.И. Житецкий указал на особую роль звука *ѣ*, который давал гласному более твёрдое произношение, предохраняя его от смешения с йотированным *i*³.

Я.К. Грот объяснил сохранение ера в произношении физиологической необходимостью: «Каждый, отмеченный *ером* согласный, имеет именно тот звук, который он мог иметь перед широким гласным или перед приступом к их произношению... Что *ѣ* в произношении бесследно не исчезает, видно из того, что если непосредственно за словом, кончающимся на *ѣ*, произнести другое, начинающееся с *и*, то этот последний звук превращается в *ы*, напр. *идеть изъ* звучит как *идетызь*, *зналъ имя* как *зналымя*. Всего яснее это обнаруживается в предлогах *въ*, *съ*, *объ*, *подъ* и др.». Учёный обращает внимание на трудности русского произношения для западного европейца: «если б было справедливо (как часто утверждают), что русские согласные, отмеченные *ером*, звучат точно также, как согласные других европейских языков, то немцу было бы столь же естественно звук *и* последующего слова произносить как *и*, и «*er ist*» слышалось бы как: *эрысть*»⁴. Взгляды Я.К. Грота получают дальнейшее развитие.

В исследованиях А.И. Томсона переход переднего гласного в непередний ряд связывается с дифтонгическим характером [y]. А.И. Томсон пишет: «*ы* представляет дифтонг с постепенно повышающимся характерным тоном, вследствие постепенного укорочения резонатора»⁵; «Те условия, в которых является дифтонг *ы* в современном русском языке, заставляют предполагать, что дифтонгический характер его был унаследован из прежних эпох»⁶. Изменение начального [i>y] также объясняется влияни-

¹ Русская грамматика Александра Востокова. С. 344.

² Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка...

³ Житецкий П.И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876. С. 133.

⁴ Грот Я.К. Филологические разыскания, с. 257–258.

⁵ Томсон А.И. Фонетические этюды // Русский Филологический Вестник. Варшава. 1905. № 2. С. 239.

⁶ Там же. С. 245.

Учёный приводит следующие доказательства тому, что *ы* – это дифтонг: 1. Если *ы* растягивался при пении на несколько нот в виде *ы-и-и*, напр. *нѣинна*, *ѣдиноѣинисльно* кондакаръ XII в. (Соболевский, Лекции по ист. рус. яз. С. 43), то такое повторение было возможно только потому, что вторая часть дифтонга *ы* близка к *i*, особенно перед мягкими согласными, как в приведённых примерах... 2. О дифтонгическом характере древнего *ы* свидетельствует во Фрейзингенских отрывках написание как *tui* (*мы*), *bui* (*бы*), *buiti* (*быти*), рядом с *muzlite*, *zimizla* (*смысла*) и пр... 3. Благодаря дифтонгическому характеру звука *ы*, из стяжения *добрыми*, *добрыхъ* и пр. могло получиться *добрыми*, *добрыхъ* (Томсон А.И. Фонетические этюды. С. 245).

Этот звук передавался сложным начертанием **ѣи**: «Дело в том, что *ѣ* обозначал звук, близкий акустически к тому звуку, который составлял первую, слоговую часть дифтонга *ы* ... Что же касается второй, неслоговой части дифтонга *ы*, то и теперь слышится звук, близкий к *i*, когда произносят «*мыло*, *сыро*, *были*, *нынѣ*» и пр.

ем редуцированного: «конечный *ѣ* с начальным *и* следующего слова сливаются в звук *ы*, который в древнерусском сохранял ещё лучше свой дифтонгический характер *ѣи*, напр. *вы имя, в ыную, подыскать* и пр., а теперь и в неударенном положении обыкновенно представляет лишь одно промежуточное положение прежнего дифтонга, напр. в *человек ызвестный, тут ызьян, из ызбы, горох ы пшеницу, лоб ысцарапан* и т. д., не будь здесь конечной установки для *ѣ*, не было бы никакого затруднения в приспособлении согласных *к, т, х, п* и пр. к следующему *и* и в чистом произношении его»¹.

А.И. Томсон, видя в [у] результат слияния [ѣ] с [i], не объясняет, почему такое слияние не происходило раньше, что сдерживало процесс изменения [i>у].

М.А. Колосов, критикуя взгляды Г.П. Павского и П.И. Житецкого, считал, что формы *обыграть, сыграть* развились из форм, в которых редуцированный уже исчез, то есть не из *обѣ+играть, сѣ+искать*, а из *об+играть, с+искать*. Учёный делает весьма важное замечание: «В результате же сложения слов, заканчивающихся на *ѣ*, со словами, начинающимися с *и, ы* не является»². Этой точки зрения в дальнейшем будет придерживаться А.А. Шахматов.

А.А. Шахматов приводит большое количество примеров из различных памятников письменности: *ѣстѣвѣкѣ* Риж. Гр. ок. 1300, в *ѣстѣвѣкѣ* Ипат. 1866, в *ѣноюю землю* Гр. ок. 1230, в *ѣнѣ законѣ* Лавр. 72, в *ѣливерѣ* (ib. 5), в *ѣноѣ земли* Гр. 1189–1199 (сп. ок. 1263), из *ѣного* Гр. 1391–1425 (А. Кал. I № 31), с *ѣгүменом* Гр. 1433 (А. Кал. I № 31), с *ѣстокуѣ* Гр. 1432–43 (Г. Др. I, р. IV, № 5), с *ѣноюю* Гр. 1490 (А. Кал. II № 156, 160), без *ѣсправѣ* Гр. 1462–63 (А. Кал. I № 31), в *ѣвановское* XVI в. (Русск. Дост. II, 78), в *ѣстиннѣ вѣростѣ* Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в., 63а, в *ѣрода лиѣсто* Рум. ев. XIV в. № 8, 18 в, с *ѣви* Дв. XV в. № 27, с *ѣвашомѣ* Дв. XV в. № 18, в *ѣнѣ городѣ* Гр. 1229 (D), в *ѣпѣвѣ* Гр. 1442–43 (С.М. № 32–376), в *ѣконниѣ* Гр. 1525–62 (С. М. 35–298), *ѣсаина мѣкѣ на еѣ* Межев. XV в. (П. Б.) и др.³ Случаи подобного изменения возникали, по мнению А.А. Шахматова, при встрече конечной твёрдой согласной одного слова с гласною *i* в начале следующего слова; «результатом такой встречи должно было бы быть смягчение согласной; но влияние аналогии могло удержать её твёрдость, и это имело следствием переход *i* в *у*: *s iуу* переходило в *s ууу*. Соединение *s iуу* могло в свою очередь иметь двоякое происхождение: *s ѣ iуу* и *s ѣ iуу*; второе сочетание заменяло первое при большем сближении предлога со следующим словом...; вследствие закона об утрате полукратких оба сочетания изменялись в *s iуу*»⁴. Но и для этого объясне-

Конечно, настоящего *i* в этом дифтонге нет и никогда не было, а есть лишь особый звук, отличный от всех отдельных звуков, какое-то глухое *e* или *i*, и за этим звуком перед известными согласными следует более высокий переходный звук (*glide*). Но, как известно, в большинстве языков напр. дифтонги *ae*, *ee* (*e* открытое + *e* закрытое неслоговое) пишутся *ai*, *ei*, и это потому, что такое звукопредставление воспринимается слухом скорее как *aj*, *ej*. Отсюда понятно, что дифтонг *ы* естественно обозначался буквами *ѣи* (*ѣи*)» (Томсон А.И. Фонетические этюды. С. 247–248; см. также Томсон А.И. Общее языковедение. 2-е изд. Одесса, 1910. С. 163, 239, 240).

О неоднородной артикуляции звука [ѣи] в современном русском языке, о том, что [ѣи] представляет собой дифтонг [ѣи], пишет С.С. Высотский (Высотский С.С. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонетического строя говоров, с. 98–109). На дифтонгический характер «ѣи» указывает Л.В. Бондарко (Бондарко Л.В. Фонетика современного русского литературного языка. СПб., 1998. С. 114).

Можно сравнить усвоение и передачу звука [ѣи] в записях иностранца Ричарда Джемса: в большинстве случаев звук [ѣи] воспринимался им как дифтонг [ui, уу, uee]: *тиу, виее, буис, мuis, пуил, муила* и т. п. (Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619). С. 23–25).

¹ Томсон А.И. Исчезли ли конечные звуки *ѣ* и *ь* в русском языке // Учён. зап. высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. 2. Одесса, 1922. С. 12.

² Колосов М.А. Загадочные звуки в истории Русского языка. Варшава, 1876. С. 10.

³ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 281–282.

⁴ Там же. С. 281.

ния остаётся нерешённым вопрос, мог ли принцип аналогии служить сдерживающим фактором сохранения твёрдости согласного при слиянии с гласным переднего ряда?

В некоторых орфографических правилах находит отражение «сдерживающий фактор» — буква ъ, которая препятствует сближению произношения предлогов-приставок со словом. Было отмечено, что ъ употребляется в середине словоформы перед гласными не только в случае их «йотированности» (*въездъ, подъемный, объявление*), но и перед «нейотированными» гласными после приставки на согласную в словах *сыграть, предъидущий, сызнова, сзужение, сумѣть* (с бытовавшими разговорными формами *предыдущий, сызнова, сужение*) и в сложных словах типа *трехъ-аршинный, четырехъ-этажный*¹.

Написания с буквой *ы* не приветствовались, Г.П. Павский отмечал: «От слияния ъ с *и* происходит здесь звук, подобный букве *ы*. Наприм. слова: *сыщу, сызнова, изъ игры* и т. п. выговаривают так, как будто бы написано было: *сыщу, сызнова, изыгры*. Многие и пишут: *сыщу, сызнова, розыск, обыск*, но такой образ писания нельзя назвать правописанием»².

Устная и письменная формы языка неразрывно связаны друг с другом, хотя и обладают при этом своими индивидуальными особенностями. В случае изменения начального [*i>у*] орфография, вероятно, становится обусловленной произношением: «Начальный гласный *и*, оказавшись после выпадения ъ в непосредственном соседстве с предшествующим твёрдым согласным, с XIII—XIV вв. стал вытесняться гласным *ы*. В современном русском литературном произношении сюда относятся такие случаи, как: *с ыгóлкой, вы'збу, от ы'м'ьн'и*; также: *розыгрыш, отыскáт'* и пр. По правилам нашей орфографии такое *ы* в письменном языке допускается только внутри слова, в словах с приставками: *розыгрыш, сыграть, отыскать*... В старой письменности этого правила ещё не существовало, и написание *ы* вместо *и* там встречается не только после приставок, но и после предлогов... Условия этого изменения пока ещё не выяснены»³.

А.А. Потёбня не мог дать чёткого определения своеобразному звучанию, которое возникает на стыке морфем, особенно между предлогом и словом с вокалическим началом: «Мне кажется верным, что мы *слухом* различаем *съ Анной* (*с Анной*) и *санной, съ ума* и *сума, изъ устѣ* и *изустный, разѣ огрѣть* и *разогрѣть*. Есть ли это глухой звук? И да, и нет. Да, в смысле того минимума гласности, без которого согласная эксплозивная на конце не могла бы быть произнесена; нет — в смысле глухого, образующего слог»⁴.

Вопрос о том, как интерпретировать слоговую структуру таких пар фонематических слов, как *Кире — к Ире* и *Виталию — в Италию*, долго оставался открытым. Р.И. Аванесов указал, что при слитном произношении слова с начальным [*и*] «с пред-

¹ Русская грамматика Александра Востокова. С. 370; Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852. С. 409.

Ф.И. Буслаев обратил внимание на следующее: «В правописании принято удерживать ъ и посреди слов, именно сложных, пред гласным звуком, когда этим последним начинается вторая часть сложного предложения: напр., *предъ-идущий, съ-умѣть, подѣ-емлю*. Впрочем это правило не во всех случаях наблюдается, именно: в предлоге *съ* принято удерживать ъ перед гласными, как твёрдыми, так и мягкими; напр., *съумѣть, сзужить, сыграть* и проч.; в прочих же предлогах ъ удерживается только перед мягкими гласными; поэтому пишут, напр., *изъявить, отыграть, разыграть* и проч. и *изустно, отучать, разумъ* и проч.» (Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1863. Ч. 1–2. С. 45–46).

² Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. С. 125.

³ Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для педагогических институтов. 2-е изд. М., 1954. С. 112.

⁴ Потёбня А.А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». Киев, 1876 // Записки Императорской Академии наук. Прил. к XXXIII. СПб., 1879 (отдельный оттиск). С. 61.

шествующим словом, кончающимся на твёрдый согласный, произносится [ы], причём сохраняется твёрдость предшествующего согласного ... Таким образом, *Виталию* и *в Италию*, *Кире* и *к Ире* произносятся не одинаково»¹. Этот же момент слитного, без пауз произнесения соседних слогов подчёркивает А.Н. Гвоздев: «*сто́ныр'и́ны* является омонимом (*стон Рины*, *стон Ирины*), чего нет в произношении *сто́н/Ир'и́ны* (только *стон Ирины*); таким образом, в конце слова после твёрдых согласных возможно только неменяющееся *ы*, а в начале слова *ы*, чередующееся после паузы с *и*»². Противоречиво решает вопрос А.А. Реформатский, по его мнению, в случае [*к Ире* – *Кире*] «состав фонем тот же», «А всё-таки *к Ире* и *Кире* различаются!»³.

Точное современное осмысление этому явлению дал С.С. Высотский, указавший, что с помощью смычно-гортанного согласного «разъединяются сочетания некоторых звуков при возможных проявлениях сандхи, что вызывается определёнными условиями ритмико-мелодического построения фразы. В частности, большая результативность названного явления обнаруживается при сандхи твёрдого согласного с последующим [и], благодаря чему возникают просодические вариации таких словоформ, как *во[ты]менно* и *во[т?и]менно* (где между эксплозивным [т] и [и] оказывается «прокладка» – смычно-гортанный согласный). Выбор этих вариаций может зависеть от оттенков значения или от стилистической установки речи»⁴.

Кога Йосиаки связывает развитие старославянской графемы-фонемы <ѣ> с реализацией кнаклаута в вокалическом начале слова. В кириллической письменности графема писалась как *ѣи*, представляя собой лигатуру, соединявшую <ѣ> и <и> или <и>. Если <ѣ> – это нелабиализованная редуцированная (сверхкраткая) фонема заднего ряда среднего подъёма, то по трактовке Кога Йосиаки, применительно к современному русскому языку отступ велярного (т. е. заднеязычного) полугласного приписывается кнаклауту, а название буквы *ы* может быть фонематически обозначено как [ʔi]⁵.

В дальнейшем в исследованиях И.Г. Добродомова было выдвинуто положение о том, что гласный переднего ряда может сдвигаться назад [i>у] под влиянием гортанного смычного согласного. По мнению учёного, этот согласный в идеальном произношении обозначался буквой ѣ, в беглом произношении гортанная смычка сливалась с гласным [i], вызывая изменение в [у]: *въ иныхъ* – *выныхъ*⁶. Л.А. Щербакова, изучая функционирование [ʔ] в современном русском языке, подчеркнула, что в полном стиле произношения (где существует необходимость смыслоразличения) и в разговорном стиле (где нет такой необходимости) гортанный смычный согласный проявляет себя по-разному: в тщательной речи звук [ʔ] функционирует в пределах фонетического слова – между предлогом и знаменательным словом: *к[ʔ]Ире*; в беглой речи гортанная смычка исчезает, изменяя качество гласного *к Ире* – [*кы*]ре⁷.

¹ Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984. С. 143–144.

² Гвоздев А.Н. К вопросу о системе фонем современного русского литературного языка // Избр. работы по орфографии и фонетике. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 101.

³ Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. С. 482.

⁴ Высотский С.С. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонетического строя говоров. С. 125.

⁵ Кога Йосиаки, Современный русский вокализм: Структурная интерпретация [i] и [i] // *Slavic culture studies*, 2001. V. 1. S. 114.

⁶ Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 36–52; Добродомов И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 15–24.

⁷ Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке. С. 85–86, 89–91.

Таким образом, на материале современного русского языка изменение начального [i] в [y] получило новое объяснение. Существование в русском языке гортанной смычки в начале морфемы хорошо объясняет механизм совпадения фонем <i> и <y> в истории русского языка. Гортанный смычный необходим между предлогом на согласный и начальным [i] для того, чтобы предохранить конечный согласный от смягчения, а фонему <i> от изменения в [y]: *поставить точки над[?]и, к[?]Ире*. Слияние гортанного смычного согласного с гласным [i] закрепились в правописании: *сыграть*.

Предложно-приставочные формы с [i – y]

§ 25. Предложенный И.Г. Добродомовым и Е.А. Щербаковой механизм кнаклаутного перехода переднего гласного в задний ряд нуждается в уточнении. Обратим внимание на связь этого процесса с падением редуцированных гласных. До падения еров согласный изменял своё качество перед гласным, и существовала неразрывная связь гласного с качеством предшествующего согласного: [i] после мягкого согласного, [y] после твёрдого; начальный [i] сопровождался, по А.А. Шахматову, *i̇ (j), который затем исчезал перед *i* и *ѣ*.

После падения редуцированных сочетание «твёрдый согласный + I» на стыке слов и морфем изменяется в другом направлении. С одной стороны, следует учитывать тот факт, что утрата конечных редуцированных не была абсолютной. В идеальном (полном) стиле произношения¹ на стыке слов на месте слабых редуцированных сохранялись их следы в виде гортанной смычки, благодаря которой осуществлялось разграничение форм *предъ[?]идуший, съ[?]играть* и т. п. Гортанный смычный согласный на стыке слов и морфем предохранял как предшествующий согласный, так и последующий гласный от изменений.

С другой стороны, звук, образованный смычно-гортанной артикуляцией, характеризуется заметно пониженным тембром, за счёт этого звука происходит отмеченное И.А. Бодуэном де Куртенэ «сильное опущение кадыка и особое приближение языка к нёбу, характеризующее гласный у(ы). Гласный у(ы) является здесь ... только своеобразным изменением гласного i, и именно видоизменением, совершенно исключающим возможность сужения надставной трубы между нёбом и верхней поверхностью языка»². Изменение в оформлении звукового потока привело к слиянию гортанного смычного согласного с [i], который передвинул передний гласный в непредний ряд [i>y: *выну́ју*], поэтому согласный предлога-приставки сохранил своё качество (а не под влиянием фактора аналогии, по А.А. Шахматову). Так возникло слитное произношение соседствующих звуков, которое нашло широкое отражение в грамотах: *изъ тыноѣ земли* (Смол. гр. 1229 г.), *с тыстѣю – от Истыга* (Дух. гр. Дм. Донск. 1289 г.), *с тывано*³ (Гр. Ивана III 1461–1462 гг. в сп. конца XV в.)³.

¹ А.А. Потебня (Потебня А.А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». С. 61), Е.Д. Поливанов (Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928. Цит. по: Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 90), А.М. Сухотин в комментариях к книге Э. Сепира (Сепир Э. Язык. М.–Л., 1934. С. 185–186) отмечали проявление гортанного смычного согласного на стыке предлога-приставки с вокалическим началом следующей морфемы в идеальном (полном) стиле произношения, а Н.С. Трубецкой, характеризуя беглый стиль произношения, указывал на утрату гортанной смычки в этой позиции (Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 2000. С. 185–186).

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Отрывки из лекций по фонетике и морфологии // Филологические записки. Вып. 2–3. Воронеж, 1882. С. 55.

³ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 128.

Простонародное беглое произношение (при нём факультативный звук [ʔ] не выполняет разграничительной функции, но вызывает изменение начального гласного) в дальнейшем закрепляется на письме, поэтому при отсутствии гортанного смычного согласного необходимость в использовании на письме еров отпадает: *сѣиграть* → *сыграть*.

В памятниках книжнославянского содержания А.А. Шахматов, П.С. Кузнецов переход начального [i>y] не отмечают, но в Архангельском Ев. 1092 г.— **вѣ** **имѣ** (15 об., 19 об., 33, 126 об., 130, 156 об.), **вѣ** **истинуѣ** (1 об.), **вѣ** **истиньнѣмѣ** (66)¹ формы [ѣ+j>ѣ] перед [и] появились благодаря [j].

Таким образом, при слитном, без паузы, произношении соседних слов гортанный смычный ассимилируется с гласным переднего ряда, сдвигая его назад, в русском языке появляется [ѣ] на месте [и] в формах — *в [ѣ]нѣю, человек [ѣ]звѣстный, тут [ѣ]зѣян, из [ѣ]збѣ, горох [ѣ] пшеницу, под[ѣ]скѣть* и др. В приставочных образованиях [ѣ] передаётся на письме. Падение редуцированных гласных приводит к закреплению на письме беглого (простонародного) произношения, при котором факультативный гортанный смычный согласный не выполняет разграничительной функции, но, сливаясь с передним гласным, вызывает его изменение в непредний ряд [i>y].

Значение [ʔ] для перехода [e>o] в начале слова

§ 26. Известно, что в большинстве славянских языков в начале слов перед *e появляется [j] (*jevinъ* и под.), затем происходит отпадение [j] (*evinъ*) и далее развивается [o] (*ovinъ*). Памятники письменности, которые в основном правильно употребляют букву *ѣ*, отражают написание *ѣ* и *о* в начале слова: **ѣ****лико**, **ѣ****дин-** (Чуд. пс. XI в.); **ѣ****ленѣ** (256), **ѣ****динѣ** (40β), **ѣ****лико** (30β) (XIII Сл. Г. Бог.); **ѣ****лико** (119), **ѣ****лишьдѣ** (153), **ѣ****лькратѣ** (153) и др. (Христ. Ап.) и **ѣ****дин** (XIII Сл. Г. Бог. 203δ), **ѣ****динѣ** (Арх. Ев. 96а, 101б; Ж. Феод. XII в.; Ж. Бор. и Гл. XII в.), **ѣ****дино** (Христ. Ап. 181), **ѣ****лико** (Толк. Ап. 1220 г.), **ѣ****лишьдѣ** (Син. Пат. Св. и З. № 85, с. 104), **ѣ****сень** (Новг. 1-я по Син. сп. под 1069 г.), **ѣ****лень** (Поуч. Влад. Мон. Лавр.), **ѣ****о ѡвиномѣ** (Новг. 1-я по Комм. сп. 461), **ѣ****се** (Ипат. 295а) и др.²

Исследователи отмечают, что объяснить переход начального [e>o] трудно. Так, А.И. Соболевский полагал, что в этом явлении отразилось не фонетическое изменение, а старое индоевропейское чередование корневых гласных *e/o³. А.А. Шахматов отрицательно относился к попытке видеть в русских формах с [o] вместо [e] результат обычного индоевропейского чередования звуков⁴. П.С. Кузнецов с осторожностью допускал в изменении [e>o] диссимиляцию к последующему переднему гласному и подчёркивал: «во-первых, диссимиляция представляет собой сравнительно редкое явление; во-вторых, отношения начальных *je-*, *o-* в одних и тех же корнях на почве различных славянских языков (в том числе и русского) не вполне ясны»⁵. Близко

¹ Соколова М.А. К истории русского языка в XI в. // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т. 3. Кн. 1. Л., 1930. С. 112.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 139–140.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 31–33.

⁴ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 140.

⁵ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 77.

И.Г. Добродомов первоначально придерживался традиционной точки зрения и рассматривал переход [e>o] в начале слова как результат диссимиляции перед слогом с гласным переднего ряда (Добродомов И.Г. О переходах *e* в *o* в русском языке. С. 172–181). В настоящем пособии отражён его новый взгляд на это явление как результат воздействия глухого гортанного смычного согласного.

подошёл к решению проблемы Н.Н. Дурново, который ещё в 1924 году заметил, что ничего по соседству не могло вызвать лабиализацию [e]: «Необычность начального *e* состояла только в отсутствии палатального начала. И я думаю, что это обстоятельство могло вызвать непосредственно не лабиализацию *e*, а передвижение артикуляции назад, к среднему ряду, и уже после этого лабиализацию получившегося звука среднего ряда, т. е. *e > ə > o > o*»¹.

Опираясь на гипотезу о роли [ʔ] в изменении начального [i > y], можно предложить новое решение проблемы перехода <*e > o*> в начале слова (*единъ > одинъ*, *есень > осень*, *елень > олень*). Причиной такого перехода было не просто отсутствие палатального начала, а *анлаутное присутствие глухого гортанного смычного согласного*. Звук, образованный смычно-гортанной артикуляцией, отличался заметно пониженным тембром, благодаря которому, при слитном произношении смежных звуков, осуществлялось передвижение [e] в переднюю зону образования.

Гортанный смычный согласный мог заменяться близкими по образованию звуками. Лабиализованные гласные заднего ряда получали придыхание *h*: общеслав. *ho*, например в **hostrovъ*, **hosina*; *hō*, например в **hōsъ*, **hōtъ*, **hōvъca*; *hu* в словах **humъ*, **huliца*, **huroкъ*, **hučiti*; *hφ* в словах **hφsy*, **hφzъkъ*, **hφda*². При *jedinъ* в общеславянском языке существовало и *hedinъ*, *hedъnъ*, откуда словенское *edən*, *edin*; но в русском языке *hedinъ*, *hedъnъ* могло бы дать только *edinъ*, *edъnъ*, так как при отсутствии начального [j] глухой согласный вызывал изменение <*e > o*> *odinъ*³.

Кроме начального [e] в словах, перешедших с таким звуком из о.-сл. языка, в русском языке изменился в [o] и тот начальный [e], который был в словах, заимствованных из других языков: *Ольга* (сканд. *Helga*, но у Константина Багрянородного: **Ελγα*), *Олёна* (**Ελένη*), *Остан* (Εὐστάσιος), *Овдомя* (Εὐδοκία), *Офимья* (Εὐφημία), *Офрем* (**Εφραϊμ*), *октенья* (ἐκτενία), *опитемья* (ἐπιτιμία), *олея* (ἔλαιον), *Олизар* (**Ελεαζάρος*), *Олисеи* (**Ελισσαίος*), *Овсей* (Εὐσέβιος), также в Панд. Ант. — *оклисиастъ*, *оксапсалмъ*, в Уставе XI в. — *октенига*, в Ефр. Кормчей — *омилиганъ*, *оврѣомъ*, *окропнискоу*, *ольпидию*, *встиръ*, *оликесеи*, *овионѣи* и др.⁴

В церковном чтении [e] в начале слова в греческих словах сохранялся, по мнению исследователей, ещё в XII в., например, *евангелие*, *елинии*, *Египтъ*, *Елисаевоъ*, и только в середине слов (*архиереи*, *Иероусалимъ*, *иереи*, *Нееманъ*, *детии*, *въ виФлеими*, *незакели* и т. п.) появлялся [o] по требованию «живого произношения»: *ВиФлеомъ*, *въ геону*, *Иосѣ* (2-й поч. Арх. Ев.)⁵. «Из этих примеров, представляющих слова, в которых *o* из *e* нельзя объяснить живой традицией, видно, что закон об изменении начального *e* в *o* для

¹ Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. С. 527.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 57.

³ Наблюдения Н.Н. Дурново над поведением начального [e] в разных славянских языках (например: ст.-сл. *ЕЛЕНЬ* и *ЮЛЕНЬ*, с.-х. *jelen*, слов. *jelen*, ч. *jelen*, п. *jelen*, н.-л. *jelen* и *heleñ*, русск. *олень*; ц.-сл. *ЮСЕНЬ*, с.-х. *jesen*, ч. *jesen* и *jeseñ*, п. *jesieñ*, др.-р. *осень*, в.-р. *осень*, м.-р. *osieñ* и др.) позволило ему сделать вывод: наличие в разных славянских языках трёх произношений (не считая позднейших изменений) начального слога «должна объясняться как видоизменения одного и того же первоначального произношения. Таким произношением могло быть или *e*, сохранившееся в начале слов при каких-то условиях в одних говорах о.-сл. яз. и получившее йотацию в других говорах, или *je*, утратившее йотацию в одних говорах и сохранившее её в других. И в том, и в другом случае с.-х., слов., ч., в.-л., п. *je* восходит к о.-сл. эпохе, р. *o* и н.-л. *he* получились из первоначального *e*» (Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. С. 520–521).

⁴ Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. С. 505–507; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 111.

⁵ Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. С. 497; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 147.

писцов конца XI в. был ещё живым законом и что церковное произношение с начальным *e* их затрудняло, в середине же слов после *e* оказывалось ещё труднее. Позднее начальное *e* в церковном чтении, как несвойственное живому языку, который вовсе не знал начального *e* или знал его только в немногих указательных и частичных словах, было заменено сочетанием *je*, что у русских произошло, по-видимому, в XIII в. В живом же русском языке во всех греческих словах, усвоенных русским языком до XIII в. и известных вне церковно-литературного употребления, ... начальное *e* заменилось через *o*»¹.

Заметим, что заимствованные слова отразили фонетическое явление [*e > o*] в начале и в середине слова в положении после гласного «в чистом виде» (для некоторых русских по происхождению слов нельзя дать однозначного толкования этому процессу).

Таким образом, глухой гортанный смычный согласный [ʔ] не только предваряет неприкрытую гласную, но является причиной изменения [*e > o*] в начале слова: *jevīnъ > evīnъ > ovīnъ*. Благодаря процессу ассимиляции этого согласного с начальным гласным и происходит переход [*e > o*] *олень, один*, аналогично в заимствованиях из греческого *Овдотыа, оліі*, в середине слова после гласного *Иерданъ, Иерданъ, Иордан* (Синайский Патерик XI в.).

Хронологические рамки перехода начального [e] в [o]

§ 27. А.А. Шахматов вслед за Ф.Ф. Фортунатовым указал на то, что нет достаточных оснований переносить закон об отпадении [ʃ] в начальном сочетании [ʃe] в общеславянскую эпоху, хотя и встречаются однородные явления в некоторых славянских языках, «но вероятно думать, что они развивались здесь в каждом из этих языков самостоятельно». По какой причине произошло отпадение [ʃ] перед [e] с последующим переходом [*e > o*] на русской почве, по мнению А.А. Шахматова, неизвестно, но наблюдения показали, что «явление перехода начального *e* в *ö* (откуда и *o*) имело место до утраты начального *h* перед *e*; вот почему *e* в *heto* не подверглось переходу в *ö—o*, и мы имеем в великор. *это*, не *ото*»².

Известны случаи самой ранней фиксации этого явления: «Наличие *o* из начального *e* уже в Син. Патерике и Изборнике 1076 г. показывает, что к этому времени начальное *e* в русском яз. уже изменилось в *o*. В то же время такие слова, как *оклисиастъ, оксапсалиъ, опорькистъ, Опикоуръ* и т. п., в памятниках конца XI и XII вв. свидетельствуют о том, что в то время, когда писались эти памятники или их оригиналы, закон об изменении начального *e* в *o* был настолько живой, что захватывал и слова, только что заимствованные из греческого яз. и не успевшие войти во всеобщее употребление. Когда этот закон возник, мы установить не можем»³.

Физиологическое осмысление этой проблемы указывает на связь описанного явления с действием закона открытого слога. Поддержать переход начального [*e > o*] могли просодические изменения, обусловленные перестройкой слога. Было замечено, что начальное придыхание и [ʃ] определены ударением — на начальном и конечном слоге. Если ударение отмечалось на первом слоге, то перед [e] развивалось придыхание *ešče, eda, edva* (которое отпадало позднее, с развитием начального [ʃ]), если слова употре-

¹ Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. С. 505.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 142. Прим. 5.

³ Дурново Н.Н. Указ. соч. С. 533.

блялись с ударением на других слогах, то перед начальным [e] возникли [i] и [j]: *ješče, jeda, jedva*. Позднее варианты с начальным [e] (*he*) и [je] могли влиять друг на друга¹.

Ср.: в большинстве русских слов под влиянием гортанного смычного согласного звук [o] появился в ударном положении *óвинъ — по^а ѡвиномъ* (Новг. 1-я по Комм. сп. 461); *óсень — осень* (Новг. 1-я по Син. сп.); *олень — ѡлень* (Поуч. Влад. Мон. Лавр.), укр. *óлень, óленок* (род бабочек) и рус. *óлень* (Мезень К. 253, Петрозаводск); *одинъ — въ ѡдинъи на десѣте часъ* (Изб. 1076 г.), контаминированные формы в укр. *въ ёдынъ* (Неж. Малинин), *ёдино* (Новг. Колосов), *не йодне весилле* (Кролев.), *ёдножды* (Вологод. Бажен.); *олико — ѡлико* (Кормч. 1282 г.); *осе — ѡсе* (Ипат. 295а)².

Описанный механизм действия начального [e > o] подтверждают диалектные материалы. Р.Ф. Пауфошима показала, что в современных говорах Харовского района Вологодской области начальный [o] под ударением произносится с гортанной смычкой [ʔ]: «Этот консонантный элемент может рассматриваться как заместитель древнего высокого тона или как след прежнего нисходящего ударения»³. Также известно наблюдение Л.Л. Васильева: древнее противопоставление по тону (o под нисходящим или под восходящим ударением) трансформировалось в противопоставление по тембру начальных слогов с консонантными протезами [ʔo – во] – [ʔól'га, ʔókна, ʔókун', ʔóлово – вол'х'а, вóсна, вóбла, вóстрый, вóтч'им]⁴.

Протетический [в] широко представлен в положении перед ударными гласными [o] и [y] в говорах юго-западного ареала в словах: *óсень, óкна, óстрый, О'льга, óчередь, óзимь, óвцы, óкунь, óблако, óсна, óсы; úтка, úлица, úтро, úчит, úши, ум (úмный), úзкий (úже), úгол, úжин, úголь*. Наличие протетического согласного наблюдается и перед начальным безударным гласным: [вó]кна – из [ва]кón, [вó]кунь – [ва]кунéй, [вú]чат – [ву]чítель, [вú]тка – [ву]тjят, также [ва]нjать, [ва]сúна, [ва]бédать, [ва]тéць, [w wa]бúде, с [уъ]купáци, [ву]сáдьбу, на [ву]чét, [ву]хá, [ву]краíны, [wu]кúс, на [ву]чáстке, [wu]бúли и др. Перед другими гласными протетический согласный также отмечается, но реже: [вá]вгуста, кул[вá]рмии (около армии), [w wá]рмии, [ва]ртúстка, [вá]вгуста, [ви]кóна, за [вé]льбой (зá Эльбой)⁵.

К вторичным образованиям относятся в русском языке формы, появившиеся под новоакутовой интонацией: *Вольга Святославгович* (Г. 436), *Вастрахань* (ib. 926, 684 – *Острахань* 705)⁶; *вóлху* (в Правой и Разъезжей гр. 1563 г., Ркп. Ряз. архива № 7, совр.

¹ Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды. Т. 2; Дурново Н.Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. С. 532.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 139; Колесов В.В. История русского ударения. Л., 1972. С. 98–100, 168–170, 178, 179.

На отношения между восходящим тоном и гортанной смычкой указывают экспериментально-фонетические данные, согласно которым увеличение высоты тона непосредственно связано с усилением напряжения голосовых связок и подгортанного давления. Восходящий тон, сопровождающий гортанную смычку, становится фонологически существенным в связи с исчезновением гортанной смычки. Вяч. Вс. Иванов подчёркивает, что в балто-славянских языках восходящий тон возводится к конечному гортанному смычному (именно к гортанной смычке, а не к гортанному или ларингальному спиранту) (Иванов Вяч. Вс. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонемами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975. С. 43–44).

³ Пауфошима Р.Ф. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 101; Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. С. 35.

⁴ Васильев Л.Л. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. С. 217.

⁵ Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Вступ. статьи. Справ. материалы. Фонетика. М., 1986. С. 161.

⁶ Колосов М.А. Материал для характеристики северновеликорусского наречия. Варшава, 1874. С. 26.

рязанск. *воляшник*), *Судь во́пчей* (Собр. Гос. Гр. и Дого. I, № 127, Догов. Гр. в. к. рязанского Ив. Вас. с братом, 1496 г.)¹.

Если рассматривать переход [e > o] в начале слова, с точки зрения роли гортанного смычного согласного, то обнаруживается связь этого изменения с действием закона открытого слога. Поддержать переход начального [e > o] могли просодические изменения, обусловленные перестройкой слога. Начальное придыхание и [j] определены ударением – на начальном и конечном слоге. Если ударение появлялось на первом слоге, то перед [e] развивалось придыхание *ešče, eda, edva* (которое отпадало позднее, с развитием начального [j]), если слова употреблялись с ударением на других слогах, то перед начальным [e] возникали [i] и [j]: *ješče, jeda, jedva*. Позднее варианты с начальным [e] (*he*) и [je] могли влиять друг на друга: в некоторых словах под влиянием кнаклаута [o] развился в ударном положении *óвинь, óсень*, укр. *óлень, óленок* (род бабочек) и русск. *óлень, óлико, óсе*.

Материал архаических говоров указывает на то, что древнее противопоставление по тону сменилось противопоставлением по тембру начальных слогов с согласными вставками.

Таким образом, спорный вопрос о наличии русского начального [o] в соответствии со старославянским [je] получил новое объяснение. Появление произносительного варианта [o]: *одинъ, олень* (при *единъ, елень, еда, юдинъ, юлень, юда*) – обусловлено влиянием гортанного смычного согласного. Произношение *Евангелие, еврей, епископ, Египет, Евгений, Евграф, Епифан, Ефим* и т. п. с начальным [j], очевидно, появилось позднее и было связано с книжной манерой, неизвестной ещё писцам XI и начала XII в., читать начальный [e] в греческих словах как [je].

Развитие описанного явления связано с действием закона открытого слога, при этом переход начального [e > o] поддерживался просодическими изменениями, которые были обусловлены перестройкой слога.

Вопросы для повторения

1. Как представлена в лингвистической науке история изучения гортанного смычного согласного?
2. Каковы условия функционирования [ʔ] в современном русском языке?
3. Как проявлял себя гортанный смычный согласный на праславянском этапе развития?
4. Как реализуется гортанный смычный согласный в русской диалектной речи?
5. Какими способами в русском языке устраняется соседство нескольких гласных в слове?
6. Как в лингвистической науке решается вопрос о статусе русских гласных [u] и [ʏ]?
7. Что является основанием для признания [u] и [ʏ] вариациями единой фонемы?
8. Какие аргументы приводит Санкт-Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа, настаивая на самостоятельном фонологическом статусе [ʏ]?
9. Как в XIX–XX вв. учёные объясняли появление [ʏ < u] на стыке слов и морфем?
10. В чем сущность гипотезы кнаклаутного перехода [u] в [ʏ]?
11. Как связан переход [u] в [ʏ] с падением редуцированных гласных?

¹ Будде Е.Ф. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора. Варшава, 1892.

12. Как в лингвистической науке решался вопрос о переходе начального [e>o]?
13. В чем сущность гипотезы о роли гортанного смычного согласного в изменении начального [e>o]?
14. Каков механизм действия начального [e>o]?
15. Каковы хронологические рамки перехода начального [e>o]?

Основная литература

1. Колесов, В.В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ; М. : Академия, 2005.
2. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Добродомов, И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке / И.Г. Добродомов // Проблемы фонетики IV : сб. статей. – М. : Наука, 2002. – С. 36–52.
4. Добродомов, И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке / И.Г. Добродомов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 103–108.
5. Добродомов, И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке / И.Г. Добродомов // Вопросы филологии. – 2003. – № 1 (13). – С. 15–24.
6. Щербакова, Л.А. Фонетика и фонология на стыке морфем и слов (О делимитативной функции гортанной смычки в русском языке) / Л.А. Щербакова // Вопросы языкознания. – 2006. – № 2. – С. 111–118.
7. Щербакова, Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Щербакова. – М., 2006.

Дополнительная литература приведена в подстрочных ссылках, в которых указаны цитируемые источники.

Развивая «трилогию» фонем <y>i, <e>o, <ʋ> и <ɸ> (по Р.И. Аванесову), следует остановиться на тех вопросах истории редуцированных гласных, которые имели отношение к межслоговому сингармонизму и случаям проявления гортанного смычного согласного.

Глава 5

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРТАННОГО СМЫЧНОГО СОГЛАСНОГО

Из истории изучения редуцированных гласных

§ 28. В связи с решением вопроса о фонетической природе звуков [ь] и [ѣ] появилось большое количество терминов. Первые историки русского языка А.Х. Востоков¹, Н.И. Греч², П.С. Билярский³, В.Н. Щепкин⁴ использовали термин *полугласные*. В частности, А.Х. Востоков в своей «Русской грамматике» отметил: «ѣ, ь, ѣ, кои выражают половину гласного звука, слышнаго только в соединении с другими буквами, и именно, ѣ и ь с согласными, ѣ с гласными»⁵. Видел за конечными [ь], [ѣ] особые звуки Н.И. Греч, который, выделяя три полугласных «буквы» ѣ, ь, ѣ и характеризуя их как половинные, незавершённые гласные, уточнял: «В полугласных буквах должно заметить, что ѣ есть половина гласной о, а ь или ѣ половина гласной и»⁶.

П.А. Лавровский, Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, А.А. Потебня, И.В. Ягич, Б.М. Ляпунов, М.А. Колосов, С.П. Обнорский, Р.Ф. Брандт, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, В.Н. Сидоров, В.М. Марков рассуждают о *глухих* гласных.

Ф.Ф. Фортунатов называет [ь] и [ѣ] *иррациональными*. Б.М. Ляпунов указывает, что этот термин употреблялся мимоходом и западноевропейскими лингвистами, например, в книге *Baudry «Grammaire comparée des langues Classiques» I* (1868, стр. 9); в статье *Бругмана «Nasalis Sonans»*, помещённой в IX т. (1876 г. 2 Н), издававших Г. Курциусом и К. Бругманом «*Studien zur griechischen u. latein. Grammatik*» (с. 304); у *Ф. Соссюра* в «*Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes*» (1879); в 1-м изд. «*Grundriss d. vergleich Grammatik*» Бругмана, I, 36⁷.

¹ Востоков А.Х. Филологические наблюдения А.Х. Востокова. Рассуждение о славянском языке // Труды общества любителей российской словесности. Ч. XVII. М., 1820. Цит. по: Учён. зап. Второго отделения Императорской Академии наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб., 1856. С. 18.

² Греч Н.И. Пространная русская грамматика. СПб., 1827.

³ Билярский П.С. Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования П. Билярского. 2-е изд. СПб., 1848–1858.

⁴ Щепкин В.Н. Болонская псалтырь. СПб., 1906.

⁵ Русская грамматика Александра Востокова. С. 2.

⁶ Греч Н.И. Указ. соч. С. 3–4.

⁷ Ляпунов Б.М. Исследования о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи. СПб., 1899. С. 250.

Г.А. Ильинский отмечает, «как не точны названия редуцированных гласных — «глухие», принятое, главным образом, в русской научной грамматике, и «полугласные», герс. «слабые гласные», — господствующее в западноевропейской, Фортунатов и его школа заменяют их названием «иррациональные гласные», но и этот термин, как чисто отрицательный, не может быть признан удачным»¹. Р.Ф. Брандт пишет о новом термине *иррациональные*: «этот термин вовсе не так характерен, чтобы стоило заменять им у русских славистов название: «глухие гласные». Для глухих гласных приходится предполагать неполное образование, а, может быть, и краткость бо́льшую, чем для остальных кратких гласных». Далее Р.Ф. Брандт сравнивает еры с безударными русскими гласными: «Ѣ и ѣ можно отождествлять с русскими глухими из безударных *a(o), e(u)* в начальных слогах речений: *пѣмагáть, бѣрегѹ*»². Это сопоставление подвергает резкой критике С.Б. Бернштейн, который рассуждает о *сверхкратких* гласных: «Сверхкраткие гласные в праславянском были самостоятельными фонемами, они употреблялись как под ударением, так и в безударной позиции. Сравнение их с безударными русскими гласными ничего не даёт для уяснения их акустической и физиологической природы и искажает их фонематическую сущность». Учёный подчёркивает: «В характеристику этих звуков мы невольно вносим наши современные представления о звуках и без всяких оснований пытаемся проводить различные аналогии»³.

А. Мейе, Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, И. Фалёв, Н.С. Трубецкой, П.С. Кузнецов, В.В. Иванов, К.В. Горшкова, О.В. Малкова, В.В. Колесов и другие учёные используют термин *редуцированные*. С.Б. Бернштейн по этому поводу пишет: «Нельзя признать удачным и обычный термин *редуцированные* гласные. Праславянские гласные [ѣ] и [ѣ] были совершенно самостоятельными фонемами. Поэтому лучше звуки [ѣ] и [ѣ] называть сверхкраткими»⁴.

Распространённые в литературе характеристики [ѣ] и [ѣ] как *полугласных, иррациональных, кратких* или *полукратких* (В.А. Богородицкий), *неясных* и *непостоянных* (А. Вайян), *редуцированных* являются, по мнению С.Б. Бернштейна, не вполне удачными, а термин *сверхкраткие* более точен: «Оба эти гласные были короче нормальных кратких»⁵.

Н.Н. Дурново приходит к выводу, что за разными терминами кроется в принципе одинаковое понимание качества [ѣ] и [ѣ]: «Гласные ѣ и ѣ в о.-сл. были короче других кратких гласных и, вероятно, менее звонки, а потому называются иррациональными и глухими, а также редуцированными»⁶. В.Н. Чекман⁷, В.К. Журавлёв⁸, Х. Бирнбаум⁹, В.Г. Руделёв¹⁰ и другие учёные закрепляют в научном обороте буквенное название звуков [ѣ] и [ѣ] — *еры*.

Таким образом, характеристику ерам дают с учётом того, «что гласные обладают так называемой собственной степенью длительности, которая имеет физиологиче-

¹ Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. С. 63.

² Брандт Р.Ф. Краткая сравнительная грамматика славянских языков. (Фонетика и морфология). М., 1915. С. 7.

³ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. С. 178–179.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 115.

⁷ Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция. Минск, 1979.

⁸ Журавлёв В.К. Фонологическая суть конвергентно-дивергентных процессов. С. 146–158.

⁹ Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы его реконструкции. М., 1987.

¹⁰ Руделёв В.Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. Мифы о редуцированных: Избр. произв. по историческому языкознанию. Тамбов, 2001.

ское происхождение и свойственна различным языкам вне зависимости от наличия или отсутствия в них фонологических долгот»¹, также тех результатов, которые были в древнерусском и других славянских языках. «Иде. гласные *ĩ* и *ĩ*, при переходе на славянскую почву, подверглись *редукции*. Это значит, что они стали здесь более краткими гласными, чем нормальные краткие: при их произношении голосовая щель раскрывалась шире, чем при других гласных, но тон голоса не отличался при этом большою силою. Вследствие этого, сонантный элемент был в них слабее, чем в других гласных, и поэтому он не мог до известной степени заглушаться соседними звуками. Но это не значит, что прасл. *ѣ* и *ь* в артикуляционном отношении были звуками безразличными <...>: *ь* отличался от *ѣ* не только тем, что смягчал предшествующую согласную, но и другой базой своей артикуляции: он произносился как звук средний между закрытым *ĩ* и закрытым *e*, тогда как *ѣ* звучал в прасл. яз. приблизительно как *ö* (ср. аналогичный звук в англ. *bird*), но так, что губы оставались при его произношении в пассивном положении; язык же оттягивался немного назад, приподымаясь к заднему нёбу»².

Е.Д. Поливанов объясняет мотивы свершившихся фонетических изменений [ь], [ѣ] (принадлежавших к типу «узких кратких гласных *u* и *i*») тем, «что расход, т. е. выдых воздуха при узких гласных ... в единицу времени оказывается бóльшим, чем при других гласных (напр. *a*). Естественно поэтому, что, расходуя одно и то же количество воздуха, можно произносить гласный *a*, допустим, в течение $\frac{2}{5}$ секунды, а гласные *u*, *i* — лишь в течение $\frac{1}{5}$ секунды... От этого звуки *i*, *u* скорее подлежат сокращению (и в конечном результате сокращения — падению), т. е. «изнашиваются» в определённый срок языковой эволюции больше, чем другие гласные (напр. *a*). Иначе говоря, краткие узкие гласные принципиально являются «исторически неустойчивыми» (по сравнению с другими)»³. С.Б. Бернштейн добавляет: «нужно обратить внимание на то, что гласный [ь] был гласным переднего ряда, а [ѣ] — гласным непереднего ряда. Это бесспорно. В отличие от гласных [i] и [y] они были гласными *среднего* подъёма, а не верхнего. Есть основания думать, что [ѣ] в начальный период был нелабиализованным. Гораздо позже он <снова> стал лабиализованным лишь в некоторых говорах праславянского языка»⁴.

Таким образом, вопрос о фонетической природе гласных звуков [ь] и [ѣ] нельзя считать окончательно решённым. Особая фонетическая природа редуцированных гласных связана с условиями позиционного распределения этих гласных.

Условия позиционного распределения «ь» и «ѣ»

§ 29. Принцип деления на сильные и слабые редуцированные впервые чётко был сформулирован А.А. Поттебнёй (на материале чешского языка А. Гавликом: *Havlik A. K otázce jerové v staré češtině // Listy filologické. XVI, 1889*): «Глухие звуки внутри слов почти одинаково во всех русских наречиях частью заменяются чистыми *o*, *e*, частью исчезают... Слова *сѣнь*, *мѣхъ*, *рѣжь*, *пѣнь* и т. п. в русском языке были сначала двухсложны. Потом... стёрся конечный глухой звук, а согласная второго слога вместе с первым

¹ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. С. 17.

² Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. С. 62–63.

³ Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. С. 29–30.

⁴ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. С. 180.

прямым образовала средний слог, после чего произошло изменение первого *ѣ, ъ* в *о, е*: *сон, пен'*. Если же во втором слоге этих слов будет основная чистая гласная (*съ-на, нь-ня*), то в русс. первый слог потеряет свою гласную и соединится со вторым (*сна, пня*). То же повторяется и в многосложных словах: *кубок, вѣнец* (из *ку-бѣ-кѣ, вѣ-нь-ць*), *кубѣ-ка, вѣнца* (из *ку-бѣ-ка, вѣ-нь-ца*)». Учёный обращает внимание на дальнейший результат преобразования глухих: «между русскими наречиями разница здесь не в правиле, а в том, на какие слова оно распространяется»¹.

Традиционно фонетическое распределение редуцированных в древнерусском языке понимается следующим образом: «В сильном положении они были: 1) в начальном слоге слова под ударением и 2) в слоге, предшествующем слогу с редуцированным в слабом положении. В слабом положении они были: 1) перед слогом с гласной полного образования (т. е. всяким нередуцированным), 2) перед слогом с редуцированным гласным в сильном положении и 3) на конце слова»².

Однако, как подчёркивает В.К. Журавлёв, «правило Гавлика, в общем верное, знает многочисленные отклонения, имеющие общеславянский характер или специфические для отдельных славянских языков и даже для отдельных слов одного и того же языка...»³. Чтобы объяснить исключения из правил падения редуцированных, О.В. Малкова допускает, что в древних славянских языках не существовало чёткого деления редуцированных гласных на сильные и слабые, что различие между ними носило градуальный характер. «В эпоху общего падения редуцированных славянские языки утратили только определённо сильные редуцированные (развились в гласные полного образования) и определённо слабые редуцированные (выпали). Редуцированные переходного типа падением охвачены не были. Позднее они постепенно устранялись преимущественно через замещение гласными полного образования, поэтому не всегда это были те гласные, в которые развились сильные редуцированные»⁴.

Обращаясь к истории редуцированных гласных, некоторые исследователи не выделяют положение под ударением как самостоятельную сильную позицию⁵, хотя И.В. Ягич обратил внимание на ударение: «У первоначальных глухих было этимологическое значение, это были когда-то полные гласные, сделавшиеся «глухими» только после продолжительного постепенного ослабления, обусловленного положением этих гласных, чаще всего в конце слова, но иногда и внутри, в неударяемых, без полной гласной легко произносимых звуковых сочетаниях»⁶.

Ф.Ф. Фортунатов указал на то, что общеславянские [*ѣ*] и [*ѣ̣*] меньшего количества фонетически с течением времени подверглись утрате, если такая гласная не была защищена от утраты сохранявшимся на ней ударением: «Во внутренних слогах слов нам не известны случаи, в которых из о. слав. языка получено было бы ударение на гласных *ѣ* и *ѣ̣* меньшего количества»⁷. А.И. Соболевский поддержал эту точку зрения: «Что касается до глухих в середине слов, то они исчезли везде, где были без ударения и

¹ Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка. С. 56.

² Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 50–51.

³ Журавлёв В.К. Правило Гавлика и механизм падения редуцированных. С. 30.

⁴ Малкова О.В. О принципах деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском языке и в древних славянских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 110–111.

⁵ Мейе А. Общеславянский язык. С. 87–94; Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 48–50; Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957. С. 135–169.

⁶ Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. С. 33.

⁷ Фортунатов Ф.Ф. Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков. Пг., 1922. С. 99–101.

где стечение согласных не требовало сохранения гласного звука»¹. В.В. Колесов при решении диахронического вопроса о происхождении русского ударения и его первоначальной связи с интонацией и количеством гласных рассуждает о сильном редуцированном в ударных слогах². А.А. Зализняк, напротив, подчёркивает, что сила или слабость редуцированного зависит только от его фонемного окружения и никак не зависит от акцентуации³.

Ясно, что для гласных важно отношение к ударному слогу. Обычно считают, что значительные изменения безударных гласных наблюдаются в языках с сильным динамическим ударением (то есть в таких языках, где различие между ударными и безударными слогами достаточно велико, в чём бы ни выражалось фактически это различие — в силе или в длительности). Исследования показывают, что зависимость гласных от ударения в какой-то мере проявляется и при очень малом различии (по силе или по длительности) между ударными и безударными слогами, и при музыкальном политоническом ударении, характеризующемся различным направлением движения музыкального тона голоса. В ударном положении редуцированные не исчезали, но и не могли сохранить своё первоначальное значение, изменившись в гласные полного образования. В безударном положении редуцированные гласные утрачиваются, хотя могли проясняться в другие гласные при различных причинах фонетического и морфологического порядка⁴.

С падением редуцированных, как отмечает А.А. Шахматов, акцентные и количественные отношения «в общем сходствовали с отношениями, господствующими в совр. русском языке, а именно гласные под экспираторным ударением (соответствующим общеслав. экспираторным ударениям $\grave{}$ и $\acute{}$, а также восх. экспираторно-музыкальному ударению $\tilde{}$) произносились с полудолготой, между тем как в неударяемых слогах они произносились кратко»⁵. Л.В. Щерба так описал механизм выделения ударного гласного и причины количественной редукции: «Количество энергии, затрачиваемой говорящим на слово определённого числа слогов, едва ли способно увеличиваться, если к тому нет особых побудительных причин, а поэтому оно является, вероятно, в известных пределах величиной постоянной. Следовательно, энергия ударяемых гласных росла за счёт энергии неударяемых, которые таким образом и сокращались как по силе, так и по количеству, так как сокращение по силе имеет тоже свои пределы, определяемые лёгкостью восприятия со стороны слушающего»⁶. В.А. Богородицкий, характеризуя ударные гласные, подчеркнул, что они сохраняют свою силу или даже усиливаются, изменяются в своём качестве, переходя из одного определённого гласного в другой: «В пример усиления и расширения гласных под ударением можно указать на возникновение в русском языке т. наз. беглых гласных *o* и *e* из кратких **o* (т. е. *й*) и **e* (*й*) в тех случаях, когда в следующем слоге был один из этих же гласных; срв. **сънь* → *сонъ*, **дьнь* → *день*, где в предпоследних слогах узкие краткие гласные по-

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 47.

² Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. С. 84–85.

³ Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 168; Зализняк А.А. Падение редуцированных по данным берестяных грамот // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992. С. 85.

⁴ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 79–85, 169–170.

⁵ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 191.

⁶ Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. С. 151.

лучили перевес перед конечными и затем расширились в соответствующие средние гласные, тогда как конечные исчезли»¹.

Очевидно, что о роли ударения в судьбе редуцированных следует говорить применительно к определённому периоду. До падения <ѣ> и <ѵ> невозможно представить себе изменение ударного слога без предварительного перенесения ударения на другой слог. Утрата и вокализация редуцированных произошли на почве отдельных славянских языков, окончательный перенос ударения, и как следствие этого – исчезновение еров, должны быть отнесены к истории отдельных языков.

Если для древнерусского языка «можно считать *фонемами* русского языкового мышления только представления гласных, имеющих в ударенных слогах»², то результаты дивергентно-конвергентных изменений еров нужно рассматривать по отношению к ударению и консонантному окружению. Для исторических преобразований еров важными оказываются и сопутствующие признаки: место звука или слога в слове (начальное, в основе или конечное положение), а также качество рядом стоящих слогов.

Таким образом, особое качество редуцированных, по сравнению с другими гласными, определило своеобразие дивергентно-конвергентных изменений еров в разных позициях. Описанные в исторической фонетике русского языка последствия падения редуцированных гласных в пределах слога, в области гласных и согласных звуков, последствия изменения еров в области морфологии продолжают привлекать внимание учёных.

Изменение <ѣ> и <ѵ> с позиций дивергентно-конвергентных преобразований

§ 30. Рассмотрение дивергентно-конвергентных преобразований редуцированных показало, что еры испытали вместе с другими гласными переднего ряда совместное (одновременное) изменение в различных позициях. Произошло перераспределение гласности, вызванное коренной перестройкой исконной фонетико-фонологической системы и морфологического строя (рис. 14).

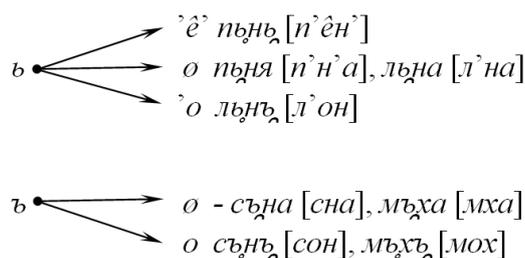

Рис. 14

Благодаря тому что перед гласным [ѣ] (и [ѣ]) стал возможен только палатализованный член оппозиции по мягкости-твёрдости, заместительное удлинение за счёт выпавшего безударного еря увеличило долготу ударного [ѣ́], длительность гласного поддерживает признак напряжённости, поэтому отмечается переход ударного [ѣ́] в [ѣ́] – [дѣнѣ́ > д'én', нѣнѣ́ > н'én'], например, в Рязанской Кормчей 1284 г., 6 и 7 почерки – *извѣргоуѣть* (VI, 105а), *извѣрженыхѣ* (VII, 217в), *пѣрвѣе* (VI, 128а), *сквѣрнѣнаго* (VII,

¹ Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. Казань, 1915. С. 85.

² Поливанов Е.Д. Лекции по введению в языковедение и общей фонетике. Берлин, 1923. С. 64.

186г), **конѣць** (VI, 142б), **полѣзю** (VII, 192г) и др.¹ В памятниках письменности появляется новый **ѣ** и в безударном положении как результат позиционного перераспределения количества в слове: Выголексинский сб. XII в. — **воудѣтъ** (1, 5 об.), **въстанѣтъ** (3), **калѣнь** (28, 144), **паллѣнь** (30), **стѣпѣнь** (35), **корѣнь** (62 об.), **калѣньно** (100 об.) и др., Добрилово Евангелие 1164 г. — **оучитѣль** (50 об.), **дѣлатѣль** (48в), **калѣнь** (14а) и др.²

Синтагматическое изменение [ь'] в [ѣ] передавалось на письме непоследовательно: например, в Евгеньевской псалт. XI в. на месте **ѣ** пишется буква **ѣ** — **ѣсть** (8в), **лѣсть** (14а) и др.³; в Добриловом Ев. 1164 г. — **дверѣ** (245в), **жельѣ** (96г) и др.⁴; в Типографском Ев. № 6 XII в. (первый почерк) — **възъезѣ** (147г), **въшедѣ** (54а), **гаремѣ** (41г), **гаремьника** (166б) и др., во втором почерке — **дѣньми** (211г), **възъезѣ** (204а, 205в, 208б, 210б, 212а), **оцѣтъ** (208г, 210б), **въшедѣ** (131в) и др.; в Выголексинском сб. XII в. — **вѣхъма** (74 об., 87 об., 92, 115), **тѣмьныи** (12 об.), **пришествиѣмь** (106 об.), **пришествиѣ** (156, 163), **сѣшествиѣ** (148 об.), **низѣшедѣ** (56 об.), **ишедѣшемоу** (106 об.), **зашедѣша** (131), **сѣшедѣ** (151), **въшедѣше** (159) и др.⁵; в Смоленской гр. 1229 г. буква **ѣ** заменяет **ѣ** и **ѣ** — **нальзѣ** (=лѣ) (422), **перевѣзѣ** (17), **пѣрьдѣ** (422), **оу жельзѣ**, **жельзоу** (9), **мѣхѣ** (33), **вѣцю** (27, 30, 436), **оумьсто** (35, 37)⁶.

Знаменательно, что этимологически неверные написания представлены в формах, которые претерпели фонетические изменения. Использование в памятниках письменности букв **ѣ** — **ѣ** — **ѣ** можно объяснить отражением фонетического изменения [ь] в зависимости от степени смягчения предшествующего согласного. Если [ь] находился после полумягкого согласного, то будучи однородным по тембру имел возможность совпасть с исконным [e], если [ь] стоял рядом с палатальным согласным, то совпадал с [ѣ]⁷. С развитием противопоставления согласных по твёрдости-мягкости гласный среднего подъёма (*e и e<ь) перестаёт быть тембрально однородным, противопоставление фонем <e, ь> и <ѣ> утрачивается, появляется возможность произношения только [e] после мягкого согласного. Например, в новгородской грамоте № 417 отмечается использование буквы **ѣ** на месте [ь] (**Клиѣць**) и [и] (**Григорѣи**), на месте слабого [й] (**Заволоцѣга**) и даже [йе] (**на завѣтрѣ, вратѣю**), а также в функции ь как показателя мягкости предшествующего [ѣ'], образовавшегося на месте исконного [y] > [w] > [ѣ] в результате межслоговой ассимиляции [ѣтр'] > [ѣ'тр'] (**на завѣтрѣ**)⁸.

Переход <ь>'о' [н'ьсѣ > н'ос] перед твёрдым слогом отражает другую сторону изменения еря. Общим фонетическим условием [ь>'о, 'ь>'ѣ] явилась напряжённость ударного гласного переднего ряда, связанная с мягкостью предшествовавшего согласного, которая приводила к неразличению передних фонем в палатальном окружении

¹ Блохина Э.Д. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской Кормчей 1284 г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. С. 20.

² Малкова О.В. К проблеме падения редуцированных гласных в славянских языках и развитие украинского икавизма. С. 97–98.

³ Попов М.Б. Некоторые вопросы относительной хронологии изменений редуцированных гласных в древнерусском языке // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982. С. 24.

⁴ Малкова О.В. О принципах деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском языке и в древних славянских языках. С. 105.

⁵ Малкова О.В. К проблеме падения редуцированных гласных в славянских языках и развитие украинского икавизма. С. 96.

⁶ Тимчинова И.М. К хронологии явлений, предшествовавших аканью // Учён. зап. высш. шк. г. Одессы. Отд. гуманитарно-общественных наук. Т. 2. Одесса, 1922. С. 115.

⁷ Ср. рефлексы еря (качество нового звука [ь>'ѣ=ie]) в русском и польском языках: *вьръба > русск. *верьба*, польск. *wierzba*, *пѣрьвьѣ > русск. *первьѣй*, ст.-польск. *pierwszy*.

⁸ Крысько В.Б. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 21.

по подъёму, а перед твёрдым слогом осуществлялось неразличение гласных по ряду, что стало возможным после ликвидации носовых гласных. Обладая одинаковой силой ударенного слога и одинаковой длительностью, репрезентанты <ь> и <о>, <ь> и <е>, <ѣ> совпали в звуках [o] и [e].

Совпадение ера с гласным полного образования не везде было полным. А.А. Шахматов отмечает дифтонгизацию [uo] под восходящим ударением при сохранении исконного [o] под нисходящим: «Это явление можно понять как следствие растяжения гласной под восходящим экспираторным ударением; мы видели, что под этим ударением в неконечном слоге исконно краткая гласная растягивалась до полудолготы уже в общеславянском (напомню о долгом o в словенск. *kóza, naróda*, чешском *ú* в *kúže*)»¹.

Л.Л. Васильев обратил внимание на совпадение условий появления напряжённого [ó] в словинском, чешском, словацком, польском, лужицких языках и допустил возможность отнести зачатки этого явления к общеславянскому языку². Об ударном положении ера и звуке [o] рассуждает Н.Н. Дурново: «В южнорусском в тех положениях, в которых ѓ и ь переходили в гласные полного образования, то есть в новых закрытых слогах, получившихся в результате выпадения ѓ и ь слабых, старые o, e изменялись в дифтонги; в части же в.-р. говоров старое o сохранилось без изменения только в безударном положении и в первом слоге слов под нисходящим ударением, а под восходящим ударением (в любом слоге слова) изменилось в долгий очень закрытый звук, отличавшийся от o другого происхождения; гласная же o из старого ѓ такому изменению не подвергалась; таким образом, возникла разница между o старым в *село, вон* (указат. = *во + н*) и o из ѓ в *селом, вон (наружу)* и т. п.»³.

Тот факт, что [ó:] известен только на месте праславянского [o] (но не на месте [o<ѓ]) и связан с рано утраченными интонационными характеристиками слогов, заставляет предполагать его появление в период после утраты носовых (в частности, после изменения [Q>u]) как непосредственное противопоставление [é:] в очень ранний период развития восточнославянских говоров⁴. Качество фонемы <ó> зависело от интонации нового акута, фонема <ó> стала противопоставляться в ударных слогах фонеме <о>. Поэтому в некоторых памятниках буквой ѣ (например, в слове *сонъ*) передавался звук [o<ѓ под восходящим ударением], который совпадал с исконным *o под нисходящим ударением. На этапе дивергентно-конвергентных изменений в подударном положении редуцированные и краткие нередуцированные гласные в некоторых диалектах древнерусского языка не различались.

В ряде современных говоров сохраняется древнее различие [o] и [o<ѓ]. Анализируя гласные говора Костромы Харовского района Вологодской области, Р.Ф. Пауфошима обнаружила следующую закономерность: в соответствии с этимологическим o под нисходящим ударением в говоре произносится и [ou] и открытое [o], в соответствии же с этимологическим ѓ — почти исключительно [o]. «Эти наблюдения, — пишет Р.Ф. Пауфошима, — позволяют предположить, что в современных во-

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 189.

² Васильев Л.Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о произношении звука o в великорусском наречии. Л., 1929; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 119, 158–159 и др.

³ Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 152.

⁴ Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. С. 58.

логодских говорах, обследованных нами, сохраняется след древнего различия **o* под нисходящим ударением и **ъ*»¹.

Если учитывать: 1) древнее (праславянское) происхождение качественных изменений **o* и **e*, которые были вызваны заместительной долготой перед слогом со слабым редуцированным или восходящим ударением не в конце слова²; 2) одновременность процессов развития долготы **o* и **e* и появления так называемых сильных (продлённых) редуцированных, судьба которых также связана с рецессией ударения и возникновением новоакутовой интонации³, то можно объяснить, почему памятники XI–XII вв., опускающие на письме так называемые слабые **ѡ** и **ѣ** или заменяющие их буквами **о** и **е**, имеют не только мало примеров прояснения редуцированных, которые превратились в фонологически равноценные элементы [*o*–*ъ*, *e*–*e*–*ъ*], но и нередко передают ударные гласные полного образования через еры. Например, **сѣньми** (09₈), **крѣсть** (05₁₇), **вѣньць** (05₁₂), **вѣсньцьиимь** (08₁₈) и **весе** (**вьсь**) (085₆), **жестосердѣниць** (0122₁₉) при отсутствии замены сильного **ѡ** на **о** в Служебной Мин. 1095 г.⁴

Так, М.И. Корнеева в Служебной Минее 1095 г. отмечает небрежность в оформлении текста, большое количество ошибок и подчёркивает, что писец не отличался тщательностью в работе, – всё это даёт ей основание говорить о существовании сильного **ѡ**. По-видимому, при сохранении в древнерусском языке следов старых различий между восходящим и нисходящим ударениями писцу было сложно передать под восходящим ударением долгий закрытый звук [*o*<*o*] и открытый звук [*o*<*ъ*]. В Рязанской Кормчей (1284 г.) в седьмом почерке пишутся **ѡ** и **ѣ** вместо **о** и **е** в подударном слоге, если [*o*] и [*e*] восходят к гласным под новоакутовой интонацией: **дѣстѣниць** (182), **дѣстѣнио** (2256), **вѣзньми** (2136), **истѣвникъ** (371), **вѣстѣунаа**, **мѣдѣвна** (378), **полѣгшииць** (181), **полѣгшихъ** (238) и др. [Блохина 1970]; аналогично в Галичском Ев. 1357 г. – **на онъ полъ мѣрѣ** (I 8а), **хлѣвъ живѣтнѣи** (I 10а), **рькоу** (I 104б, IV 124а, 124г, 151в, 167а)⁵. Хотя в смоленско-полоцких говорах фонема <*o*> не развивалась, характерной особенностью Смоленской грамоты 1229 г. по списку А является также смешение букв **ѡ**, **ѡ** с **ѣ**, **ѡ**, **о**: под ударением **ѡ** заменяет **о** – **дѣври** (12^с), **дѣврѣми** (24, 34), **вѣла** (23, 33), **вѣль** (= **вѣлѣ** род. ед.) (14^с), **вѣлно** (21), **вѣскоу** (27), **вѣлѣкъ** (16), **излѣмѣна** (32), **сѣрѣмъ** (12^с), **мѣрѣ** (34), **хѣлѣтъ** (1^с), **хѣлѣство** (6^с), **инѣмоу** (5^а, 7^а), **женѣю** (11^а), **хѣуѣтъ** (21, 22), **вѣсѣуѣтъ** (14^а)⁶. «В этих написаниях отражается своеобразная попытка уравновесить длительность слога в момент утраты редуцированных (различные фонетические преобразования слога, связанные с дефонологизацией [*ъ*, *ъ*]), т. е. **-мо** > **-мъ**, поскольку **-тъ** > **-то**. В данном случае на месте прежнего противопоставления редуцированного гласного краткому происходит противо-

¹ Пауфощима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. С. 36.

² Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 119, 158–159; Филин Ф.П. К истории исконных *o* и *e* в новых закрытых слогах. С. 351–352.

Согласно другой точке зрения, заместительная долгота была обусловлена утратой слабых редуцированных в следующем слоге и возникновением новых закрытых слогов. В этом случае заместительная долгота датируется серединой XII в. (Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 50–51).

³ Журавлёв В.К. Правило Гавлика и механизм падения редуцированных. С. 39–40.

⁴ Корнеева М.И. Язык Служебной Минее 1095 г. // Русский филологический вестник. Т. LXXV. Вып. 1–2. М., 1916. С. 162–163; Т. LXXVIII. № 3–4. Казань, 1918. С. 31, 33.

⁵ Жуковская Л.П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (по материалам Галичского Евангелия 1357 г.) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 62.

⁶ Тимчинова И.М. К хронологии явлений, предшествовавших аканью. С. 115.

ставление слогов с различным распределением долготы между гласным и согласным в пределах слога»¹.

Таким образом, особенности преобразования <ь-ѣ> были обусловлены звуковым строем позднего праславянского языка. Изменение характера ударения (ударение из музыкального и политонического стало в фонологическом отношении динамическим и монотоническим) способствовало тому, что редуцированные одновременно с <е> и <ѣ> принимают участие в процессе дивергентно-конвергентных изменений передних гласных. Перераспределение гласности, вызванное коренной перестройкой исконной фонетической системы и морфологического строя, привело к переходу ударных еров в гласные полного образования <ь> > <ѣ> и <ь> > <о>, <ѣ> > <о>. Обладая одинаковой силой ударенного слога и одинаковой длительностью, репрезентанты фонем <ь> и <о>, <ь> и <ѣ> совпали в звуках [o] и [é]. Результаты фонемного изменения редуцированных получили своеобразное отражение в вокализме и консонантизме русского языка уже в памятниках XI–XII вв. Так называемые сильные редуцированные характеризовались продлением и перестали отличаться от гласных полного образования, поэтому, с одной стороны, вполне последовательно использовались буквы ѣ и ѡ на месте ударных (и безударных еров), с другой – появились случаи их замены буквами ѣ, ѣ, ѣ, а также пропуск букв. Нарушения традиционного написания, основанного на прежнем различии звуков, шло по пути появления дублетных обозначений ѣ – ѣ, ѡ – ѣ – ѣ неразличаемых звуков [ѣ–о, ѣ–ѣ–ѣ].

Вокализация [ь] и [ѣ] в группе согласных

§ 31. Вопрос о последовательности изменения редуцированных гласных имел неоднозначное решение. А.И. Соболевский², И. Фалёв³ допускали, что падение глухих и переход их в гласные полного образования протекал одновременно.

А.А. Шахматов отстаивал одновременность падения неслоговых и переход глухих в гласные полного образования. Анализируя памятники русского языка (Житие Феодосия по сп. XII в., гр. Мстислава около 1130 г., Новгородскую первую летопись по Синод. сп. XIV в. и др.) и старославянские памятники, учёный выводит следующую последовательность: редуцированные пали на первом этапе в начальном слоге, затем в срединном и в последнюю очередь – в конечном⁴. Причём раньше всего ослабление редуцированных до полной их утраты осуществлялось в начальном слоге слова непосредственно перед ударным слогом: «Ударение слога, следующего за слогом с полукраткой гласной, требовало особого напряжения, особенной силы, в виду того что полукраткость предшествующего слога возмещалась экспираторным усилением последующего. В словах *kъŏdъ, рѣsа, kъŏnъzŏ* ударение слога за полукраткой гласной было особенно напряжённо, так как оно не умерялось экспираторным весом предшествующих слогов, что имело место как в случаях *gъŏnalъ, kъŏnъgъŏnŏ*, так и в случаях, как *oŏ ѣsъ, kusъkъ, gutъŏdъ*. Это имело последствием ещё большее ослабление слога с полукраткой гласной и вело к полному ее исчезновению»⁵.

¹ Колесов В.В. Фонетические изменения согласных в эпоху распада силлабем. С. 27–28.

² Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 46, 57.

³ Фалёв И. О редуцированных гласных в древнерусском языке // Язык и литература. 1927. С. 120–121.

⁴ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 217–219.

⁵ Там же. С. 218.

А.А. Зализняк обратил внимание на то, что (по сравнению с церковнославянскими памятниками русского извода) в новгородских берестяных грамотах последовательность падения редуцированных оказалась практически обратной: «раньше всего начали исчезать конечные редуцированные. Во вторую очередь этот процесс захватил слабые редуцированные срединного слога. В начальном слоге словоформы этот процесс начался либо несколько позже, чем в срединном, либо одновременно с ним. Падение неконечных редуцированных продолжалось около ста лет: примерно с 20-х годов XII в. по 10-е годы XIII в.»¹.

Ch. E. Gribble указывает не на порядок падения еров, а на фонематическую значимость гласных: «еровые гласные опускаются только в тех случаях, где их отсутствие является фонематически безразличным. То есть, так как не было слов, начинающихся с сочетаний согласных (*кн, мн, вс* и т. д.), пропуск или присутствие ерового гласного в написании было совершенно безразлично, потому что противопоставления не было и не могло быть. В противоположность этому, писцы никогда не делали ошибок там, где путаница могла бы возникнуть вследствие несоблюдения таких минимальных пар, как *сл* и *съл* (например, в словах *слабый* и *сълати*)»².

Если на проблему последовательности падения редуцированных смотреть через призму развивающегося количественно-динамического характера русского ударения, то противоречивые толкования по вопросу об этапах утраты редуцированных в словах типа *мъногъ* снимаются, потому что и конечный, и предударный слоги находились в безударном положении и в морфологически изолированной позиции.

Позиция редуцированного в словах *вьдовá, мьно́го, кьнáзь, пьти́ца, кьни́га, доньдэ́же, едьвá, ельмá, кьтб́, чьтб́* и др. определяется как абсолютно слабая: «редуцированный звук не играл никакой роли, не поддерживался другими формами с сильным глухим, был так сказать «лишним», «пустым» с языковой точки зрения»³. Такие безударные еры никогда не чередовались с ударными ерами и практически не восстанавливались в полном типе произнесения⁴. Примеры, отражающие падение еров в указанной позиции, имеются во многих памятниках, например, в Чудовской псалт. XI в. в корнях: **книг-** (7в, 24а, 37в, 44а, 47а, 50г, 63а, 73г, 82г, 84в, 120в), **кназ-** (27а, 29в, 36б, 78в, 82в, 159б, 162в), **(ни)кто** (3а, 10б, 12а, 24в, 29г, 40а, 42г, 50в, 74б, 74в, 77в), **лнѣ** (15а, 87а, 87б, 88б, 89б, 98б и т. д.), **лннѣ** (53в, 71а), **птьништá** (165а), в частице **ждо** (2г, 107б) и др.⁵; в Служебной Мин. 1095 г. — **кто** (012₃), **многа** (06₆), **кназъá** (05₂₃, 09₁₅), **книгы** (04_{22,23}), **сподови** (011₁₂) и др.⁶; в памятнике деловой письменности первой половины XII в. — Мстиславовой гр.: **кназь, княжение, всеволодъ, всеволодоу, кто** (2 раза) при сохранении редуцированных в других позициях — **пучьнеть, мьстиславъ, роуськоу, даровьноу, осиньнеу, дължъни, държа, гривънъ, пришьствити** и др.⁷ Безударные еры пропущены без всякого следа в орфографии в Мстиславовом Ев. — **злѣ** (45), **всá** (63), **всиá** (164), **ѡмъ** (65б), **ѡи** (81б)⁸ и др.

¹ Зализняк А.А. Падение редуцированных по данным берестяных грамот. С. 104.

² Gribble Ch. E. Развитие еровых гласных в древнерусском языке и в других славянских языках // IX Междунар. съезд славистов. Киев, сент., 1983. Резюме докладов и письменных сообщений. М., 1983. С. 45.

³ Фалёв И. О редуцированных гласных в древнерусском языке. С. 120.

⁴ Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. С. 207.

⁵ Обнорский С.П. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI в. СПб., 1912. С. 6.

⁶ Корнеева М.И. Язык Служебной Минеи 1095 г. // Русский филологический вестник. Т. LXXV. Вып. 1–2. М., 1916. С. 163.

⁷ Срезневский И.И. Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю. 1130 г. // Русское слово. Избр. труды. М., 1986. С. 45–56.

⁸ Карский Е.Ф. Особенности письма и языка Мстислава Евангелия // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1960. С. 16.

Не вызывает сомнений тот факт, что убывание написаний с корневыми **ѣ** и **ѡ** в рукописях XI–XII вв. отражает не только процесс фонетического изменения редуцированных, но и указывает на последовательность разрушения орфографической нормы, поэтому наиболее ранние примеры с пропусками еров в таких корнях, как *мног-*, *книг-*, *кто* и др., объясняются тем, что в живом языке в этих корнях не было чередований [ѣ–ѡ, ѡ–ѡ], то есть это были своего рода написания с непроверяемыми гласными.

Литература по этому вопросу очень обширна, можно привести и другие известные взгляды на проблему исчезновения еров в середине слова. Так, Б.А. Успенский объясняет пропуски слабых еров влиянием старославянской орфографии: «пропуск еров в таких словах, как *кнѡзь*, *кто*, *много*, *вс-*, *книга* и ряда других, воспринимался писцами как элемент правильного написания, и поэтому написание данных слов без еров складывалось в определённую орфографическую традицию»¹.

А.А. Зализняк, рассуждая о книжной и бытовой системах письма, доказывает, что «в рамках книжной системы возможность не записывать ставший факультативным слабый [ѣ] (неконечный) получила характер особого орфографического правила (ср. несомненное существование орфографического правила, которое павший конечный [ѣ], напротив, предписывало на письме сохранять)»².

Г.А. Хабургаев полагает, что древнерусские писцы XI – начала XII в. правильно и последовательно употребляли буквы **ѣ** и **ѡ** (в соответствии с этимологией) и, конечно же, «отражали не «общерусское произношение» середины XI в. (даже если это произношение продолжало сохранять [ѣ], [ѡ] и другие древние особенности!), а свои личные орфографические и произносительные навыки (нормы книжного, церковного чтения), сложившиеся не позднее первой половины XI в. и переданные им учителями, чьи навыки сформировались в X или на рубеже X–XI вв. И коль скоро писцы, подвизавшиеся в Киеве и Новгороде в конце XI в., в переписываемых ими текстах допускают не единичные пропуски букв **ѣ** и **ѡ** в корнях, суффиксах и приставках-предлогах, то это возможно только в том случае, если в их родной речи особым фонем [ѣ] и [ѡ] уже не было; а более или менее последовательное употребление букв **ѣ** и **ѡ** могло поддерживаться лишь книжной выучкой...»³.

В.М. Марков даёт фонологическую трактовку написаниям с пропущенными ерами: «отсутствие букв «**ѣ**» и «**ѡ**» не является безусловным показателем отсутствия гласного звука в фонетическом смысле и может рассматриваться лишь как свидетельство ослабленного его восприятия, определяющего яркое чередование еровых и безъеро-вых написаний»⁴.

¹ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002. С. 136.

² Зализняк А.А. Падение редуцированных по данным берестяных грамот. С. 95.

³ Хабургаев Г.А. Ещё раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке. С. 400–401.

⁴ Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. С. 263.

Основную причину дефонологизации слабых еров В.М. Марков видит в развитии «неорганических» редуцированных, которые вследствие завершения тенденции к открытому слогу «разряжали» группы согласных, этимологически не содержавшие редуцированных. Совпав в своём фонетическом качестве с исконными редуцированными, неорганические редуцированные подорвали их функциональную значимость, поскольку тенденция к открытому слогу переросла в синхронный закон открытого слога: одиночный согласный перестал противопоставляться группе согласных, слабые редуцированные перестали противопоставляться нулю звука, а значит, фонематически они превратились в нуль звука.

Тем самым неорганические редуцированные «дискредитировали» функционально редуцированные этимологически, что привело к латентной дефонологизации слабых как органических, так и неорганических редуцированных: фонетически они остаются (это важно для сохранения качества согласного в слоге), но фонематически они равны нулю. Фонемное изменение предшествует при этом фонетическому (Еселевич И.Э., Марков В.М. История редуцированных гласных в русском языке. Ижевск, 1998. С. 33).

Чтобы объяснить ослабленное восприятие еров, которое приводило или к сохранению их на письме, или к замене другими буквами, или к обозначению при помощи специального знака (например: в Мстиславовом Ев. на месте еров используется специальный знак ‘— ник’то (26), м’нѣ (3), к’томиж (12), т’ьк’мо (236), к’ниг’ь (36), к’ниг’ы (8), м’ногашьд’ы (45), ѱ’со (63), спѣт’сѧ (7), нарицаѣт’сѧ (116), в’сѧ (2), в’сѧкж (236) и др.¹), Е.Ф. Будде прибегает к физиологическому осмыслению редуцированных гласных. Это позволило ему увидеть в ерах *паузу*, «перерыв голоса» между согласными звуками, такие глухие звуки «очень рано получили чистое звуковое значение». Исходя из результатов развития редуцированных, учёный рассматривает редуцированные как гласные, причина образования которых кроется в физиологических законах сочетаемости звуков при смене одной артикуляции другой: «пауза появляется всегда, когда процесс образования одного звука должен прерваться начавшейся артикуляцией следующего звука. В области гласных звуков, нам кажется, таким образом можно объяснить происхождение славянских ѣ и ѝ, которые, вероятно, потому и названы «глухими» и потому имеют в родственных славянских языках своими коррелятивами почти все гласные звуки, а в славянском языке играют самые разнообразные роли на письме»².

Вполне понятными становятся суждения о неслоговых гласных в полемике А.И. Соболевского с Б.М. Ляпуновым: «Г. Ляпунов не указывает нигде на существование неслоговых гласных в современном русском языке, потому, конечно, что их по личному наблюдению не знает. Между тем они слышны в языке образованного общества (едва ли не у всех говорящих), даже, сколько я наблюдал, довольно часто. Я отметил их в таких сочетаниях, как: *хлеб черств*, *всех торжеств* (восле *в*), *покрыт ртутью*, *как добр ты* (перед *р*), *он лжет*, *он мстит* (после *н*)»³.

Итак, с падением безударных еров появляются новые сочетания согласных, в которых первоначально сохраняется *раздельная* артикуляция каждого из согласных: второй элемент начинает артикулировать после полного завершения артикуляции первого. Акустическое впечатление свидетельствует о задержке, очень кратком перерыве между двумя артикуляциями [*книга*, *ктому*]. Такая пауза, разделяющая артикуляцию соседствующих согласных, фактически восстанавливала утраченный слог и приводила к появлению «паразитного» (Б.М. Ляпунов) гласного между двумя согласными [*к’нига*, *к’тому*]. Поэтому в памятниках письменности используются помимо еров и буквы *ѡ*, *ѣ*, *и*: например, *въ дене* (Евген. Псалт.); *несоумьеньгымь разоумгымь* (Мин. 1096); *срдценѣи очи*, *питателеницю*, *къ спасенѣи стъзи* (Мин. праздн. XII в. 30, 40); *весеому* (Жит. Бор. и Гл. XII); *кожедо* (Жит. св. Саввы 375); *виси* (Остр. Ев.); *питицями*, *разлиции* (Изб. 1073, 20–21, 94d); *ноцинхъж* (Григ. Бог. 3а); *неуистиюемь* (Жит. Бор. и Гл.); *обициимь* (Жит. св. Саввы 479)⁴; *кто* (Псалт. из собр. Бычкова XI в., 7), *коемьжедо* (112), *т’ькомо* (201), *седе* (554) (Ефрем. Кормчая XI–XII вв.); *дове* (Новг. гр. свинц. XI–XII вв.); *золодѣи* (Житие

Написания, не соответствующие этимологии – *г’ьнिति* (вместо *гнिति*), *г’нати* (вместо *г’ьнати*), отражают в сущности одно явление: «фонологическое и фонетическое совпадение старой и новой групп согласных, причём звуковой комплекс, являющийся результатом совпадения, можно считать группой согласных только фонологически, так как пропуск ѣ отражает синтагматическую дефонологизацию /ѣ/, но не указывает на фонетическую утрату [ѣ]» (Попов М.Б. Редуцированные гласные в древнерусском языке // Древнерусский язык домонгольской поры. Л., 1991. С. 31).

¹ Карский Е.Ф. Особенности письма и языка Мстиславова Евангелия. С. 16.

² Будде Е.Ф. К вопросу о надстрочных знаках в древнеславянских и русских рукописях. Воронеж, 1887. С. 7.

³ Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2. С. 508.

⁴ Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. С. 32.

Феодосия, 29); *моно́го* (Добр. Ев., 239); *де́не* (Евген. Псалт., 20); *у́теми́тъ* (49), *нѣсенъими* (39) (Мин. 1097 г.)¹.

Межслоговое взаимодействие гласных (например, в полногласных сочетаниях второй *ь* изменялся в *ѣ*, если за ним следовал слог с твёрдым согласным, как правило, зубным: *твѣръѣдо*, но *твѣръѣдѣти*²), известное до падения еров, отмечается и после их утраты. К этому времени ударные еры теряют самостоятельное значение и участвуют в межслоговой ассимиляции по ряду *bʳʲyʳnó > bʳʲyʳnó > bʳʲévʳnó > brʲevnó*, но *brʲóvna*. Это отражается в памятниках письменности, например, в Мин. 1097 г. — *зѣмьлихъ* (154 об.), *сѣмьлихъ* (68), *рожисѣ* (58), тв. мн. *добродѣтелини* (44), *страстили* (63), тв. ед. *постѣничѣскыни* (63) и др. В новгородских минеях конца XI в.: в Типогр. 103 — *застоупиникъ* (23) и др.; в Типогр. Мин. 110 — *достоудени* (29), *бѣжтвини* (28 об.) и др.; в Ев. XII в. — *прѣдидоуцага* (134), *прѣдиданига* (54), на *сѣмьлицихъ* (60 об.); в Успенском сб. XII в. — *оусовичинъи* (201), *поспѣшиникъ* (71 об.) и др.; в Рязанской кормчей 1284 г. — *перивѣе* (147 об.), *къ бѣ/лижиницѣ* (136 об.), *въ афи/рикиистѣи* (116)³; в гал.-вол. Добриловом Ев. 1164 г. — *соволѣкше* (238); в Кормчей ок. 1282 г. — *сосудъ*, *сѣсудъ* (559); в Пандектах 1296 г. — *совокупленига* (26), *совокуплаи* (32 об.), *совокуплагасѣ* (40 об.), *соливѣтъ* (84)⁴; в Псалт. из собр. Бычк. XI в. — *кото* (7), в Евген. Псалт. XI в. — *де́не* (20)⁵.

Таким способом сохраняется прежняя ритмическая структура слова. Подчинённость механизму межслогового уподобления почти лишает безударные гласные смысловоразличительной функции, они выполняют только слогаобразующую функцию. Поэтому в корне при слитном произношении согласных (без интервала), если не поддерживались фонематические соответствия различных морфологических категорий, имеющих место на стыке морфем, избыточный безударный гласный мог легко утрачиваться. Возможно было и факультативное употребление, в качестве дефонологизированного гласного элемента, который обеспечивал удобство произношения. Поэтому можно предположить, что варианты написания в памятниках письменности, вероятно, указывают на слитное и раздельное произношение консонантных сочетаний: на месте исконных редуцированных — *кѣнигы* (Пут. Мин., 41) — *книгы* (Пут. Мин., 24 об.) — *книгы* (Остр. Ев. 156), *кѣждо* (Остр. Ев. 1586) — *кѣждо* (Арх. Ев., 143) — *кѣждо* (Остр. Ев. 76а), *зѣловоу* (Пут. Мин., 18) — *зѣло* (Пут. Мин., 53 об.) — *зѣловоу* (Пут. Мин., 25 об.); на месте вставных гласных — *прѣтѣкѣниши* (Арх. Ев., 154) — *потѣкѣницѣсѣ* (Арх. Ев., 84) — *прѣтѣкѣниши* (Остр. Ев., 261г), *прѣждѣ* (XIII Сл. Гр. Бог., 13) — *прѣждѣ* (Пут.

¹ Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. С. 159.

Как установлено экспериментальными исследованиями, явление вставочной гласности носит общерусский характер, хотя степень его развития в разных говорах русского языка неодинакова. Как правило, в качестве вставного гласного выступают [ѣ], реже [ы] и [а], также [о]: *з[ѣ]речиха*, *з[а]речиха*, *з[ы]речиха*, *к[ѣ]рапица*, *к[а]рапица*, *н[ѣ]равится*, *н[а]равится*, *пон[ѣ]равится*, *пон[а]равится*, *пон[ы]равится*, *соб[о]людали* и др. (Бурова Е.Г. Гласные вставки в начальных группах согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 92–99).

² Васильев Л.Л. Одно соображение в защиту написаний *-ръ-*, *-ръ-*, *ръ-*, *-ль-* древнерусских памятников, как действительных отражений второго полногласия // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 22. № 8. Авг. СПб., 1909. С. 311–312.

³ Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. С. 82–83.

⁴ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 48–49.

⁵ Еселевич И.Э., Марков В.М. История редуцированных гласных в русском языке. С. 35.

Подобную тенденцию к прогрессивно-ассимилятивному развитию вставных гласных демонстрируют и современные говоры русского языка: *салафѣтка* (Арх., Яросл.), *болован* (Перм.), *колобас* (Яросл.), *взбулугатиться* (Пск.), *гверестливый* (Пск.), *кережак* (Волог.), *китирей* (Удм.), *пелемяни* (Урал.), *пелемяшки* (Урал.) и др. (Баранов В.А. Развитие неорганической гласности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1991. С. 218).

Мин., 1 об.) — *прѣждѣ* (Пут. Мин., 53 об.), *възлюбилъ* (Остр. Ев. 176а) — *възлюбилъ* (Остр. Ев. 176) — *възлюбилъ* (Пут. Мин., 2 об.) и др.¹ Ср. в современных юго-восточных говорах вставной гласный встречается в аналогичных сочетаниях согласных в позиции первого предупредительного слога — *блѣх*, *брѣнь*, *внѣж*, *гнѣна*, *ждѣть*, *кнѣжка*, *кнѣт*, *кнѣсный*, *кнѣпкий*, *кнѣшка*, *кнѣсть*, *мнѣго*, *мнѣла*, *нрѣвится*, *плѣкать*, *плѣвать*, *плѣхо*, *пнѣздник*, *пнѣсто*, *снѣть*, *снѣть*, *спѣть*, *тнѣзвый*, *тнѣри*, *хнѣба*, *хнѣмель*, *шнѣрам*².

Изменение в системе вокализма привело не только к фонематическому ослаблению редуцированных до нуля звука, вызванному безударной позицией, но и к изменениям в системе согласных. Происходит разрушение противопоставления согласных по напряжённости-ненапряжённости, на что было указано Л.Л. Касаткиным: «падение редуцированных привело к резкому повышению напряжённости в других звеньях: возникают различные сочетания гетерогантных согласных, различных по месту, способу образования, по глухости/звонкости, твёрдости/мягкости. И дальнейшие фонетические процессы связаны с преодолением этих вновь возникших напряжений»³.

Рассматривая релевантность нефонематических компонентов звуковой цепи («гласноподобных» и «согласноподобных») для суперсегментного уровня, Р.Ф. Пауфощима и Г.М. Богомазов обратили внимание на одинаковую функцию вставных гласных (в консонантных сочетаниях *сѣде*, *фудѣбол*) и смычно-гортанных согласных, возникающих между гласными и при вокалическом начале слов (*Гѣн/а*, *Гѣкна*). Такая функция проявляется в стремлении ударного слога строиться по оптимально контрастной модели — *согласный + гласный*. «С акустической точки зрения, их статус можно рассматривать в плане переходных процессов: вокализованные элементы (вставные гласные) довольно регулярно возникают в консонантных комплексах, а консонантные элементы (смычно-гортанные согласные) столь же последовательно фиксируются в сочетаниях с гласными», причём замечено, что «акустические характеристики смычно-гортанного согласного оказываются весьма вариативными. В редких случаях — это глухой взрывной согласный, чаще — это смычный звонкий согласный, иногда — малоинтенсивный гласноподобный элемент неопределённого тембра сильно зашумленный»⁴.

Представляется возможным соотнести формирование новой ритмической структуры слова, обусловленной падением редуцированных, с ритмической структурой слова в юго-восточных говорах и разговорной речи русского литературного языка, обусловленной аканьем. В результате исчезновения безударных гласных возникают удобные⁵ сочетания согласных, для неудобных консонантных групп, появляющихся, как правило, на стыке морфем, отмечается восстановление слога. Вероятно, пока

¹ Еселевич И.Э., Марков В.М. История редуцированных гласных в русском языке. С. 25.

² Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. С. 109.

³ Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 138–139.

⁴ Богомазов Г.М., Пауфощима Р.Ф. Релевантность нефонематических компонентов звуковой цепи для суперсегментного уровня языковой системы (на материале русского языка) // Фонология. Фонетика. Интонология: материалы к IX Междунар. конгрессу фонетических наук (авг., 1979. Копенгаген). М., 1979. С. 47. 52 сноски.

⁵ См. материал Н.Л. Голубевой о консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля.

На материале русских юго-восточных говоров было показано, что «удобными» консонантными сочетаниями являются сочетания сонорных с шумными согласными: сонорного, *ж*, *в* со смычным глухим, аффрикатами *ц* и *ч*; сочетания глухого спиранта с сонантами; сочетания смычного со спирантом. Менее удобны сочетания сонорного, *ж*, *в* со смычным звонким, звонким спирантом, такие сочетания требуют большего напряжения артикуляционных органов. Менее удобными для звуковой цепи языка являются две однотипные артикуляции, следующие одна за другой (сонант с сонантом, смычный со смычным). К «запрещённым» сочетаниям относятся сочетания смычного звонкого со смычным глухим, *ц* и *ч*, также смычного звонкого с глухим спирантом.

не сложилось сильного динамического ударения, противопоставление согласных по напряжённости-ненапряжённости не сменилось противопоставлением по глухости-звонкости и не оформилось слитного произношения артикуляционно «удобных» консонантных сочетаний, возможно раздельное произношение соседствующих согласных и, как следствие, восстановление утраченного слога. С.С. Высотский показал, как изменяется в слове под влиянием интонационного фактора распределение ступеней ослабления гласных и сокращения их длительности. Например, многие говоры Вологодско-Кировской группы (Вологодской, Ярославской и других областей) характеризуются относительно равномерным распределением динамики и длительности слогов в составе фонетического слова, без редукции¹.

Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что передача еров в безударной позиции соответствует традиционному принципу письма и объективно присущему самой орфографии консерватизму. Кроме того, буквы **ѣ** и **ѧ** на месте утраченных безударных редуцированных обозначают твёрдость или мягкость предыдущего согласного, так как вокалическая оппозиция полностью не исчезает, она передаёт признак, на котором была построена, предшествовавшему согласному: (*дѣнь*) : (*лѣнь*) → *день* : *лѣн*, (*лѣнь*) : (*лѣбѣ*) → *лѣн*: *лоб* до тех пор, пока противопоставление согласных по твёрдости-мягкости не оформилось окончательно.

Сохранение редуцированного гласного в безударной позиции имеет и другое основание: пока противопоставление согласных по напряжённости-ненапряжённости не сменилось противопоставлением по глухости-звонкости и не оформилось слитного произношения артикуляционно «удобных» консонантных сочетаний, возможно раздельное произношение соседствующих согласных и, как следствие, восстановление утраченного слога.

Вокализация редуцированных в абсолютном конце слова

§ 32. Историки русского языка отмечают тот факт, что падение редуцированных в абсолютном конце неодносложного слова происходило неодновременно. В южнорусских говорах этот процесс осуществлялся раньше, чем в севернорусских; даже в пределах севернорусских говоров, как об этом свидетельствуют памятники письменности, он осуществлялся не в одно время².

При достаточно однозначном выводе об утрате еров в абсолютном конце неодносложного слова оставался спорным вопрос о причинах сохранения еров в конце слов.

Древнейшие рукописи XI в. знают написания слов с пропуском конечных **ѣ** и **ѧ** в конце строки, например, в Архангельском Ев. 1092 г. — *оѡраꙗ* (94), *дѣд* (77), *сѣптѧ* (158 об.), *октѡмѡбр* (160), *гн* (48), в окончании глагола при непосредственно примы-

Такие сочетания невозможны в русском языке, но они могут возникнуть в случае редукции гласных на стыке морфем.

Сравнив соотношение возникших в результате редукции гласного до нуля консонантных сочетаний согласных с универсально удобными и неудобными, Н.Л. Голубева делает вывод: «Большая часть возникших сочетаний согласных соответствует по своей структуре удобным сочетаниям согласных, существующим в языке, реже возникают сочетания согласных, аналогичные по структуре неудобным...» (Голубева Н.Л. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Дialeктография русского языка. М., 1985. С. 65).

¹ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. С. 5–19.

² Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 102; Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии северной Руси. С. 77.

кающем местоимении **сѧ** – **проливаетсѧ** (90 об.), **повиноуютсѧ** (60), **възнесетсѧ** (44₁₀), **двигнутсѧ** (74), **сѣверятсѧ** (74б₂)¹; в Пандектах Антиоха XI в. широко отражён пропуск **ѡ** и **ѣ**: **пожцахѣ** (местн. мн. 43), **ницимѣ** (дат. мн. 191), **ѣдинѣ** (218 об.), **оучителемѣ** (дат. мн. 253 об.), **намѣ** (205, 208 об.), **благовѣствовушшиимѣ** (дат. мн. 132 об.), **тълннуникѣ** (род. мн. 214 об.), **оумѣ** (вин. ед. 222 об.), **трѣвоужшиихѣ** (род. мн. 216), **моужѣ** (род. мн. 195 об.)²; в конечном слоге при тесном соединении со следующим словом в Синод. сп. 1-ой Новгородск. лет. – **онже** (281), **покаемсѧ** (250), **възвратимсѧ** (345, 290)³.

Если в особых условиях конца строки отмечается пропуск конечных редуцированных, то в позиции конца слова еры опускались крайне редко или могли передаваться гласными полного образования: **красьно** (им. ед. м. р.) (019₁), **лювьзно** (029₉), **вьсѧко ествѣта уинѣ** (035₆), **ѡ слово вѣсть** (080₃), **ново же и дивьнѣ** (0133₂₄), **уѣрѣтого** (0210₁₂), **такѡ прѣстѡло** (0226₅) и др.⁴

Замечено, что и в книжной, и в бытовой системах письма действовало правило, требующее писать после конечной согласной словоформы **ѡ** и **ѣ** или заменять их буквами **о** и **е**, например: во Вкладной Варлаама 1192 г. – **въдалѣ** (=въдалѣ=въдалѣ), **Варлаамѣ** (=Варлаамѣ), **Во городѣ во Краково** (1283), **Книязь Владимирско** (1321 ib.)⁵; в Ефрем. Кормчей XII в. **ѡ** и **ѣ** в конце слов заменены на **о** и **е** – **хранителеѡ** (nom. sg. 305₁₈, 316₁₇), **властелеѣ** (ю) (nom. sg. 437_{2,7}), **занеѣ** (acc. m. sg. 498₅), **по лѣстѡло** (dat. pl. 628₁₂), **приставитиѣ** (112₁₅), **иматеѣ** (750₂₀), **юстеѣ** (353₂₉), **боудетеѣ** (307₁₃), **посълитеѣ** (395₂₅), **лъститеѣ** (inf. 751₂₀), **соудитеѣ** (inf. 457₁₃), **повелѣваемо** (Praes. 1. pl. 492₁₃)⁶. В новгородских грамотах: № 119 – **въдалѣ есмь гѡрьгѣвицоу**, № 50 – **олександрѣ далѣ, волосѣ**, № 30 – **како ли ты венилсѧ како ли что далѣ еси рѣвль**, № 11 – **поклоно ѡсмешка фѡли цѡ оставилѣ**, № 32 – **коупилѣ, солѣ, фешкѣ**, № 105 – **взлѣ**⁷.

Вопрос о причинах сохранения гласности в конце слова решался многими учёными: М.А. Колосовым⁸, А.А. Потебнёй⁹, А.И. Соболевским¹⁰, А.А. Шахматовым¹¹, А.И. Томсоном¹², Л.П. Жуковской¹³, В.Б. Крысько¹⁴ и др.

Н.Н. Дурново сформулировал орфографическое правило передачи еров для периода до преобразования редуцированных: «писать **ѡ** и **ѣ** там, где в соответствующих словах и формах русской живой речи слышались звуки **ѡ** и **ѣ**, а **о** и **е** там, где слышались звуки **о** и **е**»¹⁵. Хотя это правило уже не могло действовать в период падения

¹ Соколова М.А. К истории русского языка в XI в. С. 109.

² Копко П.М. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XX. Кн. 3–4. Пг., 1915. С. 155.

³ Ляпунов Б.М. Исследования о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи. С. 44.

⁴ Корнеева М.И. Язык Служебной Миней 1095 г. С. 29, 33.

⁵ Колосов М.А. Материал для характеристики северновеликорусского наречия. С. 17.

⁶ Обнорский С.П. О языке Ефремовской Кормчей XII века // Исследования по русскому языку. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1912. С. 31.

⁷ Матвеев В.А. Заметки о языке новгородских берестяных грамот // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 88–89.

⁸ Колосов М.А. Указ. соч.

⁹ Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.

¹⁰ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903.

¹¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 269.

¹² Томсон А.И. Исчезли ли конечные звуки **ѡ** и **ѣ** в русском языке. С. 10–12.

¹³ Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

¹⁴ Крысько В.Б. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia). С. 16–30.

¹⁵ Дурново Н.Н. Славянское правописание XI–XII вв. // Slavia. Praga. 1933, Ros. XII. № 1–2. S. 64; О существовании таких форм в праславянском см.: Крысько В.Б. Общеславянские и древненовгородские формы nom. sg. masc. *o-основ // Russian Linguistics. 1993. 17.

нѣкакѣ (0124₁₈), разоумѣ (0128₁₇), дивьнѣ (0133₂₄), илалѣ (0139₃₄), моукѣ (0154₂₁), цѣлѣ (0166₂₀), вѣлѣ (0170₂₄), глалѣ (0186₅), нѣтлѣнѣнѣ (0215₁)¹. Подобные примеры обнаружены и в других древних рукописях: в Стихираре XII в., в октябрьской, ноябрьской, декабрьской Минее XII в. и др.², в новгородских берестяных грамотах, например, в грамоте № 526 (вторая треть XI в.) в слове коуиѣ (род. мн.) буква ѣ переправлена из о, аналогичное исправление но на нѣ в грамоте № 652 (конец XII в. – XIII в.), в грамоте № 531 (XII–XIII вв.) в слове дочерѣ (вин. ед.) буква ѣ переправлена из ѡ, хотя имеется форма и без исправления дочере (вин. ед.)³.

В традиционном написании и исправлениях ѣ → о → ѣ, ѡ → ѣ → ѡ в безударном положении конца слова и в форме творительного падежа усматривалось и сохранение морфологической структуры слова. Так, Б.А. Успенский отмечает, что там, где редуцированные прояснились, писец произносил [о] и [е] и, соответственно, писал о и ѣ, а там, где редуцированные пали, он не произносил никакого звука и, соответственно, не должен был писать никакой буквы за исключением еров на конце слова, которые в условиях слитного письма выполняли разделительную функцию ..., условная постановка еров, вызванная стремлением сохранить ... традиционную орфографию могла спорадически наблюдаться и в некоторых других, более специальных случаях (она могла опираться, в частности, на осмысление морфологической структуры слова)⁴.

Следует учитывать аналогичные явления (наличие в конце слов шума или гласности) в русских диалектах. Конец слова в разных русских говорах имеет разную силу. Это зависит от ритмической структуры слова. В севернорусских говорах конечный безударный слог выделяется большей напряжённостью, чем в южнорусских. В южнорусских говорах, как и в литературном языке, конечный безударный слог – единственная позиция, где в безударном положении нет полного совпадения, неразличения всех гласных фонем неверхнего подъёма⁵.

Л.Л. Касаткин, описывая диерезу и оглушение гласных в говорах донской группы южного наречия, обратил внимание на то, что диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов. «В этом случае слоговость может переходить на согласный, предшествующий выпавшему гласному или следующий за ним. Эта слоговость может проявляться в повышенной звучности, интенсивности согласного. Как известно, интенсивность звука создаётся за счёт его длительности и амплитуды колебания», например, в слове *дальше* [дал'ш] длительность глухого [ш] создаёт слоговость этого звука и компенсирует слоговость выпавшего следующего гласного⁶.

По мнению Л.Э. Калнынь, в отношении конечного согласного (фонетического контура слова) имеет место охранительная тенденция, которая могла проявляться не только в повышении напряжённости/оглушении согласного, но и в произношении гласного пазвука после звонкого согласного: *хлѣбъ, хѡладъ, вѡзъ, гѡдъ, навѡзъ, му́жъ,*

¹ Корнеева М.И. Язык Служебной Минее 1095 г. С. 33.

² Успенский Б.А. Русское книжное произношение в XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров). С. 154–158.

³ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 225, 345, 381.

⁴ Успенский Б.А. Указ. соч. С. 161.

⁵ Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 121–122, 129, 133.

⁶ Касаткин Л.Л. Диереза и оглушение гласного в говорах донской группы южного наречия // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. М., 2002. С. 43.

у́жь, халхóз³, погíб³, сасéд³¹. В этом случае как бы реставрируется (задерживается) первоначальная вокальная артикуляция на конце слова².

Гласные звуки полного образования в формах существительных именит. и винит. падежей ед. числа мужского рода на *-o*, известные как в памятниках письменности, так и на месте конечных редуцированных в некоторых современных севернорусских и окающих среднерусских говорах: *амбáро, л'óно, л'éсо, мóсто, мужы́ко, мухомóро, навóзо, ов'úно, ов'óсо, об'éдо, от'éцо, скóто* и др.³ объясняются особыми фразовыми условиями: «после падения редуцированных окончание существительных муж. рода им.-вин. падежа ед. числа выступало в двух вариантах: в гласном *-o* и в нуле гласного. Повидимому, эти варианты первоначально были позиционно обусловлены и *-o* выступало в сильных фразовых позициях: при эмфазе или другом ритмико-интонационном выделении слова. Сильная фразовая позиция способствует более чёткому произношению слова, в этой позиции дольше задерживаются звуки, находящиеся в процессе утраты»⁴. Глагольные формы 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. чисел: *подыме-шо, стоито, зовуто* и др. (которые фонетически не связаны с переходом конечного [ʒ] в [o]), также форма твор. падежа ед. числа *с хлебомо*, и формы с *-o* новых слов *колхозо* объясняются тем, что конечное *-o* обобщилось как средство выделения слова⁵.

Материал, извлечённый из памятников письменности, подтверждают свидетельства русских говоров, в которых шумы или гласность в конце слов поддерживают фонетические условия *слогораздела*, сложившиеся до падения редуцированных гласных. Эти условия связаны с ритмико-интонационными отношениями и повышенной вокальностью звуковой цепи.

Почему же тогда в современном русском языке, где старые ритмико-интонационные отношения были разрушены, тонкий знаток фонетики А.И. Томсон слышал придыхательный шум в конце слов и объяснял его как «остаток прежнего звука»? Сравнение русских слов *тот, как, человек, путь* с немецкими показало, что «конечные согласные русского языка не примыкают к предшествующим звукам того же слова так тесно в одно целое, как напр. в *Tod, Gott lebt* и пр., а скорее лишь присоединяются к концу ослабевающего уже выдыхательного толчка (динамического удара) слога в виде придатка, опирающегося отчасти на свой собственный взрыв. В таком случае это свидетельствует о сохраняющемся до сих пор расположении русского языка к открытым слогам и объясняет между прочим, почему в таком кратком и слабом виде до сих пор сохраняются конечные глухие *ь* и *ъ*»⁶. Р.И. Аванесов обратил внимание на

¹ Диалектологический атлас русского языка. М., 1990. Комментарии. С. 177; Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступ. статьи. Справочные материалы и комментарии к картам. С. 558.

² Калнынь Л.Э. Согласные, различающиеся участием голоса, как компоненты фонетической программы слова в славянских диалектах. С. 79.

³ Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Рефлексы редуцированных гласных в конце слова в русских говорах // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 353–366.

⁴ Касаткин Л.Л. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 249. См. также: Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. С. 20, 33.

⁵ Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 477.

⁶ Томсон А.И. Исчезли ли конечные звуки *ъ* и *ь* в русском языке. С. 12.

различное слоговое деление на стыке разных знаменательных слов, он заметил, что «слоговое деление в них обычно сохраняется такое, какое свойственно каждому входящему в его состав слову в отдельности. Ср. [ɛʎɔˈjúk|ubʲɪˈlʲu] (*гадюк убили*) и [ɛʎɔˈjúk|bʲɪˈlʲu] (*гадюку били*). Это более заметно в тех случаях, когда в исходе первого слова находится звонкий согласный, оглушающийся на конце слова, т. е. в закрытом слоге: [nʎɔˈrúgu|vʲɪˈlʲu] (*подругу вели*), [nʎɔˈrúk|uvʲɪˈlʲu] (*подруг увели*)»¹.

И.Г. Добродомов указал, что причину этого явления фактически увидел В.Б. Касевич, используя аналогичный материал и ссылаясь на загадочную «синтагматическую» границу, воплощением которой на самом деле является твёрдый приступ (гортанная смычка), обнаруженный им на стыке слова с консонантным исходом и следующего за ним слова с вокалическим началом: «Граница выступает как потенциальная, она может актуализироваться, когда говорящий прибегает к более или менее искусственному способу фонетического словоделения, за счёт, например, использования твёрдого приступа при начальном гласном. Здесь, конечно, следует вспомнить проблему пограничных сигналов, поставленную Н.С. Трубецким. Не вдаваясь в её сколько-нибудь детальное обсуждение, ограничимся следующими замечаниями. Произношение начального /u/ в *увидел* как /ʔu/ может быть сочтено именно афонематическим пограничным сигналом, но такая квалификация соответствующего явления оправдана лишь в том смысле, что в русском языке нет фонемы */u/ или */ʔu/ и, следовательно, гортанная смычка или гласный со смычногортанным началом обеспечивают слоговое деление, не будучи фонемами. Однако если понимать афонематичность шире — как нефонологичность, то описание должно быть другим. [ʔu] есть основание рассматривать как постпаузальный аллофон /u/; следовательно, наличие этого аллофона свидетельствует о присутствии паузы, хотя таковая и не представлена акустически. Но пауза является фонологическим средством — иначе говоря, речь должна идти о фонологическом пограничном сигнале. Его отсутствие приводит к нейтрализации, когда исчезает противопоставленность двух сочетаний, их различие становится невозможным: *собаку видел* или *собак увидел*», а также *собаку увидел*². Только предварительная уверенность в том, что русский смычногортанный звук [ʔ] фонемой не является, помешала автору сделать соответствующий вывод: этот звук есть воплощённая «синтагматическая граница» и одновременно фонема, различающая звуковые отрезки речи *собак [ʔ] увидел*, *собаку [ʔ] увидел*.

Факты, извлечённые из памятников письменности, хорошо соотносятся с данными современных говоров и русского языка, в результате чего достигается их надёжная интерпретация. В потоке живой речи пропуск ера в конце слова невозможен, хотя с некоторых пор он мог представлять собой фонематический нуль. В этих условиях закрытый слог не образуется, так как различие открытых и закрытых слогов носит фонетический, а не фонологический характер. Конец слова в разных русских говорах имеет разную силу, которая зависит от ритмической структуры слова. В севернорусских говорах конечный безударный слог выделяется большей напряжённостью, чем в южнорусских. Фонетические условия слогораздела обеспечивают сохранение гласности в исходе слов. Эти условия связаны со старыми ритмико-интонационными отношениями и повышенной вокальностью звуковой цепи.

¹ Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. С. 47.

² Касевич В.Б. Ещё о понятии фонетического слова // Проблемы фонетики. IV: сб. статей. М., 2002. С. 9.

Таким образом, падение редуцированных создало на конце слова принципиально новую синтагматическую ситуацию — возникло сочетание согласного с паузой (С#), чего не было в праславянском языке. Поэтому можно допустить, что после падения редуцированных гласных в положении конца слова с согласным в исходе проявляет себя гортанный смычный согласный, благодаря которому различаются звуковые отрезки речи. Это приводит к тому, что в памятниках письменности восстанавливается буква *ъ* или используются другие буквы, передающие звуковое значение гортанного смычного согласного.

Оглушение звонких согласных

§ 33. Одной из фонетических закономерностей русского языка является наличие глухого согласного не только в абсолютном конце слова, но и на стыке двух слов. Например, оглушается звонкий согласный в положении перед гласным, сонорным и <в, в'> на стыке знаменательных слов: *горо[t] Орёл, гла[s] раскрыт, гри[n] вырос*; в сочетаниях знаменательных слов со служебными произносится глухой: в частицах *ведь, уж*, в предлогах *близ, сквозь, против, вокруг, вглубь, вслед*; также в словах перед энклитиками, которые начинаются с гласного, сонорного или <в, в'>. А.А. Реформатский советовал оглушать согласный перед частицей *ли*, также в предлогах *вокруг, близь, сквозь*, перед словом, начинающимся с любого звука¹.

В положении перед последующим звонким Р.И. Аванесов последовательно транскрибирует сочетание звуков [тд], [т'д], [т'б], [тз], [тз], [т'ж], [кз], [кд], [кз], [кж], [сз], [хз], [хз] в словосочетаниях *мигают звёзды, белых гусей, главнейших задач, начинает дымиться* и т. п.² Предлог *через* в сочетании *чере[з д]орогу* транскрибируется с [з], когда на предлог не падает ударение, но если предлог становится ударным, то отмечается звук [с]³. В ряде случаев возникает произношение звонкого перед звонким: [дз/б] в *отец был* у Р.О. Якобсона, [ж] *мышь жила*, [дз] *нет, говорит* у Д.Н. Ушакова, [дб] в *род болезни* у Л.А. Чистович и т. п.⁴ Р.Ф. Пауфошима считает, что оглушение конечного согласного перед последующим звонким наблюдается только в конце синтагмы, которая оформляется мелодически и темпорально, что внутри синтагмы шумные согласные подвержены ассимиляциям по участию голоса так же, как и внутри слова и фонетического слова⁵.

Оглушение конечных звонких согласных охватывает не всю восточнославянскую область, оно наблюдается в большей части русских говоров, в белорусском языке и некоторых говорах украинского языка⁶.

Аналогичный процесс оглушения согласного перед начальным гласным следующего слова отметил А.М. Селищев в чешском языке: «Вместо предлогов *v, z, od, bez*

¹ Реформатский А.А. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. М., 1950. С. 35.

² Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. С. 215–216.

³ Там же. С. 228.

⁴ Барановская С.А. Консонантизм современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. С. 33–34.

⁵ Пауфошима Р.Ф., Агаронов Д.А. Об условиях ассимилятивного озвончения согласных на стыке фонетических слов в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971. С. 196–198.

⁶ Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1. Западно-славянские языки. С. 64.

произносится *f, s, ot, bes* вследствие ассимиляции с следующим глухим затворным. Артикуляция предлога примыкает не непосредственно к гласному звуку имени, а отрывается от него на некоторый момент времени, который занят глухой, безголосовой рекурсией согласного, закрытием голосовой щели и взрывом перед началом вибраций голосовых связок для производства гласного звука: *fʔokné, fʔustech, otʔuřadu, sʔEgipta, sʔAmeriku, besʔucha*. В речи закрытие голосовой щели может не производиться; предлог прямо примыкает к гласному звуку имени, но результат прежнего предлога сохраняется: *fʔokné → fokné, otuřadu, sAmeriku»*¹.

В ряде севернорусских говоров, а именно в говорах на территории Костромской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Горьковской обл. наблюдается систематическое различие звонких-глухих согласных в сандхи перед гласными и сонорными: *поез[д о]становился, го[д ы]ли два, один ра[з о]н идёт, и вдру[г о]н, но в обморо[к у] пал, бросаю[т о]середь полу* (Костромск. обл., Межевск. р-н); *у[ж ы]дет, дол[г о]тдаст, но ру[к н]е хватает* (Костромск. обл., Шарьинск. р-н)².

Как в некоторых русских говорах, так и в части украинских говоров и украинском литературном языке конечные звонкие согласные сохраняются [*xl'ib, d'id*]³. Отмеченная фонетическая черта отражается и в словацком языке: согласный предшествующего слова произносится звонко не только перед звонкими согласными, но и перед сонорными *r, l, l', m, n, n'*, а также перед гласными. Звонкими являются, например, предлоги *k, s: z ocot (с отцом), g ocovi (к отцу)*; чешск. *sřocet, křoci*; словацк. *obraz ocou*; чешск. *obras ocuř*; словацк. *neř idu* (орфогр. *nech idu* — *пусть идут*)⁴.

Чем вызвана непоследовательность в различении звонких и глухих на конце слов?

Различные изменения, наблюдаемые в результате падения редуцированных в конце слова, представляют собой проявление усиления напряжённости артикуляции. Шумные звонкие согласные, оказавшиеся на конце слова, оглушаются в результате размыкания голосовых связок раньше прекращения вообще произносительной работы [*xl'en, d'em*]. Начиная с XIII в. это явление отражается на письме в путанице знаков для соответствующих глухих и звонких согласных, например, *калантъ* наряду с *каландъ* (новг. Кормчая 1282 г., 564) — род. п. мн. ч. от *калан(ь)ды*, из лат. *calendae* «календы» (мн. ч.), рус. *календарь*; *отиноуѣть* (Псалт. 1296 г., 14 об.), вместо *отиноудъ* «со всех сторон», *порупѣ* (Лавр. лет., л. 51) и *порубѣ* «темница» (там же, л. 56 об.), в Ипат. сп. лет. — *серпѣ* (3), *дожтѣ* (301); во 2-ой Новгородск. лет. по сп. XVII в. — *телехѣ* (99, 100) и в Лавр. лет. — *янгъдронигѣ апостолѣ* (27) и др.⁵

Глухость развивается благодаря тому, что после исчезновения редуцированного гласного при размыкании голосовых связок сохраняется глухой согласный приступ *грибъ[ʔ] → гриб[ʔ] → грип*. Отсутствие голоса у глухих согласных компенсировано большей энергией шумовых составляющих, которая возникает за счёт гортанной смычки, поэтому в потоке речи эти согласные воспринимаются не хуже звонких (соответственно, в русском языке звонкие согласные имеют меньше шума, чем глухие). Сонанты ведут себя точно так же: у звонких сонантов шума немного, у глухих шум про-

¹ Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1. Западно-славянские языки. С. 64.

² Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С. 55.

³ Селищев А.М. Указ. соч. С. 64-69.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 118; Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 117.

порционально возрастает *кругль*[ʔ] → *кругл*[ʔ] → *круг*[л]. В положении перед гласным конечный звонкий согласный оглушается потому, что между конечным согласным и начальным гласным следующего слова функционирует глухой смычный согласный (при произношении слов слышится лёгкая задержка, пауза), который обеспечивает восприятие фонетического контура различных слов [*хл'ен этот*]¹. Попытка произнести подобное словосочетание слитно не увенчается успехом, так как гортанный смычный обеспечивает паузу перед гласным следующего слова, вызывает напряжение артикуляции согласного и, как следствие, его оглушение.

При ассимиляции гортанного смычного согласного с гласным происходит передвижение [*и, э, а, о, у*] назад и вниз, например, *у[жы]дет*². Консонантный исход предшествующего слова остаётся стабильным, сохраняется качество предшествующего согласного, потому что оглушение звонкого согласного не может произойти при полной утрате гортанного смычного согласного.

Если гортанный смычный согласный себя не проявлял, то возникало и выпадение конечного звонкого согласного. Так можно объяснить образование слова *спасібо* из *спаси Богъ*. При энклитическом безударном положении слова *Богъ* утрата конечного редуцированного сопровождалась утратой предшествующего артикуляционно слабого заднеязычного звонкого согласного. Если глухой согласный приступ (сохранившийся после утраты *ъ*) оглушал [*у > х*], то появлялся артикуляционно сильный согласный, сохраняющийся на конце слова [*бох*]³, аналогичное объяснение получает диалект. *проти* (с. Забелино Касим. у.) вместо *против*⁴.

Значит там, где утрата редуцированных гласных в абсолютном конце слова была полной и оставался след в виде гортанной смычки, происходило оглушение звонких согласных: *садъ*[ʔ] → *сад*[ʔ] → *са*[тʔ] → *са*[т]. Такое оглушение известно и перед гласным при отсутствии паузы: *садъ*[ʔ] и [ʔ]огородъ[ʔ] → *сад*[ʔ] и [ʔ]огород[ʔ] → *са*[т] и [ʔ]огород.

Если с падением редуцированных гласных в абсолютном конце глухой гортанный смычный согласный не сохранялся, то могла произойти утрата и конечного согласного, что приводило к появлению новых слов.

Упрощение групп согласных

§ 34. При падении конечного редуцированного нередко появлялась труднопроизносимая группа согласных, в состав которой входил и гортанный смычный. Упрощение трёх согласных происходило за счёт утраты плавного, который обладал меньшей напряжённостью артикуляции: *несль*[ʔ] → *несл*[ʔ] → *нес*[ʔ] → *нёс*, *могль*[ʔ] → *могл*[ʔ] → *мог*[ʔ] → *мо*[кʔ] → *мо*[к]⁵; ср. в памятниках письменности: например, в Милятином Ев. 1215 г. — *волѣзні понѣсъ* (23 об.), в Триоди 1311 г. — *развѣрѣтъ ѱси* (21), в Ипат. сп. лет. —

¹ Отметив оглушение ауслатного (конечного) согласного первого компонента словосочетания перед ауслатным (начальным) гласным второго компонента при слитном их произношении (*скла*[т-а]*ткрѣт*, *бѣре*[к-а]*нѣтъ* *показался*, *сло*[ф-ѣ]*тих* *я не знаю*), Р.И. Аванесов не указывает на кнаклаут (Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. С. 67).

² Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке. С. 89.

³ Можно заметить, что в церковном речевом этикете вместо светского *спасибо*, которое возникло в беглой речи, используется выражение *спаси Господи*.

⁴ Пример из Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров. С. 164.

⁵ На материале современного русского языка Л.Л. Касаткин экспериментальным путём сравнил звонкие и глухие шумные согласные с сонантами и обратил внимание на то, что у звонких согласных меньше шума, чем

извергъ еси (180), в Московских актах XV–XVI вв., в грамоте 1490 г. — тако рекъ посельской¹, *везль* > *вёз*, *несль* > *нёс*, *пекль* > *пёк*, *могль* > *мог*. Ср. утрату согласных в севернорусских говорах: *дббра* — *доп*, *мотоцькла* — *мотоцьк*, *спекта́кля* — *спекта́к*, *па́смо* — *пас*, *повёсмо* — *повёс*, *Олекса́ндра* — *Олекса́нт*².

Утрачивается не только сонант, но и другие согласные, слабые по напряжённости-ненапряжённости в положении второго согласного в консонантном сочетании. Так, известна почти во всех севернорусских говорах, в ряде среднерусских и южнорусских утрата [т] в сочетании [ст] — *мос*, *хвос*, *лис*, *баяніс*, *артіс*, при сохранении [т] перед гласным — *моста́*, *хвоста́*, *листа́* и под.³

Рассуждая о причинах такого явления, П.С. Кузнецов фактически описал проявление кнаклаута: «Оказавшееся на конце слова в результате утраты конечного слабого редуцированного сочетание *st* также по говорам подвергается редукции, упрощается — теряется конечный взрывной согласный (вероятно, теряется конечный взрыв, остаётся лишь смык, а затем утрачивается и он). При этом по говорам шире представлено упрощение мягкого сочетания (т. е. перед старым *ь*), например, *во́лос'* «волость», *влас'* «власть», *скоро́с'* «скорость» и т. п., реже *мос* «мост»⁴, ср. современное разговорное произношение *жи*[с'], *ру*[н'].

Р.Ф. Пауфошима выпадение согласных в севернорусских говорах связала с такими характеристиками языковой системы этой диалектной зоны, как отсутствие редукции гласных и слабая выраженность словесного ударения, что отражает устойчивость гласных в языковой цепи. Консонантные потери связаны с напряжённостью глухих согласных и большей слабостью звонких, что приводило к утрате согласных в интервокальной позиции и в консонантных сочетаниях⁵.

Аналогичные процессы отмечены в современном произношении, например, в случаях с четырьмя согласными на стыке морфем (*нетербу[рск]ий*, *оренбу[рск]ий*) звук [ж] не произносится. Р.И. Аванесов указывает на литературные произносительные варианты: «В сочетаниях *вск*, *жск* по общему правилу на месте *в* и *ж* перед глухим согласным произносятся звуки [ф] и [ш]: *моско[фск]ий*, *сарато[фск]ий*, *кие[фск]ий*, *калу[шск]ий*, *вол[шск]ий*, *ветлу[шск]ий*, *ри[шск]ий*. Просторечное и диалектное произношение *моско[ск]ий*, *сарато[ск]ий*, *вол[ск]ий* и др. не принято литературным языком и должно считаться неправильным»¹. Здесь следует учитывать весьма важный момент:

у глухих. Отсутствие голоса у глухих компенсировано большей энергией шумовых составляющих, иначе в потоке речи эти согласные воспринимались хуже, чем звонкие.

Сонанты ведут себя точно так же: у звонких сонантов шума немного, у глухих шум пропорционально возрастает. Выпадают менее слышные оглушённые сонанты, а глухие шумные, обладающие большей шумовой энергией, сохраняются.

Л.Л. Касаткин доказал, что сочетания сонантов с шумными не противоречат принципу возрастания звучности: сонант может оглушаться как перед глухим шумным *мхи*, *рты*, *вершки*, *ртуть*, *льстить*, *октябрьский*, так и перед звонким шумным *льды*, *польза*, *корзина*, *арба*. Перед звонким шумным сонант частично теряет звучность, становясь по уровню звучности таким же, как и следующий звонкий шумный [л'ды], либо оглушается, теряя голос, перед глухим шумным *заде-[рди]ка*, *па-[л'т]о*, *ба-[цк]а* (Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 280–281).

¹ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 112.

² Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 256, 280.

³ Там же. С. 256, 279–280.

⁴ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. С. 122.

⁵ Пауфошима Р.Ф. О связи характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы (на материале говоров русского языка) // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 97–104; Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. С. 48–52.

при выпадении согласного возможно развитие двух произносительных вариантов *калу[ск]ий* и *калу[ʔск]ий*. На базе произношения *калу[ʔск]ий* возникло широко известное *калуцкий*².

Приведённые примеры показывают, как постепенно оформилось слитное произношение корневой и суффиксальной морфем: в современном русском языке «стык корня и суффикса является самым «плотным», спаянным морфемным швом в русском языке. Это проявляется в том, что и по глухости-звонкости, и по твёрдости-мягкости, и по месту и по способу образования фонемы, находящиеся на данном стыке, подчиняются тем же закономерностям, что и фонемы, функционирующие в позиции середины морфемы»³.

Таким образом, с утратой редуцированных гласных в группе согласных в конце слов, на стыке слов и морфем возникла напряжённость артикуляции первого согласного консонантного сочетания, как результат проявления гортанной смычки. Это привело к упрощению групп согласных: *простърль* > *простерл[ʔ]* > *простёр*. С кнаклатом связана и полная утрата конечных глухих в группе согласных в севернорусских говорах: [*пост* > *пос*, *наст* > *нас*, *добр* > *дон*].

Развитие гласных вставок

§ 35. В русском языке в словах типа *сестёр* < *сестръ*, *хитёр* < *хытръ*, *земель* < *земль* и др. имеет место «неорганическое ь, свидетельствующее частью о развитии паразитного гласного между двумя согласными в родственных формах»⁴. Такие формы широко представлены в памятниках письменности, конечные сонанты переданы с буквами *ѡ*, *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*: *добрѣ хороборѣ* (Ипат. 229б), *вѣдорѣ* (Акад. сп. Русск. пр. XV в., Комм. 88), *наголѣ* (Поуч. Ефр. Сир. 1377, 100б, 103в, 231а), *дѣверѣ* (Тр. сп. Новг. 1-ой, 4б), *дѣверѣ* (Пут. Аф. Ник. 390а), *оузолѣ* (Судебн. Фед. Ив. 1589 г., 29) и др.⁵, *свѣтелѣ* (второй по черк Типографское Ев. № 6 XII в., 245в)⁶.

Написание *-ер/ор*, *-ел/ол* в случаях *оузолѣ* и *оузелѣ*, *вѣдорѣ* и *вѣдерѣ*, *хороборѣ* и *хороберѣ* объяснялось по-разному. По мнению Е.Ф. Будде, «глухой звук, как пауза голоса, появился по требованию физиологии плавного и немного при взаимном их сочетании»⁷. А.И. Соболевский считал, что возникновение новых глухих *ѣ* и *ѣ* там, где их раньше не было, «имело свою причину ослабление, а потом исчезновение глухих звуков в конце слов, результатом которого иногда явились неудобопроизносимые сочетания согласных»⁸. А.А. Шахматов связал появление различных форм с характеристикой согласного: «не находя *e* после задненёбных, думаю, что фонетически *r* переходило

¹ Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. С. 94–96.

² Используются примеры из работы Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 160.

³ Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 14.

⁴ Ляпунов Б.М. Исследования о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи. С. 80.

⁵ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 231.

⁶ Малкова О.В. К проблеме падения редуцированных гласных в славянских языках и развитие украинского икавизма. С. 97.

⁷ Будде Е.Ф. К вопросу о надстрочных знаках в древнеславянских и русских рукописях. Воронеж, 1887. С. 8.

⁸ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 53–54.

«Новые глухие мы видим в *огнь*, откуда *огонь* (древн. *огнь*), *угъль*, откуда *уголь* (древн. *оугль*), *мьрътъвъ*, откуда *мертовѣ* (Ев. 1393 г. 144 об.; древн. *мьрътъвъ*), *молитъвъ*, род. мн., откуда *молитовѣ* (Рязанск. Кормчая 1284 г. 80 об., 174; древн. *молитвъ*), *помысль*, откуда *помысль* (древн. *помыслъ*), *остърь*, *остёрь* (древн. *остръ*), *хытьрь*, *хытёр* (древн. *хытръ*), *тѣсьнь*, *тѣсень* (древн. *тѣснь*), *любезьнь*, *любезень* (древн. *любезнь*),

в *or* только после них; после других согласных фонетически оно изменялось, вероятно, в *er*, а *or* являлось под влиянием той или иной аналогии. Напротив, *l* всегда переходило в *ol*, а *el*, напр., в *узел*, *вёсел*, объясняется аналогией¹. Точку зрения А.А. Шахматова поддержал В.М. Марков: формы *земель*, *вёсен*, *ветер*, *рёбер* с гласным переднего ряда были объяснены влиянием гласного в предшествующем слоге, а формы *храбор* > *храбер*, *узол* > *узел*, *сосон* > *сосен* связаны с действием аналогии².

Не вызывает сомнений тот факт, что после велярных согласных вставной гласный звучал как [o] (*огонь*, *угорь*), а после невелиризованных губных и переднеязычных — как [e] (*узел*, *ветер*). Л.Л. Касаткин даёт фонетическое обоснование различным гласным вставкам и появлению эпентетических [o] и [e] объясняет следующим образом: древнерусский вставной гласный среднего ряда среднего подъёма типа [ɔ̃] аккомодировал соседним согласным. Заднеязычные всегда были велярными согласными. Поднятие задней части спинки языка у них основная артикуляция. Она и вызывала изменение следующего за ним вставного [ɔ̃] в [o]. Переднеязычные согласные вызывали сдвиг этого [ɔ̃] в переднюю зону, где он совпал с [e]³. Л.Л. Касаткин обращает внимание на характер севернорусских и южнорусских гласных переднего ряда: в южнорусских говорах и говорах центра гласные переднего ряда образовывались в более передней зоне ротовой полости по сравнению с гласными переднего ряда севернорусских говоров. Более передние гласные подтягивали к себе предшествующие согласные и вызывали их палатализацию, а гласные, образованные в передне-среднем ряду (например, гласные ряда вологодских говоров), не могли вызвать палатализацию предшествующих согласных. Поэтому в таких севернорусских говорах в эпоху падения редуцированных не было основы для возникновения корреляции согласных по твёрдости-мягкости, т. е. перед такими передне-средними гласными произносились непалатализованные согласные⁴.

Появление написаний типа *узоль* и *узелъ*, *сосонка* и *сосенка* можно связывать не только с качеством согласного, но и с переходом <e>o> в заударном положении: *у́золь*, *вѣ́дорь*, *хорóборь*, *сóсонка* (ср. диалектное *мудѣр*, *бобѣр*)⁵. Подобные случаи обнаружил Л.Ф. Копосов в памятниках деловой письменности русского Севера XVII–XVIII вв., например, *а на руке у нее был узоль* (1788, Судаков, с. 75), и объяснил тем, что написание *o* после букв парных по твёрдости-мягкости согласных вступало в резкое противоречие с произношением и во многих случаях могло привести к двусмысленным написаниям. Однако в распоряжении писцов не было какого-либо специального знака для изображения нового гласного [’o]. Именно поэтому случаи написания буквы *o* после мягкого парного согласного в письменных памятниках немногочисленны⁶.

Если соотнести факты, извлечённые из памятников письменности, с данными

дъськъ, *досокъ*, *земель*, *земель*, *капель*, *капель*, *сестърь*, *сестѣрь* (древн. *дѣськъ*, *зѣмль* и т. д.), древнерусск. *се́дль* (Слово Ипполита об антихристе XII–XIII вв.), а также под влиянием подобных слов и форм, в словах и формах *угольный*, *уголёкъ*, др.-русск. *молитовникъ*, *земельный*, *земелька*, *капельный*, *капелька*, др.-русск. *се́дльнѣи* (с ногою на *ѣ*, в Триоди XIII в. Синод. Б. Усп. № 8), *искорка*, *весельце*, *весѣлко* и т. п.» (Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 53–54).

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 232.

² Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. С. 154.

³ Касаткин Л.Л. К истории «л» в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. Сб. науч. тр. М., 1996. С. 244; Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. С. 186–187.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 157.

⁶ Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. С. 260–261.

современных севернорусских говоров, то можно несколько иначе интерпретировать форму типа *узоль*. С.С. Высотский, Р.Ф. Пауфошима и др. экспериментальным путём доказали, что в некоторых архаических говорах Севера отмечаются монофтонги [o] и [e] с ярко выраженной тембральной однородностью, отсутствием в их составе начальных элементов верхнего подъёма. Перед такой фонемой <e> выступают согласные неполного смягчения¹. При непродуктивной категории по твёрдости-мягкости согласных гласная вставка неопределённого качества (между шумным и сонорным) попадала под влияние гласной [ъ] последующего слога (межслоговой сингармонизм) и испытывала продление в гласную непереднего ряда [o]: *у́золь, вѣдорь, хорóборь*.

Положение о том, что на месте утраченного редуцированного начинает проявлять себя гортанный смычный согласный, позволяет дать новое объяснение гласной вставке. Стечение трёх и более согласных, возникшее под влиянием гортанного смычного согласного (*могль[ʔ] → могл[ʔ]*), могло быть преодолено путём развития гласного перед плавным: *не моголь* (Ев. Типогр. № 8, 20в), *постригъльгьса* (Ипат. 69а), *потлаголъ* (Новоросс. сп. Новг. 4-й, 659а), *рекъль* (Лет. Авр.), *ѡць ти оумерель* (Лавр. лет. 90а)², *потополь* (грам. 1229 г. в сп. С)³. Рядом стоящий гласный не позволяет сонанту потерять звучность.

Гласный появился после согласного на месте утраченного редуцированного в глагольных формах прошедшего времени мужского рода: Галичское Ев. 1357 г. — *пристоупи* (III 83б, 114а; IV 154а), *оставле* (I 70в), *преломиле* (I 42в)⁴, известны формы диалектного характера: *рубле двадцать, Петро, Карло, Александро, дерно, перло*. В украинском языке гласный развился после согласного в названиях рек: *Дніпро, Дністро, Волхово, Псло, Ворскло*, в личных именах: *Петро, Дмитро*.

Вероятно, с этим фонетическим явлением конца слова связан поиск основы для ряда слов. Например, в современном русском языке некоторые имена существительные женского рода изменили окончание, чтобы поддержать группу согласных с конечным сонантом: *басня < баснь, песня < песнь*, в говорах существительное *жизнь* оформляется в соответствии с типом склонения на *-а*: *жизня*, в литературном языке XIX в. такие существительные использовались с двойными окончаниями *басня* и *баснь, пѣсня* и *пѣснь, сажня* (южновеликорусское) и *сажень*, более поздние формы *туфля* и *туфель*⁵.

¹ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. С. 5–82; Пауфошима Р.Ф. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 231, 276.

³ Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. С. 157.

⁴ Жуковская Л.П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (по материалам Галичского Евангелия 1357 г.). С. 65.

⁵ В литературном языке XIX в. можно найти большое количество примеров на указанное явление: «*Баснь эту можно бы и боле пояснить*» (И. Крылов, «Гуси»), «*Читатель, баснь моя сие тебе вещает*», «*Баснь учит нас*» (А. Майков), «*Я же той, кто всех прелестней, Песнь и кровь свою отдам!*» (А.К. Толстой, «Дон-Жуан», 126), «*Песнь росла, разливалась*» (И. Тургенев, «Певцы») (Чернышёв В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. С. 54).

В литературном языке первой половины XIX в. известны колебания в грамматическом роде в типах склонения в заимствованных словах, например: *перл* и *перла, перло* (укр. перло) — «*Океан взлелеял и сохранил его девственное сердце, как многоценную перлу*» (Бестужев-Марлинский, Фрегат «Надежда»), «*Для детей твоих посылаю две нитки римских перл...*» (Письмо А.И. Тургенева Вяземскому, 1833), «*Но в четвертой части стихотворений Пушкина есть одно драгоценное перло...*» (В. Белинский, I, с. 417) и др. (Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. С. 90–91).

Чтобы избежать оглушения сонанта в начале слова перед шумным в диалектах перед сонорным выделялся гласный элемент, например, в названии г. *Орша*, *Ирша* приток Тетерева, ср. др.-рус. *Рѣша* > *Рша*, *ѡржаное* (Домостр. 46), *аркучи* (Слово о п. Иг. 20), северновеликорус. — *аржаной*, *оржаной*, *ольгота*, *ильгота*, *артуть*, *ильстец*, южновеликорус. — *аржаной*, *альяной*, *ильны*, *иржи*, *ирвать*, *илгать*, *илбом* и др.¹

Итак, в позиции скопления трёх согласных в конце слова типа *корм*[ʔ], *вихр*[ʔ], *ветр*[ʔ], *смотр*[ʔ], *осётр*[ʔ], *метр*[ʔ] для сонорного появляется возможность выбора — *русл*[л] и *русел*[ел], *сон*[л] и *сонел*[ел]: «или конечный согласный оглушается и делается таким слабым, что может совсем дойти до нуля, особенно перед начальным глухим следующего слова: *Пёт Петрович, пойдём в театр ...*, или образует отдельный слог, что может быть ступенью для образования «паразитического» гласного звука: *Пётр, театр, психиатр*, т. е. «орфографически»: *Пётор, театор, психиатор ...* или же: *Пётыр, театыр, психиатыр ...*»².

В современном русском языке формы, в которых орфографически отражена гласная между шумным и сонантом, типа *ветер* [в'эт'р], и формы без гласного на письме типа *метр* [м'эт'р], *кисл* [к'ис'л], *корм* [кóр'м], *жизнь* [ж'из'н']³ в тщательной речи не имеют произносительной разницы, так как в языке сложилась произносительная модель, которая облегчила трудное произношение шумного и сонорного согласных перед другим согласным и в конце слова. С одной стороны, как в случае *ветер* [в'эт'р], отмечается редукция вставного безударного гласного, с другой — как в случае *метр* [м'эт'р], появившаяся гласная вставка служит для обеспечения консонантной артикуляции. Как подчёркивает Л.Э. Калнынь, такая гласная вставка не выходит за пределы своей вспомогательной функции (обеспечение консонантной артикуляции) и остаётся вне правил вокальной синтагматики и отчасти слогаобразования⁴.

Длительность гласной вставки может быть увеличена, что связано со слогаобразующей функцией этой гласной вставки, которая имеет нормальную долготу безударного гласного. Диалектный материал передаёт на месте твёрдых слоговых плавных развитие сочетаний *-ор* (после задненёбных), *-ор*, *-ер* (после других согласных), на месте мягких слоговых плавных развитие сочетаний *-ел*, *-ер*: *рубель*, *калибер*, *кедер*, *метер*, *центр* (обл.), также примеры из работы А.А. Шахматова — *истопель* Шенк. (Оп.), *удобель* Шенк. (Оп.), *веперь* Усол. (Оп.), *журавель* Нижегород. (Доп.), *мысль* Шенк. (Оп.), *свою мысль потѣшаючи* Петроз. (Прич. сев. края, I, 76), *вѣтеръ*, *бобёръ*, *добёръ* Костр. (Виногр.), *быстеръ*, *мудеръ*, *кругаль*, *смугаль*, *мокаръ* Обоян. (Машкин) и т. п.⁵; в Беломорских былинах — *карабель* (83₃₉), *бесъ казени* (35₆₈)⁶.

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 234–235.

² Реформатский А.А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971. С. 206.

Такое положение отмечается и в поэтических произведениях, когда слоговое свойство сонантов заменяется гласной вставкой, как постпозитивной, так и препозитивной, ср. рифму *Врубель* — *в рубль* (И. Северянин).

³ На письме русский язык орфографически закрепил большинство форм без гласной вставки: *бездна* — *бездн*, *быстрый* — *быстр*, *волна* — *волн*, *вобла* — *вобл*, *вепрь*, *горло* — *горл*, *дряхлый* — *дряхл*, *журавль*, *игла* — *игл*, *игра* — *игр*, *круглый* — *кругл*, *мысль*, *острый* — *остр*, *пошлый* — *пошл*, *русло* — *русл* (по «Словарю русского языка» С.И. Ожегова (М., 1989) — *русел*), *рубль*, *смуглый* — *смугл*, устар. *стогна* — *стогн*, *титло* — *титл*, *утро* — *утр* и др., в заимствованных словах: *дышло* — *дышл*, *ехидна* — *ехидн*, *фильм* (< лат. *filtrum*), *театр* (< фр. *théâtre* < лат. *theātrum*), *метр* (< фр. *mètre*) и др.

⁴ Калнынь Л.Э. Вставные гласные как обеспечение консонантности звуковых цепей в русских диалектах // Проблемы фонетики I. М., 1993. С. 226.

⁵ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 232.

⁶ Васильев Л.Л. Язык «Беломорских былин». С. 29.

В поэтическом тексте написание и произношение слов с отмеченными сочетаниями согласных подчинены замыслу автора. Например, в стихотворении «Песня» Е.А. Баратынский использует оба произносительных варианта: «*Страшно воешь, завываешь, Ветр осенний*» и «*О, куда, куда вас, тучи, Ветер гонит?*»¹.

Таким образом, при оглушении сонанта (под влиянием гортанного смычного согласного) в конце слова (также в начале и середине слова) возникло стечение глухих согласных [*смысл?* > *смысл*]. В русском языке трудно произносимая группа согласных преодолевается в соответствии с произносительными закономерностями: а) группа согласных упрощается за счёт утраты сонанта, который обладал меньшей напряжённостью артикуляции *простерль* > *простёр*, просторечное [*жыс'*] *жизнь*; б) сонорный оглушается [*жыс'т'*]; в) развивается гласная вставка между согласными [*х'ит'ор*] или после плавного *оставле*, *Пётро*.

Изменения редуцированных в пределах фонетического слова. Ритмико-интонационное оформление энклитики

§ 36. Рассуждая об условиях проявления гортанного смычного согласного в русском языке, исследователи указали на позицию стыка фонетических слов между гласными, также перед гласным и перед согласным. Интересным представляется рассмотреть эту позицию в эпоху падения редуцированных гласных.

С падением редуцированных гласных сохранялись следы старых интонационных отношений, когда при разрушении музыкального ударения имелась основа его прежнего существования – пословное оформление фразовой мелодики, благодаря которой поддерживалась строгая последовательность прикрытых и открытых слогов, например, в Лавр. лет. — *варлгъ то* (52), *се же шлегъ* (15), *се градогъ* (14)², *сь же доужь* (Синод. сп. 1-ой Новгород. лет., 142)³.

Если в беглой речи последовательность звуков *согласный+гласный* не нарушалась, то возникало продление конечного редуцированного (оказавшегося внутри слова с артиклем) до гласного полного образования: *работъ* (Матфей XVIII, 26, Мар., Зогр., Асс.), *долготъ* (Марк III, 25, Мар.), *народсь* (Иоанн VII, 49, Мар., Зогр., Асс.), *можетсь*

¹ В классическом стихе (в отличие от разговорной речи) звукосочетания вроде [бр'ш], [стр#], [мл'ш] и тем более [т'ф'ш] традиционно не образуют отдельного слога: «*Октябрь уж наступил – уж роица отряхает...*», «*...Как легкий бег саней с подругой быстр и волен*» (А. Пушкин, «Осень»); «*И вот сентябрь! Замедля свой восход...*» (Е. Баратынский, «Осень»); «*...Летит штабротмистр на обед*» (М. Лермонтов, «Тамбовская казначейша»); «*Оружие на Кремль спешаще и знамена*» (М. Ломоносов, «Петр Великий»); «*...Торжественно державный Кремль стоял...*» (В. Жуковский, «Государыне Вел. Кн. Александре Федоровне...»); «*...Да ветвь с увядшими листьями...*» (А. Пушкин, «Анчар»); «*...Стоишь ты, ветвь Ерусалима...*» (М. Лермонтов, «Ветка Палестины»), «*Сидят папаша, Каждый хитр*» (В. Маяковский, «Хорошо»).

В поэзии XIX в. встречаются слова с гласным между шумным и сонорным, которые воспринимались как бытовые, разговорные: «*Ребенок был резов, но мил*» (А. Пушкин, «Евгений Онегин», I), «*Глаза – два уголя горящих*» (В. Тепляков, Фрак. элег., «Возвращение»), «*Встало пурпурное знамя, Искор высыпала рать*» (В. Бенедиктов, «Пожар»), «*За ним царить стал Федор, Отцу большой контраст; Был разумом не бодор, Трезвонить лишь горазд*» или «*Царь Александр Первый*» (А.К. Толстой, «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»), «*Здоров ли он? Вы ездите в театр?*», «*Но где ж у нас министр – демагог?*» (А.К. Толстой, «Сон Попова») и др.

² Малкова О.В. О принципах деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском языке и в древних славянских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 105.

³ Ляпунов Б.М. Исследования о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи. С. 54.

(Иоанн VI, 52, Мар.), *лежітось* (Лука II, 34, Асс.), *денеттъ* (Лука XXI, 34, Асс.)¹; *годо съ* (138а), *рабо ттъ* (73а) в Ев. XIII в. № 6²; *годось* (I 96г), *инопленьникось* (I 92г), *мирось* (I 16г), *народось* (I 24г, IV 127а), *родось* (I 60в, 61а, 62г, 103а, II 32г, IV 124б, III 93а), *хлѣвось* (I 11г), *храмось* (I 107б), *ѣловкось* (I 113б) в Галичском Ев. 1357 г.³

Механизм вокализации конечных редуцированных гласных объяснялся по-разному. А.И. Соболевский заметил, что «звуки *ѣ* и *ь* исчезли в конце слов даже тогда, когда на них было ударение: *родѣ, мирѣ* (сравни в Чудовском Новом Завете XIV в.: *родѣ-сь* 13, *мирѣ-сь* 46 об.)», а также совр. *ночесь* < *ночь-сь*, совр. *днесь* < *день-сь*⁴. Л.Л. Васильев считал, что проклитики и энклитики теряют ударение, присоединяясь к словоформе⁵. М.Г. Долобко видел в наречных выражениях на *-сь* праславянскую древность *день* – *днесь* (**dьnь* – **dьnьsь*), *ночь* – *ночесь* (**noktь* – **noktьsь*), *осень* – *осенесь* (**jesenь* < **jesenь* – **jesenьsь*), *вечер* – *вечорось* (**věčerь* < **večerь* – **večerьsь*, но русск. из **večerьsь*): «краткое ударение основной формы, отступающее на начальный слог акцентологической единицы, в производной переходит на следующий краткий слог в виде краткого же, но не отступающего ударения... Причина этих акцентологических изменений – присоединение к слову энклизивовавшегося местоимения, семасиологически вносящего указание на бытность в прошлом того, что выражено основным винительным времени»⁶. С объяснением М.Г. Долобко не согласен В.А. Дыбо, потому что описанное явление понималось М.Г. Долобко как результат передвижения акцента (вызванного присоединением энклитики) с циркумфлектированного слога на следующий за ним слог. По мнению В.А. Дыбо, следует вернуться к интерпретации Л.Л. Васильева, согласно которой в результате падения редуцированных энклитика становилась неслоговой, и «ударение передвигалось на предшествовавший слог словоформы: др. русск. (Чуд.) *градось, мирось, на родось, такось* (<**gordь-sь, *mirь-sь, *na rodь-sь, *jakò-sь* < **gordь-sь', *mirь-sь', *na rodь-sь', *jako-sь'*)»⁷.

Такая ритмико-интонационная организация высказывания встречается не только в памятниках письменности, например, в Галичском Ев. 1357 г. – *домоттъ* (I 51г), *работтъ* (I 49а, 99в, III 84б), *оученикоттъ* (I 24б), *ѣвкоттъ* (I 106а)⁸, некоторые формы сохранились до настоящего времени в различных русских диалектах. Например, в «Житии протопопа Аввакума»: *какѣ дощеник–отѣ ... не погрязь* (23), *пускай раб–отѣ Христов веселит–*

¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 46.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 244.

³ Жуковская Л.П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке (По материалам Галичского Евангелия 1357 г.). С. 64–65.

⁴ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 47.

⁵ Васильев Л.Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV–XVII веках // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 10. Кн. 2. СПб., 1905. С. 216–217.

⁶ Долобко М. Ночь – ночесь, осень – осенесь, зима – зимусь, лето – летось // Slavia, Praga, 1927. Roc. V. № 4. S. 678–717.

⁷ Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981. С. 48; см. также Дыбо В.А. Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 93–94.

Эта проблема рассматривалась русскими лингвистами: А.И. Соболевским (Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 224–225), А.А. Шахматовым (Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. С. 175), П.Я. Черных (Черных П.Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. С. 47–58), В.А. Богородицким (Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. С. 116–117), И.Б. Кузьминой, Е.В. Немченко (Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962. С. 3–32) и др.

⁸ Жуковская Л.П. Указ. соч. С. 65.

ся (82), *не знаю кто ... за язык—отъ меня держальъ* (48), *кажется цар—етъ не выдастъ* (Б 123) и др., в письмах царя Алексея Михайловича — *а соколотъ и селъ на ней* (70), *и такъ дохотъ слышетъ* (171)¹. Л.Л. Васильев в «Беломорских былинах» отмечает формы на - *отъ*, в которых член - *отъ*, как правило, сопровождает слова мужского рода в им.-вин. падеже ед. числа: *громъ—отъ, иише русської—отъ, сильнѣй—отъ всё богатырь—отъ* (7₅₉), *вдругъ—то сталъ—то чёрный воронъ—отъ невидимо* (63₁₆₆), очень редко слова женского рода с основой на -ь: *доць—отъ* (109₇₉). Членъ *отъ* мог употребляться и перед словом, к которому относился: *какъ отъ—пиръ идѣтъ на вѣсели* (68₁₆₁), *Ой какъ тутъ отъ—ножъ ушолъ* (69₂₂₆), *Отвѣчаётъ отъ—король ёму* (17₁₅₈) и др.² Подобные формы известны при словах мужского рода в современных севернорусских говорах, в которых имеет место усилительно-выделительная постпозитивная частица мужского рода -*от*³: *домот*, где -*от* выполняет ту же функцию, что и более раннее -*о*, и ту же, что и -*то*, -*та*, -*ту*, -*ти* (-*те*, -*ты*) при других формах существительных⁴.

Таким образом, если логика высказывания требовала выделения указательного местоимения, то *сь*, *тѣ* находились в самостоятельном положении. Конечный редуцированный предшествующего слова, оказавшись в безударном положении, утрачивался не полностью, оставалась гортанная смычка, которая и выполняла разграничительную функцию, например: в Добрил. Ев. 1164 г. — *родъ се* (151с), *рабъ то* (83б, 134в, 149а), *днѣ то* (5в, 179г), *ѿлвкъ то* (174г)⁵. Ударение на энклитике и вокализация соответствующего ударного редуцированного *рабъ то*, *родъ се* характеризуют тщательную речь.

¹ Черных П.Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. С. 47.

² Васильев Л.Л. Язык «Беломорских былин». С. 35–36, 41.

³ Ср. примеры из современной григоровской речи *заткни кадык-от, людей-от постыдился бы* (Смирнов, Кашин. 175), *от бога он што-ли град-от? И эту вертит ветер-от, не здешний парен-ѣт* и т. п. (Черных П.Я. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. С. 51, 55), *родимо-јот батюшко, перво-јот гот и не надо потацьки давать жонѣ, нов-от, стар-от поп* (Волог. г., Шенкур. у.) (Селищев А.М. Избр. труды. М., 1968. С. 363).

В настоящее время следует считать установленным, что на русской почве указательное местоимение *тѣ* представляет собой выделительную частицу, категория члена (артикля) на основе местоимения не развилась. А.М. Селищев, сравнивая функционирование -*отъ*, -*та*, -*то*, -*ту*, -*ти* в болгарском языке и в русском, доказал, что русские -*от*, -*та*, -*то* имеют эмфатическое значение, а не значение определения называемого предмета, не служат для конкретизирования его. Роль этих частиц та же, что и частицы -*то*, которая по севернорусским и среднерусским говорам вытесняет -*от*, -*та*, -*ту*, -*те*. С этими частицами употребляются не только имена нарицательные, но и собственные, не только прилагательные и местоимения, но и наречия (Селищев А.М. Избр. труды. С. 200–201, 363).

⁴ Касаткин Л.Л. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка. С. 253.

В.И. Чернышев, Л.А. Булаховский обратили внимание на то, что постпозитивные частицы -*от*, -*ат* характеризуют старинное просторечие и у писателей (в комедии) выступают в речи престарелых персонажей, например: *А разве умъ-отъ ничто?* (Д. Фонвизин, «Бригадир», 5б), *Да первоеъ (= первои-отъ) портной у ково же учился?* (Д. Фонвизин, «Недоросль», 4), *Любопытень бы я былъ послушать, чему нѣмецотъ (= нѣмецъ-отъ) ево выучилъ* (Там же, 10б), ... *В ученьи прокъ-отъ не великъ* (А. Грибоедов, «Горе от ума», д. 1, явл. 2), *Однако жѣ мостъ-атъ нашъ таковъ* (И. Крылов, «Лжец») (Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд. Вып. 2. Части речи. Пг., 1915. С. 372; Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. С. 93).

В русском разговорном языке частица *то* характеризуется тем, что она может присоединяться к различным частям речи: существительным, местоимениям, глаголам, даже к наречиям и союзам, она соединяется с тем словом, на которое падает логическое ударение: *дом-то у вас стар; старый-то дом мы починили; три-то рубля в день дорого; я-то совсем не устал; живѣт-то он бедно; там-то меня приняли хорошо; потому-то он и не пришел*.

⁵ Малкова О.В. О принципах деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском языке и в древних славянских языках. С. 105.

В беглой речи складывается другая ситуация: в неслоговом несамостоятельном положении (проклитически) *сѣѣ* (Синод. сп. 1-ой Новгородск. лет., 191, 215)¹, (энклитически) *летось, зимусь, вчерась, утрось, родобсь, робот* и др., потому что в древнерусском языке (как и в современном русском языке и в некоторых современных говорах архаического типа) словоформы с перенесённым ударением ведут себя подобно праславянским формам-энклиноменам. Присоединение энклитики удерживает конечное ударение словоформы на месте, поскольку конечный слог словоформы при этом перестаёт быть конечным слогом фонетического слова.

Так как гортанный смычный согласный, выполняющий функцию пограничного сигнала, мог заменяться в беглой речи артикуляционно удобным [j], то появились новые формы, отмеченные в великорусских говорах в некоторых выражениях: *сѣй год* Шенк. (Отв. № 80), *сѣй зимы*, Великоуст. (Отв. № 199), также современное – *сейчас*².

Таким образом, результаты изменения редуцированных гласных в пределах фонетического слова целесообразно рассматривать с позиций ударности-безударности слога. Ударное положение редуцированных предопределено просодическими отношениями, которые с падением еров постепенно отходят на второй план.

В тщательной речи функционирование гортанного смычного согласного отражается в виде сохранения редуцированного в энклитике или проклитике, так как фонетическая позиция стыка слов требовала отдельного произнесения предшествующего и последующего слов.

Ритмико-интонационное оформление проклитики

§ 37. Фонетическая история префиксальных морфем, отражённая в формировании так называемого приставочно-предложного параллелизма, оказывается противоречивой и непоследовательной. Тексты XI в. говорят о достаточной строгости в употреблении написаний без редуцированных в предлогах-приставках, отдельные случаи обозначения приставочного ера перед гласными и согласными характеризуются как нарушение устойчивой орфографической нормы.

В памятниках письменности на месте как исконно «еровых», так и исконно «безеровых» морфем отмечается не только вариантная передача приставок и предлогов, но

Не только в формах с односложным местоимением *тъ, съ*, но с союзом *нѣ* появлялся контекст с ударным редуцированным: в Добрил. Ев. 1164 г. – *но ѹтѣ* (52г), *но спитѣ* (62г, 93г, 133в), *но въ ѹрѣво* (101г), *но имѣ же* (73а, 193г), *но спѣтъ* (123б) (Малкова О.В. О принципах деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском языке и в древних славянских языках. С. 105); в Чуд., т. е. в XIV в. – *но ѹтѣ* (46а), *но да спѣтъ* (48в), *но се градѣ* (67в) (Зализняк А.А. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 116).

Если отмечалось проклитическое положение *нѣ* без ударения, редуцированный сохранялся потому, что *нѣ* имело более самостоятельное положение в речи, чем предлоги или местоимения. С исчезновением фонетического различия между энклиноменами и начальнударными ортотоническими словоформами (относящимся предположительно к позднерусскому периоду) ударение на проклитиках становится фонетически необусловленным, то есть традиционным. Союз *нѣ* существенную лексико-грамматическую информацию, всегда использовался с гласным, так как представлял собой языковое явление, в котором закрепляется неизменное значение односложного слова. Поэтому, будучи безударным на уровне слова, гласный в союзе не испытывал качественной редукции. Такие проклитики были названы относительными, так как, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, не полностью утрачивали некоторые фонетические признаки самостоятельного слова, безударный союз но сохраняет в произношении звук [о]: *мороз, но солнце* [*но-сѣнцѣ*] (Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку. С. 76).

¹ Ляпунов Б.М. Исследования о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи. С. 65.

² Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. С. 181.

и увеличение случаев обозначения предложного ера. Например: в новгородских грамотах на бересте — к **Мирславоу** (кон. XII в., 603), с **нилю** (XIII в., 222), с **ызветолю** (XII—XIII вв., 531), в **городицах** и ко **Онание**, въ волости (гр. Ст. Р. 10, XIII в.)¹; в Паисиевском сборнике XIV в. — в **правду** (182 об.), **впрашаю** (178), в **притчахъ** (71), в **прелюбодѣтаньи** (173); с **проскуралми** (184), с **прочими** (105), с **правдою** (119), с **проклатъемъ** (136), **спраглъ** (14 об.), **зъ ближники** (81), с **кровью** (93), с **клатвою** (125), с **трудоми** (121) и во **кѣрцьнѣ** (72), во **Хѣ** (44 об.), **воплощенѣ** (19), **водворает** (49), во **звѣри** (62), во **время** (101), во **чрѣвѣ** (127); со **проклатъемъ** (136), съ **правдою** (10 об.), съ **блгвнемъ** (125 об.)².

Написание предлогов-приставок *со-*, *во-*, *воз-* и др., как правило, объясняется проникновением слов и выражений из церковнославянского языка в восточнославянские языки: во **инѣ**, во **истиноу**, **сокровище**, **соборъ**, **сосудъ**, **совѣтъ**, **сохранити**, **сътворити**, **соблюсти**, **соблазнъ**, **сообщати**, **сопредельнѣи**, **соприкасатьсѣ**, **сожалѣти**, **соблаговолити**, **созадрѣити**, **соединити**, **сопати**, **восходъ**, **востокъ**, **возвратити**, **возлюбити**, **восприати**, **воплотити**, **вопрощати**, **сокроушение**, **воздвижение**, **вокроутъ**, **согрѣшити**, **водворити**, **возмѣтити**, **возлюбленнѣи**, **оуповати** и т. д., хотя под ударением *воз-*, *со-* в книжных словах **воздохъ**, **совѣтъ**. Эта точка зрения принадлежит А.А. Шахматову, который исходил из того, что «иноземные учителя, болгары, в произношении которых падение глухих произошло раньше, чем на Руси, учили произносить **ѣ** по-болгарски, т. е. как *o*, а **ѣ** по-болгарски же, как *e*»³.

Б.А. Успенский, рассуждая о русском книжном произношении в XI—XII вв., считает, что чтение **ѣ** как [o] в предлогах и приставках — это общерусская традиция, когда с утратой редуцированных писцы не могли больше опираться в своей орфографической практике на живое, разговорное произношение и исходили «из книжного произношения определённых грамматических показателей, которое было, видимо, особенно устойчивым в начале фонетического слова — в предлогах и приставках; более того — отталкивание от разговорного языка естественным образом осуществлялось прежде всего в начале слова и именно в том случае, когда это начало было морфологически оформлено... В этих условиях естественно сохраняется традиция чтения буквы **ѣ** как [o]»⁴.

В.М. Марков доказывает, что гласность в предлоге перед согласным следующего слова является ярким свидетельством особого значения предлогов в процессе усвоения конечного ера, то есть особого значения морфологического характера, проявляющегося с наибольшей полнотой при наличии определённых фонетических условий. Такими фонетическими условиями были, по мнению учёного, вставные гласные, которые разряжали трудно произносимые группы согласных. Поэтому вокализация предлогов понимается как процесс *морфологизации* вставочного звука⁵.

На предложно-приставочные формы можно взглянуть с позиций акцентологических закономерностей позднего периода существования общеславянского языка. Такой подход в общем позволяет объяснить, почему в древнерусских текстах по-разному представлены еровые приставки-предлоги.

¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986. С. 124.

² Попов М.Б. Некоторые вопросы относительной хронологии изменений редуцированных гласных в древнерусском языке. С. 26.

³ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 268.

⁴ Успенский Б.А. Русское книжное произношение в XI—XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров). С. 168.

⁵ Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. С. 70–113.

В позднем праславянском языке в результате музыкального понижения конечного слога нисходящие интонации на долготе и краткости отныне не встречались в срединном слоге (многосложного) слова, а поскольку понижение конечного слога не могло видоизменить ни природы этих ударений, ни вызвать повышения ударяемого слога, единственно возможным становилось возмездительное продление предударного слога. Если до этого последний был краток — ударение переносилось на него, если был долг — ударение сохранялось на старом месте, изменяя свой характер. По закону А.А. Шахматова, развивается рецессия на предлог или приставку с основы, имевшей предударные [ǫ] и [ǫ̆] или [j]: префиксальный гласный подвергается удлинению со стороны исчезавшего слабого корневого редуцированного¹.

Когда начинается падение редуцированных, вокализация или нулизация еров охватывает всё слово как фонетическую единицу, со всеми энклитиками и проклитиками, тонически с ним слитыми, автоматическое ударение полностью предопределяется фонетическим составом словоформы (тактовой группы) *со мною < съ мнѣножъ*, но *с тобою < съ товожъ*, *в тебѣ < въ тивѣ*. Поэтому причину вокализации редуцированных в предлогах и приставках в ряде основ и отдельных корнях слов можно видеть в перетяжке ударения на проклитики. Эта закономерность отражается в старославянском и древнерусском языках: *во мнѣ*, *со множъ*, *прѣдо мнѣножъ* (Син. пс. XV, 8), *ото днѣ* (Син. пс. XV, 2), *во тѣ часѣ* (Лука XII, 12)²; Добрилово Ев. 1164 г. — *во илѣ* (65 об.); Типографское Ев. XII—XIII вв. № 6 — *во илѣ*, *ко Исусу*; Житие Нифонта 1219 г. — *во истину* (65 об.); Кормчая ок. 1282 г. — *со Оркаднѣмъ*, *со игоумноу* (524); Пандекты 1296 г. — *во истину* (34 об.), *во уставнѣга часѣ* (122 об.), *во ѹмѣ*, *со инѣли* (139 об.), *со оружии* (141 об.), *во илѣ* (142 об.), *ко обои мѣ* (144 об.) и др.; в конце XIII — начале XIV в. это уже обычное явление: Ев. 1323 г. — *во илѣ* (7, 8 об.), *во истину* (9, 15 об., 17) и др.³

Действие закона Шахматова относится к очень давнему времени, с завершением падения редуцированных гласных оттяжка ударения на предлог-приставку прекратилась полностью, или была частично разрушена, или использовалась в грамматических целях. Однако в акцентованных рукописях сохраняются свидетельства действия закона Шахматова. Так, В.В. Колесов в новгородских рукописях отмечает архаическую особенность: рецессию на префикс через предударный редуцированный или йот, например, в Погодинск. сп. 1-й псковской летописи сер. XVI в. — *ко Пскову*, *во Псковѣ*,

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 84–88.

² Вайан А. Руководство по старославянскому языку. С. 46.

³ Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 1903. С. 48–49.

Таких примеров большое количество: Ап. 1597 г. — *на бѣ* (59 об., 112, 220, 223, 245 об.), *оу бѣ* (74, 104 об., 131), *по бѣ* (74 об., 75 об., 113, 150 об., 160, 188 об.), *ѡ бѣ* (60, 104 об., 205, 261), *прѣдѣ бѣго мѣ* (121), *ѡ мѣжа* (135, 141), *вѣзъ мѣжа* (141), *на мѣжа* (48 об.), *надѣ мѣжамѣ* (219), *оу снѣ* (76 об., 90 об., 102), *на сына* (201), *во время* (I, 4, 39, 70, 75 об., 158 об.), *на время* (126), *до времени* (25 об., 100, 168 об.), *ко времени* (134 об., 206 об.), *на древо* (10, 12 об., 74), *на древо* (72 об.), *при мори* (42 об.), *по мори* (56 об.), *по срѣ* (26), *на срѣ* (130), *по словѣ* (37), *вѣзъ слова* (73), *ѡ тѣла* (111 об., 142 об., 157 об., 224), *за тѣло* (199 об.), *на тѣло* (72 об., 178 об.) (Васильев Л.Л. Критика (С.М. Кульбакин, К истории и диалектологии польского языка. СПб., 1903). С. 500); Требник П. 1589 г. — *до плоти* (236 об.), Новг. Лет. — *во плоти* (449 об.) и др. (Васильев Л.Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. С. 20).

Примеры говорят о том, что русский язык долго сохранял такое акцентное явление, как передвижение ударения на предлоге. Круг предложноименных сочетаний с ударением на предлоге был обширным, сюда включались имена существительные разной семантики: не только имена с предметным значением, но и с отвлечённым значением (*на имя*, *во время*), личным (*по муже*, *на люди*, *за сына*, *на друга*), некоторые географические названия (*изъ Пскова*, *изъ Твери*, *во Пскове*, *во Псковѣ*) и др. (Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. С. 135–136).

кó Пскове рѣке, кó всему, кó мнѣ, кó княгини, кó князю, кó берегу; в Сборнике XVI в. — вó снѣ, вóзри, вóзрю, сóжгоу, вó дни, сóбранѣ, сóбралѣ, сóбраное, сóздати, рещессия в корнях с неполногласием — вó градѣ, сó власти, вó время, кó храму, вó чревѣ, вó гласѣ, сó гласомѣ, вó има, вó плоти, вó свѣтѣ, сó страхомѣ; в Псалтыри Погод. 86, XV в. — вóзметѣ, вó днехѣ, отóшлетѣ, кó мнѣ и др. В московских памятниках рещессия в формах без исконного редуцированного отмечается чаще, например, в Коншинск. сп. Домостроя XVI в. — вóзметѣ, неизòидетѣ, сó страхомѣ и др.; Сборник XVI в. Соф. 1464 — кó мнѣ, изóнзе, вóзри, кó кнземѣ, сóжже, сóжженѣ, сóтретѣ, вóзметѣ, вóзмутѣ, вóзмеши, кó другу, вó гнѣвѣ, кó свѣту, вó чрево, вó храмѣ и др.¹

Первоначально рещессия носила фонетический характер и происходила в любом случае, независимо от грамматического значения сочетаний с предлогами: Погод. сп. лет. — дó смерти моеи (61), нó смерти его (45); Псалт. XV в. — вó время свое (361), вó врем посещения (226), нó времени (482), вó время печали (607); постепенно в московских рукописях наблюдается процесс семантической и грамматической дифференциации нá смерть — на смёрть, вó время — во врёмя².

Дальнейшее развитие русского языка показывает, что это акцентное явление идёт на убыль: сужается круг предлогов, на которые возможна оттяжка ударения, и круг слов и форм, с которых она осуществляется³. С.П. Обнорский подчёркивает, что в диалектах и литературном языке отмечается *морфологизированный* перенос ударения с имён (в различных падежных формах) на предлог⁴.

Приведённый материал показывает, что происходил перенос ударения на предлоги (как и на префиксы), объясняемый из закона, согласно которому нисходящее

¹ Колесов В.В. Несколько дополнений к акцентологическому закону Шахматова // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 179–181.

² Колесов В.В. Несколько дополнений к акцентологическому закону Шахматова. С. 178.

³ Л.Л. Васильев находит «энклизу» в просторечии, в произведениях художественной литературы и считает, что ударение на предлоге сохраняется в русском языке и сейчас, хотя непоследовательно, например, народное *прийти кó время*; Костромск. *за дерево*, у Третьяковского в прозе — *уставы вырѣзывать нá-деревѣ* (I, 113), в басне — *Как нá дереве онѣ Дрозда увидел близко* (I, 244); совр. русск. *нá лѣто, за лѣто, нá зиму, за зиму, нá весну*, в говорах *нá осень, за осень*; также *за руку и за рѣку, нá лошадь и на лóшадь, нá море и на мóре, за домом и за дóмом, быть зáмужем и жена шла за мўжем, прийти вó время и во врёмя войны*; у Грибоедова — *умереть сó смѣху и со смѣху*. «...чем внимательнее мы будем вслушиваться в речь пословиц, загадок, песен, где слово как бы замерло, тем больше и больше мы будем находить энклитик; так в песне мы услышим: *Без мужа жена в доме сирота, При муже жена в доме госпожа*; слово *Бог* в обычной речи у немногих подвергается энклизе, но в пословицах энклиза его — вещь обычная: *Нá Бога надейся, а сам не плошай; Пораньше просыпайся, да за Бога хватайся; за Богом — молитва, за царём — служба; Все пóд Богом ходим*.

У писателей XVIII — нач. XIX века найдём энклитики, уже не существующие в настоящее время или существующие как наречия: *Ан стала без мужа пустёхонька кровать* — Вас. Майков 337; *Нежелъ у мужа ея* — Крылов; *Крушится ó сыне своем*. Соч. Ломоносова I, 58 (ср. нар. пословицу из песни: *поп не венчает, за сына чаёт*)» (Васильев Л.Л. Критика (С.М. Кульбакин, К истории и диалектологии польского языка. СПб., 1903), с. 500).

⁴ Например, в именах существительных мужского рода: *нó берегу* (Новгор.) (РФВ 40, 102); *дó бога, дó двору, нó лесу* (Кашин.) (Смирн. 95); *нó возу, не нó духу, нó краю* (Терск.) (Караул., 36); *дó веку, нó горбу, нó низу* (Кашин.) (Смирн. 95); *вó век* (Хемн. Конь и осел); *нó ветру, дó году, дó города, дó даму* (Шенк.) (Манс., 127); *сó львом* (Сузд.) (Черныш. 18); *сó льдам* (Пушк. Е. О. IV, 44); *сó лбу* (Кантем. I); *нó лбу* (Дмитр. Картина, Пушк. Ск. о попе, Некр., III, 44); *нó лузу* (Некр., 108, 201, 272, 274); *нó миру* (Держ. I, 89, Крыл., Дмитр., Некр.); *нó мужу* (Пуд.) (ib); *нó низу* (Крыл. Орёл и куры, Некр., I, 161); *нó носу* (Пушк., III, 575, Некр., III, 186); *Сестру взяла вó полон* (Пушк., I, 375). В именах существительных среднего рода: *кó дну* (Хемн. Друзья, Крылов Пушки и пар., Мыши); *сó зла* (Вят.) (Васнец. 297); *нó брюху* (Кашин.) (Смирн. 95); *вó время* (Гриб., Крыл., Пушк.), *не кó время* (Холмогор.) (Слов. Акад.); *сыгоря* (Терск.) (РФВ 44, 85) и др.; в именах существительных женского рода: *И дó воли наплачемся* (Кольц. Два прощ.); *нó Двине* (Шенк.) (id., 127), *дó земли* (Кольц. Удалец, — Терск.) (РФВ 44, 85); *нó изьби* (Мещов.) (Черныш. 103); *нó грязи* (Кашин.) (Смирн. 95), (Руз.) (Дурново); *сыздали* (Вятск.) (Зел., 155); *дó крови* (Шенк.) (Манс. 127); *дó ночи* (Крыл., Дмитр., Кольц., Пушк.); *нó плоти* (Терск.) (Караул., 36) и др. (Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927. С. 310–316).

ударение исконно было терпимо только в начальном слоге¹. Вот почему этому закону подчинились ряды слов муж. рода, которые закономерно акцентологически дают формы родительного и местного ед. числа на -у или ряды существительных жен. рода на -а, как образующие форму винительного падежа ед. числа с ударением на основе при форме именительного падежа с ударением на окончании, или, наконец, имена женского рода, переносящие в местном пад. ед. числа ударение с основы на окончание -и, но не переносящие его на то же окончание -и в род.-дат. падеже, так как это последнее *и* (нисходяще-долгое) не обладало способностью перетягивать на себя ударение. С.П. Обнорский сравнивает русские слова с аналогичными словами в сербском языке и обращает внимание на вторичный перенос ударения, например, *порог* и *хлеб*: «перенос отмечен лишь в сочетании — *за́ хлеб, за́ соль*, — очевидно, сочетание *за́ хлеб* вм. *за хлѣб* возникло под непосредственным влиянием соседнего закономерного *за́ соль*... исконно двойственны по ударению были слова *лето, утро, ухо*: *лѣто, у́тро, у́хо* (т. е. **лѣто, *у́тро, *у́хо*) и *лѣто, љ́тро, љ́хо*. Сербский язык ведёт к первому ряду параллелей (впрочем при *у́хо* диалектически в сербском известно и *љхо*), русский язык своими формами типа *на́ лето, за́ ухо, на́ ухо*, диал. *за́ утро* говорит о своей связи с последней разновидностью слов... Из отклонений в группе ж. рода русское *полоса́* — в ед. *пóлосу* расходится с серб. *плáса*, но делает правильным самый перенос ударения на предлог. Остальные слова ж. рода, действительно, противоречат норме; их следует отнести к числу позднейших аналогических новообразований»².

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 85 и след.

Не только на предлоги-приставки, но и на числительные происходил перенос ударения. А.Х. Востоков в «Русской грамматике» указывал: «заметить должно, что переход ударения с существительных на предлоги и на числительные *два, три* употребителен только в просторечии, и притом когда существительное не имеет за собою другого какого-либо слова, от него зависящего, как то прилагательного, или местоимения относительного, или существительного в родительном падеже; напр. *живетъ за́ гродомъ*; — *за гóродомъ Архангельскимъ. Заплатилъ столько-то рублей за́ землю и столько-то за́ лѣсъ*; — *за зѣмлю, на которой поселены крестьяне, и за лѣсъ мачтовыхъ деревьевъ. Былъ в отлучкѣ два́ года*; — *Два гóда, проведенные въ отлучкѣ*.

Сверх того числительные *два, три*, когда следуют за предлогом, принимающим на себя ударение, остаются сами без ударения и не лишают одного существительных; напр. *за́ два гóда, по́ три ра́за*» (Русская грамматика Александра Востокова. С. 374–375), но в литературный язык проникновение таких форм А.Х. Востоков не отмечал.

Л.А. Булаховский считает, что движение ударения на числительные хорошо засвидетельствовано фактами литературного языка первой половины XIX в.: «С жизненной бурей борюсь я три года, *Три́ года* малых не видел в глаза» (Катенин «Грусть на корабле» 1814 г.), «*Три́ года* длился обман, и она убеждать нас умела» (Жуковский «Одиссея»), «*И три́ раза* вспыхнув желанием славы, С земли он, опершись на руки кровавы, Вставал» (Катенин «Мстислав Мстиславович», 1819 г.) (Булаховский Л.А. Интонация и количество форм Dualis именного склонения в древнейшем славянском языке // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. 5. Вып. 4. М., 1946. С. 302).

² Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. С. 317.

А.А. Зализняк определил динамику оттяжек ударения на проклитики в разных частях речи. Так, у прилагательных (где оттяжки были возможны только при нечленных формах) в связи с постепенным отмиранием нечленных форм косвенных падежей сфера оттяжек резко сужается, они выступают в основном лишь в адвербиализированных сочетаниях (*за́ ново, по́ суху* и т.п.), которые постепенно превращаются в единые слова. У глаголов сфера оттяжек ещё уже — прежде всего из-за прогрессирующего вытеснения форм энклитоменов из парадигмы спряжения. Механизм оттяжек ударения актуален у предлогов с существительными, в XV–XVII вв. он хорошо сохраняется у непроизводных существительных в основной части восточновеликорусской зоны, в прочих ареалах он начинает несколько расшатываться. Переход к современному состоянию совершился у этого класса слов в основном в XVIII–XIX вв., у производных существительных данный процесс происходил раньше и быстрее (Зализняк А.А. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 117–132).

Вокализованный предлог закрепился и в тех группах согласных, между которыми в прошлом не было редуцированных: *во двор, во плоти, во время, во власти, во владение, со страху, со стороны, со скоростью* и др. Конечно, можно допустить, что при высокой частотности употребления языковое сознание сохраняло вокализованный предлог в сложной группе согласных. «Известную роль сыграл, по-видимому, при этом также момент фоноэстетического порядка — стремление разъединить гласным те же или схожие звуки: предлог *в* вокализируется преимущественно перед *в* и *ф* (ср., в частности, заимствования — *во фраке, во фразе, во Франции*), *с* — перед *с, з, ш, щ*: *со смеху, со стариком, со стола, со стипендией, со значением, со звездой, со шрамом, со шнурком, со щёткой, со щукой* и под. В относительно многих случаях возможно параллельное употребление: *со слезами* и *с слезами* и под.»¹.

На фонетическое оформление некоторых приставок могли повлиять стилистические факторы, дифференциация значений. Так, при использовании приставки *из-* допускается влияние словообразовательного значения производного глагола и его стилистической окрашенности. В частности, при выражении выделительного значения приставка *из-* не закрепила гласность в исходе: *избрать* < *изъбрати*, *изгнать* < *изгнати*. В глаголах, обозначающих полноту, чрезмерность, избыточность или результативность действия, приставка *из-* обнаруживает закономерную вариантность (*из-*, *изо-*), генетически связанную с процессом «вокализации» гласной вставки, оказавшейся в положении перед слогом с плавным и выпавшим редуцированным. Сравните: *кусать* — *искусать*, но *рвать* — *изорвать* < *изорвати*. То же в современных глаголах на *из-...-ся*: *писать* — *исписаться, лгать* — *изолгаться* и т. п.

Фонетически неоправданный вариант приставок (с конечным *о-*) может быть обязан взаимодействию глагольных форм, например, *собирать* ~ *сбърати*; форму *вошёл* < *въшьль* поддержали формы других родов и мн. числа: *вошла, вошло, вошли* < *въшьла, въшьло, въшьли*. Такой вариант мог появиться как попытка избежать столкновения одинаковых согласных на стыке префикса и производящей основы (*вовлечь, состричь, составить*), своеобразной «книжной» окрашенности форм с гласным завершением приставки (*содержать, сожалеть*) и т. д.²

Если формы *сокрыл* и *скрыл, восстал* и *встал* только стилистически противопоставлены в русском языке, то в других случаях произошла дифференциация значений, например, *содержать* и *сдержать, сохранить* и *схоронить, собор* и *сбор, воздух* и диалект. *вздух* «сторона судна». Возможно и полное проникновение церковнославянской формы в русский язык: *соблазн, союз, восторг*³.

Взглянем на фонетическую историю префиксальных морфем с позиций функционирования гортанного смычного согласного. Например, в предлогах: *вън* → *въ[ʔ]* → *во, сън* → *съ[ʔ]* → *со, кън* → *къ[ʔ]* → *ко* утрату [н] можно связать с проявлением [ʔ], когда возникшая за счёт [ʔ] напряжённость артикуляции вызывает продление редуцированного до гласного полного образования. Хотя известны и случаи перераспределения предлогов **вън*, **сън*, **кън* перед гласным следующего слова: *вън-ити, вън-ѣти, вън-ушѣти, сън-ити, сън-ѣти, сън-ьтъ*, конечный согласный сливался со следующим словом в одно органическое целое.

¹ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 87–88.

² Там же. С. 83, 87–89.

³ Успенский Б.А. Русское книжное произношение в XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров). С. 136–137.

По завершении изменения редуцированных возникает многообразие грамматического и семантического перераспределения рецессии ударения на префикс. В сочетаниях с бывшим энклиноменом сохраняется вокализация ударного ера в предлоге, если в слове имеется чередование звуков — *предо мною, надо всеми, со всеми, во всех, во всяком случае, во снѣ, со сна, во лбу, со зла* и т. д. Если чередование отсутствует, то вокализованный предлог не сохраняется, вероятно потому, что в этих условиях предлог тесно примыкал в слоговом отношении к следующему слову, а гортанный смычный согласный себя не проявлял: *со князи — с князем, со птенци — с птенцами, ко бчелѣ — к пчеле, ко дщери — к дочери, со книжники — с книгами, надо двѣри — над дверью, вниз, в Новгород, с детьми, с мольбою* и т. п.¹

Известны формы, когда гласный в предлоге появлялся перед согласным следующего слова *кы сударушке, сы друшкомѣ, вы колодязи, выстать, выздыхнуть*. Такие случаи были обнаружены А.А. Шахматовым² не только в памятниках письменности, но и в акающих и северо-западных окающих говорах, где предлоги и приставки после выпадения редуцированного развили гласную вставку [ы]³.

Таким образом, выстраивается связанное со старыми интонационными отношениями причинно-следственное изменение редуцированных гласных и проявление кнаклаута в русском языке.

С падением редуцированных в предложно-приставочных формах отражается согласно закону Шахматова результат рецессии типа *со мною*, что привело к фонетическому слиянию морфологически значимых компонентов. Первоначальное ударение на предлоге-приставке способствовало преодолению паузы между словами. Так сложилось слитное произношение предложно-приставочных форм, то есть делимитативно сильная позиция между морфемами, которая маркировала морфемные швы, превратилась в делимитативно слабую позицию, характеризующуюся слитным произнесением стыковых позиций⁴. Возникло абсолютное примыкание, «когда энклитики и проклитики совершенно не обнаруживают никаких внешних следов своего отдельного происхождения, а составляют вместе со словом, к которому они примкнули, одно целое звуковое образование — звуковую структуру слова. Последняя может быть организована как «монолитное» слово, т. е. с одним ударением и расположением всех гласных и согласных в необходимых позиционных модификациях — в отстоявшихся градациях тембра, длительности и силы»⁵.

¹ В современном русском языке фонетическая реализация префиксов соотносится с историческими чередованиями в основе и акцентологическим выравниванием, то есть полностью подчинена законам грамматики: *в-:во-: вбей — вобью, вогнать — вгонять, войти — войти, с-:со-: свить — совью, счёл — сочлá, согнать — сгонять, сомкнуться — смыкаться; об-:обо-: обжѣг — обожгѣ, обогнать — обгонять; от-:ото-: отберу — отобрáл, отрыва́т — оторву, отогнать — отгонять; под-:подо-: подбóрать — подберу, подогнать — подгонять; из-:изо-: измя́ть — изомну́, изогну́ть — изгибáть; раз-:разо-: разогна́ть — разгоня́ть, разтерѣть — разотру́* и др.

² Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 201.

³ Причина появления вставного гласного связывается с неудобными сочетаниями согласных *вст-, взд-*: «разрешение неудобного сочетания, помимо отпадения начального *в*, происходило путем вставки *ы*, как и при арх. *сыпуцаль*, а нахождение в говоре приставки *вы-* только облегчило и позволило выразиться этому явлению выпуклее и ярче» (Васильев Л.Л. К характеристике сильно акающих говоров // Русский филологический вестник. Т. 58. Вып. 2. № 4. Варшава, 1907. С. 249).

⁴ Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке...; Каленчук М.Л. О делимитативной функции фонем. С. 27–31.

⁵ Высотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 24.

С падением редуцированных гласных возникают условия для проявления гортанного смычного согласного. Например, слияния разнохарактерных морфологических категорий в предложных сочетаниях перед последующим гласным могло *не происходить*, то есть сохранялась пауза в сочетаниях слов с самостоятельным ударением на гласном, что получило на письме различное графическое выражение: *отъѣхати* (Остр. Ев., 269в., 279в), *отъѣхаеть* (Остр. Ев., 98а, 217г), *овыаданиа* (Сб. 1076, 36–37), *овьини* (Сб. 1076, 99) и др.¹

Однако тенденция к слитному произношению предложно-приставочных форм приводит к тому, что на месте [ʔ] развился вокализованный предлог. Так была преодолена пауза на стыке слов.

В дальнейшем фонетический фактор организации предлога и слова сменили факторы морфологический и семантико-синтаксический, которые на современном этапе определяют фонетическое оформление предлога-приставки и корня: *вбей* – *вобью*, *свить* – *совью*, *обжѣг* – *обожгю*, *отберу* – *отобрáл*, *подобрать* – *подберу*, *измять* – *изомну*, *разогнать* – *разгоняю*.

Таким образом, в незакономерном появлении вокализованного предлога можно видеть результат функционирования гортанного смычного согласного на стыке проклитики и слова. В тщательной речи гортанный смычный вызывал отдельное произношение предложных форм, в беглой речи на месте гортанной смычки появлялся гласный, который обеспечивал слитное произношение стыковых позиций.

Фактически, чтобы избежать глухого приступа или паузы, разделяющей артикуляцию соседствующих согласных, появляется слогаобразующая гласность, благодаря которой сохраняются фонетически неустойчивые группы согласных.

Гортанный смычный согласный в вокалических сочетаниях

§ 38. Вокализованные варианты предлогов выступали в разных контекстах, не только перед фонетически закономерным сочетанием согласных *ко мне*, *со снотхой*, *во рту*, перед словами, начинающимися с одиночных согласных *ко полю*, *во лесу*, но и перед начальным гласным следующего слова *во имя* (34а), *во истину* (39г, 109а, 147г, 183г), *воину* (33б, 41в), *со їсмь* (190г), *ко їсоу* (137а, 145в, 236б), *ко їзлю* (264а), *прѣдидоуще* (173г, 264г, 265г), *ото иерусалима* (4а), *во оно в* (165г), *ко англоу* (262в) (Добрилово Ев. 1164 г.)².

Конечный [ʔ] этих предлогов мог легко ассимилироваться следующими [о, а, и], переходя в те же гласные звуки: *безо отца*, *изоу оутрь*, *въообразноу* и пр. Л.Л. Васильев объяснил причину вокализации редуцированных в предлогах перед гласными [и, у, о, а] следующего слова тем, что в древнерусском языке в эпоху до падения редуцированных проходил фонетический процесс сокращения «нейотированных» гласных в начале слова и переход их в неслоговые звуки. Результатом такого процесса и была вокализация слабых редуцированных в предлогах (*во имя*, *во истину*, *ко англоу*, *со онага страны* и т. п.)³.

¹ Примеры из: Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. С. 51.

² Малкова О.В. К вопросу о влиянии «нейотированных гласных» на предшествующий ʔ в предлогах и е в отрицании в древнерусском языке. С. 129.

³ Васильев Л.Л. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. С. 211.

О.В. Малкова исследовала это явление на материале памятников южного происхождения (Добрилова Ев. 1164 г., Галицкого Ев. 1144 г., Типографского Ев. № 6 XII в., Поликарпово Ев. 1307 г.) и в южнорусских грамотах XIV–XV вв. По её наблюдениям, предлоги и приставки на *-o* перед *и-*, *оу-*, *о-*, *а-* следующего слога в грамотах почти не употребляются. Отсюда автор делает вывод, что данное явление было свойственно только церковным памятникам, носило книжный характер и отражало стремление разъединить в произношении с помощью гласного предлог и следующее за ним слово, которое начиналось с гласного¹. О книжном характере этого явления пишут О.А. Князевская², Л.А. Булаховский³, Б.А. Успенский⁴.

Хотя ещё в начале XX в. Л.Л. Васильев на материале древнейших текстов (Христинопольский Апостол XII в., Милятино Евангелие 1215 г., Толстовский Сборник XIII в.) и Лаврентьевского списка летописи, двух томов Собраний Государственных Грамот и Договоров и др. доказал, что это явление нельзя объяснить только языком церковных книг, так как в грамотах встречаются случаи написания буквы *o* вместо *ъ* в предлогах перед следующим *o*: *со огородомъ* (грам. 1422 г., пам. Голов. № 34), *со ѿбою сторону* (грам. 1421–1430 г., ib. № 39), *предо ѿчима* (грам. 1421 г., Палеограф. снимки № 33), *зо ову* (грам. 1412 г. ib, № 50) и др.⁵

В.М. Марков сравнил показания Остромирова Евангелия с показаниями документов XII и последующих веков и пришёл к выводу: передача на письме предлогов-приставок *отъ-*, *надъ-*, *подъ-* и др. говорит о постепенном *закреплении* редуцированного, что вступало в очевидное противоречие с традиционным пониманием так называемого падения еров, усвоение предлогов с ером перед гласным могло происходить только в условиях *осознанной слышимости* редуцированных⁶. В.М. Марков не даёт описание специфики предполагаемого звука, который возникает в результате морфологического обособления предлогов-приставок, а рассуждает о взаимоотношениях между старыми и новыми редуцированными.

Думается, что широкое употребление вокализованных вариантов предлогов-приставок (в период падения редуцированных и по завершении этого процесса) на стыке значимых единиц типа *ко отцу*, *во имя*, *сы их* и др. может получить в настоящее время вполне логичную фонетическую интерпретацию.

Не вызывает сомнений связь этого явления с законом открытого слога, который вплоть до падения редуцированных определял высокую вокальную насыщенность звуковых цепей древнерусского языка. С падением еров в предложно-приставочном *o* на месте *ъ* перед [*и*, *о*, *а*] отражается результат рецессии. Рецессия начиналась как следствие исчезновения безударных редуцированных, а затем рецессии стал подвергаться любой корневой гласный с нисходящей интонацией. Восходяще-нисходящий мотив в пределах одной синтагмы в дальнейшем мог сохраняться (как наследие праславянского различия акута и циркумфлекса) в виде пословного оформления интонационного контура фразы. Такое пословное оформление интонации свойственно современ-

¹ Малкова О.В. К вопросу о влиянии «нейотированных гласных» на предшествующий *ъ* в предлогах и *e* в отрицании в древнерусском языке. С. 128–139.

² Князевская О.А. Описание рукописи Московского Евангелия 1358 г. С. 135–136, 143.

³ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. С. 83, 87–89.

⁴ Успенский Б.А. Русское книжное произношение в XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров). С. 167–168.

⁵ Васильев Л.Л. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. С. 198.

⁶ Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. С. 39–53.

ным архаичным языковым системам. Р.Ф. Пауфошима обнаружила, что в вологодских говорах отмечается склонность к выделению каждого самостоятельного слова с при-мыкающими к нему проклитиками и энклитиками в отдельную синтагму, также происходит акцентное усиление первого слога в многосложных словах. Слуховой эффект акцентного усиления первого слога создаётся за счёт таких акустических средств, как повышение частоты основного тона на гласном этого слога, усиление физической интенсивности и увеличение длительности гласного¹.

Как было уже отмечено, падение редуцированных гласных активизирует действие гортанного смычного согласного. Поведение [ʔ] в позиции перед гласным следующего слова получило подробное описание в научной литературе без упоминания этого (потенциального) звука.

Нужно заметить, что не только в предложных формах, но и вообще в потоке речи при нарушении последовательности звуков *согласный + гласный*, в позиции между гласными возникал необходимый переходный элемент – глухой гортанный смычный согласный, устраняющий несвойственное русскому языку зияние гласных. Такой согласный передаётся на письме, например: **ѡЩЕ ХОЩЕШИ ИЗБѢГТИ ВѢДѢТИ СЕѢ. ДАИ МИ СЛОВО ДА Т ѠПОУЩЮ ТѢ НЕ ТѢКНО ѠСТАНЕШИС ГРѢХѢ СВОИХѢ НѢ ДА И МИРА ѠВѢРЖЕШИСѢ** (Синод. сп. 1-ой Новгород. лет., 144^в)².

В греческом языке надстрочные знаки придыхания различного вида имели определённое фонетическое значение, но, по мнению большинства исследователей, в древнерусских памятниках такие знаки получили чисто декоративное значение. Думается, надстрочный знак в виде точки над гласной имеет фонетическое значение. Е.Ф. Будде обратил внимание на то, что надстрочные знаки, как и еры, отражают физиологическую потребность, которая проявляется при паузе, при встрече двух гласных: **дѢѢНИИ, тѢѢѢГО, сѢѢѢГО, доуѢѢѢНИЕМЪ**. Учёный указывает: «как трудно произнести чистый гласный звук, в особенности при его соединении с другим гласным, без особого голосового надбавка, выражаемого, по мнению Сиверса, в греческом правописании знаком ^ʹ – *spiritus lenis* – над гласным, настолько нам легко произнести јотованный гласный, в котором *j* уже сам по себе и есть этот физиологически необходимый голосовой надбавок»³.

Точка проставлена в положении вокального конца и вокального начала стыкующихся слов (также внутри слова между гласными на стыке морфем, в начале речи перед начальным гласным). Такой графический знак мог указывать на гортанный смычный согласный, который возникал перед гласным в связи с особенностями его артикуляции. См. ещё наблюдение Е.Ф. Будде: «Напр., написание **и ѡтѣтѣждоу** нельзя прочитать в силу поставленного знака так, как оно могло бы читаться без этого знака – «*јоттуду*»: если бы этого знака не было, то с течением времени многие слова превратились бы в непонятные сочетания звуков, будучи прочитаны и написаны согласно местному произношению при постепенном забвении др. слав. правописания. Написание **да исповѣдѣтѣся** ничем другим не отличается в своём произношении от «*дай исповѣдѣтѣся*», которое слышится, как «*дай сповѣдѣтѣся*», как только тем, что произнесено будет *отдельно*, в два слова, чему способствует надстрочный знак – указатель такого чтения»⁴.

¹ Пауфошима Р.Ф. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре. С. 94–102.

² Ляпунов Б.М. Исследования о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи. С. 54.

³ Будде Е.Ф. К вопросу о надстрочных знаках в древнеславянских и русских рукописях. С. 25–26.

⁴ Там же. С. 26–27.

Заметивший своеобразное звучание на стыке конечного согласного предыдущего слова с начальным гласным следующего слова, особенно между предлогом и словом с вокалическим началом, А.А. Потебня затруднился дать этому явлению чёткое определение: «Мне кажется верным, что мы слухом различаем *съ А'нной* (с *Анной*) и *сáнной*, *съ умá* и *сумá*, *изъ усть* и *изуст-ный*, *разъ огреть* и *разогреть*. Есть ли это глухой звук? И да, и нет. Да, в смысле того минимума гласности, без которого согласная эксплозивная на конце не могла бы быть произнесена; нет — в смысле глухого, образующего слог»¹.

В 1908 г. Л.Л. Васильев указал, что при помощи гортанного смычного согласного (его передаёт на письме конечный редуцированный) слова отделяются друг от друга: «когда *ъ* исчезал, конечные согласные предлогов произносились с твёрдым приступом, гласные же звуки *о*, *у* принадлежали именно к числу тех гласных, которые могли иметь перед собою твёрдые согласные; отсюда понятно, что рядом с формами *подъ ухо*, *въ оба* (произносились *pod'ucho*, *v'oba*, т. е. когда *ъ* исчез, осталась ещё некоторое время память о нём в слогеделении) очень рано стали возникать формы *poducho*, *voba* с единством артикуляции согласного и гласного, которые и вытесняли первые»².

О существовании в русском языке гортанного смычного [ʔ] в словах с начальным гласным в 1928 г. рассуждал Е.Д. Поливанов: «когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (*к*, *от* и т. п.), гортанный смычный [ʔ] оказывается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; получаются, таким образом, своего рода «г а м з и р о в а н н ы е» согласные: [*kʔac:u*] = «*к отцу*», [*aʔac:a*] = «*от отца*» и т. д. В таких же случаях, как «*в ад*», «*в атаманы*», этот *coup de glotte* [ʔ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʔ] я часто опускаю) предшествующее *v* предлога (или «префикса»): [*fʔat*, *fʔatamanu*]»³.

А.А. Реформатский на материале современного русского языка указал на гортанную смычку в этой позиции: «В русском произношении гортанный приступ может возникать лишь при искусственном отделении предлога, заканчивающегося согласным, от существительного, начинающегося гласным: *к/отцу*»⁴.

И.Г. Добродомов обратил внимание на правила написания наречий типа *в открытую*, которые были сформулированы с опорой на «анлаутную гортанную смычку (твёрдый приступ)», т. е. гортанный смычный согласный, находящийся в позиции начала слова перед гласным⁵. Гласный неприкрытого слога удлинялся за счёт согласного приступа, который сопровождал этот гласный.

О.Г. Ключинская экспериментальным путём сравнила длительность безударных гласных прикрытых и неприкрытых слогов общеупотребительных слов русского литературного языка и обнаружила при анализе неприкрытых слогов, «что в целом ряде случаев их произнесение предваряется неким «щелчком», подобным твёрдому приступу (или взрывному согласному типа [*к*], и отчётливо видно на осциллограмме. После этого звука гласный чаще всего оказывается чрезвычайно кратким — буквально призвуком, — но на слух опознаётся без затруднений и не отличается от прочих прочтений»⁶.

¹ Потебня А.А. Разбор сочинения П. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия». Киев, 1876. С. 61.

² Васильев Л.Л. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. С. 217.

³ Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. С. 90.

⁴ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960. С. 80. Прим. ред. 2.

⁵ Добродомов И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке. С. 41–47.

⁶ Ключинская О.Г. О соотношении длительности гласных неприкрытого и прикрытого слогов. С. 145.

Л.А. Щербакова (вслед за И.Г. Добродомовым) на материале современного русского языка указала на правило раздельного написания предлога с консонантным исходом и знаменательного слова с вокалическим началом типа *в открытую, в обмен, в обрез, в обнимку, в отместку, в обтяжку, в обхват, в одиночку, в охапку, в упор, под уклон* (см.: Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. С. 43, 45). Такое раздельное написание наречий связывается с особым произношением, обусловленным наличием гортанного смычного между предлогом и прилагательным, существительным. Именно благодаря артикуляции этого звука в указанном сочетании мог происходить небольшой перерыв дыхания, необходимый для смыкания и последующего размыкания голосовых связок. Эта артикуляционная особенность нашла отражение в современной орфографии: она фиксируется с помощью пробела¹.

Таким образом, в системе русского языка особым протетическим звуком оказывается гортанный смычный согласный, который практически не осознаётся носителями языка, так как он артикулируется как согласный приступ гласного. Гортанная смычка ассимилируется между гласными, которые по своей сути не артикулируются без размыкания голосовых связок. За счёт такой артикуляции согласного гласные чётко отделяются друг от друга, но никакого согласного между ними не слышно. Такая протеза может быть признана в прямом смысле этого слова идеальной: з[а?Э]льбой.

Возвращаясь к историческому материалу, можно утверждать, что утрата конечных редуцированных вызвала проявление гортанного смычного согласного, который препятствовал фонетическому слиянию морфологически значимых компонентов и обеспечивал раздельное произнесение предлога и следующего слова. Наличие согласного приступа перед вокальным началом следующего слова объясняет широкое отражение предложного ера перед последующим гласным (при его отсутствии в приставках) в памятниках письменности, например, в Путятиной Мин. — *везъ истьленига* (47, 95, 68 об.), *везъ истьченига* (95), в Софийской Мин. XII в. — *изъ истокъ* (11 об.), *изъ отьутьства* (19 об.), *везъ оружиа* (30), *везъ оца* (31, 36 об.), *изъ едема* (34 об.), *изъ облака* (41), *изъ егюпта* (42 об.)². Таким способом сложившаяся древнерусская орфографическая традиция передавала особенности слогаделения, а конечный редуцированный предохранял консонантный элемент типа смычного согласного перед начальным гласным слова от процессов аккомодации. Поэтому еры (буквы) длительное время сохранялись на письме в конце слов как показатель границы между фонетико-фонологическими единицами.

Усиленное написание других гласных перед *а, о, оу, ѡ, и, е* и перед *ј*, то есть ассимиляция ера с начальной гласной следующего слова: *изо овоѡж* (XIII Сл. Г. Б., 154β); *везо оца* (ib 148α), *везо осажденига* (ib 6а), *изо облака* (Добр. Ев., 267д); *во оучю, со вѡѡ половинѡ* при *с вѡѡ половинѡ* (Новг. 1471 № 20); *во осень* (Псков. 2-я, 19), *во влонци* (Кормчая 1282), *во отьца* (Гр. ок. 1285 г.), *изо олтарѡ* (Ж. Бор. и Гл. XII в.), *со отрокомѡ* (Юрид. сб. XIV в. Р. Д. II, 14), *изо вѡѡктоша* (Миняя 1095, 106а), *изо вѡѡстанеть* (гр. Мстислава ок. 1130), *изо вѡѡразиста* (Миняя XII в. Синод. № 166, 15а), *везо оучство* (Добр. Ев. 126с); *изо оуѡтрь* (XIII Сл. Г. Б., 207β), *изо оуѡшью* (Ипат. 151б); *вѡѡдалка* (Юрьев. Ев. 88д, 134д; Гал. Ев. 1144, 6в), *вѡѡдалкахъ* (Типогр. Ев. XII в., № 1, 50с), *вѡѡдалужтъ* (Юрьев. Ев. 38в), *вѡѡдалуете* (Парем. 1271, 70в); *вѡѡ Исаниѡ евангелии* (Панд. Ант. XI в.), *кѡѡ истьую* (Гр.

¹ Щербакова Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

² Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. С. 65, 68.

1229 в сп. XIV в. Р.Д. II, 264), *сы их издѣньгынми грамотами* (Пов. об Азовск. сидении XVII в. № 409, 56)¹ связана с тем, что глухой гортанный смычный согласный артикуляционно легче проявляет себя между гласными *со[?]отрокомъ*². В этих условиях снимается относительная напряжённость в работе органов речи, по сравнению с позицией [ʔ] после согласного перед гласным, сонантом и наоборот *с[?]отрокомъ*.

В интервокальном положении глухой гортанный смычный согласный имеет способность теряться, гласные, оказавшиеся рядом, испытывали ассимиляцию и затем стяжение. Так, при нарушении гортанной смычки происходит её звонкое разрешение *възаалкахъ* и развивается гласность. В этом случае можно видеть растворение кнаклаута в гласном предлога, который фактически заменяет кнаклаут гласного следующего слова.

В приставке-предлоге гласный имеет нулевую различительную силу, не мешая восприятию слова. В целом, в подобных написаниях отражается процесс упрощения системы гласных и усложнения системы согласных, который приводит к тому, что гласные играют всё меньшую роль для различения слов, особенно в безударном положении.

Таким образом, наличие согласного приступа перед вокальным началом привело к использованию (после падения редуцированных) в памятниках письменности предложного ера. Русская орфография при помощи буквы ъ фактически отражала на письме делимитативную функцию гортанного смычного согласного. При таких условиях конечный редуцированный предохранял консонантный элемент перед начальным гласным слова от процессов аккомодации.

В беглой разговорной речи в интервокальном положении гортанная смычка утрачивалась, поэтому гласные, оказавшиеся рядом, испытывали ассимиляцию и стяжение.

Вопросы для повторения

1. О чём говорит большое количество терминов при решении вопроса о фонетической природе редуцированных звуков?
2. Каковы условия позиционного распределения <ь> и <ѣ>?
3. Кто впервые чётко сформулировал принцип деления на сильные и слабые редуцированные?
4. Как традиционно понимается фонетическое распределение редуцированных в древнерусском языке?
5. Какова последовательность падения редуцированных гласных? Как отражен этот процесс в разных по происхождению памятниках?
6. Какое объяснение получает процесс восстановления редуцированных в группе согласных?
7. О чём говорит вокализация редуцированных в абсолютном конце слова?
8. Каковы причины оглушения звонких согласных?
9. С чем связаны консонантные потери в группе согласных?
10. Какие точки зрения существуют по вопросу развития гласных вставок в группе согласных с сонантом?

¹ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. 201.

² М.В. Панов, исследовавший разговорный стиль произношения, отмечает, что «сонорность звуков при переходе от одного гласного к другому снижается» (Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 74). И.Г. Добродомов, анализируя это замечание М.В. Панова, заключает, что описанное снижение сонорности свидетельствует о наличии между гласными гортанного смычного, реализующегося не как взрыв, а как скрип (Добродомов И.Г. Беззаконная фонема [ʔ] в русском языке. С. 46–47).

11. Каковы результаты изменения редуцированных гласных в пределах фонетического слова?
12. Как изменялись редуцированные гласные в энклитике?
13. Как изменялись редуцированные в приставках-предлогах?
14. Какова роль гортанного смычного согласного в просодических вариациях стыка слов?

Основная литература

1. Колесов, В.В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.В. Колесов. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ; М. : Академия, 2005.
2. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Добродомов, И.Г. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке / И.Г. Добродомов // Проблемы фонетики IV : сб. статей. – М. : Наука, 2002. – С. 36–52.
4. Добродомов, И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке / И.Г. Добродомов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 103–108.
5. Добродомов, И.Г. Парадоксальная фонема /ʔ/ в русском языке / И.Г. Добродомов // Вопросы филологии. – 2003. – № 1 (13). – С. 15–24.
6. Щербакова, Л.А. Фонетика и фонология на стыке морфем и слов (О делимитативной функции гортанной смычки в русском языке) / Л.А. Щербакова // Вопросы языкознания. – 2006. – № 2. – С. 111–118.
7. Щербакова, Л.А. Гортанный смычный согласный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Щербакова. – М., 2006.
8. Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – 2-е изд. – М. : Наука, 1965.
9. Высотский, С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах / С.С. Высотский // Исследования по русской диалектологии. – М. : Наука, 1973. – С. 17–41.
10. Проблемы фонетики I. – М. : Прометей, 1993. – С. 212–227.

Дополнительная литература приведена в подстрочных ссылках, в которых указаны цитируемые источники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем пособии была сделана попытка рассмотреть причинно-следственные отношения в системе русского вокализма на примере изменений ударных гласных переднего ряда.

Проанализировав традиционно решаемые вопросы о переходе <e>o> и совпадении <ѣ> со старой фонемой <e>, было предложено иное видение проблемы: утрата старой фонемы <e> и трансформация <ѣ> в новую фонему <e>, в которой отражены рефлексы трёх древнерусских фонем: <ѣ>ѣ в состав современной фонемы <e/ѣ> вошла полностью, фонема <e> вошла только частично, ограничиваясь теми позициями, где не было перехода <e>o>; частично вошла фонема <ь>, аллофоны которой в палатальном окружении не испытали ни перехода в [o], ни исчезновения [ь] из произношения. Новой взгляд на судьбы фонем <e> и <ѣ> сделан с опорой на следующие положения. В древнерусской акцентно-ритмической структуре слова имеют место такие средства фонетической организации слова, как межслоговой сингармонизм (гармония гласных по ряду) и словесное ударение. При переходе от вокалической к консонантной системе в русском языке действует механизм взаимосвязи между соседними слогами. Пересмотр традиционной точки зрения на причину, характер и хронологию перехода <e>o> показал, что это изменение объяснимо межслоговой ассимиляцией гласных, а не влиянием лабиовеляризованного согласного, оказавшегося после падения редуцированных в одном слоге с <e>. Судьбу старой фонемы <e> можно решить, принимая во внимание все позиции реализации <e>: под ударением перед твёрдым и мягким слогами. Одновременные позиционные изменения <e> указывают (с падением редуцированных) на дивергенцию <e> с конвергенцией дивергировавших аллофонов с рефlekсами фонем <o> и <ѣ>. Употребление в любых позициях только <o> и <ѣ> подтверждает окончательную дивергенцию <e>. На основании этого делается вывод о полной утрате старой фонемы <e>, а не <ѣ>ѣ.

Системный подход при изучении изменений ударных гласных переднего ряда позволил представить цепную реакцию дивергентно-конвергентных процессов, суть которой состоит в том, что преобразования со стороны фонемы <e> вызвали и преобразование <ѣ>ѣ. Под ударением <ѣ> представлен закрытым аллофоном [ѣ] и открытым аллофоном [e]. Перед мягким слогом с фонемой <ѣ> сливается старая фонема <e>, но в положении перед твёрдым слогом <ѣ> и старая фонема <e> никогда позиционно не совпадали ни до, ни во время конвергенции <e>o>. Причем, открытый аллофон [e], появившийся позже из <ѣ>, не изменяется в [o]. Учёт этого фактора и проливает свет на происхождение современной фонемы <e>. Место дивергировавшей фонемы <e> занимает открытая вариация фонемы <ѣ>, которая укрепляет свои позиции за счёт случаев, в которых согласные отвер-

дели сравнительно недавно [$e > \acute{e} > e$], слов книжного происхождения, с укоренившейся нормой чтения высокого стиля «как написано», случаев морфологического происхождения и заимствованной лексики. Несмотря на переход открытой разновидности [e (из \acute{b})] в зону среднего подъёма, этот звукотип практически не подвергается аналогическому воздействию со стороны форм, переживших изменение $\langle e > o \rangle$. Появление нескольких случаев с $\langle \acute{e} > o \rangle$ говорит лишь о силе морфологического этапа в изменении $\langle e > o \rangle$, в поле действия которого попали и словоформы с $\langle \acute{e} \rangle$.

Известная условность и схематизм диахронического описания звуковой стороны языка позволяют сопоставить факты, содержащиеся в памятниках письменности, с результатами преобразований $\langle e \rangle$ и $\langle \acute{e} \rangle$ в некоторых современных севернорусских говорах. В говорах с семифонемным вокализмом (с противопоставлением верхнего, верхнее-среднего, среднего и нижнего подъёмов) и ограниченной корреляцией согласных по дифференциальному признаку палатализованность-непалатализованность переход $\langle e > o \rangle$ представляет собой чисто синтагматическое изменение старой фонемы $\langle e \rangle$ в слабой позиции, дивергентное развитие $\langle e \rangle$ не приводит к конвергенции с другими фонемами. В говорах, знающих противопоставление согласных по твёрдости-мягкости, отмечается завершение дивергентно-конвергентных изменений $\langle e \rangle$ и $\langle \acute{e} \rangle$.

В настоящем пособии получил решение вопрос, который до настоящего времени практически оставался открытым. Комплексное рассмотрение изучаемых объектов позволило иначе представить эволюцию начальных $\langle e \rangle$ и $\langle o \rangle$, по сравнению с тем, как история начальных $\langle e \rangle$ и $\langle o \rangle$ описана в исторических грамматиках русского языка. С опорой на гипотезу о роли гортанного смычного согласного [$ʔ$] в истории русского вокализма было предложено новое понимание механизма перехода [$e > o$] в начале слова, а именно: основным фактором преобразования [$e > o$] явилось воздействие гортанного смычного согласного на начальный гласный слова. Доказательством послужило то, что в русском языке функционирует факультативный глухой гортанный смычный согласный, который встречается на стыках слов (внутри и на стыках синтагм), в положении перед гласным после гласного и после согласного звуков. Гортанный смычный согласный проявляет себя уже в эпоху действия закона открытого слога. При утрате конечных согласных (напр.: род падеж **vьlka* при санскр. *vr̥kāḍ*, **synъ* при лит. *sunus*, **mati* при лат. *mater* и т. п.) остаётся гортанная смычка, которая сопровождает артикуляцию начального гласного следующего слова. Таким способом начальный гласный, находящийся в звуковой цепи слова, отделяется от последнего гласного предыдущего слова во избежание межсловных sandhi. Неприкрытый гласный становится прикрытым. Гортанный приступ выступал как слоگو- и словоразделитель (пограничный сигнал) на стыке любого слова со следующим словом с вокалическим или сонантным началом. Гортанная смычка исчезала перед шумным консонантным началом.

В интервокальном положении на месте гортанной смычки развиваются близкие по артикуляции и звучанию гласным согласные звуки. Древнерусский язык с помощью протетических звуков стремился устранить сочетания «гласный + гласный». Малоконтрастные с окружающими гласными согласные элементы могли легко утрачиваться. Так, при *jedinъ* в общеславянском языке существовало русское *hedinъ*, *hedьnъ*, которое могло дать только *edinъ*, *edьnъ*, ибо при отсутствии начального [j] гортанный смычный согласный вызывал изменение [$e > o$] *odinъ*. Звук, образованный смычно-гор-

танной артикуляцией, отличался заметно пониженным тембром, благодаря которому при слитном произношении смежных звуков осуществлялось передвижение <e> в переднюю зону образования *олень, один*, аналогично в заимствованиях из греческого: *Останъ, Овдотья, Иордан*.

По-новому были описаны некоторые последствия падения редуцированных гласных. С одной стороны, была показана связь между результатами дивергентно-конвергентных изменений <ь> и <ѣ>, <е> и <ѣ>, <е> и <о>, с другой — отмечена важная роль гортанного смычного согласного в ряде явлений, вызванных утратой редуцированных. Рассмотрение перехода <е>>о> с точки зрения межслогового уподобления отодвинуло вглубь хронологические рамки этого изменения. Редуцированные гласные оказались втянутыми в процесс преобразований и при разных условиях (перед твёрдыми и мягкими слогами) изменились в <о> и в <ѣ> или утратились. Утрата слабых редуцированных в некоторых позициях сопровождается проявлением гортанного смычного согласного. Такими позициями активного функционирования гортанного смычного оказались конец и начало слова.

Изменения, наблюдаемые в результате падения редуцированных в конце слова, представляют собой проявление усиления напряжённости артикуляции. Оглушение звонких согласных после утраты еров связано с тем, что при размыкании голосовых связок сохраняется глухой согласный приступ. Гортанный смычный согласный, примкнув к концу первого слова, не только обеспечил границу между словами, но в тех диалектах древнерусского языка, которые легли в основу великорусского и белорусского языков, вызвал оглушение конечного звонкого шумного согласного в абсолютном конце слова перед паузой: *садъ[?] → сад[?] → сат[?] → сат*. Такое оглушение происходит и перед гласным при отсутствии паузы: *садъ[?] и [?]огородъ[?] → сад[?] и [?]огород[?] → са[т ы ъо]горот*.

При ассимиляции гортанного смычного согласного с последующим гласным происходит передвижение [и, э, а, о, у] назад и вниз, а консонантный исход предшествующего слова остаётся стабильным. Качество предшествующего согласного сохраняется, потому что оглушение звонкого согласного не может произойти при полной утрате гортанного смычного согласного.

При падении конечного редуцированного нередко появлялась трудно произносимая группа из трёх и даже четырёх согласных, в состав которой входил и гортанный смычный. Происходил процесс упрощения: *могль[?] → могл[?] → мог, мостъ[?] → мост[?] → мос[?] → мос*, просторечное [*каран, каран'*] *карабль*, [*жыс'*] *жизнь* (или оглушение [*жыс'т'*]). Стечение согласных, возникшее под влиянием гортанного смычного согласного, могло быть преодолено путем появления гласного внутри ауслатного сочетания согласных *вътр[?] → вътер*. Гласный развивался и после согласного на месте утраченного редуцированного в глагольных формах прошедшего времени мужского рода: *приступле, оставле, преломле*, в формах диалектного характера: *рубле двадцать, Петро, Александро, дерно*. Гласная вставка между согласными помогала избежать утраты согласного.

С процессами конца слова связаны процессы начала слова. Наличие согласного приступа перед вокальным началом привело к широкому употреблению в памятниках письменности предложного ера перед последующим гласным: *везъть истъления, изъть едема, изъть египта*. Таким способом сложившаяся древнерусская орфография

передавала особенности слогоделения, а конечный редуцированный предохранял консонантный элемент типа смычного согласного перед начальным гласным слова от процессов аккомодации.

Ассимиляция гласных в предложно-приставочных формах: **во осень, изоуоубрь, въздаалка, кы истьюю** и т. п. связана с тем, что глухой гортанный смычный согласный артикуляционно легче проявляет себя между гласными. В интервокальном положении гортанная смычка имеет особенность теряться, а гласные, оказавшиеся рядом, испытывают ассимиляцию и стяжение. Между гласными гортанная смычка могла заменяться близким по образованию согласным, возникала фонетически закономерная мена звуков: **въ Оврама – коупи ү Григориа**. На месте согласного приступа отмечается и удвоение предлога, в котором также отразилось физиологическое стремление сохранить устойчивое слогоделение: **въвъ үстѣ, въвъ үмѣ, въ үтробѣ, въ орду, въвъ адѣ**.

Таким образом, в настоящем учебном пособии получил развитие замысел Р.И. Аванесова о «трилогии» гласных <і> и <у>, <е> и <о>, редуцированных <ь> и <ѣ>, новые взгляды И.Г. Добродомова, Л.Л. Касаткина и других учёных относительно истории развития русского вокализма и консонантизма.

Условные сокращения

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (1294–1598), т. I. СПб., 1836.

А. Кал. (АЮБ) – Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией, под ред. члена комиссии Николая Калачова. Т. I–III. СПб., 1857–1884.

Ак. Юр. – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838.

Акты московские XV–XVI вв. – Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634 гг. СПб., 1890; Т. II. 1635–1659 гг. СПб., 1894 г.

Акты юж. и зап. Рос. – Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов. Часть первая. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Т. I–VII, IX. Киев, 1859.

Ант. Сийск. м-рь – Антониев Сийский монастырь.

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.

АУЕ – Акты Холмагорской и Устюжской епархии: I – РИБ: т. 12. СПб., 1890; II – РИБ: т. 14. СПб., 1894; III – РИБ: т. 25. СПб., 1908.

БАН – Библиотека Академии наук РФ (Санкт-Петербург).

Барс. – Собрание Барсова Е.В. (ГИМ).

Барс. Словарь – Словарь западно-русский (славяно-латинский). Рук. ГИМ, Барс. № 2313. XVII в.

Беломорские былины – Васильев Л.Л. Язык «Беломорских былин» // Известия ОРЯС АН. Т. 7, кн. 4. СПб., 1902, с. 1–42.

Боголюбова и Таубенберг – Боголюбова Н.Д. и Таубенберг Л.И. О древнерусских памятниках XIII–XIV вв. Рижского городского архива // Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. Петра Стучки, т. 36, 1960, с. 7–22.

Вол. отк. – Отказные книги по Вологодскому уезду: фонд 1209 РГАДА, опись 162, № 14821 (1620–29 гг), № 14841 (1675–77 гг).

Воскр. – Собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (РГБ).

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949.

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии (фонд 281 РГАДА).

Головин – Собрание Головина Н.Г. (ЛОИИ).

ГСЗР – Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. Найдены в Рижском архиве К.Э. Напьерским и изданы Археографической комиссией (с 8 литографированными снимками). СПб., 1857.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. М.-Л., 1950.

ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. / подгот. изд. Я.Н. Шапов. М., 1976.

Етн. зб. – Етнографічний збірник (Львів).

- ИОРЯС* – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Каталог XV* – Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000.
- Кучкин 1980* – Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980, с. 26–112.
- ЛОИИ* – Ленинградское отделение Института истории АН.
- Маркс* – Маркс А. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках // Древности Московского археологического общества, XXIV. М., 1913.
- Мейчик* – Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.
- ОИДР* – Общество истории и древностей Российских.
- ОЛДП* – Общество любителей древней письменности.
- Орлов 1952* – Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.-Л., 1952.
- ОРЯС* – Отделение русского языка и словесности Академии наук.
- Пещак* – Грамоты XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики. М.М. Пещак. Київ, 1974.
- ПЛДР* – Памятники литературы Древней Руси: в 10 т. М., 1978–1988.
- Погод.* – Собрание Погодина М.П. (РНБ).
- Полоцк. гр.* – Полоцкие грамоты XIII–XVI вв. / сост. А.Л. Хорошкевич, вып. 1. М., 1977.
- ПС XI–XIV* – Предварительный список славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археологический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 177–272.
- ПС XV* – Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986.
- ПСРЛ* – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. СПб., 1846 и след.
- РА* – Собрание Внешнего архива рижского магистрата. Хранится в центральном государственном архиве Латвии (Рига).
- РГАДА* – Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГБ* – Российская государственная библиотека (Москва).
- РИБ* – Русская историческая библиотека.
- РИО* – Русское историческое общество.
- РКСЛ* – Рукописные книги собрания М.П. Погодина. Каталог. Вып. 1–2. Л., 1988–1992.
- РЛА* – Русско-ливонские акты, собранные К.Э. Напьерским. Изданы Археологической комиссией. СПб., 1868.
- РНБ* – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
- Розов* – Розов В. Українські грамоти, т. I (XIV в. і перша половина XV в.). Київ, 1928.
- Рум.* – Собрание Румянцева Н.П. (РГБ).
- Русск. Дост.* – Русские достопамятности.
- Рыбаков 1964* – Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964.
- Сб. ГКЭ* – Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Пг., 1922; Т. II. Л., 1929.

Св. и зам. – Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. I. СПб., 1867; Т. II. СПб., 1876; Т. III. СПб., 1879; Т. IV. СПб., 1880.

СГГ(Д) – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I–V. М., 1813–1819–1822–1828–1894.

Син. – Синодальное собрание (ГИМ).

СК XIV – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.

СК XI–XIII – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Соболевский и Пташицкий – Соболевский А. и Пташицкий С. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. Изд. Петербургского археол. ин-та. СПб., 1903.

Соловецк. м-рь – Соловецкий монастырь.

Соф. – Софийское собрание (РНБ).

Срезн. 1863, 1882 – Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв). Общее повременное обозрение. СПб., 1863 (1-е изд.); СПб., 1882 (2-е изд.).

Судаков – Судаков Г.В. Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975.

Тип. – Типографское собрание (РГАДА).

Толстой и Кондаков – Толстой И.И. и Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897; Вып. 6. СПб., 1899.

Тр.-Серг. – Собрание Троице-Сергиевой лавры (основное) (РГБ).

Увар. – Собрание Уварова А.С. (ГИМ).

Усп. – Собрание Успенского собора (ГИМ).

Хлуд. – Собрание Хлудова А.И. (ГИМ).

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив.

ЦНБ – Центральная научная библиотека (Киев).

Чт. ОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (РГБ).

Чуд. – Собрание Чудова монастыря (ГИМ).

Шахматов. Двин. гр. – Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века, ч. I и II. СПб., 1903.

Шахматов. Новг. гр. – Шахматов А.А. Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века. Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.

Янин 1962 – Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

ЯТГ – Явки Тарнажского городка // РИБ: Т. 14. СПб., 1894.

Указатели

Ап. 1220 г. — Апостол толковый, 1220 г., ГИМ, Син. № 70 (СК XI—XIII, № 75: 1220 г.).

Ап. Христ. сер. XII в. — Апостол Христинопольский середины XII в. Львовский исторический музей. Рук. 39, и ЦНБ, VIII. 3 (СК XI—XIII, № 59—60).

Апост. XIV в. (Воскр.) — Апостол XIV в., РГБ. Воскр. № 59. Изд.: Воскресенский Г.А. Древнеславянский апостол. Послание святого апостола Павла... вып. 1. Послание к римлянам. Сергиев Посад, 1892, сп. XII—XIV вв.; вып. 2. Послание святого апостола Павла к коринфянам 1-е... // Изд. ОРЯС АН. Свято-Троицк. — Сергиева Лавра, 1906, сп. XII—XIV вв.; вып. 3, 4, 5. Послание святого апостола Павла к коринфянам 2-е, к галатам и к ефесянам ...// Изд. ОРЯС АН. — Сергиев Посад, 1908, сп. XII—XIV вв.

Апостол 1309—1312 гг. (псковск.) — Апостол 1309—1312 гг., ГИМ, Син., № 15. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. — М., 1984.

Апостол 1597 г. — Васильев Л.Л. Критика (С.М. Кульбакин. К истории и диалектологии польского языка. СПб., 1903) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 354, июль. — СПб., 1904, с. 487—503; Васильев Л.Л. Заметка об акцентровке несклоняемого причастия на *-ль* // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 360, август. — СПб., 1905, с. 464—469.

Библия (Генн.) 1499 г. — Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. ГИМ. Син. № 915.

Гр. Бог. XIII слов, XI в. — Григория Богослова XIII слов, XI в., РНБ, Q. п. I, 16 (СК XI—XIII, № 33: XII в.). Изд.: Будилович А.С. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Имп. Публ. б-ки, XI в. — СПб., 1875.

Гр. Бог. XIV в. — Слова Григория Богослова, XIV в., ГИМ, Син. № 28.

Гр. Бог. XVI в. — Слово св. Григория Богослова на крещение // Летописи русской литературы и древности. Т. IV. — М., 1862, с. 98—101. XVI в.

Гр. к. XI — н. XII в. (новг., свинц.) — Грамота новгородская свинцовая, конец XI — начало XII в. ГИМ. Изд.: Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). — М., 1963, с. 154. Приложение: Свинцовая грамота.

Гр. ок. 1130 г. — Грамота жалованная в. кн. Мстислава Володимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, ок. 1130 г. (Срезневский, 1863, с. 28; Маркс; ГВНП, № 81). Хран.: Новгородский музей, изд. Маркс, с. 4—5 (снимок).

Гр. 1189—1199 (сп. ок. 1263 г.) — Грамота договорная Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (грамота кн. Ярослава Владимировича), 1189—1199 гг. (РЛА, № 1, ГВНП, № 28), или 1199 г. (Срезневский, ОРЯС. Т. VI, вып. 2, 1857, с. 166), или ок. 1195 г. (ГСЗР № 1).

Гр. ок. 1192 г. — Грамота данная Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом, ок. 1192 г. (Срезневский, 1882, стб. 72). Хран.: Новгородский музей. Изд.: Маркс, с. 13 (снимок).

Гр. 1229 г. (смол.) — Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г., первая, готландская, редакция, сп. А, 1229 г. Хран.: РА, ф. 1А, сарс. «А», № 14. сп. В, 1297—1300 гг. Хран.: РА, ф. 1А, сарс. «А», № 15. сп. С, пер. пол. XIV в. Хран.: РА, ф. 2, ящ. 18, № 1. сп. D, 1270—1277 гг., или 1230—1297 гг., или 1313—1358 гг. Хран.: РА, ф. 1А, сарс. «А», № 17. сп. Е, сер. XIII в. Хран.: РА, ф. 2, ящ. 18, № 2. сп. F, копия сер. XIV в. Хран.: РГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 1, № 1.

Гр. 1262–1263 гг. — Грамота договорная Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле (гр. в. кн. Александра Ярославича Невского), 1263 г. (Срезневский, см. ИОРЯС, т. VI, вып. 2, 1857, с. 170–171; ГВНП, № 29), или 1262–1263 гг. (Срезневский, 1882, с. 128), или 1257–1259 гг. (ГСЗР). Хран.: РА. Изд.: ГСЗР, № 1а (снимок).

Гр. ок. 1265 г. — Грамота договорная Новгорода с в. кн. Ярославом Ярославичем 1264 г. или 1265 г. // Смоленские грамоты XIII–XIV вв. — М., 1963; Иванов В.Г. Сборник палеографических снимков. — М., 1844.

Гр. 1266–1272 гг. — Грамота в. кн. Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей по Менгу-Темирову слову, 1266–1272 гг. РЛА, № 26, ГВНП, № 30. Хран.: РА. Изд.: РЛА, с. 453; см. также Боголюбова и Таубенберг, с. 15 (фото № 3) [Янин 1962, 157: 1267 г.]

Гр. 1294–1301 гг. (1 новг.) — Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1294–1301 гг. (Шахматов), или 1301–1304 гг. (Срезневский 1863, с. 80), или 1296–1301 гг. (ГВНП, № 5), Хран.: РА. Изд.: Шахматов, № 5, с. 243–245.

Гр. ок. 1300 г. (2 рижск.) — Грамота рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу о его обидах, ок. 1300 г. Хран.: РА. Изд.: Срезневский, 1863, с. 240–241 (ср. также РЛА, № 49).

Гр. духов. Ив. Калиты 1327–1328 гг. — Душевная грамота Московского кн. Ивана Даниловича, писанная между 1327–1328 гг. СГГ. Т. 1, № 21.

Гр. 1341 г. — Грамота (московская) договорная в. кн. Симеона Иоановича 1341 г., РГАДА, № 1 (СГГД, I, № 23).

Гр. 1356 г. (1358 г.) — Грамота духовная московского в. кн. Ивана Ивановича Красного около 1358 г. или 1356 г., РГАДА (СГГД, I, № 25).

Гр. 1362 г. (моск.) — Грамота договорная московского в. кн. Дмитрия Ивановича Донского с серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (СГГД, I, № 27) или после 1362 г. (Срезневский, 1863, с. 103; Соболевский и Пташицкий, № 51), или 1358 г. (РГАДА, № 2). Хран.: РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. II, № 8.

Гр. Галицкая 1366 г. — Грамота договорная волынского кн. Дмитрия (Любарта) с польским королём Кизимиром о границах владений и союзе, октябрь 1366 г. Изд.: Соболевский и Пташицкий, № 8; Розов, № 7; Пещак, № 19.

Гр. 1371 г. (1 новг.) — Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Александровичем, 1371 г. (Шахматов; ГВНП, № 15) или ок. 1307 г. (Срезневский, 1882, ст. 168–169). Хран.: РГАДА. Изд.: Шахматов № 8, с. 265–268.

Гр. договорная Дм. Донского с Ольгердом 1372 г. — Договорная грамота в. кн. Дмитрия Ивановича и кн. Владимира Андреевича с литовскими князьями Ольгердом, Кестутием и смоленским кн. Святославом 1372 г., СГГ, т. 1, № 31.

Гр. договорная Дм. Ив. с Олегом — Договорная грамота 1381–1382 гг. в. кн. Дмитрия Ивановича с в. кн. Олегом Ивановичем Рязанским (в сп.), СГГ, т. 1, № 32.

Гр. договорная (западнорусск.) 1386 г. — Договорная грамота смоленского кн. Юрия Святославича с Владиславом, кор. польским, и с в. кн. Скиригайлом 1386 г. Акты юж. и зап. Рос., т. 2, № 63.

Гр. дух. Дм. Донского 1389 г. — Грамота духовная (вторая) московская в. кн. Дмитрия Ивановича Донского, 13 апреля — 16 мая 1389 г., РГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. I, № 7; ДДГ, № 12; Срезневский 1863, с. 119. Изд. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подгот. к печати. Л.В. Черепнин. — М.—Л., 1950.

Гр. купчая кн. Феод. п. 1389 г. — Грамота купчая Белозерской княгини Федосьи, после 1398 г. Срезневский, 1863, с. 267—268; или 1380—1390 гг. АСВР. Хран.: ЛОИИ, изд.: АСВР, II, № 1.

Гр. 1391—1425 гг. — А. Кал. I., № 31.

Гр. 1412 г. — ЛОИИ, собр. Головина, № 50.

Гр. 1421—1430 гг. — ЛОИИ, собр. Головина, № 39.

Гр. 1421 г. — ЛОИИ, собр. Головина, № 33.

Гр. 1422 г. — ЛОИИ, собр. Головина, № 34.

Гр. вкладная пол. XV в. в новгородском прологе 1432 г. — Срезневский И.И. Древние памятники древнего письма и языка. Приложение. — СПб., 1866.

Гр. 1432—1443 гг. — Г. Др. I, р. IV, № 5.

Гр. 1433 г. — А. Кал. I, № 31.

Гр. 1442—1443 гг. — С.М. № 32-376.

Гр. 1452 г. — Грамота духовная княгини иноки Евпраксии 1452 г., РГАДА, № 18 (СГГД, I, № 82).

Гр. Ивана III, 1461—1462 (сп. конца XV в.) — Договорная грамота кн. Ивана Васильевича с бывшим Можайским удельным кн. Иваном Андреевичем 1461 г., ААЭ, т. I, № 70.

Гр. 1462 г. — Грамоты духовные великого князя Василия Васильевича 1462 г., РГАДА, № 21 (СГГД, I, № 86, № 87).

Гр. 1462—1463 гг. — А. Кал. I, № 31.

Гр. 1471 г. — ААЭ. I, № 92.

Гр. 1490 г. — А. Кал. II, № 156; АЮ, № 5.

Гр. договорная в. кн. ряз. Ив. Вас. с братом 1496 г. — Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискарьевым. — СПб., 1854. 1402—1754 гг.

Гр. Галиц. XIV—XV вв. — Грамоты Галицкие XIV—XV вв. Изд.: Галицкие и другие юго-западные грамоты // Розов В. Южнорусские грамоты. — Киев, 1917.

Гр. Двин. XV в. — Грамоты Двинские XV в., РГБ. ф. 191, № 6 и № 19. Изд.: Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века, ч. I и II. — СПб., 1903.

Гр. моск. в. кн. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печ. Л.В. Черепнин. — М.—Л., 1950.

Гр. новг. — Грамоты Новгородские. Изд.: Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. — СПб., 1886.

Гр. ю.-русск. XIV—XV вв. — Розов В. Южнорусские грамоты. — Киев, 1917.

Гр. моск. XIV—XV вв. (№ 1, 1389 г; № 38, 1405 г.) — Мейчик Д. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. — М., 1884. Кн. 4. Отд. II, с. 1—155.

Гр. Межев. XV в. — Межевая грамота в. кн. Ивана Васильевича с кн. Борисом Васильевичем 1483 г., СГГ, т. 1, № 117.

Гр. XVI в. — Русск. Дост. II, № 78

Гр. 1525—1562 гг. — С.М. № 35—298.

Гр. Правая и Разъезжая 1563 г. — Рукопись Рязанского архива, № 7.

Грамоты Вологодские 1641 г. АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археограф. комиссии. — СПб., 1838.

Гр. 1681 г. — А. Кал. I, с. 680.

Гр. Волок. XVI–XVII вв. — Грамоты Волоколамские XVI–XVII вв., ГИМ, Син. № 1728, 1743, 1746.

Гр. берест. — Грамоты Новгородские берестяные. Изд.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М., 1995.

Домостр. Конш. сп. XVI в. — Коншинский список Домостроя конца XVI в., РНБ, Q. XVII, № 149. Изд.: Орлов А.С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. — М., 1908.

Дело по извету М. Сनावидовой — Котков С.И., Орешников А.С., Филиппова И.С. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. — М., 1968, с. 242.

Ев. Ассеманиево — Ассеманиево (или Ватиканское) евангелие-апракос. Хран.: Ватиканская (Папская) б-ка, шифр: Slav. 3. Изд. Рачкого, 1865 г.

Ев. Зографское — Зографское четвероевангелие. РНБ, Глаг. 1. Срезневский И.И. Исследования и заметки о древних памятниках старославянской литературы. — СПб., 1856.

Ев. Мариинское — Мариинское четвероевангелие. РГБ. Григ. № 6 или Муз. Румянц. 1689 (ф. 87). Ягич И.В. Памятники глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие. — Берлин, 1883.

Ев. Остр. 1056–1057 гг. — Евангелие-апракос Остромирово, 1056–1057 гг., РНБ, F. n. I. 5 (СК XI–XIII, № 3). Изд.: А.Х. Востоков. — СПб., 1843.

Ев. Арх. 1092 г. — Евангелие-апракос Архангельское, 1092 г., РГБ, М. 1666. Изд.: Архангельское евангелие 1092 г. М., 1912. См. также Архангельское евангелие. 1092 г. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. — М., 1997.

Ев. Тур. XI в. — Евангелие-апракос Туровское, XI в., ЦГАН ЛитССР, ф. 19, № 1. Изд.: Туровское евангелие XI в. — СПб., 1868.

Ев. Мст. до 1117 г. — Евангелие-апракос Мстиславово, до 1115 г., ГИМ, Син., № 1203 (СК XI–XIII, № 51). Апракос Мстислава Великого. Изд. подготовили Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова. — М., 1983.

Ев. Юр. н. XII в. — Евангелие-апракос Юрьевское, н. XII в., ГИМ, Син., № 1003 (СК XI–XIII, № 52). Изд.: Амфилохий. Описание Юрьевского евангелия. 1118–1128 гг. — М., 1877.

Ев. Гал. 1144 г. — Евангелие-тетр Галицкое, 1144 г., ГИМ, Син., № 404 (СК XI–XIII, № 53).

Ев. Добр. 1164 г. — Евангелие-апракос Добрилово, 1164 г., РГБ, Рум. № 103 (СК XI–XIII, № 55). Изд.: Соболевский А.И. Очерки по истории русского языка. Ч. I. — Киев, 1884, с. 1–2.

Ев. перв. пол. XII в. — Евангелие-апракос, перв. пол. XII в., РГАДА, ф. 381, Тип. № 1.

Ев. XII в. (Тип. № 6) — Евангелие-апракос, XII в., РГАДА, ф. 381, Тип. № 6.

Ев. втор. пол. XII в. — Евангелие-апракос, втор. пол. XII в. РГАДА, ф. 381, Тип. № 7.

Ев. Пант. XII–XIII вв. — Евангелие-апракос Пантелеймоново, XII–XIII вв., РНБ, Соф., № 1 (СК XI–XIII, № 146).

Ев. н. XIII (или к. XII в.) — Евангелие-апракос Полоцкое, начала XIII (или конца XII) в., РНБ. Погод. № 12 (СК XI–XIII, № 195).

Ев. Милят. 1215 г. — Евангелие-апракос Милятино, 1215 г., РНБ, F. n. I, 7 (СК XI–XIII, № 117).

Ев. XII–XIII вв. (Рум. № 104) – Евангелие-апракос, XII–XIII вв., РГБ, Рум., № 104 (по определению И.И. Срезневского, до 1250 г.).

Ев. Галицкое 1266 г. – Евангелие-апракос Галицкое, 1266–1301 гг., РНБ, Ф. п. I, 64 (СК XI–XIII, № 179).

Ев. 1270 г. (новг.) – Евангелие-апракос Симоновское, 1270 г., РГБ, Рум., № 105 (СК XI–XIII, № 180).

Ев. Галицкое 1283 г. – Евангелие-апракос Галицкое, 1283 г., РГБ, Рум. № 3168, ф. 178.

Ев. XIII в. – Евангелие-апракос, XIII в., РГБ, Рум., № 106 (по определению И.И. Срезневского, до 1300 г.) (СК XI–XIII, № 337).

Ев. 1307 г. – Евангелие-апракос Поликарпово, 1307 г., ГИМ, Син. № 740 (СК XIV, № 111).

Ев. Пант. 1317 г. – Евангелие-апракос Пантелеймоново, 1317 г., БАН, 34.5.22.

Ев. 1323 г. – Евангелие-апракос, 1323 г. ГИМ, Хлуд., № 29.

Ев. Сийск. 1340 г. – Евангелие-апракос Сийское, 1340 г., БАН, Археогр. ком. 189 (338) (СК XI–XIV, № 494).

Ев. 1354 г. – Евангелие-апракос Переяславское, 1354 г., ГИМ, Син. № 67 (СК XIV, № 140).

Ев. 1355 г. – Евангелие-апракос Новгородское, 1355 г., ГИМ, Син. № 70 (СК XIV, № 141).

Ев. 1357 г. – Евангелие-апракос Галицкое, 1357 г., ГИМ, Син. № 68 (СК XIV, № 142).

Ев. 1358 г. – Евангелие-апракос, 1358 г., ГИМ, Син. № 69 (СК XIV, № 143).

Ев. до 1362 г. – Евангелие-апракос, РГАДА, Тип. № 8, ныне датируется временем не позднее 1359 г. (СК XIV, № 144).

Ев. Новг. 1362 г. – Евангелие-апракос Новгородское, 1362 г., РНБ, Соф. № 3.

Ев. 1393 г. – Евангелие-апракос, 1393 г., РНБ, Ф. п. I, 18.

Ев. 1399 г. – Евангелие-апракос, 1399 г., РГАДА, ф. 381, № 15 (Тип., № 16) (СК XI–XIII, № 437: XIII/XIV).

Ев. Луцкое XIV в. – Евангелие-апракос, XIV в., РГАДА, ф. 256, № 112. См.: Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. – Киев, 1884.

Ев. Мик. сер. XIV в. – Евангелие-апракос Микулино, сер. XIV в., БАН, 34.5.20.

Ев. вт. пол. XIV в. – Евангелие-апракос, второй половины XIV в., РГАДА, Тип. № 10 (старый шифр 11) (СК XIV, № 103; Каталог XI–XIV, № 62).

Ев. Рум. XIV в. (№ 8) – Евангелие-апракос, XIV в., РГБ, Рум. № 8.

Ев. XIV в. – Евангелие-апракос, XIV в., РНБ, Ф. п. I. 15.

Ев. XIV в. (новг.) – Евангелие-апракос, XIV в., РНБ, Ф. п. I. 17.

Ев. к. XIV в. – Евангелие-апракос, конца XIV в., ГИМ, Син. № 401.

Ев. Новг. XIV в. – Евангелие-апракос Новгородское, XIV в., РГАДА, ф. 381, № 10 (Тип. № 11).

Ев. 1409 г. (псковск.) – Евангелие-апракос Лукино, 1409 г., ГИМ, Син., № 71.

Ев. Вологодск. XVI в. – Вологодское ев., XVI в., ЦГИА, ф. 834, оп. I, д. 58.

Жит. Кондр. и Ф. XI в. – Житие Феклы, XI в., РНБ, Погод. № 63; Житие Кондрата XI в., РНБ, Погод. № 64. Изд.: И.В. Ягич. Zur Berichting der altrussischen Texte. 1. – AslPh, VI, 228–231.

Жит. Ниф. 1219 г. – Житие Нифонта Ростовское, 1219 г., РГБ, Тр.-Серг., № 35 (СК XI–XIII, № 174).

Жит. Феод. П. XII в. — Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в., ГИМ, Усп., № 4-п. Изд.: Сборник XII в. Московского Успенского Собора. вып. 1. Под ред. А.А. Шахматова и П.А. Лаврова // Чт. ОИДР, 1899, кн. II, с. 40–96. См. также: Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подгот.: О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. — М., 1971, с. 71–135.

Жит. Еп. Кипр. XII в. — Житие Епифания Кипрского, XII в., в настоящее время датируется XIII в., РНБ, Соф. № 1326 (СК XI–XIII, № 261).

Жит. Ниф. Konst. 1222 г. — Житие Нифонта Констанцкого, 1222 г., РГБ, Тр.-Серг. № 35 (СК XI–XIII, № 174).

Жит. св. Саввы — Житие св. Саввы освещенного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе, XIII в. Изд. И. Помяловский. — СПб., 1890 (Изд. ОЛДП, 96).

Жит. Бор. и Гл. XII в. — Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. Успенский сборник XII–XIII вв., ГИМ, Усп. № 4-п. Изд.: Успенский сборник конца XII — начала XIII в. — М., 1971, с. 43–58.

Жит. Бор. и Гл. по Сильв. сб. — Сказание о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский сборник XIV в., РГАДА, ф. 381, № 53. Изд.: Срезневский И.И. Сильвестровский список XIV в. — СПб., 1860.

Жит. Бор. и Гл. по Чудовск. сп. XIV в. — Сборник Чудовский 1540 г., ГИМ, Чуд. № 264. Изд.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Подгот. к печати Д.И. Абрамович. Изд. ОРЯС АН. — Пг., 1916, прил. с. 179–200, сп. XII–XVI вв.

Жит. Андр. Юр. — Житие Андрея Юродивого, пер. пол. XV в. РГБ, собр. Егорова, № 162. Жит. Андр. Юр., кон. XIV в., РНБ, Соловецкое собр., № 182. Жит. Андр. Юр., 1549 г., РГБ, Тр.-Серг., № 780.

Жит. пр. Авв. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное; челобитные, послания, поучения и письма. Изд.: Памятники по истории старообрядчества XVII века, кн. I, вып. 1, РИБ, т. XXXIX. — М., 1927.

Жит. Иоанна Златоуста XIV в. (Чудовск.) — Житие Иоанна Златоустаго, написанное Георгием, архиеп. Александрийским, по рук. Чудова мон., до 1400 г. Житие Иоанна Златоустаго по сп. XV в., РГБ, ф. 256. Рум., № 150.

Запись (смоленская) Иссака Сирина 1428 г. — Исаака Сирина слова // Вилинский С.Г. Послания старца Артемия. — Одесса, 1906.

Златоструй XII в. — Изд.: Малинин В.Н. Десять слов Златоструя XII в. — СПб., 1910.

Изб. 1073 г. — Изборник 1073 г., ГИМ, Син. № 1043 (СК XIV, № 4).

Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г., РНБ, Эрм. № 20 (СК XI–XIII, № 5).

Ирмолог. 1344 г. — Ирмологий (Ирмолой), 1344 г., ГИМ, Син. № 932 (СК XIV, № 339).

Кормч. Ефрем. XII в. — Кормчая Ефремовская, XII в., ГИМ, Син., № 227. Изд.: Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая, XIV титулов без толкований. Т. I. — СПб., 1906, с. 1–15, 40–803. XII в.

Корм. Новг. 1280 г. — Кормчая Новгородская, или Клементовская, 1280 г. (1281 г.) и сер. XIV в., ГИМ, Син., № 132 (СК XI–XIII, № 183).

Корм. Ряз. 1284 г. — Кормчая Рязанская, 1284 г., РНБ, Ф. н. I. 1 (СК XI–XIII, № 186).

Корм. XIII в. (Рум.) — Кормчая Устюжская, РГБ, ф. 256, Рум. № 230, 1⁰, конец XIII — начало XIV в.

- Кормч. Варсоноф.* к. XIV в. — Кормчая Варсонофиевская, конец XIV в., ГИМ, Чуд., № 4.
- Кн. Бытия* — Книга Бытия. Первая из Пятикнижия Моисеева. Быт. по сп. XIV в. Книга Бытия., РГБ, Тр.-Серг. (Св. и зам., т. 4). Изд.: Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Изд. А. Михайлов. — Варшава, 1900—1908.
- Кн. ратн. строения* — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. Старопечатная книга. 1647.
- Кн. лошадиного учения* (Королевская ездная школа господина А. де Плуvinелла). Пер. с французского 1670 г., РНБ. Ф. XI. 1, л. 1—216, сп. к. XVII в.
- Кн. Саввина* — РГАДА, ф. 381, № 14. Шепкин В.Н. Саввина книга. — СПб., 1903.
- Космогр.* XVII в. — Космография М. Бельского, вторая половина XVII в., РНБ, Q. IV. № 270. Изд. Космография (рук. XVII в.). — СПб., 1870.
- Лест.* XII в. — Лествица, XII в., РГБ, Рум. № 198 (СК XI—XIII, № 62).
- Лет. Переясл. сп.* — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). сп. XV в. Изд. М. Оболенским. — М., 1951.
- Лет. Новг.* XIII—XIV вв. — Летопись Новгородская 1-ая по Синодальному списку, XIII—XIV вв., ГИМ, Син. № 786 (СК XI—XIII, № 270). Изд.: I Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Светопечатное воспроизведение. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1875, с. 1—388. Ср. также: Новгородская харатейная летопись. Изд. под наблюдением М.Н. Тихомирова. — М., 1964; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Наносова. — М.-Л., 1950, с. 15—100.
- Лет. Лавр.* 1377 г. — Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. Изд.: ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Повесть временных лет, 2-е изд. — Л., 1926; вып. 2. Суздальская летопись. По Лаврентьевскому списку, 2-е изд. — Л., 1927.
- Лет. Ипат.* ок. 1425 г. — Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. около 1425 г., БАН. 16.4.4 (ПС XV, № 779). Изд.: ПСРЛ, т. 2, 2-е изд. — СПб., 1098.
- Лет. Новг.* 4-я — Изд.: Новгородская четвёртая летопись, вып. 1—3 // ПСРЛ, т. 4, ч. 1. — Пг.-Л., 1915—1929, сп. XV и XVI вв.
- Лет. Авр.* 1495 г. — Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки, 1495 г., сп. к. XV — н. XVI в. Изд. ПСРЛ, т. XVI в. — СПб., 1889.
- Лет. Новг.* 1-я по Комисс. сп. — Изд.: Комиссионный список I Новгородской летописи середины XV в. // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Наносова. — М.-Л., 1950.
- Лет. Увар.* — Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись), сп. XVI в. // ПСРЛ, т. 28. — М.-Л., 1963, с. 167—355.
- Лет. Псков.* I. (Погод. сп.) XVI в. — Изд.: Погодин М.П. Первая псковская летопись. М., 1837; Изд.: Псковские летописи, вып. 1. Пригот. к печати А. Наносов. — М.-Л., 1941, сп. XV—XVII вв. Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А.Н. Наносова. — М., 1955, сп. XV—XVII вв.
- Лет.* XVII в. — Летопись XVII в. Летописец 1619—1691 гг. Соловецкий список. РНБ, д. 988 (878). Изд.: ПСРЛ. Т. 31. Летописец последней четверти XVII в. — М., 1968.
- Лет. Новг.* 2-я по сп. XVII в. — Новгородские летописи (так называемая вторая и Новгородская третья летописи). Изд. Археограф. комис. — СПб., 1876, с. 1—122. сп. к. XVI — н. XVII в.

Лет. Литовская — Изд.: Данилович И.Н. *Latopisiec Litwy i kronika Ruska*. W. Wilnie, 1827.

Лет. Западнорусск. Крас. — Список Красинского Западнорусской (Литовской) летописи. ПСРЛ.

Леч. I. — Лечебник, 1763 г. Рукопись Пушкинского дома. Собр. В.Н. Перетца, № 367. (ДРС — картотека Словаря древнерусского языка, Ин-т русского языка АН).

Леч. II. — Лечебник II. Рукопись Пушкинского дома в 336 главах. Собр. В.Н. Перетца, № 217, конец XVII — начало XVIII в. Сп. сер. XVIII в.

Мер. Прав. XIV в. — Мерило Праведное, XIV в., РГБ, Тр.-Серг., № 15. Изд.: Мерило Праведное, по рукописи XIV в. Изд. Под наблюдением и со вступит. статьёй акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961. См. также: ДКУ, с. 198—200, 203—204.

Мин. 1095 г. (сент.) — Миняя служебная, сентябрь, 1095 г., РГАДА, ф. 381, № 84 (Тип., № 194) (СК XI—XIII, № 7: 1095 г.).

Мин. 1096 г. (окт.) — Миняя служебная, октябрь, 1096 г., РГАДА, ф. 381, № 89 (Тип., № 200) (СК XI—XIII, № 8: 1096 г.).

Мин. 1097 г. (нояб.) XVII в. — Миняя служебная, ноябрь, 1097 г., РГАДА, ф. 381, № 91 (Тип., № 202) (СК XI—XIII, № 9: 1097 г.).

Мин. (Путят.) ок. 1100 г. (май) — Миняя служебная «Путятина», май, ок. 1100 г., РНБ, Соф. № 202 (СК XI—XIII, № 21: XI в.).

Мин. к. XI — н. XII в. — Миней служебные, конца XI — начала XII в., РГАДА (Тип. № 103, № 110) (СК XIV, № 565).

Мин. пр. XII в. (трефологий) — Миняя праздничная, XII в. (трефологий), РГАДА, ф. 381, № 131 (Тип., № 246) (СК XI—XIV, № 76: XII в.).

Мин. XII в. (синод. № 166) — Миней служебные, XII в., ГИМ, Син., № 159—168.

Мин. XII в. (Соф. № 203) — Миней служебные, XII в., РНБ, Соф. № 203.

Мин. 1369 г. (март) — Миняя служебная, март, 1369 г., РНБ, Соф. № 198.

Мин. 1370 г. (окт.) — Миняя служебная, октябрь, 1370 г., РНБ, Соф. № 189. Изд.: Ягич И.В. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. ОРЯС АН. СПб., 1886, с. 1—264. 1096 г., XII в., 1370 г.

Мин. (из Соф. собр. № 199) — Миняя служебная, РНБ, Соф. № 199.

Мин. 1489 г. — Четьи Миней, 1489 г. Описана: Карпинский. М. Западнорусская Четья 1489 г. С приложением жития Бориса и Глеба // РФВ, 1889, т. 21, кн. 1, с. 59—106.

Мин. (из собр. Дубровск.) — Миней служебная, июнь., РНБ, Дубровск., Ф. п. I. 36, XI в.

Мол. Дан. Заточ. — Моление Даниила Заточника, РГБ, ф. 310, № 195, в 4°.

Надпись на чаре кн. Вл. Давид. до 1151 г. — Надпись на серебряной чаре черниговского кн. Владимира Давыдовича, до 1151 г. Изд.: Опись Московской оружейной палаты. Ч. II, 1885, с. 233. Ср. Орлов 1952, № 20. Рыбаков 1964, № 24.

Надпись на кресте Ефросинии Полоцкой 1161 г. — Надписи на кресте Полоцкой княжны Ефросинии, 1161 г. Изд.: Толстой и Кондаков, вып. Рис. 208. Ср. Орлов 1952, № 18, Рыбаков 1964, № 27.

Новый завет митрополита Алексия — Чудовский Новый Завет XIV в., приписываемый митрополиту Алексию (утерян, сохранилось фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. — М., 1892).

- Пал. Колом.* 1406 г. — Палея Коломенская, 1406 г., РГБ, Тр. № 38 (ПС XV, № 11).
- Памятник Киевский* перв. пол. XVI в. — Помяник Киево-Печерской Лавры, XV—XVI вв. м.-р. Изд.: Голубов, Древний помяник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI в.). Чт. в Историческом обществе Нестора Летописца, 1892, кн. 6. Приложение.
- Панд. Ант.* XI в. — Пандекты Антиоха, XI в., ГИМ, Воскр., № 30. Изд.: Бодянский О.М. Пандект монаха Антиоха. По рукописи XI в., принадлежащей Воскресенскому монастырю. — М., 1913.
- Панд.* 1296 г. — Пандекты Никона Черногорца, 1296 г., ГИМ, Син., № 836.
- Парем.* 1271 г. — Паремейник, 1271 г., РНБ, Q. п. I, 13 (СК XI—XIII, № 181).
- Парем.* XII—XIII вв. — Паремейник, XII—XIII вв., РНБ, Соф. № 53, 1⁰, к. XIII в.
- Парем.* 1348 г. — Паремейник, 1348 г., РГАДА, ф. 381, № 52 (Тип., № 159/1).
- Пис. Петр. Вел.* — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I—XI. — СПб., 1887—1950.
- Патерик син.* XI в. — Синайский патерик, XI—XII вв., ГИМ, Син., № 551. Изд.: Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. 3 (СПб., 1879). Синайский патерик, XI—XII вв. Изд.: подгот. В.С. Гольщенко, В.Ф. Дубровина. Под ред. С.И. Коткова. — М., 1967.
- Повесть вр. лет по Лавр. сп.* XIV в. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Археограф. комис. СПб., 1872. Лаврентьевский список «Повести временных лет» // ПСРЛ. Т. 1. — Л., 1926.
- Посл. Новг. арх. Генн. м. Сим.* 1496—1504 г. — Послание Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону, 1496—1504 г. (сп. XVI в.). Изд.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1841.
- Поучения Аввы Дорофея* к. XIV в. — РНБ. Ф. п. I. 42.
- Поучение Вл. Мон. Лавр.* — Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. Изд.: ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Повесть временных лет, 2-е изд. — Л., 1926.
- Поучения Ефр. Сир.* XIII в. № 6, Ефр. Сир. XIV в. — Изд.: Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. 1. — СПб., 1867.
- Пр. Новгородский* 1262 г. — Пролог «Лобковский», сентябрьский, половины 1262 г., или 1282 г., ГИМ, Хлуд., № 187 (СК XI—XIII, № 177: 1262—1282).
- Пр. Новг.* 1356 г. — Пролог Новгородский, 1356 г., РГАДА, Тип., № 163 (Каталог XI—XIV, № 51).
- Пр. Псковский* 1383 г. — Пролог мартовской половины, 1383 г., РГАДА, ф. 381, № 172 (Тип. № 367).
- Пр.* XIV в. — Пролог, отрывки, месяцы декабрь, январь, февраль, БАН. 17. 11. 4. XIV в.
- Пр. Новгородский* 1432 г. — Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 3-е изд. — М., 1903.
- Пс. Евг.* XI в. — Евгеньевская псалтырь, XI в., РНБ, Погод., № 9; БАН. 4.5.7.
- Пс. Чуд.* XI в. — Чудовская псалтырь, XI в., ГИМ, Чуд., № 7. Изд.: Чудовская псалтырь XI в. — СПб., 1910.
- Пс. из собр Бычк.* XI в. — Бычковская псалтырь, XI в., РНБ, Q, п. I.73.
- Пс. Синайск.* — Северьянов С.Н. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. — Пг., 1922.

Пс. Болонск. — Болонская псалтырь, XII в. Описана: Срезневский И.И. Древние славянские памятники юсового письма. — СПб., 1868.

Пс. Толстовская XII в. — Толстовская псалтырь с толкованиями Афанасия. РНБ, Ф.п. I. 23. Изд.: Ягич И.В. Словенская Псалтырь. Psalterium Bononense. — Wien, 1907, с. 742—780.

Пс. 1270 г. — Псалтырь, Симоновская 1270—1280 гг. Изд.: Амфилохий. Древнеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года, части 1 и 2. — М., 1880-1881.

Пс. 1296 г. (зап.-рус.). — Псалтырь с покаянными молитвами княгини Марины, 1296 г., ГИМ, Син., № 235. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, сост. А.В. Горский и К.И. Невоструев. — М., 1855.

Пс. XIII в. — Псалтырь, XIII в., РНБ, Ф. п. I. 1.

Пс. Киевск. 1397 г. — Псалтырь Киевская, 1397 г., РНБ, ОЛДП, Ф. 6 (ПС XI—XIV, № 565).

Пс. XV в. (Погод. № 86). — Погодинская псалтырь, XV в., РНБ, Погод. № 86. Описана: Срезневский И.И. Древние славянские памятники юсового письма. — СПб., 1868, с. 52 и след.

Пс. XVI в. — Псалтырь, XVI в. Воскресенск. монаст. № 5.

Повесть об Азовском сидении XVII в. — Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. — М., 1906. XVII в. сп. XVII—XVIII вв. [сп. XVII в.: с. 51—68, 85—89, 96—116, 129—155, 170—182; сп. XVII—XVIII вв. 182—202, 224—236; сп. XVIII в.: с. 90—91].

Похвальное слово тверск. кн. Борису Александр. — Инока Фомы слово похвальное о благоверном в. кн. Борисе Александровиче. Сообщение Н.П. Лихачёва. — СПб., 1907 (ПДПИ, № 168). 1453 г., сп. вт. пол. XVI в.

Рук. Супр. — Северьянов С. Супрасльская рукопись. — СПб., 1904. Т. 1.

Русская правда — Русская правда (пространная редакция) по списку Новгородской кормчей 1282 г. Изд.: Карский Е.Ф. Русская правда по древнейшему списку. — Л., 1930; Правда Русская. I. Тексты / под ред. Б.Д. Грекова. — М.—Л., 1940.

Сб. Выг. к. XII в. — Сборник Выголексинский, к. XII в., РГБ, М., 1832 (СК XI—XIII, № 119). Изд. Выголексинский сборник. Изд. подгот. В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Голышенко; под. ред. С.И. Коткова. — М., 1977. XII в.

Сб. Усп. XII—XIII в. — Успенский сборник, XII—XIII вв., ГИМ, Усп. 4-п. Изд.: Успенский сборник конца XII — начала XIII в. Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон / под ред. С.И. Коткова. — М., 1971.

Сб. Толст. XIII в. — Толстовский сборник, XIII в., РНБ, Q.п. I, 18.

Сб. Сильвестр. XIV в. — Сильвестровский сборник, XIV в., РГАДА, ф. 381, № 53.

Сб. Псковск. конца XIV в. (соф.) — Сборник, конец XIV в., РНБ, Соф. №. 1262.

Сб. Увар. XIV в. — Сборник, XIV в., ГИМ, Увар., № 589, 1^о.

Сб. Паис. XIV—XV вв. — Паисиевский сборник, к. XIV — н. XV в., РНБ, Кир.-Белоз., № 4/1081.

Сб. 1422 г. — Колесов В.В. Новый $\frac{1}{2}$ в рукописях новгородского происхождения // Вестник Ленингр. ун-та. — Л., 1961, № 14, с. 130—141.

Сб. белор. XV в. — РНБ. № 391. Роланов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. I—VI. — Киев — Витебск — Могилев, 1886—1901.

Сб. XV в. (Погод.) — Сборник, XV в., РНБ, Погод. № 872 (ПС XV, с. 373, № 64).

Сб. 1540 г. — Сборник Чудовский, 1540 г., ГИМ, Чуд. № 264.

Сб. XVI в. (сев.-вел.) — Сборник, XVI в., РНБ, Соф. № 1448.

Сб. XVI в. — Сборник, XVI в., РНБ, Соф. № 1464.

Сб. Конш. XVI в. — Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. — Пг., 1923.

Сб. XVI—XVII в. (Св. и Зам. № XL) — Изд.: Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. 1 (СПб., 1867), Т. 2 (СПб., 1876), Т. 3 (СПб., 1879), Т. 4 (СПб., 1880).

Сб. Синайский 1296 г. — Псалтырь, 1296 г. Синодального собрания.

Слова Ефр. Сирина 1492 г. — Погодинский список поучений Ефрема Сирина (РНБ, Погод., № 71), ю.-р. (волынский). По мн. Срезневского (Св. и зам.), Карского (Очерк) и Шахматова (Очерк). — Около 1288 г., по мнению Соболевского (Очерки), — список 1492 г. с оригинала конца XIII в.

Сл. Ип. об Антихристе XII в. — Слово Ипполита Римского об Антихристе, к. XII в., ГИМ, Чуд. 12 (СК XI—XIII, № 129).

Слово о полку Игореве — Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1980.

Службеник Шерем. XIV в. — Шереметьевский требник, XVI в., РНБ, Соф. № 122 (собр. гр. Шереметьева).

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича — Уложение царя Алексея Михайловича (старопечатная книга). — М., 1649. Изд. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. — Л., 1987.

Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в. — Судебник в книге Иоанна Васильевича 1497 г., А. И. I, 148—156, сп. XVI в. (археологический ин-т). Изд. Судебники XV—XVI веков / подгот. текста Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина. — М.—Л., 1952, с. 19—34. Сп. к. XV — н. XVI в.

Суд. Фед. Ив. 1589 г. — Судебники XV—XVI веков / подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина. — М.—Л., 1952.

Ст. 1157 г. — Стихирарь, 1157 г., ГИМ, Син. № 589 (СК XI—XIII, № 100).

Тр. XIV в. (акающий) — Требник, XIV в., РНБ, Погод., № 75^а.

Тр. п. 1589 г. — Требник. БАН. Арх. д., № 72, вт. пол. XVI в.

Тр. синайский — Евхологий синайский. Хран.: м-рь св. Екатерины на Синае; два л. — РНБ, Глаг. 2, третий л. — БАН, 24. 4. 8.

Тр. XIV в. — Требник, XIV в., РГБ, собр. Тр.-Серг. № 229.

Триодь XII в. — Триодь постная, XII в., ГИМ, Син. № 319 (СК XI—XIII, № 106).

Триодь Моисея Киянина к. XII — н. XIII в. — Триодь постная и цветная (Триодь Моисея Киянина) к. XII — н. XIII в., РГАДА, Тип. № 137 (СК XI—XIII, № 170).

Триодь 1311 г. — Триодь цветная, 1311 г., ГИМ, Син., № 896.

Триодь XIII в. — Триодь постная, XIII в., ГИМ, Син. № 8.

Триодь постная 1589 г. — Триодь постная 1589 г. (старопечатная книга). — М., 1589.

Устав XI в. (Студ.) — Ищенко Д.С. Устав Студийский по списку XII в. (фрагменты) // Источники по истории русского языка / под ред. С.И. Коткова, В.Я. Дерягина. — М., 1976, с. 114—130. XI в., сп. 70-х г. XII в.

Учение ратного строения — Вальгаузен. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. — М., 1647. [нем.: Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim, 1615].

Х. Афон. Никит. — Хожение за три моря Афонасия Никитина 1466—1472 гг. — 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. акад. Б.Д. Грекова и В.П. Андриановой-Перетц. — М.—Л., 1958, сп. к. XV — н. XVI в., XVII в.

Хронограф Монахи XIV в. — Хронограф, XIV в., РНБ, Тр.-Серг., № 728.

Хронограф XVI в. — Хронограф (рукописи XVI–XVII вв.). Изд. Общество любителей древней письменности. — СПб., 1888.

Художественная литература

1. *Аксаков К.* Полное собрание сочинений. — М., 1861.
2. *Баратынский Е.А.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1894.
3. *Барсов Е.В.* Причитания Северного края. Собр. Е.В. Барсова. — Изд. при содействии Общества любителей российской словесности. — М., 1872. — Ч. 1; 1882. — Ч. 2; 1886. — Ч. 3.
4. *Батюшков К.Н.* Сочинения, по изд. Смирдина : в 2 ч. — СПб., 1850.
5. *Белинский В.Г.* Избранные сочинения : в 2 т. — СПб., 1898.
6. *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. — СПб., 1835–1838. — Кн. 1–2.
7. *Бестужев-Марлинский А.А.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1838–1839.
8. *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений. — Пг., 1915.
9. *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. — Пг., 1915.
10. *Горький М.* Детство. — Пг.: Жизнь и знание, 1913.
11. *Грибоедов А.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1860.
12. *Державин Г.Р.* Сочинения. — СПб., 1808–1816. — Ч. 1–5.
13. *Ершов П.П.* Конёк-Горбунок. Русская сказка. Соч. П. Ершова : в 3 ч. — СПб., 1834.
14. *Живописец.* Периодическое сочинение Н. Новикова, — 1-е изд. 1722 — 4-е изд. 1781.
15. *Жуковский В.А.* Сочинения. — СПб., 1849.
16. *Измайлов А.Е.* Сочинения. — СПб., 1849. — Т. 1–2.
17. *Карамзин Н.М.* Письма Н.М. Карамзина к брату его Василию Михайловичу Карамзину. — СПб., 1894. — Отт. из: Записки Императорской Академии наук, 1894. — Т. 75. — Кн. 1. — С. 91–95.
18. *Крылов И.* Басни Ивана Крылова : в 8 кн. — Новое изд., вновь испр. и умноженное. — СПб., 1830.
19. *Левшин В.* Нравоучительные басни и притчи. Сочинения Василия Левшина. — М., 1787.
20. *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений. — М., 1891.
21. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений Михайло Васильевича Ломоносова. — СПб., 1784–1787. — Ч. 1–6.
22. *Майков Василий.* Нравоучительные басни. — М., 1766–1767. — Ч. 1–2.
23. *Маяковский В.В.* Собрание сочинений. — М.-Л., 1928–1933.
24. *Нелединский-Мелецкий Ю.А.* Стихотворения. — СПб., 1876.
25. *Островский А.* Александр Николаевич Островский и его сочинения. — М., 1883.
26. *Пословицы XVII в. Симони* — Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий // Сб. ОРЯС. — Т. 66. — № 7. — СПб., 1899.
27. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. — 2-е изд. — СПб., 1869–1871. — Т. 1–6.
28. *Радищев А.Н.* Сочинения. — М., 1811.
29. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1891.
30. *Северянин И.В.* Собрание поэм. — М., 1915.
31. *Станкевич А.В.* Сочинения. Т.Н. Грановский и его переписка. — М., 1869.

32. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. — М., 1781—1787.
33. *Тепляков В.Г.* Стихотворения : в 2 т. — М., 1832—1836.
34. *Толстой А.К.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1914.
35. *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского. — СПб., 1752. — Т. 1—2. Также: Сочинения Тредиаковского. — СПб., 1849. Т. 1—3. Также: Собрание сочинений русских баснописцев В. Тредиаковского и др. — СПб., 1893.
36. *Тургенев А.И.* Александр Иванович Тургенев в его письмах. 1827—1847 гг. — Отг. из «Русская старина». — Т. 31, 1881, июнь, с. 186—206; Т. 32, 1882, окт., с. 337—350; Т. 33, 1882, апр., с. 117—194; Т. 34, 1882, май, с. 143—464.
37. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1883.
38. *Фонвизин Д.И.* Полное собрание сочинений Д.И. Фонъ-Визина. — М., 1830. — Ч. 1—3.
39. *Херасков М.* Творения М. Хераскова. — Вновь испр. и доп.— М., 1796—1803. — Ч. 1—2.
40. *Щербина Н.Ф.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1873.
41. *Языков Н.М.* Стихотворения. — СПб., 1833.